МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КУЗНЕЦКИЙ ИНСТИТУТ ИНФОРМАЦИОННЫХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
(филиал Пензенского государственного университета)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ В РОССИИ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНО – ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ВЫПУСК 3

Кузнецк 2005 г.

Материалы межвузовской научно – практической конференции «Актуальные проблемы науки в России» – Кузнецк 2005 г.

Печатается по решению Ученого совета Кузнецкого института информационных и управленческих технологий
Протокол № 3. от 26 декабря 2005 г.

Оргкомитет конференции:

В.А. Плоткин председатель оргкомитета конференции, кандидат исторических наук, директор КИИУТ.

И.Н. Камардин сопредседатель оргкомитета конференции, ответственный за проведение конференции, ответственный редактор, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой СЭ и ГД КИИУТ.

В.Г. Андреев кандидат технических наук, зав. кафедрой ЕН и ТД КИИУТ.

С.А. Шмачков зам. директора КИИУТ.

И.В. Евдокимова ведущий экономист КИИУТ.

Рецензенты:

В.В. Гошуляк доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, декан исторического факультета ПГПУ им В.Г. Белинского.

М.А. Щербаков доктор технических наук, профессор, проректор по научной работе ПГУ.

Статьи печатаются в авторской редакции

В сборнике помещены материалы межвузовской научно – практической конференции «Актуальные проблемы науки в России», которая проходила 20 мая 2005 года в Кузнецком институте информационных и управленческих тех- нологий. Рекомендуется научным работникам, преподавателям высших и средних учебных заведений, аспирантам, студентам.

© Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий, 2005

СЕКЦИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

РАЗДЕЛ – ФИЛОСОФИЯ

Внутских А.Ю.
ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ КОНКУРЕНЦИЯ:
КАК ОНИ СВЯЗАНЫ? ……...……. 11

Ефимова И.А.
ФЕНОМЕН БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ….... 13

Иващенко И.А., Левова Г.А.
ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ЦЕННОСТЕЙ……. 17

Иващенко И.А., Соловьева Е.В.
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА МЕНЕДЖЕРОВ……..…...…….. 20

Канеева Г.К., Сафонова Е.А.
ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛЮБВИ……..... 22

Кардинская С.В.
КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ:
ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ……..… 28

Киюта В.А.
СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА……..…...….. 32

Климов В.Г.
ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАК ОСНОВА
ПРОГРЕССА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ……..…….. 38

Корсунская Л.Г.
ЧЕЛОВЕК В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ…… 42

Морозов И.Л.
ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА – В ПОИСКАХ
ГРАНИ МЕЖДУ УГРОЗОЙ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОБЪЕКТОМ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СПЕКУЛЯЦИЙ СО СТОРОНЫ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ……. 46

Побережный А.А.
КОНСТРУКТИВИЗМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ…… 51

Солдаткина О. А., Сафонова Е.А.
СЧАСТЬЕ И СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ФЕЙЕРБАХА…..… 54

Этлис М.М.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКОВЕДЕНИЯ……..…..…. 57

РАЗДЕЛ – СОЦИОЛОГИЯ

Абрамов В.Н.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С РЕГИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ ИЗОЛИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ (ОПЫТ АЛАНСКОЙ АВТОНОМИИ)……..…… 59

Балабанова В.А.
К ВОПРОСУ О ПАТРИАРХАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ……..……..…..... 64

Гурба В.Н.
СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ……..... 67

Золотарева Н.В.
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВАКУУМ: ПОПЫТКА МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ ИЛИ ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ? ……..….. 71

Картушина Е.Н.
УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БУДУЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ……...….. 74

Клюева Т.А.
УПРАВЛЕНИЕ ЗАНЯТОСТЬЮ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ……..… 75

Кузнецова А.Р.
РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ……..……. 78

Кузнецова А.Р.
РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО СЕЛА……...…… 82

Мухамеджанова В.Ф.
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РАЗНОЭТНИЧЕСКОЙ СЕМЬИ……...…..….. 84

Овсянникова Н.А.
ПОТЕНЦИАЛ ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
НА ЛИЧНОСТЬ В РЕАЛЬНОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ…..……...…. 89

Соколова О.И.
АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРОЙ ВУЗА……...……. 92

Филатова О.Г.
МАРГИНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД…… 98

Шумилов А.В.
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
(ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРИОДИЗАЦИИ)……...……..…. 101

Янко С.Н.
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ……. 104

РАЗДЕЛ – ИСТОРИЯ

Анохина И.А.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА
ПО ОТНОШЕНИЮ К ТАТАРАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В КОНЦЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ…… 107

Васильченко О.А.
КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ…….. 110

Владыкина О.Ю.
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)……..…….. 113

Гарбуз Г.В.
I ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ ПОВОЛЖЬЯ……..……. 117

Гуляев Р.А.
СОЮЗЫ КРЕДИТНЫХ КООПЕРАТИВОВ
ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914 – 1916 гг.…….……..…… 121

Захарова Т.А.
У ИСТОКОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕНЗЕНСКОГО
ГУБСТАТКОМИТЕТА 40 – 60-Е гг. XIX ВЕКА……..……..…..…….. 125

Зелёв М.В.
ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ
СССР В 1928 – 1941 гг.……..…….. 129

Камардин И.Н.
ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ РАБОЧИХ В ПЕРИОД НЭПА
(НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)…….…… 135

Кузнецов О.Н.
ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ЦЧР
И ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД…… 138

Мавлюдов И.Н.
ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ОБЛАСТИ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-Х ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ). 143

Матвеев Д.М.
ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТЕ «ЗА НАУКУ В СИБИРИ»
ПО ИСТОРИИ ТОМСКОГО ФИЛИАЛА СИБИРСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР (1970 – 1985 гг.)……... 145

Медовый А.Е.
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА…..… 151

Новинская Т.Ю.
К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ 1947 ГОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)……. 158

Пантелеева Н.Н.
К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ОТДЕЛОВ ЗАГС
В ВЕРХНЕДОНСКИХ ОКРУГАХ
(В РАМКАХ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГОДОВ)…… 161

Паршина В.Н.
ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА..……... 166

Плоткин В.А.
ИССЛЕДОВАНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА И СТАРОРУССКОГО СЕКТАНТСТВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ОКТЯБРЬ 1917 – 1991 гг.)…..…. 168

Подлужная А.М.
СВОБОДА СЛОВА В РОССИИ В 1907 – 1914 гг.: ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ПОТРЕБНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ…..…. 173

Сергеев В. В.
ИЗ ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ КУЗНЕЦКОГО КРАЯ В 18 ВЕКЕ……...……. 175

Синелобова И.В.
ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ПЕНЗЕНСКОМ КРАЕ В 1930-Е ГОДЫ…… 181

Сухова О.А.
ЦЕРКОВЬ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА……..……..… 183

Уразова С.А.
ПОЛИТИКА ЗАРПЛАТЫ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НЭПА……..…. 186

Шарошкин Н.А., Кузьмина Т.Н.
ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ 1933-1937 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)……..……... 189

Юрьева Е.С.
К ВОПРОСУ О РОЛИ ЗЕМСКИХ УПРАВИТЕЛЕЙ В УПРАВЛЕНИИ ПРИПИСНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО (АЛТАЙСКОГО) ГОРНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА. 194

Ягов О.В.
ЗЕМСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)……..….. 199

РАЗДЕЛ – ФИЛОЛОГИЯ

Абанина Л.М.
ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛИНГВОЭТНИЧЕСКОГО БАРЬЕРА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ……..……. 201

Будилович О.В.
ОБУЧЕНИЕ РЕЦЕПТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ – ОСНОВА
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ? ……..…….. 205

Воловикова М.Л.
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ШВЕЙЦАРСКОГО МУЛЬТИЛИНГВИЗМА:
СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И БУДУЩИЕ ПРИОРИТЕТЫ……..… 207

Гусева О.А.
К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ АРГУМЕНТАЦИИ
СУБЪЕКТА ВЛАСТИ……..…….. 210

Дудович Д.Л.
ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ……. 217

Живова Ж.В.
МЕСТО КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ……..……. 219

Калюжный Р.Г.
ОРГАНИЗОВАННАЯ РЕЛИГИЯ И КРИТЕРИИ
РЕЛИГИОЗНОГО НАСИЛИЯ……...….. 223

Климов А.Н.
РАЗЛОЖЕНИЕ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ПРОЦЕССА
НОМИНАЛИЗАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ……..…… 228

Кутарба А.Ю.
СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА…… 232

Лукинова Е. М.
ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ В ИСКУССТВЕ И
ЛИТЕРАТУРЕ ГЕРМАНИИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА……... 238

Низамова А.Э.
ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА
С ПОМОЩЬЮ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)….. 241

Панкратова М.Н.
«ПЕЙЗАЖ В СОЗНАНИИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО…..... 246

Сафонова Е.В.
ТЕРМИНОЛОГИЯ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ АРАБСКОГО ЯЗЫКА
(К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ТЕРМИНА)…….. 252

Селеменева О. А.
К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ СХЕМЕ «ГДЕ ПАХНЕТ ЧЕМ»……...….. 257

Тарасова Л.А.
СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИЦИТНОСТЬ
В СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ НЕОЛОГИЗМАХ…….. 262

Фролова М.В.
АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА КАК ИДИОСТИЛЯ……..….. 266

Цепляева Л.В.
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ДВУЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ…… 270

Шестакова Е.Ю.
КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В ПРОЗЕ В.БЫКОВА И В.СЕМИНА……..….. 273

Шешнева Т.Н.
ПОНЯТИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА……... 278

Шмачков С.А.
НЕУЗУАЛЬНОЕ СЛОВОБРАЗОВАНИЕ В СТУДЕНЧЕСКОМ ЖАРГОНЕ... 279

Щербаков В.В.
ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ УЧАЩИХСЯ О ЛИЧНОСТИ
АВТОРА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ……..…. 281

РАЗДЕЛ – ФИЛОСОФИЯ

А.Ю. Внутских (г. Пермь, ПГУ)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: КАК ОНИ СВЯЗАНЫ?

Известно, что идея *повышения конкурентоспособности страны* была заявлена Президентом В.В. Путиным в качестве *национальной идеи*: «человек должен быть конкурентоспособным, город, деревня, отрасль производства и вся страна» [1]. Вместе с тем, одним из приоритетов государственной политики остается формирование в России *установок толерантного сознания*. На первый взгляд стратегии толерантного и конкурентного поведения кажутся исключающими друг друга. В связи с этим кажется небезынтересным исследование объективных оснований, общей природы и перспектив развития феноменов толерантности и конкуренции. На наш взгляд, такого рода исследования могут быть весьма полезными при разработке новых социально-политических технологий и их практическом применении в такой многоукладной, многонациональной, многоконфессиональной стране, какой является Россия.

Принципиально важно, что феномены толерантности и конкуренции существуют в «системе координат», заданных *отношениями сходства и различия.* На наш взгляд, различие и сходство в природе и обществе, в конечном счете, базируются на различиях и сходстве соответствующих систем и их элементов по *сложности.* Начнем с определений. *Конкуренция* – это состязание в рамках данной системы сходных элементов, которые по причине сходства преследуют одну «цель», в силу законов системы достижимую лишь для одной или немногих из множества элементов [2]. Понятие «цель» может применяться иносказательно (например, при изучении объективных процессов), как синоним *направленности, тенденции,* которая выражается в способе развития (одинаковом у элементов близких по сложности в данном отношении). Подразумевается, что *чем более сходными* являются элементы, *тем более ожесточенной, антагонистической будет конкуренция* между ними. Поэтому *усложнение*, приводящее к росту многообразия в ходе развития, есть единственный для соревнующихся элементов способ преодолеть наиболее антагонистические формы конкуренции на пути становления собственной уникальности, «непохожести» на другие. В качестве предварительного определения *толерантности* используем приведенное в оксфордском словаре – это терпимость к поведению, отличному от собственного. Однако следует согласиться с В.А. Лекторским, что «терпимость» может подразумевать и безразличие, и невозможность взаимопонимания, и снисхождение [3]. Подлинная же толерантность (более совершенная форма ее развития) может быть определена как *расширение собственного опыта, взаимовыгодный критический диалог.* Таким образом, развитая толерантность неразрывно связана с гармоничным взаимным дополнением в рамках общественной системы существенно различающихся элементов, которые по причине различий

преследуют разные «цели», в силу законов системы достижимые лишь для всех элементов вместе; существенно различающиеся элементы *делают друг друга условиями продолжения собственного развития.* Как показывает практика, конкуренция и гармоничные взаимодействия не исключают друг друга, а существуют как диалектические противоположности в рамках некоего единого процесса. Ведь очевидно, что любые взаимодействующие индивиды и социальные группы в одних отношениях являются сходными – и постольку конкурируют, а в других являются различными – и постольку более или менее гармонично дополняют друг друга. Различие и сходство имеют объективное основание – разную выраженность, *сложность* тех или иных характеристик. Однако человек обладает *свободным выбором* – в той мере, в которой он познает и использует в своих целях природные и общественные законы он *производит себя сам*. Следовательно, общество может выступать как *субъект свободного выбора*, определяющий условия собственного дальнейшего развития, управляющий соотношением конкурентных и гармоничных взаимодействий в интересах каждого индивида и общества в целом.

Однако в современном обществе социальные взаимодействия складываются в основном по модели *вынужденной антагонистической конкуренции* в условиях прессинга отчужденной социальной среды. Например, современная рыночная конкуренция принудительна по своей сущности, ибо ее правила *навязаны* объективной реальностью рынка – экономические агенты в таких условиях *не могут не конкурировать определенным образом.* Соответственно и *толерантность* в таких условиях нередко существует в ограниченной форме *терпимости-безразличия, непонимания, снисхождения* к иному или в форме узкой *«внутрикорпоративной» толерантности* («против кого дружим?»). Такая «толерантность» заканчивается там, где начинается конкуренция. Важно подчеркнуть, что антагонистическая конкуренция провоцируется *сходством* взаимодействующих индивидов и их групп. Выражаясь языком Г. Маркузе, можно сказать, что *конкурируют «одномерные субъекты»* [4], ибо их способы развития, их «требования к среде» *объективно совпадают.* Парадоксальным образом это сходство нередко «маскируется» в сознании конкурирующих сторон убежденностью в принципиальных различиях «наших» и «не наших» – разумеется, при негативном восприятии *частных, второстепенных* особенностей «не наших» и всяческом их подчеркивании (например, это четко проявляется в межнациональных и межэтнических конфликтах).

На наш взгляд, ситуация изменится, если определяющей тенденцией общественного развития станет не «конкурентное исключение», основанное на стихийных «одномерных» взаимодействиях элементов социума через их *сходные стороны*, а *сознательное развитие* их объективно существующих *уникальных черт*. Речь идет не о каких-то второстепенных чертах, а о тех специфических особенностях, которые можно рассматривать как «маркеры» *общих, «генеральных» возможностей прогрессивного развития индивидов и социальных групп.* Предположим, что выявление и реализация таких возможностей может стать и основой для *более совершенной формы толерантности.* Толерантное поведение должно следовать из осознания каждым членом общества того факта, что знание и уважение уникальных особенностей другого, а также готовность оказать действенную помощь в их

развитии представляют собой необходимое условие его собственного развития. Возможно, что социально-экономическим основанием таких изменений может стать дальнейшее развитие *постиндустриального общества*. Действительно, эта новая социальная реальность связана, во-первых, с постепенным *превращением антагонистической конкуренции в инновационное соревнование*, которое способствует развитию уникальных высокотехнологичных производств. Дело в том, что далеко зашедшая конкуренция для высокотехнологичных фирм опасна, ибо она разрушает уникальность товаров и услуг в глазах потребителя, быстро снижая их инновационную стоимость и цену. Во-вторых, постиндустриализм неразрывно связан с сильным и высокопрофессиональным государством, обеспечивающим известную гармонизацию взаимодействий в сообществах производителей и потребителей, которые, делая друг друга условиями собственного дальнейшего развития, решают общезначимые социальные задачи. В таких сообществах *труд приобретает непосредственно общественный характер*, а это открывает перспективы преодоления социального отчуждения [5].

Примечания

1. Ответы Владимира Путина на вопросы во время встречи с доверенными лицами // Комсомольская правда. - 2004. - 20 февраля.

2.О конкуренции как проявлении всеобщего эволюционного механизма см., например: Внутских А.Ю. Отбор в природе и обществе: сходства и различия // Новые идеи в философии. - Пермь, 2004. - Вып. 13. - Т. 1; Трубников Б.А. Закон распределения конкурентов //Природа. - 1993. - № 11; Эбелинг В., Энгель А., Файстель Р. Физика процессов эволюции. - М., 2001. - С. 143.

3.Лекторский В.А. О толерантности //Философские науки. - 1997. - № 3-4. - С.15.

4.Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. - М., 2002. - С. 267 – 275.

5.См., например: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. - М., 1999; Костюк В.Н. Теория эволюции и социоэкономические процессы. - М., 2001. - С. 77 – 81, 124 – 127; Орлов В.В. Будущее России. Стратегия развития // Новые идеи в философии. - Пермь, 2005. - Вып. 14. - Т. 1.

И.А. Ефимова (г. Пенза, МОСУ)

ФЕНОМЕН БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

Бессознательное – это категория философии и психологии, получившая весьма противоречивое толкование. Оно понимается как совокупность активных психических образований, состояний, процессов, механизмов, операций и действий человека, неосознаваемых им без применения специальных методов; самая обширная и наиболее содержательная часть (система, сфера, область, инстанция) психики человека; форма психического отражения, образование, содержание и функциони-

рование которой не является предметом специальной вненаучной рефлексии; состояние человека, характеризующееся отсутствием сознания.

Изучения феномена бессознательного уходит в глубокую древность, его признавали в своей практике врачеватели самых ранних цивилизаций. Уже в философии Фалеса наблюдается разграничение души и тела: душа наделяется свойством разумности, в то время как тело не обладает им. Для Платона признание существования бессознательного послужило основой для создания теории познания, построенной на воспроизведении того, что есть в недрах психики человека [1].

В философии Нового времени Декартом была основана традиция, которая связала сферу духовного, психического исключительно с сознанием. Концепция бессознательного впервые была четко сформулирована Лейбницем в работе «Монадология» в 1720 г., трактовавшим бессознательное как низшую форму душевной деятельности, лежащую за порогом осознанных представлений, возвышающихся, подобно островкам, над океаном темных перцепций (восприятий) [2]. Первую попытку материалистического объяснения бессознательного предпринял Гартли, связавший бессознательное с деятельностью нервной системы. Важной вехой в развитии идеи бессознательного была натурфилософия Шеллинга, в которой оно трактовалось гилозоистически – как присущий природе «дремлющий дух», просыпающийся полностью лишь в человечестве [3].

И.Кант соединяет бессознательное с проблемой интуиции, вопросом о чувственном познании. Бессознательное - это темное представление в человеке, число которых безгранично. На огромной карте нашего духа «освещены только немногие пункты, это обстоятельство может возбуждать удивление перед нашим собственным существом; ведь если бы некая высшая сила сказала: да будет свет!, то без малейшего содействия с нашей стороны перед нашими глазами открылось бы как бы пол мира» [4].

В противоположность принципам рационализма представители теории романтизма развивали идею бессознательного как глубинного источника, прежде всего, художественного творчества. А.Шопенгауэр, например, выдвинул иррационалистическую концепцию бессознательного, рассматривая его как волю в природе, источник жизни стихийное жизненное начало, которому противостоит беспомощное сознание. Ф.Ницше считает сознание человека индифферентным, оно может вообще исчезнуть, уступить место полнейшему автоматизму, ибо по отношению к бессознательному сознание играет вторичную роль. Продолжателем иррационалистического подхода выступил Э.Гартман, который признавал основой всего существующего бессознательное духовное начало, образующее абсолютное единство воли и идеи. Он положил в основу своей философии биологизированное понятие бессознательного, трактуемое им как «жизненная сила», проявляющаяся в инстинкте, открывающаяся в чувствах, характере, создающая язык и религию, вдохновляющая поэтов и художников, совершающая великие открытия в науке и направляющая всемирно-исторический процесс. По его мнению, бессознательное незаметно управляет человеческим разумом [5]. В то же время возникают и другие подходы к бессознательному. Так, у Гербарта, Фехнера и Вундта бессознательное – это досознательное психическое, которое потенциально способно войти в сферу

сознания, ибо отличается от него лишь количественно. Несколько отличной от них является точка зрения Гельмгольца, выдвинувшего концепцию «бессознательных умозаключений», под которыми подразумевался скрытый от сознания синтез ощущений [6].

Решаемая на философском уровне проблема содержания психической реальности четко выявила полярные позиции, занимаемые различными теоретиками: традиционную точку зрения, согласно которой в содержании психики нет ничего, чего не было бы в сознании, и точку зрения, признающую, что в психике человека имеется сфера бессознательного, которая по своим масштабам значительно превосходит область сознательного. Во второй половине XIX века эта проблема широко изучалась философами, чем к началу XX столетия была подготовлена почва для возникновения психоанализа, поставившего проблему бессознательного в центр своих теоретических и практических изысканий.

Психоанализ оформился на рубеже XIX и XX столетий, когда намечалась ломка традиционных представлений о психической жизни человека, методах и границах познания психической реальности ставшей объектом пристального внимания и споров философов, психологов, физиологов, неврологов. В его становлении важные результаты были получены З.Фрейдом, создавшим идеи о психоидном, личном и коллективном бессознательном; Дж.Морено, разработавшим концепцию «общего бессознательного» и Э. Фроммом, развивающим идеи о «социальном бессознательном». Совокупность этих психоаналитически ориентированных идей и концепций даёт определенное представление о природе и сущности бессознательного, его проявлениях на индивидуальном, групповом и социальных уровнях.

По З.Фрейду бессознательное - это психические процессы, которые проявляются активно и в тоже время не доходят до сознания переживающего их лица; основная и наиболее содержательная система психики человека, регулирующаяся принципом удовольствия и включающая в себя различные врожденные и вытесненные элементы, влечения, импульсы, желания, мотивы, установки, стремления, комплексы и др., характеризующееся неосознаваемостью, сексуальностью, асоциальностью. В бессознательном идет постоянная борьба Эроса (влечений и сил жизни, сексуальности и самосохранения) и Танатоса (влечений и сил смерти, деструкции и агрессии), использующих энергию сексуального влечения (либидо). Согласно психоаналитическому учению, содержание бессознательного включает в себя:

1)содержание, которое никогда не присутствовало в сознании индивида;

2)содержание, которое присутствовало в сознании, но было вытеснено из него.

Принимая бессознательное и его содержание в качестве источников неврозов и личностных конфликтов, З.Фрейд создал психоаналитическую терапию, ориентированную на осознание бессознательного и излечение пациентов через осознание бессознательного (вытесненного). Трактуя бессознательное, как «истинно-реальное психическое» и подчеркивая, что «все душевные процессы по существу бессознательные», он вместе с тем обращал особое внимание на борьбу бессознательного и сознательного как одну из атрибутивных и базисных основ психической деятельности и поведения человека [7]. Корректное определение бессознательного, иссле-

дование психического, создание учения о бессознательном и внедрение представлений о нём в психологию и другие науки - выдающиеся достижения З.Фрейда, влияние и значение которых трудно переоценить.

В аналитической психологии К.Юнга бессознательное состоит из трех слоев:

1) «личностного бессознательного» - поверхностного слоя бессознательного, включающего в себя преимущественно окрашенные эмоционально представления и комплексы, образующие душевную, интимную жизнь личности;

2) «коллективного бессознательного» - врожденного глубокого слоя бессознательного, общего центра и ядра психики, имеющего не индивидуальную, а всеобщую природу, репрезентирующего опыт предшествующих поколений людей и включающего в себя сверхличное универсальное содержание и образцы, выступающие в качестве всеобщего основания душевной жизни, т.е. архетипы - наследуемые всеобщие образцы, символы, стереотипы психической деятельности и поведения;

3) «психоидного бессознательного» - наиболее фундаментального уровня бессознательного, обладающего свойствами общения с органическим миром и относительно нейтральным характером, в силу чего оно, не будучи полностью ни психическим, ни физиологическим, практически полностью недоступно сознанию.

По Дж. Морено важным основанием и механизмом общения и взаимодействия людей является «общее бессознательное», возникающее при продолжительном контакте между партнерами и содействующее снятию интерперсональных ролевых контактов. По мнению Э. Фромма значительную роль в организации человеческой жизнедеятельности играет «социальное бессознательное», являющее собой «вытесненные сферы» и содержащие то, что данное «общество не может позволить своим членам довести до сознания». Непосредственные и опосредованные действия индивидуального, коллективного и социального бессознательного, проявляются в диапазоне от элементарных психических актов до творчества и оказывают влияние на все стороны жизни в норме и патологии.

В современной психологии выделяют несколько проявлений бессознательного:

1)неосознаваемые побудители деятельности (мотивы и установки);

2)неосознаваемые механизмы и регуляторы деятельности, обеспечивающие её автоматический характер (стереотипы);

3)неосознаваемые субсенсорные (подпороговые) процессы и механизмы (восприятие);

4)неосознаваемые социальные программы (ценности, установки, нормы).

В психоанализе и постфрейдизме в качестве основных методов познания бессознательного используются: метод свободных ассоциаций, анализ сновидений, анализ ошибочных действий в повседневной жизни, исследований мифов, сказок, фантазий, символов [8]. Вместе с тем, существующая фрагментарность представлений о бессознательном и весьма значительная роль этой проблемы дают основание полагать, что создание современной общей теории психического бессознательного, является одной из наиболее актуальных задач теоретической психологии.

Примечания

1. Всемирная энциклопедия: Философия. / Под редакцией А.А. Грицанова. – М: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 107.
2. Руденко В.И. Рефераты по философии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – С. 101.
3. Краткий философский словарь. /Под редакцией А.П. Алексеева. – М.: Проспект, 1999. – С.30.
4. Кант И. Сочинения. - Т.6 – М., 1966. – С. 366; Кононович Л.Г, Медведева Г.И. Философия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 576 с.
5. Спиркин А.Г. Философия. – М.: Гардарики, 2001. – С. 392-394.
6. Краткий философский словарь. /Под редакцией А.П. Алексеева. – М.: Проспект, 1999. – С.30.
7. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М., 1991.; Фрейд З. Основные психоаналитические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. – СПб, 1999.; Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1992.
8. Лейбин В.М. Психоанализ и философия неофрейдизма. - М., 1977.; Руткевич А.М. Психоанализ. - М.,1997.

И.А. Иващенко, Г.А. Левова (г. Пенза, ПГУ)

ОСОБЕННОСТИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ЦЕННОСТЕЙ

Понятие «ценность» не имеет единого определения в социальных науках. Существует множество теоретических подходов в соответствии с областью, функциями, предметом и научной дисциплиной.

«Ценность – свойство общественного предмета удовлетворять определенным потребностям социального субъекта (человека, группы людей, общества); историческое значение для общества и личностный смысл для человека определенных явлений действительности. Истоки ценностных отношений в социальном характере деятельности людей. Критерии оценки тех или иных явлений носят исторический характер. Ценности служат важным фактором социальной регуляции поведения людей и их отношений.» [1;609].

Рассмотрение ценностной проблематики необходимо осуществлять на основе системного подхода, учитывая философский, теоретический социологический и эмпирический социологический подходы, в рамках каждого из которых освещается определенная грань феномена ценность.

Впервые научный интерес к изучению ценностей возник именно в рамках философии. В 60-е годы XIX века категория ценности была введена немецким философом Р.Г. Лотце. Среди зарубежных философов, изучающих ценности, наиболее влиятельными являются сторонники объективно-абсолютистской и субъективно-

релятивистской концепций, которые отстаивают две диаметрально противоположные точки зрения на сущность и природу ценности.

Объективно-абсолютистская концепция наиболее четко выражена немецкими философами, представители баденской школы неокантианства - Виндельбандом В. и Г. Риккертом.

Неокантианцы трактуют природу ценности как трансцендентную реальному миру, относящуюся к области идеальных сущностей. Происхождение феномена ценности не связывается с реальностью. Это явление определяется как априорно существующее и потому не доступное для понимания в пределах человеческого бытия.

Диаметрально противоположной позиции придерживаются сторонники субъективно-релятивистских концепции. Наибольшую разработанность она получила в работах американских философов, сторонников натурализма или психологизма в аксиологии - Р.Б. Перри и Д. Дьюи.

Суть этого взгляда состоит в отрицании логического различия между познавательной и оценивающей деятельностью. Путь к истине и путь к ценности с этой точки зрения - это один и тот же путь; истина и ценность совпадают. Сторонники натурализма в психологии погружают ценности в сам опыт, рассматривают их как нечто, вырастающее из опыта и имеющее значение только в нем и для него.

Теологическая объективно-абсолютистская концепция русских религиозных философов второй половины XIX - первой половины XX век (Соловьев В.С. ,. Флоренский П.А,. Франк С.Л,. Лосский Н.О) объясняет природу ценности как божественную; в боге воплощается величайшее добро, высочайшая истина и совершеннейшая красота.

С точки зрения марксистского подхода Василенко В.А. отождествляет феномен ценность с категорией полезности, ее существование принадлежит реальному миру и практике; Нарский И.С. понимает под ценностями высшие общественные идеалы; Тугаринов В.П. и Дробницкий О.Г. объясняют ценность как двойственное явление– значимость и идеал.

Труды классиков социологии Вебера М. и Парсонса Т., представителей теоретического социологического подхода, дают возможность четко выделить два уровня анализа функционирования ценностей в обществе: и макроуровень (уровень общества) и микроуровень (уровень личности и межличностного взаимодействия).

Макроуровень роли ценностей изучает классик структурного функционализма Парсонс Т. , который определяет интегрирующую роль ценности в обществе, заключающуюся в поддержании социального порядка. Парсонс Т. определяет ценность следующим образом: «Элемент общепринятой символической системы в качестве некоторого критерия или стандарта для выбора из имеющих альтернатив ориентации может быть назван ценностью.» [2; 454]. Ученый подчеркивает, что ценност контролируют и направляют активность человека в целях поддержания или разрушения структурного типа социальной системы.

Вебер М. рассматривает микроуровень роли ценности в рамках концепции социального действия. Он подчеркивает, что ценности наряду с целями, аффектами и традициями мотивируют деятельность человека, следовательно социальное дейст-

вие может быть : ценностно-рациональным, целенаправленным и аффективным. Самым оптимальным, по мнению Вебера М., является ценностно-рациональное действие,» основанное на вере в безусловную — эстетическую, религиозную или любую другую — самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет».

Представители эмпирического социологического подхода исследуют проблему изучения ценностей в рамках позитивистской парадигмы. Они придерживаются того, что ценности оказывают сильное воздействие на поведение индивидуума. Наиболее известной концепцией в практике изучения ценностей в зарубежной социологии признана концепция Рокича М.

Ценность Рокич М. определяет как «устойчивое убеждение в том, что определенный способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный или обратный им способ поведения, либо конечная цель существования». Человеческие ценности характеризуются следующими основными признаками:

Рокич М. различает два класса ценностей: терминальные и инструментальные. Терминальные ценности он определяет, как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения заслуживает того, чтобы к ней стремиться. Инструментальные ценности– как убеждения в том, что определенный образ действий (например, честность, рационализм) с личной и общественной точек зрения является предпочтительным в любых ситуациях.

Таким образом, терминальные ценности рассматриваются им как цели, а инструментальные как средства. Рокич М. выделяет 18 терминальных ценностей: активная деятельная жизнь; жизненная мудрость; здоровье; интересная работа; красота природы и искусства; любовь; материально обеспеченная жизнь; наличие хороших и верных друзей; общественное признание; познание; продуктивная жизнь; развитие; развлечения; свобода; счастливая семейная жизнь; счастье других; творчество; уверенность в себе, а также 18 инструментальных: аккуратность; воспитанность; высокие запросы; жизнерадостность; исполнительность; независимость; непримиримость к недостаткам в себе и других; образованность; ответственность; рационализм; самоконтроль; смелость в отстаиваниях своего мнения, взглядов; твердая воля; терпимость; широта взглядов; честность; эффективность в делах; чуткость.

Таким образом, в фокусе интереса философского подхода главным образом находится проблема природы и сущности ценностей, в рамках теоретического социологического подхода в большей мере исследовательский интерес вызывает вопрос о функциях ценностей в общественной структуре, тогда как в русле эмпирического социологического подхода акцентируется внимание на способах изучения ценностей населения социологическими методами.

Примечания

1. Социологический энциклопедический словарь. Редактор-координатор - академик РАН Г.В. Осипов. - М.: Издательская группа ИНФРА-М - НОРМА, 1998. - 672 с.
2. Американская социологическая мысль. - М., 1994.– 496 с.
3. Вебер М. Социальная стратификация //Социологические исследования. – 1994. - №5. – С. 148-156.

И.А. Иващенко, Е.В. Соловьева (г. Пенза, ПГУ)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА МЕНЕДЖЕРОВ

«Этика – философская наука, изучающая мораль (нравственность), ее место в системе общественных отношений, анализирует их природу, характер и структуру (моральное сознание, моральные отношения, моральная деятельность), моральные категории (добро и зло, справедливость и несправедливость, честь, достоинство и т.п.), с помощью которых формируются моральные принципы, нормы, ценности, правила поведения; теоретически обосновывает ту или другую систему моральных убеждений.»[1; 533]

В повседневном понимании термины «мораль» и «этика» употребляются как синонимические. Под профессиональной моралью мы подразумеваем «систему моральных требований, норм, ценностей, свойственную людям, профессионально занятым определенным видом трудовой деятельности.» [2; 299]

Термин «этика» впервые употребил Аристотель для обозначения особой отрасли исследования, практической философии, определяющей принципы поведения человека в коллективе и социальной общности. Аристотелевская этика деловых отношений последовательно реализовывалась древнегреческим рынком, который был ориентирован не только и не столько на интересы богатых клиентов, сколько на удовлетворение повседневных запросов рядовых, среднего достатка афинян. Духовные ценности и гражданские доблести ставились греческой культурой много выше, чем владение вещами и деньгами. Да и сами деньги должны добываться честным и добросовестным трудом.

Давно известны врачебная, юридическая, педагогическая, управленческая этика Нормы профессиональной морали возникали, прежде всего, в рамках профессий, непосредственно имеющих дело с человеком как «предметом труда». Профессиональная мораль вменяет врачам, юристам, педагогам, менеджерам убеждение, что они по роду своих занятий имеют дело не просто с пациентами, клиентами, обвиняемыми, учащимися, а, прежде всего, с людьми и, следовательно, должны уважать их достоинство и индивидуальность. «Управленческая этика - совокупность правил и форм делового общения с людьми, позволяющая выразить им уважение, способствующая установлению между подчиненными атмосферы взаимопонимания, доброго отношения друг к другу.» [3; 30].

Анализ работ Бусыгина А.В., Кузина Ф.А., Кузнецова Т.Н., Мескона М., Альберта А., Хедоури Ф., Михайлиной С.А., Петрунина Ю.Ю., Росенко М.Н., Уткина Э.А. убеждает нас в том, что в основе управленческой этики лежит требование уважения к реальному человеку, его достоинствам и правам.

Михайлина С.А. условно классифицирует этические принципы менеджеров на принципы персональной и профессиональной этики. К принципам персональной этики она относит:

- беспокойство за благополучие других;
- уважение права других быть самостоятельным;
- честность;
- справедливость;

- добровольное подчинение закону (кроме гражданского неповиновения);
- возможность приносить пользу;
- предупреждение вредных последствий.

Михайлина С.А. называет следующие принципы профессиональной этики менеджеров:

- беспристрастность;
- должное старание;
- прямоту;
- дисциплинированность;
- конфиденциальность;
- терпимость;
- избегание неконструктивных конфликтов.

Для руководителей высшего уровня:

- социальная ответственность;
- забота о сохранении окружающей среды;
- взаимозависимость и ответственность за целостность;
- уважение культурного наследия.

Кузин Ф.А. выделяет следующие принципы профессиональной этики менеджеров и бизнесменов:

- честность и порядочность в деловых отношениях;
- уважение свободы других;
- терпимость;
- тактичность;
- деликатность;
- принципиальность;
- справедливость;
- забота о клиентах.

Принимая во внимание вышесказанное, мы в нашем исследовании в качестве этических принципов работы менеджера выделяем, прежде всего, принцип гуманности, который требует от менеджеров уважения к человеку, веры в него, признания суверенитета и достоинства личности, деликатности, тактичности, терпимости, избегания неконструктивных конфликтов, уважения культурного наследия собственной и зарубежных стран.

Важнейшим этическим принципом деятельности менеджеров является принцип законности, реализующийся в соблюдении Конституции РФ и федеральных законов.

Принцип ответственности подчеркивает, что любая власть отвечает за негативные последствия принимаемых решений, неисполнение своих должностных обязанностей, за действия, нарушающие права и законные интересы рабочих, служащих, а также потребителей. Менеджер, осознающий свою ответственность перед членами коллектива и потребителями, обладает профессиональной честностью, обостренным чувством долга, проявляющимися в единстве слова и дела.

Особое место занимает принцип социальной ответственности, которая подразумевает определенный уровень добровольного отклика на социальные проблемы со стороны организации. Этот принцип реализуется в филантропической деятельности, заботе о сохранении окружающей среды и благосостоянии сотрудников.

Нормальная работа менеджера невозможна, если в основе ее не лежит принцип справедливости, реализующий себя в законном использовании властных полномочий.

Следует особо подчеркнуть принцип конфиденциальности, реализующийся в неразглашении секретов компании.

Таким образом, основу профессиональной этики менеджеров составляют принципы:

- гуманности;
- законности;
- ответственности;
- социальной ответственности;
- справедливости;
- конфиденциальности.

Примечания

1. Философский словарь/ Под. Общ. ред. Ярещенко А.П. – Ростов н/Д: «Феникс, 2004. – 560 с.
2. Социологический энциклопедический словарь. Редактор-координатор - академик РАН Г.В. Осипов. - М.: Издательская группа ИНФРА-М - НОРМА, 1998. - 672 с.
3. Уткин Э.А. Этика бизнеса. Учебник для вузов. - М.: Изд.-во «Зерцало», 1998. – 256 с.
4. Михайлина С.А. и др. Социология управления. Курс лекций.– М., 2003. – 173 с.
5. Кузин Ф.А. Делайте бизнес красиво. Этические и социально-психологические основы бизнеса.– М.: ИНФРА-М, 1995. – 288 с.

Г.К. Канеева, Е.А. Сафонова (г. Пенза, МОСУ)

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Тема любви всегда интересовала философов, начиная с античности и до наших дней. Только в любви и через нее человек становится человеком. Без любви он неполноценное существо, лишённое подлинной жизни и глубины, не способное ни действовать эффективно, ни понимать адекватно других и себя. И если человек – центральный объект философии, то тема любви, взятая во всей её широте, должна быть одной из ведущих в философских размышлениях [1]. Сегодня в обществе ши-

роко распространились равнодушие, апатия, зависть, озлобленность. Всё это говорит об обеднении и сужении дефиниции любви. Поэтому сейчас, будь то художественная литература, искусство, религия или философия нужно, прежде всего, будить в человеке способность любить, в особенности - любить других людей.

Любовь рассматривается в философии как непосредственное, интимное и глубокое чувство, предметом которого выступает человек или другие объекты, имеющие особую жизненную значимость. Это свободное, не подвластное ни внешнему принуждению, ни разуму проявление человеческого существа, экзистенциальное, а не рассудочно-рациональное отношение к человеку, предмету, деятельности, природе, отечеству. Мы можем приближаться к пониманию любви, но выразить в полном знании то, что есть любовь нам не дано.

Любовь одухотворяет человека и окружающий его мир, влечёт к добру, стимулирует творчество. Она представляет собой средство социализации человека, вовлечения его в систему общественных связей на основе спонтанной и вместе с тем внутренней мотивированной потребности в движении к высоким ценностям. Любовь – единственный способ понять другого человека в его глубочайшей сущности [2]. «Любовь – не счастливая случайность и не дар судьбы, а высокое искусство, требующее от человека самосовершенствования, творчества и внутренней свободы. Подлинная любовь редка ещё и потому, что многие не готовы к ней, боятся её, ибо она требует «живой души», самоотверженности, готовности к поступку, тревоге и заботе. Глубина любви и её разнообразие определяется предметом любви, а также самой способностью любить, разновидностью человеческих качеств любящего» [3].

Что же такое любовь в представлении философов различных периодов?

Любовь – понятие, широко используемое в философии для решения проблем онтологии, гносеологии, антропологии, этики, эстетики. В общепринятом смысле слова любовь – это обращённость чувства и воли на другую личность, человеческую общность или идею, сопровождаемая потребностью «отдать себя» любимому предмету и одновременно сделать его своим, в эмоциональном пределе – «слиться» с ним. Любовь необходимо включает в себя стремление к постоянству, оформляющееся в этическом требовании верности. Она возникает как самое свободное и постольку «непредсказуемое» выражение глубин личности; её нельзя принудительно вызвать или преодолеть. В ней пересекаются биологическое и духовное, личностное и социальное, интимное и общезначимое [4].

Разработанная терминология любви существовала ещё в древнегреческом языке. «Эрос» - это восторженная и страстная любовь-влюблённость, «Филия» - это любовь-дружба, любовь-приязнь, обусловленная социальными связями и личным выбором, «Сторге» - это любовь-привязанность, особенно семейная, «Агапе» - жертвенная и снисходящая любовь «к ближнему». Мифология и древнегреческая философия представляют любовь как «эрос», видя в ней космическую силу, подобную силе тяготения. Для греческой мысли характерно учение о любви как строящей, движущей и соразмеряющей энергии мироздания [орфики, Эмпедокл]. Даже Аристотель видел в движении небесных сфер проявление некой вселенской любви к духовному принципу движения [5], что было теологически переосмыслено в средневековой философии и отразилось в заключительном стихе «Божественной

комедии» Данте: «Любовь, что движет солнца и светила» [6]. Другая линия античной философии любви начинается с Платона, истолковавшего в диалоге «Пир» чувственную влюбленность и эстетический восторг перед прекрасным телом как низшие ступени лестницы духовного восхождения, ведущего к идеальной любви, предмет которой – абсолютное благо и красота. Он различает любовь плотскую, Афродиту земную, служащую удовлетворению страстей, и любовь идеальную, Афродиту небесную, являющуюся движущей силой познания.

Христианство усмотрело в любви сущность своего бога и главную заповедь человеку. Речь шла о жертвенной, «всё покрывающей» и не зависимой от «земной мотивации любви к ближнему», которая сможет побудить любящих принять все социальные дисгармонии на себя и тем самым отменить их. Христианская теология исповедует не только аскетическую любовь к Богу, но и бескорыстную любовь к человеку. Это всечеловеческая любовь, которая доступна каждому и обнимает всех. Она неотделима от самозабвения, самопожертвования, альтруизма, выражаемого заповедью: возлюби не только ближнего, но и врага своего [7].

Эпоха Возрождения - расцвет любви в обстановке общего строгого интереса ко всему земному и человеческому. Утверждается чувственная любовь, но преимущественно в её эстетической форме. Ренессанс проявлял интенсивный интерес к платоновской теории «эроса» - «восходящего от эстетики чувственного к эстетике духовного». Философия энциклопедистов XVIII века подчеркивала радостную естественность любовного чувства и сопряженный с ним «правильно понятый интерес» индивида, часто смешивая любовь со «склонностью и «благожелательностью», а счастье с самоудовлетворением. В эпоху Великой французской революции любовь была понята как порыв, разрушающий рамки сословных преград и социальных условностей, воссоединяющий стихийно «то, что строго разделил обычай». Апогей гуманистического толкования любви в период немецкого Просвещения был достигнут в творчестве И.В.Гёте. Любовь чувственная и трагическая, возвышенная и надуманная, искренняя и недоверчивая, прекраснодушная и легкомысленная - все эти оттенки живописует поэт, демонстрируя неисчерпаемую палитру состояний человеческих душ в разных жизненных коллизиях, в широчайшем диапазоне времени и пространства. Любовь формирует личность, вселяет в неё мужество, делает способной идти наперекор всему, даже собственной жизни, бросая вызов ханжеству и предрассудкам [8].

Все четыре классика немецкого идеализма конца XVIII-первой четверти XIX в. И.Кант, И.Фихте, Ф.Шеллинг и Г.Гегель - выразили своё определённое философское и социально-практическое отношение к проблеме любви. Иммануил Кант, прежде всего, провёл различие между «практической» любовью (к ближнему или богу) и любовью «патологической» (чувственным влечением). В «Метафизике нравов» (1797) он подходит к явлению любви с этической точки зрения: «Любовь мы понимаем здесь не как чувство, т.е. не как удовольствие от совершенства других людей, и не как любовь-симпатию; любовь должна мыслиться как максима благоволения, имеющая своим следствием благодеяние». Следовательно, по Канту, любовь к человеку противоположного пола и «любовь к ближнему, хотя бы этот последний заслуживал мало уважения» [9] фактически одно и тоже. Это долг, мо-

ральная обязанность, и только. Философ к числу требований долга относит и «дружбу – союз двух людей, основанный на взаимной любви и уважении». Более того, без уважения «невозможна истинная любовь, в то время как можно питать к кому-нибудь большое уважение, и, не испытывая любви» [10]. Однако Канту представляется, что там, где любовь, не может быть равного отношения друг к другу. Тот, кто любит другого больше, невольно оказывается со стороны партнёра, начинающего чувствовать превосходство, менее уважаемым.

И.Г.Фихте рассуждает о любви как силе онтологического объединения «Я» и «Не-я» - двух противоположностей, на которые сначала расчленяется мировая духовная сила, чтобы потом вновь устремиться к воссоединению. Позиция его весьма жесткая: брак и любовь не одно и тоже, но не должно быть брака без любви и наоборот. В сочинении «Основы естественного права на принципах наукоучения» (1796) он пытается втиснуть в ложе своих установок единства физиологического, морального и юридического интимную сторону отношений между полами: мужчине приличествует полная активность, а женщине незачем мечтать о чувственно-эмоциональном счастье. Покорность и послушание - вот что уготовил ей Фихте.

Но Ф.Шеллинг всё-таки возразил. Любовь он объявил формирующим принципом деятельности всеобщего духовного начала (абсолюта). «В любви каждый из партнеров не только обуреваем, но и отдаёт себя, то есть его стремление к обладанию переходит в жертвенность, и наоборот. Эта двойная сила любви способна победить ненависть и вообще зло. И эта эмпирическая особенность любви является отображением «метафизической» черты бытия в целом: спинозовская «интеллектуальная любовь к богу» помогает понять, что «нам всем присуща таинственная, чудесная способность возвращаться от изменчивости времени к нашей внутренней сущности, освобожденной от всего того, что пришло из вне, и там, в форме неизменности созерцать в себе вечное» [11].

К истолкованию любви Г.Гегель возвращался не раз, побуждаемый как непосредственным интересом, так и нуждами своей философской системы. Уже в юношеском фрагменте «Любовь и религия» он начинает категориальную обработку этого понятия: человеку свойствен раскол между желаниями и действительностью, преодолеваемый «позитивностью» любви, чудесная сила которой равноценна религиозной. В другом неоконченном наброске молодой Гегель утверждает, что субъект ищет в любви самоутверждение и бессмертие, а приближение к этим целям возможно только тогда, когда объект любви достоин субъекта по своей внутренней силе и возможностям и в этом смысле ему «равен». Вот тогда любовь обретает жизненную мощь, становится проявлением «жизни»: реализуя влечение, любовь стремится к овладению и господству, преодолевает противоположность субъективного и объективного, возвышается к бесконечному. В ранней рукописи «Дух христианства и его судьба» Гегель вновь занялся категорией любви. Она приобретает здесь примиряющие и объединяющие черты. В «Феноменологии духа» Гегель оценивает христианскую любовь, которая оказывается бессильной, ибо в религии земное несоединимо с божественным, и культ, который был призван религию поддерживать, становится выражением отчужденного, несчастного сознания [12]. В реальной сфере действует эмпирическая любовь. Отношения мужа и жены - непо-

средственное познавание одного сознания в другом и познавание взаимной признанности; но это все-таки природное, а не нравственное отношение, нравственно действительным оно станет только через наличие детей, и тогда половые и возрастные связи окрасятся чувствами взаимного благоговения и умиления.

В зрелой философской системе Гегеля проблема любви и семьи встречается в «Философии права», а затем в «Лекциях по эстетике». Гегель проводит ту мысль, что брак призван поднять отношения между полами на уровень нравственно «сознающей себя любви». Брак «есть нравственная правовая любовь», исключающая, в его понимании, супружескую неверность. Прочно скреплять узы брака должно духовное единение супругов. Вместе с тем, Гегель отличал подлинную любовь как земное, но глубоко индивидуализированное обоюдное чувство от любви религиозной, а также от любви как устремления к наслаждениям. В любовном рыцарском служении любовь превращается в одухотворенную, и субъект в этом одухотворенном природном отношении растворяет свое внутреннее содержание, свою внутреннюю бесконечность. Потеря своего сознания в другом, видимость бескорыстия и отсутствие эгоизма, благодаря чему он впервые снова находит себя и приобретает начало самостоятельности; самозабвение, когда любящий живет не для себя и заботится не о себе, находит корни своего существования в другом и все же в этом другом всецело наслаждается самим собой, - это и составляет бесконечность любви… Любовь прекраснее всего в женских характерах, ибо в них преданность, отказ от себя достигает наивысшей точки [13]. И если на их любовь обрушивается несчастье, то они тают, как свеча, гаснующая от первого грубого дуновения. Любовь в философском творчестве Л.Фейербаха - это не только совершенно земная любовь между полами, но и между всеми людьми, она соединяет их наподобие религиозного братства. Любовь имеет много значений: «всеобщая любовь к человеку»; активное, эмоционально окрашенное ощущение нами внешнего мира; красноречивый критерий истинности наших знаний, «признак бытия». Любовь – это и символ единства человека с человеком, «самоощущение рода», и стремление людей к совершенству. Такое расширительное толкование позволило Фейербаху превратить «любовь» в главную социологическую категорию. Он обожествляет самого человека и отношения людей между собой, выводя их из потребностей «Я» и «Ты» друг в друге, взаимонуждаемости [14].

Особое место в истории размышлений о любви занимает русская религиозная философия XIX-начала XX вв., которую представляют Ф.Достоевский и Л.Толстой, В.Соловьёв, В.Розанов, Н.Бердяев и др. Они утверждали, что лишь в согласии с естественными влечениями человеческой натуры формируется наша полноценная культура. В.Соловьёв считал, что в любви одна половина человеческого рода преодолевает свою односторонность, дополняя её другой до гармонического целого. Любить Бога – значит любить человека, не противляться злу насилием, - проповедовал Л.Толстой. Н.Бердяев писал, что в любви к человеку мы обретаем любовь к Богу, веру в торжество истины, добра и красоты. Любовь образует личность, так думал В.Розанов. Отдаваясь другому, человек в любви находит собственное «Я». Любить – это жить не по формальному закону, а по совести. Красота спасёт мир, утверждал Ф.Достоевский, потому что она пробуждает любовь. А где

любовь, там и жизнь, там грех и страдание, раскаяние и возрождение для сострадания и сочувствия ближнему [15].

Как видим, в философии любовь – понятие многогранное, характеризующее мир человеческого существования, помогающее осознать, как жить с ним в согласии. Рассмотрев рассуждения философов различных исторических эпох о феномене любви, попытаемся выделить ключевые позиции в его осмыслении, вызывающие у нас несомненный интерес и актуальные до сих пор. Новые времена принесли иные, чем доминировавшие прежде мотивы, однако истоки последних можно, хотя бы отчасти, отыскать в миновавших, давних веках.

Первый признак любви – благоговение. Мы боготворим того, в кого мы влюблены. Нередко бывает, что, полюбив, человек хранит нерушимую верность тому, кто даже не подозревает о его чувствах. Но для этого надо любить чистой и трепетной любовью. Влюбленный часто не дорожит своим достоянием, забывая родных и близких. Любящие - беспечны, им трудно себе представить, чтобы они нуждались ещё в чем-либо, кроме своего любимого человека. Забвение и привязанность к другому человеку делают людей великодушными.

Душа, созданная для любви, жаждет деятельной, богатой событиями жизни. Любовь возвышает людей и преисполняет их благородством. Душевной щедростью отличаются не те, что любят много раз, а те, что любят всей душой. Уважение и любовь должны быть столь соразмерны меж собой, чтобы они служили друг другу опорой, не подавляя любви. В любимом человеке каждому дороги такие черточки, которые оставляют других равнодушными. Когда мы страстно влюблены, мы каждый раз смотрим на любимого так, словно видим его впервые. В его отсутствие мы уже через минуту сердцем чувствуем, как нам его не хватает. Великая радость – обрести его вновь!!! [16].

Иногда спрашивают, стоит ли любить. Об этом незачем спрашивать, это надо чувствовать. Люди не раздумывают, любить им или нет – они просто следуют своей склонности и охотно обманывают себя, когда у них зарождается сомнение. Мы рождаемся с любовью в сердце. Она вступает в свои права по мере совершенствования нашего ума, побуждая нас любить то, что представляется нам прекрасным. Когда мы любим, мы замечаем, что стали совсем другими. Нам кажется, что все кругом видят, как мы переменились. Бессмысленно скрывать от самих себя: мы любим всегда и даже когда нам кажется, что мы презрели любовь, она таится в глубине нашего сердца. Без любви мы не можем прожить и минуты. Любовь наполняет душу радостью и поглощает наши мысли. А это значит, что мы счастливы!

Примечания

1. Аккуратова Ж.Н. Не бывает любви не счастливой. – М.: Машиностроение, 1994.
2. Альберони, Франческо. Дружба и любовь. – М.: Прогресс, 1991.
3. Бадьони Аттила. Любовь от пробуждения до гармонии. – М.: Прогресс, 1992.
4. «Пятнадцать радостей брака», и другие сочинения французских авторов XIV-XV вв. – М.: Наука, 1991.
5. Мир и эрос. – М.: Политиздат, 1991.
6. Богат Е.М. Что движет солнце и светила: Любовь в письмах выдающихся людей. – М.: Детская литература, 1981.

7. Краткий философский словарь. / Под ред. А.П. Алексеева. – М.: Проспект, 1999.
8. Любовь в письмах выдающихся людей XVIII-XIX веков. – М.Политиздат, 1990.
9. Кант И. Трактаты и письма. – М., 1980.
10. Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия. – М.: Молодая гвардия, 1982.
11. Шеллинг Ф. Сочинения. – М., 1987.
12. Гегель Г. Философия религии. – М., 1975.; Гегель Г. Сочинения. – М., 1959.
13. Гегель Г. Эстетика. – М., 1969.
14. Фейербах Л. Изобранные философские произведения. – М., 1955; Спиркин А.Г. Философия: Учебник. - 2-е изд. - М.: Гардарики, 2004. – С.155.
15. Русский эрос, или философии любви в России. – М.: Прогресс, 1991.
16. Льюис К.С. Любовь. Страдание. Надежда. – М.: Республика, 1992.

С.В. Кардинская (г. Ижевск, УГУ)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Анализ подходов к исследованию этнической проблематики выявляет стремление к представлению этничности как различных способов этнического самоопределения, осмысливаемых посредством понятий «самосознание» и «идентификация». Поскольку история теоретизирования по поводу «самосознания» и «идентификации» восходит к психологическим концепциям, определившим психологизацию смыслов этих понятий, несомненным оказывается существование «следов» этих психологических смыслов в том проблемном поле, которое возникает в связи с рассмотрением социальных аспектов этничности.

Так, «теория этноса», закрепляемая деятельностным подходом, связывает этническое самосознание со сложившимися в «прошлом» *типами* сознания («архетипами»), являющимися схемами мышления, обеспечивающими воспроизводство этнических способов поведения – изначально специфических и не похожих на другие. Понятие «архетип» обосновывает генетическую заложенность этничности. Генетически обусловленное «самосознание» предполагает «природность» психической реальности, а значит, врожденную способность индивида осознавать нечто определенным способом, в том числе и этничность. Этнос, с этой позиции, становится совокупностью руководствующихся одними и теми же схемами сознания индивидов, от рождения (генетически) следующих определенным правилам поведения и одинаково воспроизводящих этническую «природность». В таком случае, «самосознание» или «идентификация» становятся излишними, поскольку схемы этнического поведения уже присутствуют в психике индивида, детерминированы «природой».

Идентификация, с точки зрения «теории этноса», оказывается ни чем иным как социализацией или социальной адаптацией, приспособлением к социальной (этнической) среде. Индивид мыслится как некое «пустое место», заполняющееся схемами социального (этнического) поведения, в нем, собственно, не содержится ничего иного, помимо этих схем, а значит, он полностью сливается с социальной (этнической) «средой». Индивид перестает существовать как *индивид*, то есть как нечто неделимое, единичное, специфическое, не похожее на «другого» и становится, по высказыванию П. Вирилио «дивидуумом» [1; с. 48] – частью массовидной социальности, не существующей как отдельность. Социальность как структурирование и типизация оказывается невозможной, так как выделение типов предполагает существование каких-либо различий, однако, в ситуации «дивидуумизации» все различия между представителями однородной социальной «массы» нивелируются.

Таким образом, психологизация идентичности (самосознания) способствует исчезновению как индивидуального, так и социального, и предполагает замещение процесса идентификации социальной адаптацией, предполагающей воспроизводство психическо-природных «архетипов». Актуализация такого концепта идентичности применительно к этносоциальной проблематике приводит к невозможности выделить специфическое этническое в общей социальной неразличенности, а так же отделить его от «другого» этнического.

Попытка переосмысления природно-психологической редукции идентичности, сведения ее к социальной адаптации, приводящего к неразличенности социальной (этнической) реальности, предпринимается в рамках феноменологических концепций А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана, исходящих из существования принципа субъективности. Однако в этих концепциях, субъект все же оказывается социальным индивидом, воспроизводящим в своем действии социальные структуры, представленные как «жизненный мир», «здравый смысл», «естественная установка», «схемы взаимодействия». И, хотя, такие «схемы взаимодействия» представляются как схемы интерпретации, то есть языковые конструкты, язык не рассматривается этими исследователями в качестве основания социального отношения и структурирующего (типизирующего) принципа социума, а полагается в качестве одного из элементов «повседневности». Последняя не осмысливается как язык, самим своим существованием обеспечивающий структурированность социального отношения (общения, сообщения). Конструкт «повседневности», освобожденный от языковой реальности, остается «пустым» и вынужден заполняться концептами «жизненного мира» и «здравого смысла» – «объективными» схемами, трансцендентными социальному и ускользающими от попыток исследования.

Таким образом, осмысление этнической реальности как некой «повседневности» невозможно без рассмотрения этноса в качестве языка – этнолекта – самоструктурирующегося в полагании собственной тотальности посредством различения «своего» и «другого», являющихся типичными (стереотипными) образами этничности.

Повседневная этничность обнаруживается в языке этнического индивида, представленном существованием устойчивых высказываний этноса о самом себе – стереотипов. Последние выявляют структурированность этнического языка – этно-

лекта, его самоактуализацию в полагании границы «свой» / «другой». Этнический индивид, погруженный в этнолект, будучи говорящим существом, воспроизводит структуру этнолекта, именуя себя именем этноса. Этнолект, актуализирующийся в проговаривании этнического имени, в таком именовании обозначает topos (место – пространство) этноса, отделенный «своим» именем от «другого».

Этнические индивиды, присваивающие себе имя этноса, оказываются «носителями» этничности. Однако этнолект, обозначая различие «свой» / «другой», является реальностью этнического отношения, предполагающего целостность, тождество «своего» и «другого», точкой именования самого себя, актуализирующегося в различии имен «свой» и «другой». Этнос, именуясь как «свой», вынужден достраиваться полаганием «другого», так как без такого достраивания оказывается невозможным само этническое различие.

Этническое различие определяется в процессе продолжающегося говорения об этничности и существует только в языке – этнолекте – специфическим способом осуществляющем структурирование социального бытия. Продолжение говорения об этничности с необходимостью требует наличие говорящего субъекта. Этничность обозначается в точке высказывания о ней и «местом» такого высказывания является этнический субъект. Этнический язык, проходя сквозь точку субъекта, самоограничивается, самоопределяется в специфическом субъективном высказывании и оказывается продуктом деятельности субъекта по конструированию модели этничности, представляющей этничность определенным способом. Этнический субъект становится тем «местом», в котором этнолект обнаруживает себя в качестве дискурсивных конструктов.

Этнический субъект, именуя, полагая границы этничности, сам определен наличием этнолекта, то есть, самой возможностью говорения об этничности, предполагающей существование некой традиции построения этнического дискурса. Говоря об этничности, этнический субъект воспроизводит традиционные смыслы этнолекта («прошлое»). Однако этнический субъект, находясь в точке этнолекта – в точке предела этничности (его границы), обнаруживает ее предельность, то есть неполноту, незавершенность в «настоящем», требующую до(пере)определения.

Таким образом, место этнического субъекта является местом постоянного достраивания этничности, подразумевающего переосмысление традиционных конструктов и обнаружение новых смыслов. Этничность конструируется в самом продолжении этнического дискурса, в ситуации постоянного возобновления вопроса об этнической реальности, неизменно возникающего при обнаружении несовпадения «прошлого» (этнической традиции) и «настоящего» (этнического субъекта).

Этнический субъект, как правило, представляется в качестве эксперта этнической «действительности», предъявляющего этничность так, как она «есть» с той позиции, которую он занимает. Фигура эксперта, следовательно, оказывается промежуточной инстанцией между некой «действительностью» и полем науки или политики, в которых эксперт занимает авторитетную позицию. Имея полномочия высказываться об этнической «действительности» определенным способом, обусловленные его статусом (символическим капиталом, сопровождающимся, как правило, также капиталом экономическим), эксперт претендует на легитимность представ-

ления этнической «действительности» как некой «объективной данности» (например, этнической группы), существующей по определенным, независимым от эксперта законам.

Взгляд эксперта из теоретического пространства, в котором он пребывает, направлен на «повседневную действительность», как бы существующую саму по себе, согласно «здравому смыслу». В таком случае, эксперт также является и этническим индивидом, о котором он высказывается, то есть находится в сфере этнической «действительности». Наблюдая этническую «действительность», эксперт конструирует наблюдаемое, то есть, в акте наблюдения наблюдает самого себя.

Эксперт оказывается «кроссирующим» субъектом, попеременно пребывающим в двух состояниях – этнического субъекта и этнического индивида, переходящим из «действительности» в поле теории. В этой ситуации возникает «алиби» субъекта – то, о чем он высказывается, существует как «действительность» (в которой отсутствует субъект), но эта «действительность» невыразима вне дискурса субъекта (в котором отсутствует «действительность»). Фигура эксперта выявляет парадоксальность науки (социологии, этнологии) как экспертизы, раскрывающей некие *объективные* закономерности, существующие независимо от экспертов, но представленные в языке экспертов (*субъективно*). Эксперт в своем дискурсе как бы «не видит» самого себя, является «слепым пятном», обнаруживающим все, кроме самого говорящего «наблюдателя». Ситуация экспертизы предполагает отделение дискурса от своего источника (этнического субъекта) и представление его в качестве «действительности» как она «есть». «Слепое пятно» заполняется конструктами «действительности», давая «место» их существованию и обеспечивая им легитимность, в силу авторитетности позиции, с которой о них говорится. Эксперт как «слепое пятно» становится непреодолимой границей между «действительностью» и сферой теоретического конструирования, подвергая сомнению свою собственную позицию, так как если «действительность» существует независимо от конструктов эксперта, то исчезает смысл самой экспертизы (научного теоретизирования).

Эксперт, знающий как этносоциальная реальность «есть» независимо от существования научных школ и направлений, претендуя на объективное и легитимное представление «действительности», осуществляет свою власть над ней. Эксперт выступает в роли «переводчика» скрытых законов «действительности» на язык научной истины и, таким образом, рассчитывает на легитимность своего представления «действительности», его авторитетность. Абсолютизация точки зрения эксперта (этнического субъекта) оборачивается объективацией научного концепта, проекцией его на этническую «действительность». Сохранение «объективности» этнической «действительности» (конструируемой экспертом) оказывается необходимой для постоянного возобновления научной экспертизы, признания ее важности для принятия политических и управленческих решений. Закрепление значимости сообщества экспертов и экспертных исследований, их обусловленность наличием «объективного» состояния социальной «действительности», которая может быть прозондирована и подвергнута статистическому подсчету, становится необходимым для привлечения экономического капитала в поле науки.

Попытка подвергнуть сомнению объективность научного исследования и мнение эксперта, обозначив научное поле в качестве рассеивающегося ансамбля точек зрения (П. Бурдье), как сферу дискурсивного конструирования, автономную по отношению к так называемой «действительности», существующей так, как она существует, привела бы к сомнению относительно позиции эксперта, являющегося посредником между властью и обществом и предоставляющего научное (объективное) обоснование тех или иных властных (политических, управленческих) действий. В этой связи, экспертиза этничности всегда оказывается «этническим предприятием», продуцированием проектов «возрождения», «развития», «мобилизации этничности» с целью аккумулирования средств для продолжения деятельности сообщества экспертов.

Преодоление тенденции к сведению этничности к сфере «этнического предпринимательства» может произойти посредством возвращения субъекта в пространство этнической дискурсивности и осмысления ее как дискуссионного поля, вмещающего разнообразие концептов и теорий. Будучи «местом» актуализации этнического дискурса, субъект обозначает границы этничности, конструируя модели интерпретации этнической реальности. Самоактуализация субъекта в языке этничности оказывается одновременно самоопределением этнической дискурсивности в процессе ее самоидентификации.

Примечания

1. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. - М., 2002.

В.А. Киюта (г. Новосибирск)

СОПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

С того самого момента, как человечество осознало факт наличествования в мире зла, вопрос о том сопротивляться ему или же нет единогласно и раз и навсегда был решен положительно. Сопротивляться! Однако неоднозначность в определениях сущности и природы зла породила разночтения и относительно способов сопротивления ему.

На пути решения данной проблемы в этике возникло два основных течения. Будучи согласны с тем общим для всех исходным положением, что и мир, содержащий в себе зло, и человек, через которого это зло реализуется, несовершенны, представители первого течения исходят из посылки, что данное несовершенство есть следствие поврежденности или извращенности изначально совершенного мироустройства. Таковы платоновский «мир вещей» или земля после грехопадения человека, как она представлена в Библии и понята христианством. В рамках этой системы представлений зло трактуется как недостаток блага, неполнота бытия, а

потому преодоление его носит преимущественно онтологический характер, так как предполагает сознательное стремление человека в горний мир, к некому реально существующему, неизменному высшему идеалу, который может быть достигнут через преображение человеческой природы, как обретение утраченного. Это путь трансцендирования, выхода за пределы своей ограниченной земной индивидуальности. Только таким образом недостаточность бытия в человеке, каковой является незнание добродетели, первородный грех или экзистенциальная опустошенность, может быть преодолена. Замкнувшись в себе восполнить ее нечем.

Сопротивление злу в этом случае является *необходимостью*, основным условием дальнейшего существования мира и человека, ибо в противном случае «черная дыра» небытия разрастется и однажды поглотит все. Но эта необходимость не есть обязательность. Отправной точкой для борьбы со злом является не эгоистический инстинкт самосохранения, а желание жить, порожденное любовью к другим и ощущением сопричастности судьбам мира. Несмотря на тот факт, что мыслители этого течения ориентируют человека на высший идеал, они отнюдь не проповедуют голого самосовершенствования. Как писал И.А.Ильин, «ни добро, ни зло не имеют в жизни людей «чисто личного» или «частного» характера… То, что я есмь, то я размножаю и в других душах – сознательно и бессознательно, деланием и неделанием, намеренно и ненамеренно. Человеку не дано «быть» и не «сеять»; ибо он «сеет» уже одним бытием своим» [1].

Стремясь к идеальному, невозможно не любить его земной образ (ведь это *его* образ), а любя, не защищать. Любящему необходимо бытие любимого и мысль об его уничтожении невыносима. Человек сопротивляется своему собственному злу из любви к ближнему, и сопротивляется злу в ближнем из любви к нему же. Объективно эта борьба вовсе не обязательна, тем более что в пределах нашего мира окончательная победа над злом все равно признается невозможной, но субъективно она есть личностная необходимость человека. Он просто не может действовать иначе, поскольку она не ценна сама по себе, но представляет единственный путь, ведущий к совсем иной цели. И каждый вставший на этот путь не может ее избегнуть.

Подобные взгляды можно проследить у Платона, в христианской этике, у русских религиозных философов – Н.Бердяева, И.Ильина, В.Соловьева, С.Франка и др., а также у некоторых экзистенциалистов – Г.Марселя, М.Бубера, К.Ясперса.

Мыслители, представляющие второе течение, также признавая несовершенство мира и человека, исходят из положения о том, что наш мир, даже если он и не «наилучший из всех возможных миров» [2], все же единственный нам доступный, а человек – вершина творения или «венец природы». Отвергая идею метафизического зла, они понимают несовершенство как незавершенность универсума, который человек, обладающий свободной волей, может и *должен* (на то ему свободная воля и дана) «довести до ума». Таким образом, зло понимается деонтологически, ибо оно противостоит не сущему, а должному. Наличие идеи Бога или какого-то иного абсолюта в учениях некоторых философов этого направления не должно вводить нас в заблуждение. Обозначая термином «зло» нравственно-отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей и явлениях социальной действительности, они предлагают решать эту проблему сугубо этически, путем нравственного

совершенствования человека. Но изначально запертый в границах собственного конечного бытия человек вынужден совершенствоваться «наугад», вырабатывая столь же конечные, ситуативные представления о должном. В результате, по справедливому замечанию Ф. Энгельса, «представления о добре и зле так менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому» [3].

Дело в том, что мораль – это структурная составляющая культуры. А культура в содержательном плане всегда обусловлена исторически, территориально, этнически, идеологически и т.д., ибо призвана делать осмысленной и ценной жизнь конкретного народа на данном конкретном этапе его развития. Мораль же поддерживает и санкционирует, определенные общественные устои, строй жизни и нормы общения, а в определенные моменты способствует их изменению. И поскольку критерии порочности и добродетели культурно детерминированы, добро и зло как категории морального сознания также оказываются относительными.

Данное обстоятельство ни в коем случае не следует оценивать негативно. Каждая этическая система имеет свое историческое предназначение – продвинуть человечество еще немного вперед на пути к совершенному нравственному мироустройству, достижение которого представители данного течения полагают возможным. Потому-то они и создают собственные этические учения, пытаясь внести свой вклад в это большое дело и искренне надеясь, что уж он-то и будет последним. Таковы большинство античных этических систем, этика Просветителей, И.Канта, марксистская этика, этика ненасилия, толстовство и др.

Оба течения не строго противоположны друг другу. Вполне признавая значимость земного существования, трансцендентная этика не может отрицать того факта, что пока человек живет в обществе и остается несовершенным, мораль, как регулятор его поведения, необходима. Она не ведет к идеалу, но удерживает мир от обращения в хаос, помогая сохранить тот минимум бытия, который ему присущ. Поэтому в этой традиции все моральные нормы закреплены и обоснованы с точки зрения истинно сущего, то есть санкционированы «свыше».

В свою очередь рациональная этика вынуждена считаться со свойственным человеку стремлением к абсолютам. Мораль, лишенная устойчивых идеалов, и понимаемая лишь как система правил благопристойности, ущербна. Ситуация когда то, что признается нравственным совершенством в одной этической теории, в рамках другой оказывается моральным уродством, чревата весьма дурными последствиями. И даже если трактовать изменение моральных ценностей эволюционистски, как движение от низших форм к высшим на пути к всеобщему социальному благоденствию, носитель всякого несвоевременного «совершенства» оказывается принесенным в жертву бездушному этическому прогрессу. И мы ступаем на путь, когда уже не мораль создается для человека, а человек рождается для морали, и его ценность как субъекта бытия всецело определяется тем, насколько востребована и популярна сегодня его «нравственная ориентация». Такое угнетение живого отнюдь не безнравственного бытия искусственной моралью, чьи постулаты о справедливости, долге, добре и зле и пр. всегда могут оказаться условными, абсурдно. В связи с чем философы озаботились поиском так называемых общечеловеческих ценностей

и неких постоянных, неизменных критериев морального поведения, одинаково пригодных во всех культурах во все времена.

Точкой соприкосновения двух традиций стало «золотое правило» нравственности: «не поступай с другими так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой», – в различных формулировках присутствующее в трудах многих философов и нашедшее свое отражение даже в Новом Завете [4].

Я намеренно не выделяю в отдельные течения еще два весьма специфических подхода в понимании зла. Ибо частично они отражены в теориях, описанных выше, а в чистом виде к проблеме сопротивления злу не имеют никакого отношения. Но упомянуть их все таки сто́ит.

В первом случае зло предстает в виде Зла, как некой абсолютной разрушительной силы, противостоящей силам Добра, а вселенная оказывается как бы онтологически двойственной. На основании такого дуализма возникли зороастризм и манихейство. Однако основная слабость этой позиции заключается в присущем ей очевидном внутреннем противоречии: если бы разрушительной силе Зла не была поставлена совершенно неприступная преграда, все давным-давно было бы разрушено. А раз *Зло* может быть ограничено, то как противоположность Добру, оно утрачивает свою абсолютность и неизбежно превращается в *зло*, как нечто, переживаемое эмпирически. С другой стороны, если весь мир – это поле битвы Добра и Зла, как двух высших абсолютов, маленькому конечному человеку нечего делать в *этой* битве, сопротивление такому Злу немыслимо.

Вторая позиция достаточно четко представлена в иудаизме, согласно которому все совершающееся в мире суть проявление Божьей воли: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, творю это» (Исайя 45,7). И не только человек, даже сатана, не способен самовольно, без Божьего попущения, причинить вред и страдание кому бы то ни было (См. Иов 1, 11-12 и др.). Следовательно, зла нет вовсе, а все, что мы люди воспринимаем как зло, на самом деле есть проявление непонятного нам благого замысла Бога. Такое отрицание зла как зла чревато впадением в фатализм и совершеннейшим непротивлением ни совершаемому над нами насилию, ни нашим собственным порочным склонностям.

Возвращаясь к первым двум течениям, следует признать, что представленные в них взгляды на проблему сопротивления злу, в целом носят нормативный характер, поскольку вслед за теоретическим обоснованием борьбы, в практической части говорится не о том, как ведет себя человек в реальной жизни, а о том, как ему надлежит действовать. Однако логичность и целесообразность предлагаемых моделей действия относительно теории вовсе не является гарантией их адекватной реализации. Нормативная этика предполагает, что способность любить или стремление к нравственно-совершенному бытию, движущие и поддерживающие человека в его противостоянии злу, являются врожденными качествами. И при наличии способностей и желания, единственной проблемой остается недостаток сил.

Признавая, что множество поступков люди совершают, или не совершают, по внеразумным, бессознательным мотивам, под воздействием страстей и аффектов, представители обоих течений вынуждены заявить, что борьба со злом – удел духовно и нравственно сильных личностей, уже достигших определенного уровня со-

вершенства. Таким образом, оказывается, что *правильно* сопротивляться злу может только тот, кто уже и так правильно ему сопротивляется (!). Судьба же прочих – менее сильных или тех, кто борется со злом «неправильно» – остается не вполне ясной. А между тем, именно их аномальная деятельность наиболее достойна внимания, ибо реальность такова, что «все горе и зло, царящее на земле, все потоки пролитой крови и слез, все бедствия, унижения, страдания, по меньшей мере на 99% суть результат воли к осуществлению добра, фанатической веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла; тогда как едва ли и одна сотая доля зла и бедствий обусловлена действием откровенно злой, непосредственно преступной и своекорыстной воли» [5].

Оставить без внимания факт реального эмпирического переживания людьми зла невозможно. Но как быть, если это зло производят тоже люди, искренне полагающие, что они сражаются на стороне добра, и делающие это лишь потому, что, как и прописано в их этической традиции, это ощущается ими как необходимость или долг, не исполнить которого они не могут? «Вероятно, – ответят нам, – эти люди оказались непригодны для этой борьбы».

Однако такой своеобразный «этический расизм» не может нас удовлетворить, ибо хотя он и имеет определенное теоретическое обоснование, классифицировать людей на «годных» и «негодных» практически, оказывается возможным только испытав их в деле. А значит угроза того, что борьба со злом может обернуться еще большими злодеяниями, остается в силе. Отказ же вообще от всякого внешнего сопротивления злу, с акцентом на изживание собственного внутреннего зла в человеке, чему учит этика ненасилия, толстовство и в некоторой степени стоики, не только не решает проблему, но даже напротив усугубляет это положение, предоставляя всякому «непросветленному» злодею полную свободу злодеяния.

Разрешить этот парадокс в пределах одной лишь чистой этической теории невозможно. Всякая теория имеет дело с абстракциями, и потому ее выводы обращаются в ничто при первой же попытке применения их в реальной жизни, где зло – это не *зло вообще*, но всегда какое-то *конкретное зло*, ощущаемое как таковое конкретным человеком. И проблема преодоления зла возникает не из теории, а из живого нравственного переживания личности.

Большинство людей не знакомо ни с какими этическими системами и руководствуется в своих поступках и оценках так называемой «обыденной моралью», сложившейся как сумма пережитых моральных ситуаций и этических прецедентов. Всякий человек, родившись, попадает в общество, живущее по нормам именно этой морали. Эти внешние правила, ограничивающие его произвол и охраняющие его от зла, необходимы, но лишь до определенного момента. По мере взросления человек научается самостоятельно различать добро и зло и действовать «по совести», а не «по написанному».

Вопреки общераспространенному мнению, рискну утверждать, что совесть никак не связана с нормами морали, поскольку ее происхождение духовно. Она есть внутреннее зрение, которым мы видим собственное зло, выплеснутое во вне, или готовое выплеснуться, и опознаем действительное зло происходящее рядом.

Она – безусловное добро, голос Истины внутри человека, тот минимум духа, который дан нам от рождения и никогда не может быть уничтожен. В изменчивом мире она призвана служить несокрушимой опорой для внутреннего взращивания добра в человеке. Благодаря ей мы можем почувствовать подлинный смысл этических категорий, во всей их ситуативной многоóбразности.

По мере развития духа, мораль, как величина непостоянная, должна отступать на второй план. Однако, как правило, происходит обратное. Как писал С. Франк, «относительная легкость внешнего, видимого подчинения моральным нормам и та репутация, которую мы этим заслуживаем, легко ведет к моральному самодовольству, к фарисейскому самолюбованию; личность приучается скрывать от самой себя – а не только от других – тьму, смутность и слабость своего подлинного существа, свою истинную духовную нужду и смотреть на себя со стороны как на общепризнанного носителя моральных идеалов и ценностей» [6].

Сегодня мы живем в мире, когда возможно убивать, не видя противника, грабить и обрекать на смерть, не глядя в лицо жертве. На расстоянии, опосредованно, но в ужасающих масштабах. Неконкретность зла делает его как бы неощутимым для «злодея». Современное зло совершается без ненависти, без злобы, но и без стремления к всеобщему благу. Есть только собственная личная выгода. При таком безразличии к обществу надеяться на «обыденную мораль» как регулятор деятельности индивида не приходится. Каждый волен придумывать и обосновывать свои собственные, удобные ему лично, нравственные принципы. А потому единственным подлинным регулятором остается совесть. Другое дело, что многолетняя практика главенства морали над духом, отучила людей прислушиваться к голосу совести. Впрочем, эта проблема требует отдельного глубокого и детального осмысления.

Конечно, совесть не страхует человека от совершения им зла. Но она позволяет совершившему осознать это зло как зло. И в сравнении с тем, что до сих пор, прикрываемое удобной версией морали, зло повсеместно реализуется под маской добра, это уже не мало. Признавая несовершенство человека, следует признать и опасность совершения им зла. Человек может ошибаться. Но это не вина, а беда каждого из нас. А потому подлинное преодоление зла начинается с признания и познания, прочувствования собственного несовершенства и отказа от претензий на безусловно благое существование.

Тот факт, что все попытки установить рай на земле терпят поражение, закономерен. Несовершенный человек не может и не должен обладать совершенным бытием. Создать совершенное общество из несовершенных людей не возможно. Человеку, как существу тварному, и в данном случае не суть важно сотворен он Богом или природой, не под силу изменить законы собственного бытия. Святость не воспитывается, она есть дар свыше. Замечательно высказался по этому поводу Н. Бердяев, отметив, что «ложь заключается в самом предположении, что *добро во что бы то ни стало…* должно быть утверждено в мире» [7].

Таким образом, сопротивление злу может быть признано нормальным на уровне обороны (не только самообороны), но этим и должно ограничиваться. Признаем мы за злом духовное происхождение или душевное, боремся с собственной порочностью или реагируем на чужую, в данном случае не важно. Наращивание

добра и вытеснение зла – это естественный процесс жизнедеятельности здорового человека. Превращать их в самоцель, значит приносить «живую жизнь», как говорил Ф.Достоевский, в жертву своим представлениям о ней.

Но в тот момент, когда оборона перерастает в наступление, под лозунгами установления рая на земле и искоренения зла, возникает необходимость это зло както обозначить, доказать его злобность и тем самым выдать себе санкцию на его уничтожение. Борьба со злом превращается в свою противоположность.

Примечания

1.Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. //Собрание сочинений в 10 т., - Т.5. - М., 1995. - С.157.
2.Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла. // Сочинения в 4 т., - Т. 4, - М.: Мысль, 1989. - С. 244.
3.Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т., - Т.5, - М.: Политиздат, 1986. - С. 84.
4.Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки. (Мф. 7, 12)
5.Франк С.Л. Крушение кумиров. // Сочинения. - М.: Правда, 1990, - С. 128.
6.Там же. - С. 157-158.
7.Бердяев Н. Кошмар злого добра. //Путь. - М., 1992, - С. 83.

В.Г. Климов (г. Пермь, ПНК)

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАК ОСНОВА ПРОГРЕССА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Известно, что не все процессы развития научных идей должны подлежать изучению для выяснения развития научного мировоззрения. Но само научное мировоззрение не есть что-нибудь законченное, ясное, готовое; оно достигалось человечеством постепенно, долгим и трудным путем. В разные исторические эпохи оно было различно. Изучая прошлое человечества, мы всюду видим начала или отдельные части нашего современного мировоззрения в чуждой нам обстановке и в чуждой нашему сознанию связи, в концепциях и построениях давно прошедших времен. В течение хода веков можно проследить, как чуждое нам мировоззрение прошлых поколений постепенно менялось и приобрело современный информационный вид. Но в течение всей этой вековой, долгой эволюции мировоззрение оставалось научным [1, С. 38]. В прошлые эпохи исторической жизни научное мировоззрение занимало разное место в сознании человека, временно отходит на далекий план, иногда вновь занимает господствующее положение. В последнее столетие

наблюдается неуклонно идущее, все усиливающееся его значение в сознании и в жизни культурной, образовательной части человечества, быстрый и живой прогресс в его построениях и обобщениях. В отдельных крупных явлениях уже достигнута научная истина, а в других мы к ней целенаправленно приближаемся, видим зарю ее зарождения и развития. Под влиянием таких успехов, идущих непрерывно в течение многих поколений, начинает все более укореняться убеждение в тождественности научного мировоззрения с научной истиной. Например, до тех пор, пока научно не была доказана невозможность основных посылок птоломеевой системы, она могла быть частью научного мировоззрения. Труды исследователей, самостоятельно работавших в области птоломеевой системы, поражают нас научной строгостью исследования. Мы не должны забывать, что именно их трудами целиком выработаны точные методы измерительных наук. Известно, что на этой теории развивались тригонометрия и графические приемы работы; приспособляясь к ней, зародилась сферическая тригонометрия; на почве той же теории выросли измерительные приборы астрономии и математики, послужившие необходимым исходным пунктом для всех других точных наук.

Именем научного мировоззрения мы называем представление о явлениях, доступных научному изучению, которое дается наукой. Под этим именем мы подразумеваем определенное отношение к окружающему нас миру явлений, при котором каждое явление входит в рамки научного изучения и находит объяснение, не противоречащее основным принципам научного искания. Отдельные частные явления соединяются вместе как части одного целого, и в конце концов получается одна картина Вселенной, Космоса, в которую входят и движения небесных светил, и строение мельчайших организмов, превращения человеческих обществ, исторические явления, логические элементы мышления, бесконечные законы формы и числа, системы исчисления, способствующие развитию компьютерных систем и, следовательно, информационных технологий в образовании, промышленности и управлении. Эволюция научного мировоззрения всегда проникнута сознательным волевым стремлением человеческой личности расширить пределы знания, охватить мыслью все окружающее, что особенно приобретает актуальную проблему в современных условиях глобальной информатизации и коммуникации.

Научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами социальной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни, образования или искусства невозможно. Все эти проявления тесно сплетены между собой, и могут разделены только в воображении. В настоящее время, в эпоху информатизации общественных отношений и расцвета научного мышления, эта тесная и глубокая связь науки с другими течениями духовной жизни человечества нередко забывается. Приходится слышать о противоречии между научным и религиозным, между научным и философским и даже между научным и эстетическим мировоззрением. Трудно сказать в настоящее время, большее ли поле занято наукой в тех областях человеческого мышления, в которых прежде всецело царили религия или философия, или большее место приобретено благодаря росту и эволюцию научного мировоззрения. Как

будто происходит один, единый процесс, который только нами – чисто абстрактно, логически – дифференцируется на нераздельные по существу части. Новые завоевания и новые ступени, достигнутые в научной области, неизбежно передаются дальше тесно связанным с ней другим сторонам человеческого сознания и раздвигают их пределы. Эта мысль давно целиком вошла в научное мировоззрение современного компьютерного времени в вопросах жизненного творчества человечества как общественно-государственного, так и технического. В общее сознание вошло убеждение, что развитие науки раздвигает рамки жизни и составляет могущественный элемент прогресса информационных технологий. Те изменения, которые в последнее время произошли в формах экономической и управленческой жизни, в технике и информационных технологиях, служат убедительным примером практического влияния науки [2, С. 2].

Научное мировоззрение и данные науки доступны полнейшей критике всякого, исходящей из принципов научного исследования, опирающейся на научные истины. В этом вопросе открывается широкое поле для проявления научной индивидуальности. Известно, что до тех пор, пока данные научного исследования не составляют научную истину или истинность этих данных не может быть неопровержимо доказана, они могут и должны подвергаться критике. Вся эволюция науки показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации ученых или сотни исследователей, придерживающихся господствующих взглядов. Многие научные истины, входящие в состав современного научного мировоззрения, или их зародыши проповедовались в прежние века отдельными исследователями, которые находились в конфликте с современным им научным мировоззрением. Несомненно, и наше информационное время наиболее истинное, наиболее правильное и глубокое научное мировоззрение кроется среди каких-нибудь одиноких ученых или небольших групп исследователей, мнения которых не обращают нашего внимания или возбуждают наше неудовольствие или отрицание. Это объясняется тем, что научная мысль эволюционизируется сложным путем, и для того, чтобы доказательство истины было понятно современниками, нужна долгая работа и совпадение нередко совершенно исключительных благоприятных условий. Даже истины математики проникают иногда с трудом, иногда десятками лет ждут признания. В российской науке мы видим влияние отдельных личностей на развитие научного мировоззрения. На этом зиждется рост и прогресс научного мышления и практического применения в общественной жизни.

Следует отметить, что имеется тенденция неустойчивости и изменчивости современного научного мировоззрения, которая мало имеет общего с мировоззрением средних веков. Очень мало научных истин, неизменных и идентичных, которые бы входили в оба эти мировоззрения. А между тем можно проследить, как одно произошло из другого, в течение всего этого процесса, в течение всех долгих веков было нечто общее, оставшееся неизменным и отличавшее научное мировоззрение как средних веков, так и нашей информационной эпохи. Это общее и неизменное есть научный метод искания, есть научное отношение к окружающему. Хотя они также подверглись изменению во времени, но в общих чертах они остались неиз-

менными. Основы их нетронуты, изменения коснулись приемов исследования, новых проявлений скрытого целого, углубилось понимание научного отношения.

Роль науки резко возвысилось благодаря появлению машинного производства. Возникли условия для превращения науки в активный фактор самого производства с широким использованием информационных технологий [3, С. 282]. Сегодня бизнес, связанный с информационными технологиями – один из самых динамичных и высокодоходных секторов мировой экономик, а сами информационные технологии – это мощный рычаг обновления и повышения конкурентоспособности национальных производств, развития инновационной деятельности. Наши российские позиции здесь пока всё еще скромные: менее одного процента мирового рынка. Отечественным компаниям с их ограниченными ресурсами пока трудно конкурировать не только на внешнем, но и на внутреннем рынке [4]. В этих условиях происходит новая коренная перестройка науки как системы. Чтобы наука могла удовлетворять потребности современного высокотехнологичного производства, научные знания должны стать достоянием большой армии профессиональных специалистов. «Наука все более превращается в непосредственную производительную силу, а практическая реализация результатов науки лежит через ее личное воплощение. Оно выступает уже не в качестве средства, а в качестве самоцели … Наука призвана во все большей степени ориентироваться уже не на одну лишь технику, но и самого человека, на безграничное развитие его интеллекта, его творческих способностей, культуры мышления. На создание материальных и духовных предпосылок для его всестороннего, целостного развития» [5, С. 236].

В *заключении* следует отметить, что эволюция научного мировоззрения привела к совершенно новым подходам в человеческой деятельности. Изменились традиционные методы и способы производства, образования, экономики, управления, культуры и искусства. Появились информационные технологии и процессы управления с широким использованием компьютерных средств и коммуникационных сетей Интернет, электронной почты, что способствовало повышению эффективности человеческой деятельности. Как отметил В.В. Путин [4] на совещании по вопросам развития информационных технологий: «… у нас есть и кадровый потенциал, и весомый научный задел в этой области. Уверен, что при эффективном и грамотном использовании этих возможностей страна может добиться серьезного прорыва в информационной сфере. Мы просто не должны упустить такой шанс, тем более что ряд государств достигли в этой сфере успеха, имея не такие сильные стартовые позиции».

Примечания

1.Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. - М.: Изд-во «Наука», 1981. - 357 с.

2.Роберт И В. О понятийном аппарате информатизации образования // Информатика и образование. – 2002. - № 12. - С. 2 – 6.

3.Пустильник И.Г. Понятие «наука» в профессиональной подготовке специалистов / Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции: Сб. науч. тр. - Вып. 2. / Отв. ред. Г.Д. Бухарова. Екатеринбург: - Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2004. - 404 с.

4.Путин В.В. Выступление на совещании по вопросам развития информационных технологий (11 января 2005 г.). - Новосибирск, Академгородок: / http://president/kremlin.ru.
5.Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - М., 1981. - 423 с.

Л.Г. Корсунская (г. Нижневартовск, ТГНГУ)

ЧЕЛОВЕК В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

XX1 век - это эпоха глобализации, невиданной взаимосвязи и взаимозависимости людей, народов и стран. Ныне интеграционные процессы стали важной составляющей жизненных интересов бытия человека. Широко развернувшаяся во второй половине XX в. глобализация породила не только проблемы и противоречия, но и надежды на то, что универсализация форм жизни людей поможет им разрешить ее трудности и противоречия.

Одна из самых глобальных проблем – сам человек. Его бытие зависит от решения всех других мировых проблем. В то же время в человеке все они фокусируются, в известной смысле начинаются и завершаются.

В XXI в. под угрозой оказались не только жизнь человека, но и вся совокупность существенных признаков его внутреннего мира.

Сознание и поведение многих людей в современном мире (угрожающие масштабностью наркомании, невежества, суицида, преступности, отчуждение от общества природы, культуры и т.д.) в социальной философии и в современной науке становятся предметом особого внимания многочисленных исследований.

Чтобы понять сущность глобализации, необходимо прежде всего изучить ее антропологические основания, корни, поскольку реально, эмпирически существует именно человек как отдельное существо. Что же касается общества, то оно складывается из отдельных людей и представляет собой их единство, взаимосвязь и взаимодействие, т. е. систему отношений между людьми, объединение людей, позволяющее им в их совместном, совокупном существовании сохранять и развивать свое бытие. Общество - это способ существования человека, его жизненная необходимость, атрибут родовой жизни. Не вступая в отношения друг с другом, люди не в состоянии обеспечить решение своих жизненных проблем.

Глобализация человека, форм его жизни и деятельности - это процесс универсализации его бытия, наполнения его общечеловеческим содержанием. Человек как субъект всемирной истории историчен. Он продукт своего времени, а не вечная, неизменная сущность. Нельзя полагать, следовательно, что человек изменчив лишь как конкретное, индивидуальное существо. Он развивается и как глобальная сущность за счет универсализации индивидуального опыта.

Однако глобализация не имеет никакого смысла без индивидуализации общественных процессов. Известно, что каждый человек, будучи общественным существом, является также и существом уникальным, неповторимым как телесно, так и духовно. Никакая связь между людьми, между народами не снимает и не исключает их индивидуальности. Каждый человек воспринимает и понимает мир в чем-то по-своему. Его отражение мира в сознании заключает в себе нечто субъективное, неповторимое. Оно - то и может представлять интерес для общества. Уникальность народов дана им от природы и истории. Именно она и дает о себе знать в политике, экономике, культуре народов и их творческих представителей. Именно она и является объектом универсализации. Это значит, что индивидуальное богатство социумов обладает способностью к движению от единичного к особенному и общему.

Как уже отмечалось, антропологическим корнем глобализации является иррационально данная природе человека способность или потребность в общении. Значит, люди «устроены» так, что они не могут не передавать и не получать опыт и ценности друг друга. Более того, глобализация является необходимым звеном в развитии социума, инструментом его жизнедеятельности и обновления.

Конечно, глобализация - это инструмент не только телесного, биологического выживания и существования человека и общества. Она является главным образом инструментом духовного самосозидания и самодвижения человеческого общества. Именно духовная сущность человека как его жизненная сила побуждает людей к самовыражению, самораскрытию, самообновлению. Экспансия субъективного духа во внешний мир - это сущностная черта его характера. Это значит, что сама творческая природа человеческого духа предполагает его самораскрытие, т. е. глобализацию. «Душа, - писал Н. А. Бердяев, - есть творческий процесс, активность. Человеческий дух всегда должен себя трансцендировать, подыматься к тому, что выше человека. И тогда лишь человек не теряется и не исчезает, а реализует себя. Человек исчезает в самоутверждении и самодовольстве». И далее: «Мировая социальная среда не только влияет на человека, но она и проецируется человеком изнутри. Из глубины идет выразительность, экспрессивность, и она определяет и общность, общение людей» [1]. Другими словами, общность, общение людей, а, следовательно, и глобализация идут изнутри человека, из глубин его духовного бытия.

Для исследования тонкостей и нюансов социального взаимодействия, в том числе и глобализационного, следует исходить прежде всего из жизненного мира субъектов и объектов этого взаимодействия.

Глобализация как социокультурный процесс противоречива. В одном отношении она позитивна, так как сближает людей, страны, народы, открывает им новые возможности развития, модернизирует, интеллектуализирует их образ жизни и мысли. В другом отношении глобализация негативна, ибо приводит к универсализации таких явлений, как терроризм, экстремизм, агрессивный сепаратизм, техногенный катастрофизм, национализм, и вообще всех проблем, с которыми сталкивается современная цивилизация (экологических, энергетических, демографических и др.). В этом плане глобализация дискомфортна, осложняет бытие человека, приносит ему страдания и неудовлетворенность. Именно эта сторона глобализации и является объектом современного антиглобализма.

Однако негативные последствия глобализации ни в коем случае не следует абсолютизировать. То, что она усложняет жизнь народов и государств, привносит в нее напряжение и трудности, очевидно. Вместе с тем глобализация обеспечивает интеграцию народов и государств в единую целостность. А это позволяет им решать свои жизненные проблемы наиболее эффективным образом, широко используя опыт развития друг друга. И как бы современные цивилизации ни отличались друг от друга, их объективно объединяют общечеловеческие ценности, интересы сохранения всеобщего мира и благополучия своих граждан.

Проблема глобализации в современном мире может быть рассмотрена и в аспекте национальных отношений. Как известно, жизнь каждой нации также характеризуется двумя противоположными тенденциями. Одна из них состоит в том, что нация всегда открыта для других наций. И как бы она ни была уникальна, самобытна, она всегда так или иначе связана с другими нациями, обогащает их и обогащается их ценностями, опытом, идеями, способами деятельности.

Другая тенденция в жизни наций состоит в том, что прозрачность их отношений всегда относительна. Никакая связь и взаимосвязь национальных социумов, ни при каких условиях, не исключает их уникальности, неповторимости и автономности. Другими словами, в отношениях между нациями всегда присутствует момент отграничения, обособленности и раздельности того, что объективно не позволяет нациям отождествиться друг с другом. Каждая нация, таким образом, испытывает на себе воздействие других наций, впитывает их опыт, ассимилирует его, сохраняя, однако, свою самобытность и качественную определенность. Эта способность нации выживать, сохранять себя, свою биопсихическую уникальность и неповторимость, культуру, свой язык, религию, традиции, район заселения, собственность, формы труда и быта, всемерно противостоять объективной тенденции к слиянию и есть способность к национальной жизни.

Такой «расклад» структуры национальных отношений предполагает, что каждая нация, с одной стороны, является субъектом трансляции своих ценностей на окружающий ее мир, а с другой - объектом отражения и восприятия ценностей других наций. В этом смысле можно говорить о превращении национального в интернациональное, т. е. о глобализации ценностей в межнациональных отношениях. Например, английский язык сегодня является уже ценностью формирующегося глобального общества. Его нельзя рассматривать в качестве исключительно национального достояния. В современном мире интернационализм как форма глобализации охватывает практически все сферы жизни общества. И, наконец, самое главное: глобализация национальных ценностей ни в коей мере не должна осуществляться за счет ущемления национальных интересов народов. Только на этом пути можно избежать межнациональных распрей и конфликтов, а также конфронтации между национальными группами и структурами власти. Глобализация национальных ценностей и самоидентификация народов должны взаимно дополнять друг друга.

Разумеется, универсализация национальных ценностей - это всего лишь одна из форм глобализации. В качестве объекта глобализации могут выступать практически все ценности, которыми располагают индивиды, социальные группы, страны

и народы. В этой связи правомерно говорить о единой мировой экономике, технологии, финансовой системе, об общепланетарной собственности, о глобальной политике, этике, культуре, философии, о международной правосубъектности личности и др.

Решить грандиозную задачу фундаментальной реконструкции российского бытия на демократической основе невозможно без опоры на достигнутые глобализационные результаты, без применения всего ценного, что освоено мировым сообществом. Связь гуманизма и глобализма должна стать важнейшим принципом политики Российской Федерации.

Итак, процесс реформирования российского общества без использования интеграционных процессов просто немыслим. В свою очередь, только демократическая цивилизация способна поставить глобализационную рациональность на службу человеку во имя осуществления гуманных идеалов, обеспечить трансформацию глобализационных процессов в силу, непосредственно воздействующую на сферу реализации жизненных интересов человека. В этой связи термин «глобализация» приобретает два значения, два смысла. Один из них предполагает интеграцию народов и государств в единую целостность со всеми ее плюсами и минусами. Другой - подразумевает интеграцию на основе гуманистического целеполагания.

Демократическая цивилизация предполагает достаточно высокий уровень интеграции страны в мировое сообщество. Раньше глобализационная рациональность имела один смысл: одни от нее получали блага и жизненное удовольствие, а другие были лишены самого необходимого. Сегодня ситуация изменилась, поэтому все интеграционные достижения должны стать достоянием всех стран и народов. Глобализация не должна быть инструментом насилия и эксплуатации. Именно в соединении мощных интеграционных процессов современного мира с интересами и стремлениями отдельных стран и их народов необходимо усматривать новую социальную роль глобализации, ее гуманную функцию. Ныне глобализация должна стать одной из главных основ созидания подлинно демократической цивилизации.

Для современных российских условий особенно актуален следующий вывод: «Общество будет таким, каким способны его создать сами люди. Иными словами, будущее общество зависит от нашего выбора - коллективного и индивидуального. Сам же выбор отражает уровень развития людей, прежде всего уровень развития людей, находящихся у власти».

Примечания

1. Бердяев Н.А. «Философия свободы духа» - М.: Республика 1994, - С.203
2. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. - М, 1997 г.
3. Боголюбов Л.Н., Лазебников А.Ю., Человек и общество. - М. «Просвящение», 2000.
4. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Социальоные мифы /Отв. ред. Рябов А.В., Курбангалеев Е.Ш. - М.: «Дом интеллектуальной книги», 2003.
5. Никандров Н.Д. Россия: Социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. - М: «Гелиос АРВ», 2000.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. – М: 1990.

И.Л. Морозов (г. Волжский, филиал МЭИ)

ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА – В ПОИСКАХ ГРАНИ МЕЖДУ УГРОЗОЙ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОБЪЕКТОМ ПОЛИТИЧЕСКИХ СПЕКУЛЯЦИЙ СО СТОРОНЫ ПРАВЯЩИХ ЭЛИТ

Политическая история человеческой цивилизации со времен античных полисов и до тоталитарных государственных систем XX века показывает, что процесс введения режима личной диктатуры почти всегда начинается с деклараций о необходимости экстренного противодействия какой-либо смертельной угрозе для общественной, государственной или национальной безопасности [1]. В СССР репрессивную машину «Великого террора» конца 30-х годов XX века формально запустило бытовое убийство 1 декабря 1934 года С.М. Кирова, которому был придан статус политического террористического акта как одного из звеньев в широкомасштабном заговоре против социалистической государственности. Примерно те же процессы можно было наблюдать в истории гитлеровской Германии – сначала в результате «теракта» загорается здание Рейхстага, и лишь потом начинают дымить печи Освенцима, но никак не наоборот.

Наличие террористических движений как активного субъекта современных политических систем и сейчас может быть использовано правящей элитой демократических стран в качестве предлога к постепенной эволюции демократических (или квазидемократических, если речь идет о Российской Федерации) режимов в авторитарные. При этом процессе гражданское общество со стороны обслуживающих элиту СМИ подвергается профессиональной информационной обработке с целью побудить население добровольно отказаться о ряда ключевых гражданских свобод и элементов местного самоуправления. Наиболее простая и эффективная информационная технология этого плана – формирование «образа врага» [2].

«Образ врага» - исторически апробированная информационно-политическая технология, с помощью которой правящая элита, не затрачивая значительных материальных ресурсов, способна решить сразу несколько стратегических задач в области сохранения и концентрации власти, мобилизации человеческих ресурсов государства, подавления внутренней оппозиции. «Образ врага», внедряемый в массовое сознание в ходе системы мер агитационно-пропагандистского характера, заставляет временно заблокировать внутригосударственный конфликт по линии власть-общество, или снизить его интенсивность, компенсировать серьезные ошибки лидера государства в экономической и социальной сферах.

Перед лицом реальной или мнимой угрозы общецивилизационного (этнического, национального) масштаба, население демонстрирует значительную покорность правителю, особенно если ему удается в довесок к официальной должности получить какой-либо психологический сакральный статус вождя мобилизующего типа («отец народа», «защитник обездоленных», «борец с коррупцией и привилегиями» и т.д.). Как показывает историческая судьба России, активизация в народном сознании «образа врага» генерирует колоссальный автономный ресурс проч-

ности существующей политической системе [3]. Особенно характерно, что в отличие от западноевропейских стран, этапы наиболее крупных достижений и успешных системных реформ в России были возможны лишь в периоды наиболее сильной социально-политической напряженности перед лицом определенных угроз. Вполне закономерно, что почти каждый правитель России по мере сил и способностей старался задействовать фактор искусственной активизации «образа врага», в зависимости от исторической эпохи выдавая за такового своих ближайших сподвижников и конкурентов, либо подпольных заговорщиков – «врагов народа», либо опасность так называемого «красного реванша», либо международный терроризм.

«Образ врага» и сейчас подсознательно ожидаем российским населением, поэтому политической силе, способной наиболее успешно идентифицировать и актуализировать неких внешних или внутренних врагов, виновных в современных проблемах населения России, будет немедленно выдан своеобразный «карт-бланш» в борьбе за сохранение власти. Весьма характерно этот тезис иллюстрируется тем, с какой легкостью российское население согласилось признать административную реформу, отменившую выборы глав регионов страны и передало эту функцию президенту, поскольку последний убедительно мотивировал свои инициативы именно необходимостью ужесточения борьбы с терроризмом (после трагических событий в г. Беслане).

Возникновение «образа врага» в российском массовом сознании сейчас можно объяснить целым блоком взаимосвязанных негативных факторов. Это и кризис идентификации, вызванный эрозией имперской модели мировоззрения, повлекший за собой серьезные, не оцененные до сих пор, психологические проблемы у всего «доперестроечного поколения», это и некий комплекс вины за «не удавшийся социалистический эксперимент». Однако «образ врага» - обоюдоострое оружие, способное поразить своего же создателя. Все манипуляции с данной информационно-политической категорией чрезвычайно опасны, особенно в наше время. Если до последних лет в российской «глубинке» в качестве стабилизирующего фактора политических процессов сохранялся своеобразный здравый консерватизм политического сознания населения, уравновешивающий динамичную и даже радикальную политическую жизнь столицы, то сейчас подобной «страховки» у нас уже нет.

Анализируя современный политический терроризм, следует учитывать несколько принципиальных обстоятельств. Не следует стремиться обобщить в одной формулировке разнородные террористические движения, имеющие неоднозначную причину происхождения и, соответственно, разные принципы эволюции. Например, лево- и праворадикальный политический терроризм имеет внутрисистемное происхождение, порождается противоречиями самой государственной политической системы на соответствующем этапе ее развития. Например, пик ультралевого терроризма в Западной Европе в 60-70х годах XX века был вызван духовно-мировоззренческим кризисом финальной стадии господства индустриальной цивилизации с ее превращением каждого индивида в бездушную и несамостоятельную деталь в огромной социальной фабрике, что хорошо нашло выражение в философских конструкциях экзистенциализма и Франкфуртской школы. Переход к постиндустриальной стадии развития цивилизации для современного Запада во многом

снимает эти противоречия, поэтому внутрисистемный терроризм теряет былые масштабы.

Современная Россия имеет дело с терроризмом совершенно иного рода – внесистемным, имеющим характер войны цивилизаций. Задача современного терроризма - не побуждение правящей элиты к реформам социально-политического рода, а целенаправленная и планомерная дестабилизация политического режима с последующим крушением самих основ российской государственности. Не является ли подобный процесс закономерным? Обратившись к мировой истории, мы заметим, что слабеющая политическая система, основанная на имперских принципах, неизбежно попадает под этнокультурный, а затем и военный удар «варваров». Причем речь может идти как о политических соседях, так и об этносах, начавших «пассионарный» подъем (терминология по концепции Льва Гумилева) внутри самой империи и оспаривавших право на политические управление и прочие привилегии со стороны так называемого титульного народа. Благо, народ этот в большинстве своем разучился и эффективно воевать и самоотверженно созидать, да и просто уважать сам себя тоже уже не способен.

В период, когда «неопассионарный» этнос еще не может утверждать свое влияние открытым военным путем, его радикальная часть прибегает к терроризму именно как способу ведения войны. Если в первом случае (терроризм как внутрисистемное явление) в борьбе с экстремистами эффект дают социальные и экономические реформы в сочетании с операциями силовых структур государства по выявлению и уничтожению террористических группировок (как правило, они немногочисленные, хотя шуму производят много, как, например «Фракция Красной Армии» в ФРГ), то во втором случае военно-полицейские меры будут неэффективны до тех пор, пока не разрушится сам этнокультурный слой, обеспечивающий питательную базу террористического движения. В данном случае если и помогают какие-то методы, то только крупномасштабные и жестокие, когда государство официально объявляет своего противника, может идентифицировать его и ведет войну на его уничтожение как явления. Именно так И.В. Сталин в 40-50е годы XX века «решил» проблему с чеченским терроризмом на Кавказе, покончил с националистическим движением в Западной Украине и с «лесными братьями» в Прибалтике.

Но современная Россия к таким радикальным действиям прибегнуть не может, даже если правящая элита и захочет такого варианта решения проблемы терроризма. Предпринятые репрессивные действия будут не столь эффективны, как в эпоху тоталитаризма, и, скорее всего, в итоге обернутся крахом государственности. Сейчас Россия как государственная структура крайне уязвима – имперская модель, на основе которой строилась и эволюционировало наше государство как во времена царской России, так и Советского Союза, более неэффективна и нуждается в замене, а логический переход к построению полноценного национального государства наша правящая элита осуществлять не хочет. Более того, русского патриотизма и роста социально-политической сплоченности русского народа элита боится, вполне вероятно даже в большей степени, чем кавказского сепаратизма.

Имперская государственная модель может позволить себе полиэтничность и поликонфессиональность своих подданных, поскольку разнородность общества

компенсируется некоей мессианской идеологией, абсолютной уверенностью в своей правоте и цивилизационном превосходстве над окружающими государствами. Как правило, видимость такого превосходства действительно поддерживается высокими достижениями в искусстве, науке и относительно стабильным уровнем жизни для большинства населения. Однако имперская модель имеет и предел развития, поэтому все великие империи в истории человечества заканчивались одинаково. К 80-м годам XX века исчерпались последние резервы имперской модели России, однако исполнительная власть упорно и последовательно пытается реанимировать именно ее в сочетании с общепланетарными процессами глобализации, a priori отказавшись от самой идеи построения национального государства. Но нет ничего пагубнее, чем неспособность своевременного отказа от квазиимперской модели, когда одряхлевшее государство все еще пытается играть в интернационализм и международное мессианство, пытается излучать «вселенское добро окультуривания» на своих соседей. Между тем эти соседи, привлеченные территориальными или природными ресурсами дряхлеющей цивилизации, начинают сначала мирную инфильтрацию на ее территорию, которая потом перерождается в национально-культурную агрессию, сопровождаемую и насильственными действиями.

В современных условиях, на существующей стадии исторической эволюции России, правящая элита объективно не способна полностью ликвидировать террористические и экстремистские тенденции, в частности среди некоторых страт исламского населения России. Однако под вывеской борьбы с терроризмом элита вполне может установить авторитарный режим, о чем и свидетельствуют наблюдаемые нами социально-политические процессы внутри страны.

Внутренние проблемы политической системы Российской Федерации в части развития политического экстремизма и терроризма, к сожалению, пришли в резонанс с общемировыми тенденциями глобального управления и монополярного лидерства, являющихся компонентами стратегии США. Эсхатологическая трактовка финала эволюции человеческой цивилизации [4] как победы мировой демократии логически приводит к выводу о возможности и даже необходимости искусственного ускорения наступления «всеобщего блага». Военно-политическое вмешательство в судьбу других народов может быть оправдано все тем же «образом врага», но данная информационно-политическая императива массового сознания подверглась эрозии с крушением международного социалистического блока. Известный постулат о том, что демократии не воюют между собой, следовало бы уточнить дополнением, о том, что формула верна лишь до тех пор, пока демократии сплочены перед лицом общего врага.

Лидеры-диктаторы малых государств, маргинализированных по военным, экономическим и геополитическим параметрам и представляющие собой идеальную мишень для «маленькой победоносной войны» как нарушители прав человека (по отношению к своим же гражданам), выступали приемлемым объектом для атаки американской администрации времен Б. Клинтона. Однако поощрение национального сепаратизма, одностороннее военное вторжение в различные субрегионы планеты и иные процессы, сопровождавшие борьбу с этими лидерами, все же не могли получить однозначную поддержку западных союзников по альянсу, безого-

ворочно получить одобрение и американской нации, не видевшей прямой угрозы своему существованию.

Террористическая деятельность «Аль-Каиды» и антиамериканские радикальные манифесты ее лидеров [5] с вполне определенными и мотивированными угрозами физического уничтожения представителей западной цивилизации дали повод к конструированию качественно новой информационно-политической категории, внедряемой в массовое сознание населения – вездесущий международный терроризм и неоспоримая необходимость борьбы с ним. Неуловимость лидеров «Аль-Каиды», интернациональный состав ее группировок и универсальность географического спектра ее активности позволяют американской элите задействовать данные факторы для решения целого комплекса внешнеполитических и внутриполитических задач: от отвлечения внимания граждан от ухудшающегося экономического климата, до обоснования в глазах мировой общественности необходимости американского военного присутствия в стратегических регионах планеты, позволяющих контролировать энергоресурсы всей человеческой цивилизации. При этом противник в лице мирового терроризма хотя и предельно агрессивен, но с точки зрения реальной эффективности все же относительно слаб [6], дабы не нанести «удар возмездия», причиняющий необратимый вред американской наци и государственному аппарату. Очевидно, уже сейчас можно констатировать, что терминологические категории «внешнеполитический соперник» и «международный террорист» умышленно или случайно смешаны до степени идентичности со всеми последствиями.

Примечания

1. См. напр.: Макиавелли Н. История Флоренции. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Государь: Сочинения – М.: ЗАО Издательство ЭСМПО-Пресс; Харьков: Издательство «Фолио», 1998. – С. 123 – 623.

2.Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Основы обеспечения безопасности России: Учебное пособие. - М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2003. - С. 209.

3. Подробнее см.: Морозов И.Л. Формирование в народном сознании «образа врага» как способ политической мобилизации в России // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы международной научной конференции. – СПб.: «Нестор», 2001. - С. 54 – 56.

4. Вспомним, с какой последовательностью философское эссе Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек» интеллектуальной и политической элитой Запада (и ее единомышленников в самой России) истолковывается как своеобразный политический манифест, задающий вектор развития современной цивилизации.

5. Например, знаменитая фетва Усамы бен Ладена (в соавторстве с другими лидерами исламских радикальных группировок) «Аллах приказывает убивать американцев», см. в книге: Аллах не любит Америку. – М.: Ультра.Культура, 2003. - С. 385 – 387.

6. Обратим внимание, что с 11 сентября 2001 года и до момента написания данной статьи в США не произошло ни одного крупного террористического акта, способного повлечь массовые жертвы среди населения и породить долгосрочные политические последствия. Не потому ли, что «эха» сентябрьских событий и сейчас оказывается вполне достаточно, чтобы действующая администрация могла обосновывать

свои силовые акции в мире и сокращение гражданских свобод внутри страны? отметим, что в Российской Федерации трагические события террористических актов, демонстративно ужасающих по своей жестокости, происходят с регулярностью.

А.А. Побережный (г. Курск, КГУ)

КОНСТРУКТИВИЗМ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

История науки и философии показывает, что проблема философского (гносеологического) обоснования естественных наук сталкивалась с различного рода сложностями и имела различную степень трудности. С позиций материализма XVII-XIX веков считалось, что физика отражает материальную действительность и тем самым имеет философское обоснование. Но метафизическое понимание материального как того, что имеет массу покоя и обладает свойством непроницаемости, делало это обоснование весьма неустойчивым. Открытие делимости атома показало, что в основе материи лежат электроны, которые, как тогда считали, не обладают материальными свойствами. Это означало, что законы физики - не более чем декларативные утверждения и сама физика как наука не отражает объективную реальность. На рубеже XIX-XX веков физика потеряла своё философское обоснование с точки зрения метафизического материализма. Очевидно, что для выхода из данного кризиса понадобилась новая научная парадигма, новый философский и методологический подход.

Проблемы обоснования математики и естественных наук являются одними из центральных в философии И. Канта. К кантовскому анализу основ этих наук обращаются многие учёные на рубеже XIX-XX веков в связи с возникшим кризисом в обосновании математики. Введенные Кантом понятия позволяют ему выявить гносеологические основания современной ему математики и математической физики, и тем самым указать ответы на поставленные им вопросы: «Как возможна чистая (теоретическая) математика?» и «Как возможно теоретическое естествознание?». Кантовское гносеологическое обоснование математики и физики было взято в качестве образца, создателями тех направлений в основаниях математики, которые ориентируются при обосновании математического знания на понятие конструктивности. Наиболее отличительной чертой кантовской философии вообще и его философии математики в частности является принцип активности субъекта в познании, согласно которому мы можем иметь наиболее достоверное знание об объекте лишь в том случае, если можем построить его в уме с помощью присущих нам конструктивных способностей или вызвать его из его причин. Познание понимается при таком подходе не как открывание взору созерцателя некоторых вечных истин, а как

деятельности субъекта по созданию и перестройке объекта из материала, получаемого от внешних воздействий или производимого самим субъектом.

Конструктивизм - направление в философии, основной чертой которого является представление о познании как о конструировании или организации окружающего мира. Познание понимается не как отражение объективной реальности, а как более или менее произвольный процесс конструирования структуры знания и самой реальности. Глобальная переориентация гносеологических исследований в XX столетии явилась источником современных конструктивистских тенденций. Конструктивное направление в математике возникло в начале XX века. Как методологическая проблема, проблема конструктивности была связана с кризисом теоретико-множественного обоснования математики (т. н. антиномии теории множеств). Один из вариантов выхода из этого кризиса был предложен представителями нового направления, названного интуиционизмом. названного интуиционизмом. Представители этого направления выступили с критикой классической математики по поводу правомерности употребления понятия актуальной бесконечности, рассматриваемой как законченное образование и с критикой классической логики по поводу законов непротиворечия как критерия существования и исключения третьего, применяемого для бесконечных множеств. Интуиционисты предлагали построить математику на следующих принципах:

- предметом математики могут быть только эффективно построенные математические объекты;
- истинностью математических суждений может быть только истинность суждений об эффективно построенных математических объектах, связанная только с эффективными методами её установления [3, С. 127].

В 30-х годах XX столетия в математике произошло событие большого принципиального значения: была создана теория алгоритмов (алгорифмов), давшая эффективный способ построения математических объектов, истолкования математических связок и истинности математических суждений. Различные формы понятия об алгоритме были созданы Тьюрингом, А. Чёрчем, А. А. Марковым, А. Н. Колмогоровым и другими учёными. По определению А. А. Маркова, «алгорифм есть предписание, однозначно определяющее ход некоторых конструктивных процессов»м [2, С.135]. Этот момент оказался переломным в судьбе многих идей интуиционистов. Эти идеи были переработаны на новой методологической и философской основе. Постепенно, усилиями многих исследователей начали вырисовываться контуры новых принципов и методов построения математических теорий, начало складываться на современной основе конструктивное направление в математике. Советская школа конструктивизма так же, как и интуиционистская, исходит из принципаинтуитивнойясности исходныхобъектов, конструктивного построения математических объектов, но не связывает интуицию с «праинтуицией». Интуиция понимается на чисто материалистической основе.

В связи с изменением понятия об эффективности, изменяются и понятия эффективного объекта, эффективного построения, интуитивной ясности, эффективной истинности и т.п. Так, например, конструктивным математическим объектом считается математический объект, исходные объекты в построении которого либо

представлены для непосредственного чувственного восприятия, либо интуитивно ясно представимы, а процесс построения из исходных объектов данного объекта осуществляется с помощью алгоритмов. Конструктивная истинность математических суждений должна распознаваться также с помощью алгоритмов.

Конструктивисты всегда явно формулировали предпосылки построения конструктивной математики, к ним относятся: абстракция потенциальной осуществимости, абстракция

отождествления и различения, и абстракция алгоритма. В отличие от классической математики конструктивная математика не принимает абстракции актуальной осуществимости и актуальной бесконечности. Различия в основаниях классической и конструктивной математики и обусловливают различия в понимании сути, целей и методов их обоснования. Конструктивный метод позволил разрешить кризис в обосновании математики. Исследование конструктивных процессов имело большое значение для автоматизации процессов умственного труда и сыграло важную роль в развитии кибернетики. Однако отсутствие тесного сотрудничества между философами и математиками в советской науке 30-50гг. не позволило блестящей школе А. А. Маркова подняться до уровня философии математики [1]. Концепция полного конструктивного обоснования математической теории сложилась позже (к середине 80-х гг.) в немецком конструктивизме или «конструктивной теории науки» (П. Лоренцен, В. Камла и др.). В настоящее время идеи «конструктивной теории науки», развитой из «оперативной» логики и математики немецкого учёного П. Лоренцена развивает «Эрлангенская школа». Эта группа учёных, объединившая крупных философов, логиков, математиков, исследует не только проблемы обоснования логико-математического знания, но и вопросы, связанные с обоснованием естественных и даже гуманитарных наук.

В современной эпистемологии и философии в целом наблюдается резкое возрастание значимости методологических проблем естественных и математических наук. Абстракции все более высокого уровня усложняют отношение знания к действительности. Как методологический принцип конструктивность препятствует вхождению в науку всего туманного, недостаточно обоснованного и существенно повышает научную строгость доказательных рассуждений.

Примечания

1. Мануйлов В. Т. Две концепции обоснования математического знания //Философия. История. Культура. - Часть 1. – Курск. пед. об-во, 1995.

2. Нагорный Н. М., Марков А. А. Теория алгорифмов. - М.: Наука, 1984.

3. Петров Ю. А. Роль философии в обосновании математики// Проблема конструктивности научного и философского знания /Сборник статей. - Выпуск второй. - Курск, 2003.

О. А. Солдаткина, Е.А. Сафонова (г. Пенза, МОСУ)

СЧАСТЬЕ И СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ФЕЙЕРБАХА

Сегодня в современном нам обществе мы пытаемся восстановить ценность свободы личности, которая формально воспринимается нами как одно из прав человека и гражданина. Понятие «свобода личности» часто употребляется в средствах массовой информации, в выступлениях политических лидеров, декларируется Конституцией нашего государства. Однако смысл, вкладываемый в это понятие разными людьми, различен, зачастую предлагаются самые противоположные пути решения данной проблемы.

Свобода как одна из основных философских категорий характеризует сущность человека и его существование. В истории философской мысли это понятие прошло длительную эволюцию – от «отрицательной» (свобода от) до «положительной» (свобода для) трактовки. Философия свободы была предметом размышлений Канта и Гегеля, Шопенгауэра и Ницше, Сартра и Ясперса, Бердяева и Соловьева. Диапазон ее понимания широк – от полного отрицания самой возможности свободного выбора (в концепциях бихевиоризма) до обоснования «бегства от свободы» (Э. Фромм) в условиях современного цивилизованного общества.

Представление свободы как «осознанной необходимости» ведёт к тому, что человек уподобляется физическим предметам, подчиняющимся законам природы. И только понимание свободы как потенциальной способности человека к свободному выбору альтернативы, как возможности мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, а не вследствие принуждения дает личности возможность обретения духовной свободы, обретения человеком самого себя. А в этом и заключается счастье. Поэтому сегодня нам интересна точка зрения выдающихся философов, выделяющих тему счастья и свободы личности как одну из центральных проблем философской мысли.

Известный представитель немецкой классической философии Людвиг Фейербах, утверждает, что каждый человек имеет право на счастье и стремится к нему. Счастье – в нравственно-философских смысле это состояние жизни, когда человек предполагает в ней смысл, доволен её общей направленностью, тем, как он исполняет своё предназначение. Счастье есть единство осуществления блага и связанного с этим устойчивого и глубокого радостного переживания [1]. Для того чтобы избежать страданий и несчастий, человек, отмечает Л. Фейербах, может пойти даже на самоубийство. Признавая счастье движущей силой человеческой воли, философ становится на позиции эвдемонизма, то есть принципа истолкования и обоснования морали, согласно которому счастье – это высшая цель человеческой жизни. В философии Л.Фейербаха этические проблемы занимают особое место, поскольку именно в сфере морали происходит реализация одной из сущностных характеристик человека – его воли. Этика призвана ответить на вопрос о цели и смысле человеческой деятельности, о счастье и свободе, о принципах взаимодействия людей друг с другом. Л.Фейербах сводит всю систему этих отношений к отношениям рода и межиндивидуальному отношению «Я» и «Ты». Именно в сфере межчеловеческого общения и осуществляется реализация человеком своей родовой сущности.

«Идеи возникают только из общения между людьми, только из разговора человека с человеком» [2].

Философ поддерживает идею общественной природы человека, признавая фактически эгоизм исходным принципом человеческой жизни. Вместе с тем, Л. Фейербах ищет механизмы ограничения эгоизма, обращаясь в первую очередь к сфере морали, где и проявляются феномены счастья и свободы человека. Он отмечает, что по своему содержательному наполнению счастье исключительно индивидуально, общих рецептов счастья нет и быть не может. Вместе с тем, человек не может быть счастлив в одиночку, счастье можно испытать только вместе с другими людьми в системе отношений «Я и Ты». Согласно Л. Фейербаху, стремление к счастью – это не только осуществление человеком своих желаний, это одновременно и выполнение нравственного долга, предписывающего не препятствовать другим в достижении их счастья. Тем самым именно стремление к счастью позволяет ограничить эгоизм, сделать его «разумным» [3].

В связи с тем, что сама мораль имеет смысл в том случае, если она является особой системой отношений между людьми, отношений «Я и Ты», Л. Фейербах стремится определить основополагающий принцип этих отношений. По его убеждению, единственным способом связи людей друг с другом может быть признана любовь, являющаяся одной из основных «сущностных сил» человека, выражением его «сердца». Она является практическим определением того, что необходимо человеку; служит критерием истинности самого бытия, его доказательством: если есть любовь к миру, должен быть и мир. Любовь является способом связи людей друг с другом. Что же мешает человеку реализовать свою свободу и ограничивает его любовь? Согласно Л. Фейербаху, таким фактором выступает религия, представляющая собой важную форму проявления человеческой сущности [4].

Способность человека творить самого себя и мир других людей, выбирать образ будущего есть следствие фундаментальной характеристики человеческого существования - его свободы. В современной философии свобода понимается как способность человека к активной деятельности в соответствии со своими желаниями. Практическая реализация внутренней свободы личности осуществляется благодаря объективной возможности или внешней свободы для такой деятельности. В действительности источником волевой деятельности человека является объективный мир, который создаёт возможность ставить различные цели и принимать решения. Люди не вольны в выборе объективных условий своей деятельности, но они обладают известной свободой в выборе целей и средств их достижения [5]. Что же такое свобода в осмыслении Л.Фейербаха?

Философ подчеркивает, что человек свободен совершенно независимо от реальных возможностей осуществления его целей. Свобода сохраняется в любой обстановке и выражается в возможности выбирать. Речь идет не о выборе возможностей для действия, а о выражении своего отношения к данной ситуации. Таким образом, свобода у Л. Фейербаха – это, прежде всего, свобода созидания, свобода выбора духовно-нравственной позиции индивида. Она заключается в стремлении подчеркнуть, что деятельность людей направляется, прежде всего, не внешними обстоятельствами, а внутренними побуждениями, что каждый человек в тех или

иных обстоятельствах мысленно реагирует не одинаково. Философ вновь подчеркивает принцип индивидуальности человека. Люди обладают свободой в определении целей своей деятельности, ведь в каждый конкретно-исторический момент существует не одна, а несколько целей. В наличии реальных возможностей развития события не менее важно и то, что люди свободны в выборе средств для достижения поставленных целей. А цели и средства, воплощенные в действия, уже создают определенную ситуацию, которая сама начинает оказывать влияние на человека [6].

Таким образом, мы видим, что человек у Фейербаха действует по велению чувственности. Формы ее многообразны: стремление к счастью, любовь к жизни, эгоизм, интерес, потребность удовлетворения чувственной человеческой природы и т. д. Следуя своему природному влечению к счастью, человек тем самым следует необходимости и вместе с тем поступает свободно. Действительная свобода невозможна вне времени и пространства, вне отношений к чувственно воспринимаемым вещам. «Только чувственная свобода есть истина свободы духовной, только стремление к счастью связывает свободу с необходимостью, т.е. делает необходимые акты желаемыми, свободными». Для Фейербаха свобода – это единство человека с условиями, в которых проявляется его сущность.

В наше время проблема счастья и свободы человека по-прежнему занимает особое место в его бытии. Современное государство разрабатывает политику, направленную на то, чтобы каждый имел возможность полностью реализовать свои права в достижении конкретных целей, а в этом, по большому счёту, и заключается право на счастье и право быть свободным.

Примечания

1. Краткий философский словарь. / Под редакцией А.П. Алексеева. - М.: Проспект, 1999. – С.312.
2. Фейербах Л. Избр. философ. произв. - Т. 1. - М., 1955. – С.190.
3. Кирвель Ч. С., Бородич А. А. История философии. - М.: Новое знание, 2001. - С.333.
4. Голобоков В.Г. Краткая история философии. - М.: Центр, 1999. – С.496.
5. Краткий философский словарь. / Под редакцией А.П. Алексеева. - М.: Проспект, 1999. – С.275
6. Кохановский В.А. Философия. - М.: Центр, 2001. – С.272.

М.М. Этлис (г. Магадан, СМУ)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКОВЕДЕНИЯ

Парадигмальный характер развития науки и наличие отдельных специальных парадигм основных научных направлений не снимает с нас обязанности интегрировать общие для всех наук проблемы, адресуясь к научному сообществу как совершенно определенному корпоративному единству. С какими вопросами можно обратиться к науке в целом как особому социальному институту и с какими вопросами наука может обратиться к обществу, к эмоционально насыщенной культурной среде и, наконец, в аспекте рефлексии к своему прошлому и современному состоянию? Ответы на эти вопросы и есть предмет современного науковедения, а не общеметодологические и философские рассуждения, которые вели к нескончаемой и малопродуктивной дискуссии в идеальной или прагматической плоскостях.

Реальным предметом современного науковедения, по нашему мнению, является проблема укрепления социального статуса науки и работников науки, того же - по отношению к научным учреждениям; вопросы финансирования, стимулирования инновационной активности и весь спектр личностных проблем работников науки, который в прошлом назывался проблемой кадров.

Очевидно, что понимаемый таким образом предмет науковедения пересекается с психологией и социологией образования и культуры, и это пересечение носит институциональный и функциональный характер. Не менее существенным оказывается (как предмет науковедения) информационный срез постмодернистского периода развития информационных технологий и личных контактов в пределах научной корпорации, которая расширяется и становится все более открытой по мере ее глобализации.

Современное науковедение должно особенно внимательно проследить судьбу так называемых фундаментальных исследований, поскольку они все больше носят междисциплинарный характер, пересекаются с глобальными геополитическими, социальными, экологическими и мировоззренческими феноменами.

Остановимся на институциональных проблемах науковедения, ибо большинство перечисленных выше предметных ориентиров можно отнести к той части науковедения, которую можно назвать философией и практической социологией науки. Как выглядит и что из себя представляет идеальная модель современного научного учреждения? Какие требования можно предъявить к этой модели? Первое и основное требование - автономность, и, одновременно, как антитеза - открытость и наличие множества прямых и обратных информационных связей. Второе качество - функциональность, непосредственно определяющая объем, или, как раньше принято было говорить, «критическую массу» научного подразделения. Третье качество - наличие лидера, его школы и перспектив профессионального роста. Следующее качество, которое представляется нам наиболее важным, это - формальное или неформальное вхождение в ту или другую образовательную, точнее, университетскую структуру. Последнее обстоятельство не исключает для технических наук вхождения в производственные структуры, но последние так или иначе не заменя-

ют университетской среды даже в случаях, когда структура научного учреждения подчинена специальным закрытым научно-техническим разработкам.

Современное науковедение не может пройти мимо проблем наукоградов и судьбы бывших закрытых научно-технических городов на территории России. Грандиозность атомных и космических программ не должна противопоставляться относительной скромности биотехнологических разработок, а, следовательно, и комфортности, финансированию и престижности всего того, что до сих пор считается вершиной и передним фронтом научного и научно-технического знания.

Только современное науковедение может взять на себя внимательное операциональное и системное рассмотрение взаимодействия естественных и общественных наук. Не менее серьезно надо было бы исследовать не только личные контакты и ментальную близость классических естественников и гуманитариев, но и наблюдающее последнее время сближение технических наук и гуманитарными, а среди последних с политологическими, культурологическими, социально-психологическими и другими разработками.

Именно науковедение должно было бы дать ответ на вопрос: является ли XXI столетие переходом в «общество знания», информационное общество или общество с идеологией и практикой устойчивого развития, которое в глобальном масштабе принимает скорее категорию «потребность» (ограничение потребностей), а не категорию «деятельность» (как активность и рост производства и потребления). Науковедение в этом смысле оказывается философствующей междисциплинарной, естественно-гуманитарной общественной технической наукой. Мы хотели бы избежать парадоксального характера и грамматической неопределенности предыдущей фразы. Но логика, как говорится, «такова и больше не какова».

В рамках науковедения может быть исследована акмеологическая проблема современного универсализма, который, вероятнее всего, гомологичен энциклопедизму, который не исчерпал своей притягательности и антидилетантской продуктивности даже в прагматичном XX веке. На фоне глобальных проблем XXI века этот вопрос выходит за рамки истории культуры и становится актуальной научно-практической проблемой современного науковедения.

РАЗДЕЛ – СОЦИОЛОГИЯ

В.Н. Абрамов (г. Калининград)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С РЕГИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ ИЗОЛИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ (ОПЫТ АЛАНСКОЙ АВТОНОМИИ)*

Изоляция Калининградской области от остальной части России, обусловленная геополитическими последствиями распада СССР, актуализировала вопрос о повышении эффективности региональной политики федерального правительства. Решение нестандартных проблем, связанных с адаптацией к изменяющимся внешним условиям существования Калининградской области, во многом будет определяться оперативностью, гибкостью реагирования сотрудников административных структур на изменение ситуации. Пока действия российского бюрократического аппарата не дают оснований рассчитывать на проявление вышеназванных качеств в обозримом будущем.

Калининградское направление региональной политики федерального центра страдает от подмены комплексного подхода формальным перенесением в сферу реальных политических отношений теоретических рассуждений о «единстве правового и экономического пространства». Альтернативой современной концепции развития стратегического региона страны, каковым является российская Прибалтика, вряд ли могут быть эмоционально окрашенные тезисы о том, что Россия заплатила за северную часть бывшей Восточной Пруссии кровью. Как это не редко бывает, политическая элита злоупотребляет риторикой, для того, чтобы оказать воздействие на общественное мнение. В результате власти резко сужают поле достижения компромисса, оказываясь заложником сверхвысоких ожиданий, спровоцированных ими в массовом сознании населения.

Меду тем, даже поверхностный экскурс в политическую географию позволяет убедиться в существовании ряда территорий, которые находятся в положении схожем с тем, в котором оказалась Калининградская область после распада Советского Союза. Это обстоятельство позволяет проанализировать существующий опыт административного и правового урегулирования проблем, связанных с обеспечением нормального существования данных частей государств, лишенных непосредственной связи с остальным национальным пространством. Зарубежный опыт позволяет увидеть последствия реализации тех или иных принципов организации взаимодействия центрального правительства с региональным сообществом отделенной территории. Таким образом, имеется редкая для социальной практики возможность анализа предлагаемого комплекса мер на основе не только теоретических умозаключений, но и изучения реальных фактов.

Зарубежный опыт развития территорий, отделенных от остальной части государства, многообразен. Речь идет не только в основном о действующем законода-

* В статье представлены материалы проекта 05-03-03261а, поддержанного РГНФ

тельстве, той административно-хозяйственной практике, которая сложилась в отношении между национальным правительством и отделенными региона к настоящему времени. Но она, в свою очередь является результатом длительной эволюции, преодоления различных по длительности и содержанию этапов. Вполне вероятно, что для Калининградской области окажется ценным результат, полученный как раз на одной из таких промежуточных стадий. Не стоит забывать, что сейчас не только политическая элита страны, но и экспертное и академическое сообщество, вовлеченное в процесс поиска выхода из «калининградской головоломки», предельно негативно относится к проектам придания особого статуса заграничному субъекту Российской Федерации. Понадобятся значительные усилия и время для того, чтобы изменить эти настроения. Между тем, у регионального сообщества нет возможности длительного ожидания. Если актуальные вопросы приспособления к существованию в новых геополитических условиях не будут решены в кратчайшие сроки, дальнейшая дискуссия о путях развития Калининградской области приобретет чисто теоретический характер, т.к. экономика региона безнадежно отстанет от своих польских и литовских партнеров-конкурентов. В подобной ситуации целесообразным выглядит предложение использовать для выработки проекта решения нормативного документа о статусе региона не только действующие, но и утратившие силы законодательные акты зарубежных стран.

Одним из наиболее длительных и успешных примеров взаимодействия центральных власть с региональным сообществом изолированной территории является новейшая история Аланского архипелага. Нынешнее состояние законодательства, регулирующего взаимоотношения национального правительства и Аланской автономии, является результатом длительной политико-правовой эволюции, берущей свое начало в 1921 г. Именно тогда совет Лиги Наций возложил на Финляндию обязанность учитывать особенности архипелага (мононациональный состав – шведы, демилитаризованный режим с 1856 г.). Правительство Финляндии заявило о своей готовности предоставить Аланам максимально широкую автономию, возможную без создания самостоятельного государства. Действующее законодательство является результатом обновления акта 1921 г., подготовка к которому началась в конце 30-х гг. и была завершена новым Законом об автономии 1951 г. В настоящее время ведется активная дискуссия о необходимости модернизации законодательства. Ориентир: дальнейшее расширение полномочий Алан, уточнение и регламентация отношений между национальным правительством и законодательным собранием островов. Базовым аспектом проблемы автономии является предоставление нормальных условий для развития шведского национального меньшинства в рамках финского государства.

Можно указать на следующие аспекты, вызывающие максимальный интерес. Во-первых, Аланы являются демилитаризированной зоной более полутора веков. После поражения в Крымской войне Россия взяла на себя обязательство вывести войска с архипелага. Демилитаризованный статус затем был подтвержден и Финляндией. При этом острова занимают чрезвычайно выгодное стратегическое положение в этой части Балтийского моря и с военной точки зрения представляют идеальную базу для контроля над ней. Постоянные жители Алан освобождены от не-

сения воинской повинности. В случае их переезда на территорию остальной части Финляндии они лишаются этой льготы.

Во-вторых, на Аланах существует институт квазигражданства. Лица, не имеющие права на постоянное проживание на территории автономии, ограничены в праве приобретения недвижимости, не участвуют в политической жизни, лишены прав заниматься некоторыми видами профессиональной деятельности. Право на получения статуса постоянного жителя предоставляется после пяти лет проживания на островах, знания шведского языка Правительством Алан. За 13 лет в этом праве отказано 7% лиц, направивших соответствующие прошения. Человек, проживший вне территории Алан более 5 лет, теряет статус постоянного жителя.

В-третьих, национальное правительство Финляндии предоставляет Аланам специальные подоходные перечисления. Они касаются расходов в тех областях, которые не относятся к сфере компетенции властей архипелага. Это целевые средства, которые могут быть израсходованы только в той сфере, для которой ассигнованы. В частности, существует практика выделения транспортного гранта – дотации на сокращение транспортных расходов между островами и материком. В 1989 г. размеры этого гранта составили 700 тыс. финских марок (сумма равная 8% всех самостоятельных доходов правительства островов). Аланы также получают сельскохозяйственную дотацию, которая входит в объем общих ассигнований финского правительства своей автономии.

На Аланах действует особая модель административного управления. Прямые выборы руководства исполнительной власти отсутствуют (в Финляндии на региональном уровне они вообще не применяются). Губернатор провинции назначается правительством из пяти кандидатур, предложенных региональным парламентом. Эта схема усиливает консолидацию региональной элиты, т.к. теряет смысл популистская борьба за голоса и подготовка к оной, которая начинается в нашей стране чуть ли не на следующий день после выборов, внося нервозность в общественную атмосферу. Повышается значение профессиональных качеств кандидатов и наличие у них стратегии развития, оценивают которую относительно подготовленные люди (аландский региональный парламент становится своеобразной коллегией выборщиков), усиливается роли представительной власти. Дополнительный плюс можно считать возможность создать компактную и управляемую администрацию. Аппарат губернатора формируется на контрактной основе и легко поддается трансформации.

Для оперативного решения проблем, возникающих при взаимодействии национальных и региональных властей, при правительстве Финляндии действует так называемая аланская делегация. Этот консультативный орган состоит на паритетных началах из представителей губернатора Аландского архипелага, регионального законодательного собрания и правительства страны. На рассмотрение аландской делегации выносятся все вопросы, связанные с политикой общенационального правительства в отношении провинции.

В проекте нового закона об Аланской автономии предусмотрено обязательно учитывать мнение властей архипелага по вопросам государственной политике в областях, представляющих особый интерес для населения островов: защита от им-

порта рыбных и сельскохозяйственных продуктов, создание необходимого количества рабочих мест на архипелаге.

Финансовая система Алан строится на разделении всех налогов на государственные и местные. Первые идут в бюджет Финляндии, вторые в бюджет архипелага. К первым относятся подоходный налог, налог на недвижимость, ко вторым – налог с торговли, налог на развлечения, специальный подоходный налог, муниципальные налоги. Финляндия предоставляет автономии регулярные дотации, которые должны обеспечивать удовлетворение основных нужд населения на уровне, на котором удовлетворяются аналогичные нужды в других частях страны. Соотношение собственных доходов Аланского бюджета и «компенсаций» из бюджета Финляндии 1 к 4. Для выравнивания уровня налогового обеспечения Аланы предложили следующую схему возвращения в бюджет средств, изъятых в форме государственных налогов: от суммы всех налогов, собранных на архипелаге финским правительством отнимается «идеальная сумма» налогов. Т.е. то, сколько правительство должно было бы собрать в среднем. Вторая цифра получается следующим образом – сумма всех налогов, полученных в Финляндии, умножается на долю архипелага в населении страны. Для стимулирования правительства Алан на проведение эффективной налоговой политики предложено использовать коэффициент не 0,48% (реальный вес в общей структуре населения), а 0, 52%. Разницу между реальным объемом налогов и «идеальной суммой» (все собранные в Финляндии налоги х на 0,0052) финская казна должна возвращать правительству архипелага. Применение подобной модели «уравнивания» повысило бы размер помощи центрального правительства на 16-17% по сравнению с существующим положением.

Очевидно, что опыт Аландской автономии, равно как и иная другая модель взаимодействия центрального правительства с сообществом территориально изолированной от основной части государства территории, не может быть механически перенесен на решение калининградской проблемы. Несмотря на то, что Аланы стали для Финляндии своеобразным трофеем, перешедшим к финскому государству от почившей в бозе Российской империи, первоначальный статус данной провинции был предметом международного договора. В отношении Калининградской области такая форма урегулирования проблемной ситуации представляется неприемлемой. Как в силу отсутствия формально-юридической основы для подобных действий, так и вследствие очевидной угрозы национальному суверенитету страны, позволяющей внешним силам вмешиваться во внутренние дела государства.

Преждевременной представляется постановка вопроса о демилитаризации Калининградской области. Во-первых, военная группировка российских вооруженных сил за последние полтора десятилетия сократилась более чем в четыре раза и в настоящее время носит явно оборонительный характер. Во-вторых, односторонние меры по разоружению России противоречат концепции продвижения к ее западным рубежам не только политической, но и военной инфраструктуры блока НАТО. Данный процесс не может быть мотивирован только стремлением успокоить общественное мнение государств Прибалтики, находящееся в плену различных фобий по отношению к своему восточному соседу. С точки зрения объективного анализа единственным вероятным противником, с которым НАТО может вступить

в конфликт в Северо-западной части Европейского континента, является Россия. Рассуждения о стабилизирующей роли Североатлантического альянса в данном регионе предполагают наличие открытого или замаскированного противостояния между нашей страной и государствами Балтийского побережья. В связи с отсутствием такового единственным объяснением для окружения РФ цепью натовских баз остается только принять точку зрения о том, что Запад на всякий случай создает дополнительный рычаг воздействия на своего непредсказуемого соседа. Подобная логика действий наших европейских партнеров требует сохранения эффективных военных структур на западе России, в том числе и в Калининградской области.

Это естественно, так же как нормальным выглядит стремление военных кругов укрепить боеспособность армии. А это невозможно сделать без четкого определения вероятного противника. Проблема заключается в том, аппетиты военных, их позиция не находит соответствующего противовеса в федеральной политической элите. В демократическом государстве политическая власть сдерживает реализацию глобальных проектов бюрократов от ВПК, обуздывая их стремление перекрасить весь мир в форму цвета хаки. Российская действительность далека от описываемой картины. Часть представителей федеральных ведомств предпочитает не забывать о том, что калининградское окно в Европу всегда должно быть готово к переоборудованию в амбразуру. Неслучайно вопросы обеспечения обороноспособности оказались включены даже в такой сугубо гражданский документ, как Федеральная целевая программа развития Калининградской области на 2002-2010 гг.

В США и других странах военные базы создают дополнительную занятость, обеспечивают расширение рынка сбыта и обслуживания. Но специфика российской ситуации состоит в том, что у государственной казны ограничены возможности нормального финансирования самой калининградской группировки. Поэтому ее сложно представить в виде локомотива местной экономики. Скорее ее можно воспринимать в качестве гири на ее ногах. Военные по-прежнему контролируют значительную часть территории региона. При этом целесообразность такого положения сомнительна даже с ведомственных позиций. Так, например флот не использует значительную часть акватории единственного морского порта Балтийска, свернул всякую активность в российской зоне Балтийской (Вислинской) косы. Но при этом сама возможность хозяйственной деятельности в этих и других районах категорически запрещается. Под предлогом «особого значения в угрожаемый период». Руководители муниципальных властей неформальной столицы флота г Балтийска прямо заявляют о том, что даже частичное изменение статуса города, который остается режимной территорией с ограничением посещения, даст большой приток капиталовложений.

Поэтому в конкретных условиях, сложившихся в Юго-Восточной Балтике в начале XXI века, было бы целесообразно говорить не о демилитаризации Калининградской области, а о приведении ведомственных инструкций и территориальные претензии Министерства обороны в соответствии с реальными возможностями калининградского гарнизона.

В развитии Аланской автономии, особенно на начальных этапах, большую роль играл национальный вопрос. Получение особых прав провинцией мотивиро-

валось необходимостью защиты прав шведского меньшинства в финском государстве. Фактор территориальной удаленности стал учитываться позже. Но эти и другие отличия отнюдь не говорят о том, что переосмысление зарубежного опыта управления анклавами не может быть использовано в поиске нестандартных выходов из калининградской головоломки.

В.А.Балабанова (г. Новосибирск, НГАСУ)

К ВОПРОСУ О ПАТРИАРХАЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Новые условия, в которые вступило человечество в XXI веке, характеризуются не столько сменой веков, сколько сменой эпох. Привычное летоисчисление, принятое в истории, когда все что происходило до рождества Христова, определялось «до новой эры», должно быть дополнено понятием «новейшая эра».

Новейшая эра открывает новую эпоху в развитии человечества, которая в самом общем виде может быть понята как возврат этого последнего, социальной системы в целом, в лоно материнской системы – природы. С точки зрения системного подхода род человеческий как единое целое, сложноорганизованная система, - прошли длительный период становления своей и развития сознания, - этот процесс затянулся. Фаза становления перешла в фазу отчуждения, а эта последняя обернулась кризисами и катастрофами: экологическими, социальными, техногенными, организационными и т.д.

Факторами отчуждения послужили патриархальная организация общественной жизни и основанная на ее базе практика. Обусловленное природой единство двух начал – мужского и женского, - как условие гармонизации самой социальной жизни и взаимодействия с природой было нарушено. «Патриархальная логика» свела роль женщины к детородной и сексуальной основе. Заблуждения относительно женской природы, которые процветают в современной культуре, ориентированной на мужчин, настолько сильны, что глубоко поразили сознание самих женщин. Женщины тоже привыкли смотреть на себя – свое тело, свою сексуальность, свое мышление, свои чувства, - глазами мужчин. Как справедливо пишет одна из исследовательниц женских проблем на Западе Д.Грир, «…изощренное и безжалостное давление искажает тела и души женщин. Женщина кастрирована патриахальной властью, она стала евнухом» [Ф.Капра «Уроки мудрости». – Москва; Киев, 1996. – С. 217].

«Кастрация» женщин, связанная с отстранением ее от всех социальных ролей, привела к кастрации практики. Постепенно процесс освоения человеком природы принял сугубо потребительский характер. Одностороннее развитие интеллекта, иг-

норирование возможностей женской интуиции и поставили человечество в условия современного кризиса.

Преодоление патриархальной организации общества и ее последствий с особой ответственностью ложиться на российских женщин. Именно женщинам предстоит начать формирование новой цивилизации, новой культуры, основанной на интеграции всего лучшего, накопленного человечеством с природным фактором, в основе которых лежит высшая правда – Правда законов природы [Кукса Л.П. Новосибирск в XXI веке: новые условия и новая роль женщин // Женщины и город. Новосибирск, 1999] .

Новейшая эра – это эра восстановления единства, равенства двух начал – мужского и женского, интеллектуального и интуитивного, социального и природного. И восстановление этого начнется с женщин. Они не просто должны освободить самих себя от пут «патриархальной логики», но и подняться на уровень тех природных начал, которые присутствуют в них как жизнедательницах естественным образом. Настало время вернуться к сопоставлению женщины и природы, связать в единое целое историю женщины и природы, объединить женское движение и экологию, слить их органически с социальными преобразованиями.

Для России больше нет перепутья. Последние десятилетия показали, что следование опыту европейских народов противоречит ее естеству. Необходимо вернуться к истокам истинно русской психологии, в основе которой лежит стремление русского человека не к частному и близкому, а к общему и абсолютному. Деятельность российских женщин должна в корне быть отличной от западного феминизма. Это не просто борьба за равенство с мужчинами. Это борьба за восстановление духовного начала в самом человеке, природной нравственности и этики, за восстановление истинной русской психологии [Кукса Л.П. Новосибирск в XXI веке: новые условия и новая роль женщин // Женщины и город. Новосибирск, 1999].

Женщины, как известно, составляют большую часть населения. У нас недостаточно полно отражены проблемы семьи, детей и женщин. То есть те вопросы, в решении которых женщинам, в силу их природной сущности, принадлежит ведущая роль. Между тем, носителями власти на всех уровнях, за редким исключением, у нас являются мужчины. Отсюда вытекает необходимость здорового лоббирования женских интересов.

Современные психологи не могут не согласиться с тем, что исторически сложившиеся полоролевые стереотипы отводят женщине подчиненную, обслуживающую роль, в то время как мужчины воспринимаются как господствующий, более агрессивный пол [Бодалев А.А. Психология межличностного общения. Рязань, 1994].

Преодоление своей беспомощности и зависимости от внешних изменений, осознание личной ответственности за окружающий мир, за все происходящее вокруг нас, и является в них самым ценным. Женщины является не столько политической, сколько общественной силой, способной возвысится над групповыми и политическими интересами в преодолении крайностей социального развития.

Между должным и действительным в положении и деятельности женщин имеются глубокие противоречия. Женщины больше внимания уделяют своему ду-

ховному развитию, однако степень осознания специфики своей роли на стыке эпох не выходит за пределы патриархальных стереотипов. Женщины рассматривают работу, общественную активность вне семьи как фактор поддержания ее благосостояния, а не как фактор самореализации. Наблюдается недостаточная степень осознания своего положения в обществе, общности интересов как особой социальной группы, неготовность подавляющего большинства женщин бороться за реальное равенство прав и возможностей самореализации, а значит активного влияния на социальные процессы.

Современная семья больна всеми формами заболеваний, которыми больно наше общество, и причиной тому явилось направление хода экономических реформ. Однако в социальном плане издержки этого курса оказались острее и глубже.

Жизненный цикл современной женщины имеет свои особенности: время рождения детей совпадает со временем становления карьеры. Происходит совпадение двух циклов жизни: делового и демографического, что требует от семьи синхронизации таких явлений, как брак, рождение детей, образование, труд, в том числе и домашний. Для женщин существует два поля труда: в семье и обществе. Но наше законодательство поставило женщин в равные условия с мужчинами. Необходимы нормативные акты о гибких графиках работы для женщин. Очень многое в решении данной проблемы зависит от самих женщин.

Давно существует «двойной стандарт»: есть право быть избранной во все структуры власти и фактически не участвовать в принятии решений, так как нет должного представительства женщин во всех структурах управления.

Экономически обеспеченная, свободная, духовно более богатая и образованная, предприимчивая женщина уже с середины XX века приобрела статус серьезного конкурента мужчин, общественно деятельной личности, борющейся за привилегированные права в организации семейной жизни, стратегии воспитания детей, адекватную долю свободного времени в период пребывания дома и за конституционное право использовать по своему усмотрению накопленное в процессе семейной жизни имущество.

Данный взрыв женской социальной активности оказался во многом неожиданным для правильного восприятия мужской частью современного общества, консервативно настроенного по отношению к женщине, к принятым ранее законам, правилам семейной жизни поставив ее перед фактом срочной психологической, мировоззренческой, социальной перестройки взглядов на семейную жизнь и жизнь собственной супруги.

В России уже много десятилетий существует формальное равенство между мужчинами и женщинами во всех сферах жизни, в том числе и в сфере профессионального образования и занятости. Однако, декларация равенства вовсе не означает его осуществления в реальности на деле. Так в качестве общепринятой нормы сохраняется неравенство в области заработной платы и недопредставленность женщин на руководящих должностях. Также широко распространено мнение, что семья для женщины важнее, чем работа, причем российские мужчины придерживаются более традиционных взглядов на женские роли в семье и в профессиональной сфере, чем женщины.

В условиях ухудшения социально-экономической ситуации и отсутствия у государства вразумительной социальной политики рынок труда четко продемонстрировал усиление негативного влияние гендерных стереотипов на женскую занятость. И сейчас как никогда остро встал вопрос о способах дифференциации полов и механизмах скрытой дискриминации женщин.

В России уже давно исследуются проблемы женской занятости и влияния гендерных стереотипов на рынок труда. Однако большая часть работ в данной области посвящена изучению безработицы, гендерного разделения труда и вытеснению женщин с рынка труда в целом, и лишь в некоторых из этих исследований содержаться сведения о профессиональной сегрегации (то есть такой отраслевой или профессиональной структуры занятости, при которой женщины преобладают в малопрестижных и малооплачеваемых профессиях). Работы в данной области демонстрируют не только наличие вытеснение женщины с рынка некоторых профессий, но и большую роль культурных стереотипов в данном процессе.

Проблемы общего, социального, общегосударственного характера сложно переплетаются с личностными проблемами. Резкое расслоение общества на богатых и бедных, постоянные угрозы безработицы, рост наркомании, постоянный страх за собственную безопасность, низкий прожиточный минимум, нестабильность государственного масштаба, все ухудшающееся состояние окружающей среды – ведет к упадку нравственности и, как следствие, - к ухудшению человеческих взаимоотношений.

Все эти дестабилизирующие моменты приводят женщин к депрессии, которая носит изнуряющий застойный характер. Естественно, что это депрессивное состояние, нервозность сказываются на самых близких людях. По своему эмоциональному состоянию многие женщины приближаются к рубежу, который можно назвать кризисом положительных эмоций.

Без роста сознательности и активности женщин новейшая эпоха может обернуться ухудшенными вариантами старых «сценариев» социального движения, обусловленных консерватизмом патриархального мышления.

В.Н. Гурба (г. Ростов на Дону, РГПУ)

СОЦИОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В современных гуманитарных и социологических исследованиях значительное внимание уделяется изучению феномена «безопасность» и его проявление в различных сферах экономической, политической, социокультурной сферах, и, безусловно, в образовании. Современная социологическая наука, накопив определенный опыт исследования в области теории безопасности имеет ряд, возникновение

которых является закономерным этапом развития практически становящейся теории, к которой можно отнести теорию безопасности. Эти вопросы имеют философско-социологический характер, так как общей методологией социального познания, к которому относится и теория безопасности, является социальная философия и теоретическая социология. При этом необходимо учитывать, что развитие теории социологии безопасности происходит в условиях теоретического плюрализма. В настоящее время в социологии можно выделить пять альтернативных социологических теорий: «глобальная социология» (А. Мартинелли), «социология мировых систем» (Э. Валлерштейн), «постнаучная социология» (Р. Беллах), «социология постмодернизма» (З. Бауман) и «феминистская социология» (Д. Смит).

В методологическом плане важно иметь целостное представление о безопасности как социальном явлении. Недооценка или игнорирование проблем безопасности на всех уровнях социальной организации не только оборачивается теми или иными потерями, но, в конечном счете, неизбежно ведет к падению жизнеспособности (конкурентоспособности) и даже гибели соответствующих ее элементов (субъектов). Приоритетным направлением научных исследований является разработка общей теории и методологии исследования проблем безопасности. Безопасность - сложное социальное явление, многоплановое и многогранное в своих структурных составляющих и проявлениях, отражающее противоречивые интересы в отношениях различных социальных субъектов. Существование исследовательского интереса к вопросам безопасности обусловили становление и развитие специальной отрасли научных знаний, посвященной как безопасности в целом, так и различным ее видовым проявлениям. Существует общая теория безопасности и взаимосвязанные с нею частные теории международной, национальной, государственной, военной, экономической, информационной, экологической и т.п. безопасности.

Общеизвестно, что создание наука и практика нуждаются в создании новой концепции безопасности, которая отвечала бы современным реалиям и учитывала новейшие достижения научной мысли в различных областях знаний. Так Г. Осипов формулирует потребность в разработке адекватной времени и условиям системы безопасности, в основу которой должна быть положена новая парадигма, альтернативная нынешней.

Потребность в безопасности принадлежит к числу базисных мотивационных механизмов человеческой жизнедеятельности, как у любых других живых существ. Эта потребность имеет объективный характер и реализуется как на индивидуальном, так и на коллективном (групповом), общественном уровнях. Эволюция человеческой истории выявила ряд закономерностей, характеризующих функцию безопасности: системы безопасности являются неотъемлемым атрибутом сложных социальных систем и организаций; по мере дифференциации общества и усложнения его организации расширяется и спектр социальных опасностей; социальный прогресс не отменяет опасности существованию личности, общества, государства; социальные угрозы модифицируются вместе с развитием общества.

Современная наука, накопив определенный опыт исследования в области теории безопасности и добившись серьезных успехов в осмыслении многих частных, в

том числе и по преимуществу прикладных, проблем, в разработке фундаментальных, собственно теоретических, проблем безопасности имеет ряд пробелов и нерешенных вопросов принципиального свойства, возникновение которых является закономерным этапом развития практически любой становящейся теории, к которой с полным основанием можно отнести теорию безопасности в ее нынешнем состоянии.

Разработка совершенно новой, основывающейся на принципиально иных, по отношению к существующим, подходах концепции безопасности является серьезным шагом на пути теоретического осмысления проблемы. Ее рассмотрение дает системное представление о понятии и системе безопасности, соотношении понятий «безопасность личности», «безопасность общества», «безопасность государства», «социальная безопасность», «образование как фактор безопасности» и др. Безопасность личности зависит от уровня развития общества, формы государственного устройства и правления, состояния законодательства, культуры народа, сознания и поведения самой личности». Проблема безопасности общества в отечественной литературе еще менее исследована, чем безопасность личности.

Социальная безопасность должна включать в себя определения приоритетов долгосрочного социально-экономического развития, сохранения и приумножения научно-производственного потенциала страны. С социальной точки зрения доктрина социальной безопасности должна сопровождаться расширением занятости, повышением реальной зарплаты и квалификации работающего населения, общим ростом благосостояния народа.

Ценным теоретическим и науковедческим материалом для понимания сущности социологии безопасности являются международные и междисциплинарные исследования. Например, в процессе реализации проекта Института социологии РАН и Университета Штата Мичиган (США) изучено общественное мнение по проблемам, важнейших угроз личной и общественной безопасности населению России: представления о наиболее значимых опасностях; представления о вероятности наиболее существенных опасностей; предпочтительные способы защиты при угрозах; готовность к действиям с целью обезопасить себя от наиболее существенных угроз; общий уровень тревожности в различных социальных группах.

В последнее время значительную угрозу для всего мира и России приобретает международный и государственный терроризм. В этой связи ООН принял ряд деклараций: Венская декларация, принятая на последующей встрече по итогам состоявшегося 6 марта 2003 года Специального совещания Контртеррористического комитета (Вена, 2004 год); Декларация по вопросу о борьбе с терроризмом, принятая Советом Безопасности 20 января 2003 года; Декларация о глобальных усилиях по борьбе с терроризмом, принятая Советом Безопасности 12 ноября 2001 года; Декларация, дополняющая Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 года, утвержденная резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года; Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, утвержденная резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года и другие документы, определяющие стратегии на глобальном и региональном уровнях.

В январе 1997 года Советом Европы была принята конвенция о борьбе с терроризмом в которой предусмотрено расширение сотрудничества между подписавшими ее государствами. Конвенция определяет терроризм как «любой серьезный акт насилия, направленный против свободы, жизни и здоровья граждан». Следует отметить, что в последние годы в России проделана значительная работа, направленная на борьбу с терроризмом. В марте 1996 года вышел Указ Президента Российской Федерации «О мерах по усилению борьбы с терроризмом». В июне 1998 года принят Федеральный закон «О борьбе с терроризмом». В Федеральном законе «О борьбе с терроризмом», принятом Государственной Думой 3 июля 1998 г. определены основные понятия, что такое терроризм и террористическая акция:

- *терроризм* - насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, содержащие разнообразные опасности и т.д.;

- *террористическая акция* - непосредственное совершение преступления террористического характера, посягательства на жизнь; захвата заложников, похищения человека и т.д.

Образование как сфера социальной жизни должно обеспечивать условия для безопасного развития личности в различных видах деятельности. Актуальность социологии безопасности а образовании обусловлена рядом факторов, в том числе нестабильностью социальной структуры общества, усложнением социальных процессов, динамикой социальных групп, размыванием ранее жестко очерченных границ социальных взаимодействий, усилением роли этнических и религиозных факторов в различных аспектах жизнедеятельности общества, отсутствием ресурсов для сглаживания процессов неравномерного развития и т.д .

Одной из важнейших целей социологии безопасности является создание пространства, провоцирующего и поддерживающего самоопределение личности, с одной стороны, и формирование способностей личности к осуществлению своего самоопределения. К проблемам социологии безопасности автор относит безопасность образовательной среды. По данным Министерства образования, от 60 до 100 детей ежегодно по разным причинам погибают в образовательном пространстве России.

Современный этап развития общества характеризуется возрастающей ролью информационной сферы, представляющей собой совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Обеспечение информационной безопасности телекоммуникационной и информационной среды системы образования. В статье отражены наиболее актуальные проблемы социологи безопасности, которые составляют область исследований автора.

Примечания

1. Закон РФ от 05.03.92 № 2646-1 «О безопасности»
2. Жинкина И.Ю. Стратегия безопасности России: проблемы формирования понятийного аппарата. - М.:1995. - С.12.
3. Зборовский Г.Е. Социология образования. - Ч.1. - Екатеринбург, 1993.
4. Кусжанова А.Ж. Взаимодействие общества, личности и государства в сфере образования. - М.,1996.
5. Маслоу А. Мотивация и личность. - СПб., 2001.
6. Осипов А.М. Социология образования // Социология. - СПб., 1993.
7. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994.
8. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека // - М.: МНЭПУ,1998, - С. 148, 179.
9. Учительская газета -22.07.2003.

Н.В. Золотарева (г. Ижевск, УГУ)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВАКУУМ: ПОПЫТКА МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ ИЛИ ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ?

На фоне огромного потока информации, который буквально обрушивается на среднестатистического обывателя каждый день, вопрос об информационном вакууме на первый взгляд может показаться странным. Однако если рассмотреть данную проблему внимательнее, станет ясно, что российские средства массовой информации действительно просто замалчивают многие проблемы и в нашем информационном пространстве постоянно возникают все новые и новые информационные лакуны. Кем и ради чего создаются данные пустоты, и какое влияние они могут оказывать на жизнь общества?

Об огромной силе воздействия массовой коммуникации в наше время уже практически не приходится спорить. Несмотря на то, что собственники и начальники масс-медиа сознательно заявляют, что они не влияют на политику и экономику страны, сейчас с уверенностью можно констатировать, что за последнее десятилетие в России завершилась виртуальная революция. В результате виртуализации реальность объективная, эмпирическая, в которой мы живем, практически совместилась с медиареальностью. Виртуальная реальность, созданная СМИ, воспринимается и переживается нами как объективная и очень часто определяет наши мысли и поступки. Мы живем в медиаэмпирическом пространстве. Поэтому виртуальную реальность следует понимать как реальность искусственно созданную, но уже являющуюся фактом действительности.

Мир реальный на сегодняшний день существует только в обработке медиареальности, которая миллионами воспринимается как единственно настоящая. Если по телевизору не показывают, как бомбят афганский Кандагар, значит его не бомбили; если не было сказано ни слова об аварии на Балакиревской АЭС, следовательно все в порядке и аварии не было?

Мы отдаем СМИ, а особенно телевидению, огромную часть своей жизни. В 54 из 100 российских семей телевизор работает даже, когда его никто не смотрит. Он превратился в своеобразный символ очага в «пещере» современного человека. Первое, что делают 70% населения нашей страны, приходя домой или просыпаясь утром – одновременно со светом, включают телевизор. А согласно эффекту культивации, чем больше времени человек проводит перед телевизором, тем больше его восприятие мира приближается к тому образу реальности, который он видит на экране.

Телевидение – оптовый поставщик образов. Все телепередачи, от развлекательных до информационно-аналитических, основаны на похожих, повторяющихся моделях, которые также называют мифами или фактоидами и которые оказывают достаточно сильное влияние на нашу жизнь.

Массовая коммуникация сегодня контролирует сознание практически всего населения страны, что дает возможность различного рода манипуляторам (от частных лиц до высшей власти) управлять не только поведением, но и мыслями людей и создавать нужное для них общественное мнение. Контроль над сознанием чаще всего осуществляется через формирование повестки дня, через установление приоритетности новостей. Некоторые новости упоминаются в перечислении, некоторые замалчиваются, а некоторые становятся мегатемами. Отобранные ньюсмейкерами события получают ту интерпретацию, контекст восприятия, которые власть и владельцы масс-медиа хотели бы транслировать стране. Затем выбранные темы обсуждаются в утренних и вечерних сопутствующих программах – сериалах, ток-шоу, аналитических передачах. Покупаются и ставятся в нужное время эфира определенные документальные фильмы. Приглашаются именно те люди, которые нужным образом будут характеризовать отобранные события.

Одни слова появляются и повторяются много раз, воспроизводятся в разных ситуациях, а другие гасятся и исчезают. В отличие от Запада, у нас нет традиции давать разные точки зрения на события. В России принято детально рассматривать и внедрять одну и туже версию происходящего. На этом фоне правомерно ли говорить об объективности информации и о наличии института новостей как таковых? Уже сегодня многие исследователи характеризуют новости в российских СМИ как эстетический феномен, сохраняющий в своей основе черты документализма, а выпуски новостей называют не иначе как новостные шоу.

В эру информации и информационного общества мы не можем говорить о наших масс-медиа как форме социального познания. А ведь именно это и должно являться главной функцией СМИ в гражданском обществе. В основе функционирования массовой коммуникации как социального института лежит принцип объективности, реализуемый посредством разнообразия мнений. Сам плюрализм мнений может формироваться как при наличии различных взглядов на окружающую действительность, так и благодаря всему многообразию средств информации, создающих многовекторное восприятие повседневной жизни. Именно с помощью этого создается основание для выстраивания объективных закономерностей познания действительности. Именно при наличии объективного показа реальности мож-

но говорить о свободном гражданине самостоятельно решающем, что для него интересно, выгодно и жизненно необходимо.

Однако в современных российских условиях СМИ становятся выразителем интересов государственной власти и своих частных владельцев. Общественность в России бессильна и с ее мнением мало считаются, его предпочитают просто подчинять себе с помощью нужной и выгодной для манипулятора информации. У нас нет среднего класса, той структуры, которая имеет устойчивый социальный интерес, к мнению которой должны были бы прислушиваться правящие элиты. Но и это не основная проблема. Проблема в том, что имея огромные возможности воздействия на население, умея управлять общественным сознанием, власть работает на саморазрушение, а следовательно, к сожалению, на разрушение общества. Информационный вакуум обычно применяется на информационном поле противника, который таким образом вводится в заблуждение и доводится до состояния паники. Кто же является противником у нас, если информационный вакуум создается российскими СМИ на своем информационном поле?

В огромном потоке информации наши СМИ в погоне за рейтингами чаще выделяют события негативного содержания, а события, огласка которых невыгодна правящим элитам, просто не освещаются в наших масс-медиа. Как результат паника местного населения, когда об аварийной ситуации на находящейся в их районе АЭС они узнают с помощью слухов, а не через официальное заявление руководства станции или региона. Возможно, ситуация на АЭС была под контролем и проблему в очередной раз предпочли не замечать. Но именно таким образом нарастает недоверие населения по отношению к власти.

Политику умалчивания решили применять, основываясь на том, что нет новости – нет проблемы. Но события, происходящие в реальной, объективной действительности, тем или иным способом все равно получат огласку. Информация не обладает конкретным местоположением, но она обладает свойством накапливаться в информационном пространстве. Если событие произошло, то и информация о нем существует. К чему может привести замалчивание проблем и накопление негативной информации можно увидеть на примере Киргизии, где жители Бишкека до последнего дня не знали о событиях в Оше и считали прошедшие выборы честными и демократичными. Закончилось все переворотом и насильственным захватом власти. Разъяренная толпа закидала камнями ОМОН и вошла во дворец президента. Если манипуляторы с помощью СМИ действуют в своих интересах, не эти ли события повод задуматься о том, что и их власть может быть отобрана силой с помощью недовольной и направленной другим манипулятором толпы, для которой доводы разума уже ничего не значат?

Е.Н. Картушина (г. Тамбов, филиал ОРАГС)

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ БУДУЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

В стенах вуза невозможно превратить человека, пришедшего со школьной скамьи, непосредственно в готового специалиста и тем более в руководителя государственного или другого масштаба, даже если он изучит весь набор учебных дисциплин. Профессиональное становление госслужащего возможно лишь через обязательное приобретение практического опыта, через непосредственное участие в организации управления.

Однако, в вузе возможно формирование государственного мышления будущих государственных служащих и изменение мировоззрения, направленного на решение и глобальных проблем, и на заботу о каждом человеке, путем управления процессом формирования ценностных ориентаций.

Мировоззрение как общая система взглядов на мир формирует ценностные ориентации личности. Они обеспечивают ее устойчивость, преемственность определенных типов поведения и деятельности, выражают направленность ее потребностей и интересов, а также регулируют и детерминируют мотивацию личности.

На основании ориентаций складываются определенные установки. Они обозначают состояние предрасположенности, готовности субъекта к определенной активности в заданной ситуации. Ценностные ориентации и установки составляют фундамент регулирования действий и поступков человека, образуют мотив, причины непосредственно приводящие личность к определенным видам активности.

Управление процессом формирования ценностных ориентаций осуществляется через отбор содержания образования и обучение, опирающееся на современные методы и воспитательную работу, включающую научно-исследовательскую и общественную деятельность студентов.

Систематическая корректировка учебных программ с учетом готовности обучающихся к их творческому освоению, а также выбор дисциплин, формирующих основу гуманистического мировоззрения, являются одной из главных составляющих процесса управления формированием ценностных ориентаций студентов. Высокий научный и профессиональный уровень деятельности преподавателей, применение в образовательном процессе активных методов обучения, основу которых составляет диалог и взаимное сотрудничество преподавателя и студента, также проектируют формирование и социальной активности, и способности к решению нестандартных проблем, и быструю приспособляемость к изменяющимся социальным условиям.

Система воспитания вуза, опирающаяся на государственный заказ и имеющая научные основы, способна сформировать высокую нравственность, внутреннюю мораль, регламентирующую поведение личности, стремление самостоятельно переосмыслить жизненные ценности.

Решение важнейших задач воспитания, предполагающих своеобразие организации воспитательной системы в подготовке государственных и муниципальных служащих, определяет переориентацию системы воспитания на взаимодействие

равноправных субъектов, педагогику диалога и сотрудничество преподавателя и студента, создание гуманистической системы воспитания, формирующей целостную личность, развитие ее творческих начал и способности к самостоятельной деятельности в различных условиях.

Формирование мировоззрения будущего государственного служащего реализуется как через учебную, так и через научно-исследовательскую и общественную деятельность студентов. Работа в научных лабораториях, участие в научно-практических конференциях, предметных олимпиадах развивает у студентов способности к поиску оригинальных творческих решений теоретических и практических проблем.

Развитию потребности к освоению общечеловеческих ценностей, способности к саморазвитию, осознанию проблем отдельной личности и происходящих процессов в обществе и мире в целом, способствует участие студентов в дискуссиях, беседах, тренингах и деловых играх социально-политических клубов.

Т.А. Клюева (г. Кузнецк, КИИУТ)

УПРАВЛЕНИЕ ЗАНЯТОСТЬЮ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

По данным ВЦИОМа, безработица занимает четвертое место в списке самых значимых угроз для россиян.

Представляется, что на этом фоне возрастают требования к органам Федеральной государственной службы занятости населения, в деятельности которых особое значение приобретают:

- усиление контроля за своевременной и полной подачей предприятиями информации о предполагаемых структурных изменениях, сопровождающихся высвобождением работников, и потребностях в рабочей силе;
- расширение информационного поля на основе использования потенциала многофункциональных бирж труда, обслуживающих различные профессиональные группы, организации ярмарок вакансий (в зависимости от спроса на рынке).

Цель реформирования трудовых отношений состоит в обеспечении прав работника при соблюдении интересов работодателя. Речь идет не только о пособиях по безработице. Государство должно гарантировать реализацию конституционного права гражданина на свободный выбор работы и рода занятий с достойным вознаграждением за труд.

Показатели уровня безработицы заметно отличаются по субъектам Федерации: наибольшие фиксируются в регионах с высоким естественным приростом на-

селения, наименьшие - на территориях нового освоения. Как правило, безработица выше там, где преобладают предприятия ВПК, легкой промышленности, машиностроения; и наоборот, в регионах с развитой добывающей промышленностью (кроме угольной) и устойчивым АПК ситуация более благоприятная.

Чтобы полнее представить картину, следует учитывать и такие факторы, как:

- огромные масштабы неполной и широкое распространение вторичной занятости;
- спад производства по сравнению с уровнем 1991 г.;
- повышение требований к квалификации и профессионализму работников и одновременное ухудшение качества рабочих мест;
- значительная доля занятых в теневой экономике, нарушение трудовых прав граждан и т.д.

На характер российской безработицы повлиял целый ряд особенностей:

- не перепроизводство, как это происходит в развитых экономиках, а обратная ситуация - дефицит товаров, высокая инфляция;
- относительно низкий организационный и технико-технологический уровень производства;
- значительная доля безработных - служащие;
- сокращение Вооруженных сил и конверсия;
- спад производства, вызвавший всплеск безработицы и во многом способствовавший распаду сложившихся хозяйственных связей (между бывшими республиками СССР и странами-членами СЭВ);
- приток беженцев и вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья, обострivший ситуацию с занятостью и т.д.

За последние годы подготовка квалифицированной рабочей силы практически прекратилась: в 1995 г. из 30 млн. рабочих 29 млн. были обучены непосредственно на производстве.

Нехватка квалифицированных кадров превращается в тормоз развития экономики. Очевидно, что одна из прямых обязанностей государства - налаживание профессиональной подготовки и поощрение создания рабочих мест в перспективных отраслях производства, а также в малом бизнесе.

Сегодня полученное однажды образование уже не обеспечивает конкурентоспособности индивида на рынке труда на всю оставшуюся жизнь. В особенно трудном положении оказываются выпускники, не имеющие опыта. Работодатели заинтересованы в найме сформировавшихся специалистов, в результате многие обладатели вузовских дипломов приобретают статус безработного либо трудятся не по специальности.

По прогнозам, в ближайшие несколько лет из-за «демографического провала» следует ожидать заметного сокращения общего числа абитуриентов. С другой стороны, высшая школа, не учитывающая кадровые потребности (количественные и качественные), порождает «перепроизводство» выпускников одних специальностей и дефицит других. Все более очевидной становится необходимость государственного заказа на подготовку специалистов в вузах.

Круг мер, способствующих снижению безработицы, включает:

- предупреждение массового высвобождения и максимальное заполнение имеющих вакансий:

- развитие профориентации и профконсультирования в органах Службы занятости, налаживание профессиональной подготовки и переподготовки среди незанятого населения;

- перепрофилирование рабочих мест под выпуск конкурентоспособной продукции;

- межтерриториальное перераспределение трудовых ресурсов, организация оплачиваемых общественных и временных работ;

- развитие самозанятости населения, содействие предпринимательству и обучение его основам.

Улучшить ситуацию с занятостью могла бы поддержка различных категорий населения. Для молодежи - это организация молодежных бирж труда, квотирование рабочих мест с льготным налогообложением соответствующих предприятий, развитие молодежного предпринимательства. Для женщин - гибкие формы занятости (неполный рабочий день, неделя, свободный режим работы и др.), квотирование рабочих мест для тех из них, кто имеет детей, создание дополнительных рабочих мест в сфере услуг; открытие предприятий, производств, участков надомного труда, развитие женского предпринимательства с выделением беспроцентных ссуд, досрочный выход на пенсию. Для инвалидов и лиц предпенсионного возраста - налаживание специализированных производств, учреждение дополнительных финансовых льгот в целях их вовлечения в предпринимательскую деятельность, стимулирование индивидуальной трудовой деятельности и, опять же, квотирование рабочих мест. Для лиц, освобождающихся из заключения - бронирование рабочих мест, обеспечение условий для социальной адаптации, оказание финансовой помощи (из средств фонда занятости) центрам социально-трудовой реабилитации соответствующих категорий граждан.

Инструментом, способным смягчить остроту проблем на рынке труда, выступают оплачиваемые общественные работы. В качестве основного направления здесь можно рекомендовать временные бригады по благоустройству территории, оказанию помощи строительным организациям, больницам, школам, детским дошкольным учреждениям, ЖКХ, сельскому хозяйству.

Универсального рецепта сокращения безработицы нет. Ясно одно: сформировать цивилизованный рынок труда можно только при условии сочетания взвешенных экономических реформ и адекватной социальной политики. Решать проблему следует путем разработки целевых программ, которые позволят регулировать конкретную ситуацию в конкретном регионе точечным методом.

Примечания

1. Обследование населения по проблемам занятости. – М: ФСГС, 2004 г.

2. Нечаева С. Государственная служба занятости // Человек и труд.- 2004. - № 7

А.Р. Кузнецова (г. Уфа, БГУ)

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Информационные технологии становятся важным средством обеспечения территориального управления посредством прямой и обратной связи. Наряду с финансовыми, материальными и трудовыми ресурсами информационные технологии призваны к решению многих региональных социально-экономических задач. Информация имеет свойство быстро устаревать под воздействием постоянно меняющихся условий внешней среды, а выбор из огромного числа разносторонних сведений происходит не всегда своевременно. В связи с этим, возникает необходимость в создании и развитии организаций, специализирующихся на сборе, обработке информации и предоставлении информационно-консультационных услуг населению. В сфере агробизнеса подобные услуги осуществляют информационно-консультационные службы (ИКС), созданные при районных администрациях. Они призваны осуществлять независимый поиск нововведений в сфере научных, технических, технологических знаний, и рекомендовать их к внедрению в производство. Информационно-консультационные службы выполняют ряд важных функций: обучающую, прогностическую, нормативную, управленческую, коммуникативную, ориентировочную и другие. Обучающая функция связна с предоставлением новых сведений, данных, знаний, необходимых для выработки новых стратегий деятельности; прогностическая позволяет строить прогноз наступлению того или иного события; нормативная функция отражает моральные, социальные, юридические нормы поведения и деятельности. Управленческая функция ИКС регулирует состояние объектов управления и характеризует их состояние до и после управленческого воздействия. Коммуникативная функция позволяет эффективно осуществлять взаимодействие с другими территориальными центрами. Ориентировочная дает возможность ориентироваться в сложившейся обстановке, критично оценивать происходящее. В целом, информационно-консультационные центры распространяют знания, способствуют повышению уровня образования и компетентности сельскохозяйственных товаропроизводителей, решают проблемы социального характера для жителей отдаленных от районных центров территорий, способствуют ускоренному обмену прямой и обратной связи между центром территориальными органами управления.

В условиях избытка информации важное место занимает ее способность отвечать заданным требованиям. Такое свойство информации, как лаконичность, выражается в простоте, четкости, краткости, ясности, строгой форме и т.д. Конкретность информации всегда рассматривается как противоположность абстрактности, она имеет направленность, указывает на взаимосвязь различных сторон, подчеркивает ее зависимость от истинности. Актуальность информации отражает ее значимость для настоящего времени и конкретной проблемы, ее ценность и новизну. Полнота информации – это минимально необходимые сведения, позволяющие изучить, верно оценить ситуацию или объект и принять обоснованное решение. Достоверность информации представляет собой наиболее важное требование,

сущность которого сводится к соответствию информации истинному содержанию изучаемого объекта, безошибочность его отражения, надежность данных. Рассмотренные нами наиболее значимые качества информации облегчают процесс восприятия, переработки информации и использование ее в практических целях. Информация обладает широким спектром и других количественно-качественных характеристик, являющихся ориентирами и рекомендациями по оптимизации территориального управления. Чем меньше противоречие между требованиями, предъявляемыми к информации, и ее реальным представлением, тем выше эффективность территориального управления в целом.

Правительство Российской Федерации придает серьезное внимание внедрению информационных технологий в системе территориального социального управления, в связи с чем, разработанная Мининформсвязи РФ и одобренная распоряжением Правительства России за подписью премьер-министра М.Фрадкова, создана «Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года». Основной идеей ее создания является необходимость продолжения решения основных элементов Федеральной Целевой Программы «Электронная Россия». Кроме того, она определяет основные приоритеты, принципы и направления реализации единой государственной политики в сфере использования информационных технологий. Создание данной концепции можно считать первым шагом на пути создания полномасштабного отечественного электронного правительства. При формировании и реализации проектов и программ, всем заинтересованным органам власти рекомендовано учитывать положения Концепции и мероприятия по разработке и использованию информационных технологий. Концепция должна стать основным документом по управлению процессами информатизации федеральных органов государственной власти. Как известно, одной из наиболее значимых проблем внедрения информационных технологий России является отсутствие единого подхода к информатизации государственных органов на федеральном уровне и несогласованность. Однако, в целом, на общем фоне незавершенности ожидаемых результатов и наличия нестыковок, были и положительные моменты. По мнению министра информационных технологий и связи Леонида Реймана, проекты информатизации Государственного таможенного комитета и Министерства по налогам и сборам можно считать удачными.

Концепция определяет основные приоритеты политики государства в сфере использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти в соответствии с задачами модернизации государственного управления. Главной целью использования информационных технологий в деятельности госорганов является повышение эффективности механизмов государственного управления на основе создания общей информационно-технологической инфраструктуры, включающей государственные информационные системы и ресурсы, а также средства, обеспечивающие их функционирование, взаимодействие между собой, населением и организациями в рамках предоставления государственных услуг; позволит вести согласование ведомственных проектов внедрения информационных технологий с приоритетами социально-экономического развития

РФ; добиться совмещения государственных информационных ресурсов и систем, сделать их доступными на межведомственном уровне; усовершенствовать нормативно-правовое обеспечение отрасли.

Основным механизмом реализации единой согласованной государственной политики в сфере использования информационных технологий в работе федеральных органов власти, согласно Концепции, станет Федеральная Целевая Программа «Электронная Россия (2002-2010 годы)». Государственная политика в сфере использования информационных технологий нацелена на выполнение следующих основных задач:

- реализация стратегических приоритетов в использовании информационных технологий в государственном управлении, формирование единого механизма межведомственной координации реализации государственных программ и проектов создания государственных информационных систем и ресурсов в соответствии с целями социально-экономического развития;
- формирование общей информационно-технологической инфраструктуры для обеспечения деятельности федеральных органов государственной власти;
- организация интерактивного информационного обслуживания граждан и организаций с использованием современных информационных технологий;
- обеспечение информационной безопасности деятельности федеральных органов государственной власти и элементов информационно-технологической инфраструктуры;
- развитие единой защищенной телекоммуникационной инфраструктуры для государственных нужд, системы удостоверяющих центров в области электронной цифровой подписи и электронной среды взаимодействия, обеспечивающей эффективный межведомственный информационный обмен;
- разработка стандартов в сфере использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти;
- централизованное создание общих государственных информационных ресурсов (регистров, кадастров, реестров, классификаторов), содержащих полную, непротиворечивую, достоверную, актуальную информацию, необходимую для выполнения основных функций государственного управления;
- построение единой системы управления процессом использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти;
- распространение на уровне федеральных органов государственной власти практики долгосрочного планирования государственных программ и проектов использования информационных технологий, повышение эффективности управления их выполнением;
- увеличение объемов, объединение и централизация закупок однотипной продукции в сфере информационных технологий в интересах федеральных органов государственной власти для получения эффекта экономии на масштабе;
- создание единой системы мониторинга и контроля эффективности использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти;

•реализация комплексных программ подготовки и повышения квалификации государственных служащих в части использования информационных технологий, развитие необходимой образовательной инфраструктуры и методического обеспечения;

и других.

В соответствии с основными направлениями социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу, приоритеты использования информационных технологий определены данной Концепцией во всех сферах деятельности. В частности, в сфере государственного управления, в соответствии с основными направлениями административной реформы, являются: 1) повышение эффективности реализации правоустанавливающих функций государства и совершенствование механизмов государственного регулирования и контроли; 2) повышение эффективности правоприменительной деятельности федеральных органов государственной власти; 3) повышение эффективности выполнения контрольных и надзорных функций на основе создания и развития систем: мониторинга эффективности правоприменительной деятельности в интересах федеральных органов государственной власти, граждан и организаций; 4) снижение операционных затрат на содержание государственного аппарата, повышение эффективности управления ресурсами федеральных органов государственной власти на основе создания и развития систем: управления финансовыми, материально-техническими, кадровыми ресурсами; документационного обеспечения деятельности федеральных органов государственной власти, электронного документооборота на основе электронных административных регламентов; 5) рост квалификации государственных служащих на основе создания и развития информационной системы поддержки непрерывного профессионального образования государственных служащих, системы управления знаниями; 6) совершенствование взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления на основе создания единой телекоммуникационной инфраструктуры для государственных нужд, систем удостоверяющих центров в области электронной цифровой подписи и электронной среды взаимодействия.

Развитие информационных технологий системы управления должно строиться на основе развития и гармонизации законодательной и методической базы, регламентирующей порядок использования информационных технологий в сфере государственного управления; формирования единой инфраструктуры информационно-технологического обеспечения федеральных органов государственной власти; создания общегосударственных информационных ресурсов; создания межведомственных государственных автоматизированных информационных систем и повышения квалификации государственных служащих в сфере использования информационных технологий.

А.Р. Кузнецова (г. Уфа, БГУ)

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО СЕЛА

Успешное развитие агропромышленного комплекса в современных условиях практически невозможно без соответствующей социальной сферы, которая обеспечивает нормальную жизнедеятельность сельского населения, способствует высвобождению затрат физических усилий, повышению производительности труда работников на основном рабочем месте, благотворно воздействуя на экономические показатели деятельности предприятий. Анализу социально-политических процессов современного села уделено внимание значительного числа отечественных ученых: В.П. Агафонова, А.И. Алекссева, В.Р. Беленького, В.А. Богдановского, Н.А. Бондаренко, П.П. Великого, А.М. Емельянова, Т.И. Заславского, И.Н. Колесникова, Г.С. Лисичкина, В.В. Милосердова, С.В. Никольского, П.В. Никифорова, А.И. Петрикова, М.В. Панкратовой, Р.В. Рывкиной, М.И. Сидоровой, А.И. Сухарева, Г.И. Шмелева идр., среди башкирских ученых, труды которых связаны с аграрно-экономической и социально-политической сферами, известны имена А.А. Аитова, А.А. Ахмадеева, У.Г. Гуманова, Р.Ф. Гатауллина, М.М. Садриева, Р.А. Галина, А.Х. Махмутова, В.Д. Хужина, И.Т. Шаяхметова, Г.А. Хабирова и других. Многие исследования сосредоточены на вопросах материально-общественного, экономического, социального характера. Это объясняется необходимостью обеспечения продовольственной безопасности региона и страны, преодоления общего кризисного состояния социальной сферы села.

В современных условиях необходимо скрупулезное выявление и анализ насущных проблем состояния социальной инфраструктуры и путей их решения. Среди наиболее актуальных социальных проблем необходимо выделить следующие:

- это проблема состояния рынка труда на селе: «реальная» и «скрытая» безработица (при которой работники вынуждены работать неполный рабочий день и получают мизерную заработную плату), нерациональная структура занятости, снижение производительности труда;

- демографическая ситуация: снижение рождаемости и увеличение смертности, сокращение продолжительности жизни населения, рост детской смертности, миграция сельского населения в города, особенно молодежи, увеличение доли нетрудоспособного числа сельских жителей;

- усиление социальной дифференциации на селе: в распределении доходов и увеличении социального неравенства в возможностях получения образования, профессиональной подготовки, услуг здравоохранения, приобретения жилья;

- падение уровня жизни сельских жителей: рост задолженностей по заработной плате, ухудшение условий труда, низкие доходы населения, пьянство и алкоголизм, рост преступности;

- недостаточная развитость объектов социальной инфраструктуры села и многие другие.

Перекладывание расходов по содержанию и финансированию социальной сферы на органы местного самоуправления затруднено из-за следующих причин:

уровень цен и доходов в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью занижены; наличие диспаритета цен и доходов приводят к тому, что государство вынуждено покрывать не только социальные, но и производственные расходы сельскохозяйственных предприятий. Фактически в развитии образования, здравоохранения, жилищного строительства и других объектов социальной инфраструктуры существенную роль выполняет государство. Всестороннее изучение и анализ основных тенденций социально-экономического, политического, демографического и культурного развития российского села в ближайшее время необходимо для подключения общественных наук в процесс реформирования современных аграрных отношений с целью повышения уровня и качества жизни сельских жителей. В настоящее время, к сожалению, наблюдаются такие негативные изменения в демографических процессах региона, как рост смертности, ухудшение состояния здоровья населения, падение уровня и качества жизни населения, снижение трудовой активности сельского населения, ухудшение нравственного состояния среды. Разрешение всех этих проблем зависит от реальной оценки роли сельского населения. Естественные потери населения в определенной мере компенсируются возросшим миграционным процессом. В будущем прирост населения должен осуществляться за счет улучшения условий жизни, совершенствования и развития объектов социальной инфраструктуры.

Сельское население, с экономической точки зрения является не только источником производительных сил, но и основным потребителем благ и услуг. Кадровый потенциал агропромышленного комплекса, являясь отражением социально-экономического развития региона, напрямую связан с сельским населением. Именно от жителей села, их уровня образованности, культурного развития, уровня потребностей, его отношения к труду, обществу зависит будущее экономики села и его социальной сферы. Количественный и качественный состав работников, занятых во всех сферах жизнедеятельности современного села, в его агропромышленного сфере, являются основой кадрового потенциала. Анализ кадрового потенциала включает в себя общее количество населения, количество обучающихся в общеобразовательных учреждениях района, специалистов, кадры массовых профессий. Реализация имеющегося потенциала села должна обеспечить дальнейшее развитие образования, культуры, духовной жизни населения. Для этого село обладает всеми составляющими: материальными, земельными, трудовыми и другими ресурсами.

Социальная инфраструктура представляет собой неотъемлемую составляющую часть социально-экономического развития района. Она выполняет такие жизненно-значимые функции, как: обеспечение жизнедеятельность сельского населения; обеспечение гарантий сельского населения на бесплатное образование; медицинское обслуживание; обеспечение реализации прав граждан на их торговое, бытовое, культурное обслуживание; обеспечение безопасности населения, их правовой защиты, защиты чести, достоинства; состояние основных составляющих элементов социальной сферы (обеспеченность жильем, коммунальными услугами, образованием, торговым, медицинским, бытовым обслуживанием, коммуникациями) оказывает прямое воздействие на производительность труда и на размер заработной платы. В целях поддержания села Правительством Российской Федерации

принято Постановление от 3 декабря 2002 г. № 858 «О федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2010 года», в рамках которого предусмотрены следующие мероприятия: развитие жилищного строительства в сельской местности; сети общеобразовательных учреждений; сети учреждений первичной медико-санитарной помощи; физической культуры и спорта; культурно-досуговой деятельности; торгового и бытового обслуживания; информационно-консультационного обслуживания; развитие электрических сетей, газификации и водоснабжения; телекоммуникационных сетей и сети автомобильных дорог в сельской местности. Экономическая эффективность от реализации Программы состоит в увеличении производительности сельскохозяйственного труда на 20-25% на основе: улучшения здоровья сельских жителей, повышения их общеобразовательной и профессиональной подготовки, создания в сельской местности благоприятных жилищных условий; сокращения потерь рабочего времени, связанных с заболеваемостью; сокращения потерь сельскохозяйственной продукции при ее транспортировке. Реализация Программы позволит: улучшить жилищные условия более 141 тыс. сельских семей и довести уровень обеспеченности коммунальными услугами до 45 процентов; повысить уровень газификации домов (квартир) природным газом до 48,6 процента; улучшить снабжение сельских потребителей электроэнергией; улучшить информационно-консультационное обслуживание сельского населения; обеспечить ввод 1,9 млн. телефонных номеров; сохранить на объектах социальной сферы и инженерной инфраструктуры 130,6 тыс. рабочих мест, дополнительно создать 234,7 тыс. рабочих мест и многое другое.

В.Ф. Мухамеджанова (г. Пенза, ПГПУ)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РАЗНОЭТНИЧЕСКОЙ СЕМЬИ

Под разноэтнической семьёй в научной литературе понимается семья, члены которой имеют разную национальность или этническую принадлежность. Это семья, в которой супруги и дети являются представителями разных наций.

Теоретический анализ научной литературы по проблеме разноэтнических браков показал, что существуют различные подходы к пониманию роли разноэтнических браков в разноэтнических проблемах общества. По мнению В.И. Козлова и С.И. Брука, значение разноэтнических браков в первую очередь заключается в том, что они способствуют взаимодействию этносов. Другие авторы Шелипов Г.В., Пучков П.И. считают, что разноэтнические браки являются фактором ассимиляции и консолидации этносов, инструментом формирования новых этносов путем прорыва внутриэтнической эндогамии. Этносоциолог Дробижева Л.М. отмечает, что разноэтнические браки с одной стороны, обуславливает этническую ассимиляцию,

с другой – объединяет людей в культурном отношении. Анализ современных исследований позволил выделить основные характеристики разноэтнических супружеских пар и их особенности. Среди них возраст супругов, количество повторных браков, уровень образования супругов, профессиональная занятость женщин (женщин из разных этнических пар чаще заняты в общественном производстве, чем из одноэтнических супружеских пар; взаимоотношения супругов с родителями и родственниками). В разноэтнические браки чаще вступают люди у которых нет большой и сплоченной родни; уклад семейных отношений (преобладает эгалитарный уклад семейных отношений, совместное проведение досуга, выбор национальностей детей, соблюдение супругами национальных обычаев и традиций).

Этносы сильно различаются по уровню этнической эндогамии.

Доля национально-смешанных семей в советском обществе непрерывно увеличивалась. Она составляла около 10% в 1959 г. и приблизилась к 17% в 1989. однако разные народы СССР принимали неодинаковое участие в процессе «всеобщего смешания». Примерно 2/3 национально – смешанных семей включали супругов только русской, украинской или белорусской национальностей. Почти каждая третья пара объединяла представителей восточнославянских народов с лицами, принадлежащими к другим национальностям (как «титульным», так и «нетитульным»). На браки между всеми другими национальностями приходилось не более 3-5% всех национально-смешанных брачных пар.

Специальные расчеты, проведенные по материалам ЗАГСов и переписей, показали, что среди русских, проживавших в инонациональной среде, частота межнациональных браков была близка к теоретической вероятности, а иногда даже превышала ее, в то время как у большинства других народов внутриэтнические брачные связи были сильнее межэтнических. Это было в основном результатом брачного выбора русских невест, часто вступавших в браки с женихами других национальностей.

Другим фактором, вызывающим различия в степени эндогамности этносов и этнических групп, является (помимо сплоченности внутриэтнических кругов общения) культурная дистанция между этносом и его этническим окружением, т.е. чем выше эта дистанция, тем ниже число национально-смешанных браков. Культурная же дистанция в конечном счете определяется межэтническими различиями в образе жизни, которые в свою очередь зависят от того, насколько устойчивы и сплочены коллективы, образующие внутриэтническую структуру. Недаром порой заключается очень мало смешанных браков между представителями этнических общностей, близких по культуре и живущие в тесном контакте (например, у народов Северного Кавказа в городах).

С течением времени уровень эндогамии этноса меняется, причем эти изменения далеко не всегда напрямую связаны с увеличением или уменьшением объема межэтнических контактов.

В частности, в процессе урбанизации, как правило, сначала наблюдается рост, а затем стабилизация и падение показателей межэтнической брачности.

Динамика соотношения межнациональных браков в городах ряда регионов СССР не была линейной: вслед за нарастанием численности межнациональных

браков среди титульных этносов национальных республик РСФСР на первых этапах их урбанизации наступала стагнация этого процесса, сменявшаяся новым увеличением уровня эндогамии.

Аналогичные процессы были отмечены в Татарии, Чувашии и ряде других регионов РСФСР, а также Таллине и Кишиневе.

Увеличение этнической эндогамии титульных этносов – один из немногих факторов, которые были выявлены в процессе изучения межнациональной брачности и которые поддаются интерпретации в терминах позитивистской концепции. Он объясняется повышением относительного социального статуса титульных этносов в среде городского населения при условии, что национальная принадлежность является «взаимодополняющим» признаком, т.е. «выгоды» для брачной пары от вступления именно в однонациональный брак со временем становятся выше, чем от вступления каждого из партнеров в межнациональные браки.

Информационный подход предлагает несколько иное объяснение увеличения этнической эндогамии титульного этноса. Доля «этнических маргиналов» в каждом новом поколении этноса во многом определяется характером протекания урбанизационных процессов. Нарастание сложности социальных связей и неопределенности информационной ситуации в быстро растущих городах ведет к тому, что вчерашние мигранты начинают искать психологическую, а иногда и чисто деловую опору в поддержании или возобновлении внутриэтнических межличностных связей.

В одних крупных городах среди представителей «титульных» этносов в межнациональные браки чаще вступают коренные горожане, а в других, наоборот мигранты (обычно уроженцы села).

Эта общая схема по-разному реализуется в городах разных регионов. В СССР в ряде случаев, особенно в городах восточных регионов, сельские круги общения продолжали играть заметную роль в городах не только на первых этапах урбанизации, но и на протяжении всей их истории. Например, среди эстонцев в Таллине в 80-х годах в национально-смешанные браки чаще вступали уроженцы сельской местности, а среди грузин в Тбилиси, наоборот, коренные тбилисцы.

Практически везде в межнациональные браки чаще вступают в более позднее возрасте, чем в однонациональные, и среди молодоженов больше тех, кто вступает в брак уже не впервые.

Сторонник «рыночной» концепции скажет, что дело здесь в «удешевлении» женихов и невест, «бывших в употреблении», которые, вследствие этого, вступают в менее престижные – межнациональные - браки.

Последователь «онтологической» концепции отметил бы, что более взрослые люди самостоятельнее в брачном выборе и в меньшей степени зависят от неформального контроля со стороны внутриэтнических кругов общения. К тому же они обратят внимание на то, что в среде тех этносов, у которых внутриэтнические связи ослаблены (как, например, у русских, финно-угорских народов Поволжья), разница в возрасте и брачном опыте между вступающими в однонациональные и смешанные браки менее заметная, чем у народов Кавказа, Средней Азии.

Национальный состав браков очень заметно влияет на их устойчивость, в частности, национально-смешанные браки распадаются, как правило, быстрее и чаще, чем однонациональные.

В разноэтнических семьях складываются не только межличностное, но и межнациональное общение. Л.М. Дробижева называет его «межличностным национальным общением». Общение этнически гетерогенных супругов зависит от факторов, определяющих эффективное межэтническое общение, к ним можно отнести психологические различия этнических культур супругов. Представленные в науке подходы свидетельствуют о множественности культурных различий. Для того чтобы этнически гетерогенные супруги могли понимать поведение друга -друга, им необходимо знать культуры, к которым принадлежат они сами и их брачные партнеры, психологические особенности этих культур.

Особое влияние на межличностное общение вообще и супругов в частности, оказывают ценности, нормы, правила, роли, стили вербальной и невербальной коммуникации, принятые в этнических культурах супругов (Ван Дейк, Вержибицкая А., Лебедева Н.М.). Принадлежность супругов к разным этническим культурам влечет за собой их различие в ценностных ориентациях, мировоззренческих подходах к видению себя и окружающих, в значимости для них определенных норм и правил поведения, в используемых стилях и формах общения, а следовательно, может способствовать непониманию в супружеских взаимоотношениях. Важным условием их эффективного «межличностного межнационального общения» становится этнокультурная коммуникативная компетентность.

Вышеизложенное позволяет заключить, что при взаимодействие супругов, принадлежащих к разным этносам, этническое своеобразие их гендерных стереотипов может способствовать возникновению противоречий, снижению удовлетворенности супругов своим браком.

. В науке нет однозначного толкования супружеских взаимоотношений. Мы опираемся в своем исследовании на определении Н.Н. Обозова, который под супружескими взаимоотношениями понимал совокупность социально – регламентированных отношений между брачными партнерами. Супружеские отношения позволяют удовлетворять потребность в эмоциональной привязанности индивидуальной, половой любви, продолжении рода, организации быта и досуга, моральной и эмоциональной поддержки. Супружеские взаимоотношения отличаются от межличностных взаимоотношений, что подвергается социальной регламентации (Обозов Н.Н.).

Социально – психологический подход к изучению супружеских взаимоотношений делает акцент на изучение субъективной оценки каждым из супругов характера их взаимоотношений. Эта характеристика получила название «удовлетворенность браком».

Изучение удовлетворенности браком осуществлялась на основе разных подходов: с позиции супружеской совместимости (Обозов Н.Н. и Обозова А.Н.), с позиции супружеской адаптированности (Голод С.И.), на основе теории потребностей (Левкович В.П., Зюскова О.Э., Сысенко В.А. и др.).

Одним из наиболее используемых подходов к изучению удовлетворенности браком является выявление «факторов риска». При этом одни исследователи акцентируют внимание на фактор добрачной истории (Харчев А.Г., Юркевич Н.Г., Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.). Ученые Тартурского университета выделяют три группы факторов влияющих на удовлетворенность браком: первая группа связана с личностью супруга, его происхождением и семейным воспитанием; вторая – связана с предысторией брака и условием его заключения; третья – проявляется в результате совместной жизни супругов, организации быта семьи, характер внутрисемейных отношений, контакт с другими группами общества. Американские психологи создали модель «Качество брака», которая позволяет осветить связь с удовлетворенность браком почти любой характеристики супругов, их взаимоотношений и особенностей социально-экономического существования семьи. В настоящее время имеются научные исследования в которых доказываются, что удовлетворенность браком мужчин и удовлетворенность браком женщин определяется разными факторами, а также зависит от цикла развития семьи (Алешина Ю.Э, Борисов И.Ю.).

Проанализировав выделенные исследователями факторы, оказывающие влияние на удовлетворенность супружескими взаимоотношениями мы распределили их в 4 группы: социальные факторы, действующие на уровне общества; социально – экономические, демографические факторы, действующие на уровне семьи; социально – психологические факторы, действующие на уровне семьи; и факторы связанные с личностными особенностями супругов.

Разноэтническая супружеская пара является особым социальным институтом и малой группой. Супружеские взаимоотношения в ней основываются на личностном общении которое регламентируется моральными принципами и поддерживается имманентными им ценностями, отражающими не только личностные, но и этнокультурные особенности супругов.

Процесс формирования и развития супружеских взаимоотношений в разноэтнических семьях достаточно сложен, так как у каждой этнической общности он протекает по своим собственным законам и разбивается на ряд последовательных этапов (Егорова А.И., Алиева Л.А. и др.). при этом первостепенное значение приобретают динамика супружеских отношений и ее этническая (культурная) специфика.

Этнопсихологические исследования показывают, что связь таких понятий, как «устойчивость брака» и «удовлетворенность супругов браком», имеет национальное своеобразие. Есть этнические общности, традиции которых просто не допускают разводов из-за неудовлетворенных потребностей супругов, и конфликты по этому поводу малочисленны, или регулируются национальными нормами взаимоотношений.

Исследователи, занимающиеся изучением разноэтнических супружеских пар, по-разному оценивают влияние фактора этнической гетерогенности супругов на оценку успешности национально-смешанных семей. Одни авторы – Р. Ачылова, В.В. Грицаенко, К. Дзагкоев, Г.А. Демаков, В.П. Левкович, Н.Х. Мизенина, В.П. Шахматов, У.К. Шеденов, А.А. Юсупбаев – отмечают, что дополнительные сложности, возникающие в разноэтнических семьях, обусловлены этническими разли-

чиями входящих в них супругов, не делают национально-смешанные семьи менее прочными, чем однонациональные. Другие авторы – В.И. Чекалин, Р.Ш. Садыхов, А.Г. Харчев – считают, что разноэтнические браки являются более прочными, чем однонациональные. Третьи – А.А. Сусоколов и др. – указывают, что более стабильными являются однонациональные браки, а также браки, в которых супруги принадлежат к одной расе и исповедуют одну и туже религию.

Национально-смешанные браки чаще оказываются вне системы неформального социального контроля, что в конечном счете снижает их стабильность по сравнению с браками коренных национальностей. Так, неустойчивость браков русского населения в союзных республиках СССР определялась отмеченной нами ранее слабостью, нестабильностью кругов общения, в первую очередь родственных и земляческих связей в среде русского этноса.

Н.А. Овсянникова (г. Курск, КГТУ)

ПОТЕНЦИАЛ ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ЛИЧНОСТЬ В РЕАЛЬНОМ РОССИЙСКОМ СОЦИУМЕ

Проблема воздействия средств массовой информации на личность – одна из самых традиционных в социологии. Исследователи обращаются к ней в течении ста лет. Их выводы нельзя назвать однозначными: одни, опираясь на обширные эмпирические данные, утверждают, что средства массовой информации играют исключительную роль в формировании ценностей, норм, убеждений людей, другие, также ссылаясь на серьезные аргументы, показывают, что средства массовой информации в ряде случаев бессильны существенно повлиять на суждение и поведение личности. Большие потенциальные возможности воздействия не всегда и не везде реализуются автоматически. Необходимы определенные условия для эффективного воздействия средств массовой информации на личность. И следует полагать, что такие условия сегодня в России реально существуют.

Принято считать, что человек в современном обществе получает информацию нескольких видов: структурную, фундаментальную, оперативную.

Структурная осваивается на ранней стадии социализации с помощью традиционных типов общения (межличностное общение в семье, малой группе, школе) и составляет своеобразное ядро структуры личности: убеждения, установки, ценностные ориентации.

В дальнейшем устойчивую ориентацию человека в обществе создает фундаментальная информация, приобщая личность к профессии, науке, искусству – это уже более поздний этап вхождения человека в общество. Такая информация поступает к индивиду преимущественно по каналам специальных коммуникаций. Срав-

нительно со структурной информацией, она формирует его знания и интересы более актуального характера.

Оперативная информация актуализирует для каждого индивида морально-этические, правовые, идеологические и прочие нормы сегодняшнего общества, буквально – общества сегодняшнего дня. Преимущественный канал распространения такой информации - массовые коммуникации.

Обычно массовую оперативную информацию относят к надстройке относительно двух базисных для индивида и общечеловеческой культуры слоев структурной и фундаментальной информации, её влияние ограничивают «поверхностным» положением относительно системы ценностей, установок, убеждений, базисных для отдельной личности и определенной культуры. Очевидно, что медийная информация «достраивает» сферы живого опыта, той информации, которую человек получает непосредственно. Однако, существует ряд убедительных свидетельств, что вторичный характер медийного конструктора не отменяет возможности «забвения» живой сферы опыта и медиатизированной переинтерпритации последней.

Следует отметить, что в массовом обществе доля оперативной информации (относительно структурной и фундаментальной) заметно возрастает. Ведь в современных условиях, когда происходит изменение пространственно временной структуры общества в направлении концентрации и ускорения, изменение в типе культуры и социальной коммуникации резко повышается степень чувствительности индивида к ожиданиям и оценкам окружающих. Человеку необходимо быть настороже, зорко следить за динамикой общественного мнения. Возникает личность, которую американский социолог Д. Рисмэн [1] назвал «человеком-локатором». Главная его способность – это умение угадывать чужие ожидания.

Считается, что этот вид ориентации создает невиданно острую потребность в официальных подсказках, в постоянно поступающих советах относительно того, что именно считается сегодня должным. Обостряется спрос на текущую информацию, потребление которой сам индивид – осознанно или неосознанно – считает жизненно важным. Таким образом, в массовом обществе массовые коммуникации занимают ведущее место в механизме адаптации и социализации человека.

Все выше сказанное характерно и для российского общества.

Следует отметить, что при определенных обстоятельствах (небольшие отрезки времени или соотношение с определенным возрастным интервалом в жизни отдельной личности) средства массовой информации практически бессильны, когда надо изменить личностные установки и все на что можно рассчитывать – это усиление и закрепление существующих.

Однако необходимо учесть, что сегодняшние психотехники нейролингвистического программирования позволяют уничтожать имеющиеся психические установки и создавать новые. Более того, они позволяют целенаправленно формировать заданные навязчивости [2]. Проблема внушаемости и гипнабельности весьма существенно актуализируется сегодня, ибо эти психические качества достаточно выражены в коммуникативных особенностях современного человека. А в настоящее время использование средствами массовой информации прямых гипногенных воздействий считается обычным явлением, свидетельством «профессионализма».

Таким образом, современные российские средства массовой информации являются мощным и активным инструментом манипулирования сознанием и обладают возможностью вмешиваться в формирование глубинной сущности человека, ядра его личности.

Для оценки потенциала воздействия средств массовой информации в России необходимо учесть и кризис идентичности [3], обрушившийся на наших соотечественников после распада СССР.

Последствием данного кризиса явилось то, что субъект реального российского социума оказался перед сложной проблемой самоопределения в условиях столкновения и противоборства традиционной, западной и советской культур, в ситуации отсутствия стабильной ценностно-нормативной базы. Классики психологии и социологии убедительно доказывают, что расстроенная привычная система связей, неопределенное отношение к окружению, соответствующие кризису идентичности значительно повышают порог воздействия всякого рода манипуляций. Данное мнение поддерживают и современные российские социологи, указывая, что сегодняшняя ситуация структурной и ценностно-мировоззренческой неопределенности, подкрепленная болезненным переживанием людьми потери своего статуса, открывает широкое поле для воздействия на сознание и поведение россиян [4].

Как указывает ряд исследователей, в подобных условиях на практике воздействие средств массовой информации перекрывает и трансформирует воздействие таких факторов формирования духовного мира личности, как семья, школа, материальные условия5.

Даже те исследователи, которые не разделяют точку зрения о столь радикальном воздействии средств массовой информации на личность, отмечают, что «в настоящее время подавляющее количество социальной информации поступает по каналам средств массовой информации. Именно они создают для человека своего рода «вторую реальность», «субъективную реальность», влияние которой не менее значимо, чем действие объективной реальности [2].

Хотя проблема влияния средств массовой информации на личность и остро актуальна сегодня, современные социологи в основном ограничиваются рейтингом популярности тех или иных передач. В последнее время появились работы, касающиеся социокультурного воздействия средств массовой информации на российскую духовность, ментальность, образ жизни современного россиянина. Однако, эмпирических исследований в этой области недостаточно и они нуждаются в серьезных теоретических разработках.

Кроме того, практически незатронутыми остается важнейший вопрос о принципах и механизмах контроля над средствами массовой информации, не смотря на то, что вопрос о необходимости независимого эффективного общественного контроля регулярно поднимается отечественными учеными.

Таким образом, проблема воздействия средств массовой информации на личность является одной из актуальных проблем науки в России, требующих разработки со стороны различных общественных и гуманитарных наук, а также и междисциплинарных подходов.

Примечания

1. Ricsman D/ The bonely Crowd/ - N.Y.:Holt, Rinehart and Winston, 1953.- p.38.
2. http://www.derc.ru/fiules/new/htm1
3. http://www.karclia.ru/psu/Sbrueture/newspaper/2q01/q511/2.htm
4. Климова С.Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих»//Социс. - 2002. - N12. - С.14; Информационное общество. Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность. /Под ред. М.А. Вуса. - СПб.: Изд-во С.-Петербург, ун-та, 1999.- С.17.

О.И. Соколова (г. Ростов на Дону, РГПУ)

АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРОЙ ВУЗА

Основным нормативным документом, регламентирующим деятельность вуза, является Положение о высших учебных заведениях МО РФ [1]. В соответствии с Положением ректор принимает решения по различным основным направлениям, обеспечивающим устойчивость функционирования вуза. Как показывает анализ документов [2], имеющийся в действующей нормативно-правовой базе научно-методический аппарат выработки решения не позволяет учитывать воздействие внешней среды на обучаемых, что снижает эффективность его применения. Это также касается организации учебно-воспитательного процесса и жизнедеятельности вуза в целом.

Однако, не вызывает сомнения, что и в настоящее время у ректора при отсутствии эффективного научно-методического аппарата есть система поддержки, помогающая ему выполнять его главную функцию – вырабатывать и принимать решения. Такая система включает в себя распределенные в организационной среде источники и каналы поступления и доведения нужной информации, а также методы и средства выработки решений. Источниками информации служат учетно-отчетная информация, приказы и директивы вышестоящих органов, распоряжения начальников, инструкции, неформальная информация и т. д. Методы и средства выработки решений отражены в сложившихся организационных процедурах, например, при подведении итогов за месяц, семестр, учебный год [3].

Большую сложность для ректора представляет то, что он получает большой объем информации от различных отделов и служб, которую необходимо качественно обработать в заданном временном интервале. При этом особенно часто не хватает данных диагностического или прогнозного характера, которые помогли бы предвидеть проблемы еще до их возникновения. Даже в том случае, если ректор получает, накапливает и усваивает информацию о складывающейся ситуации, у него отсутствуют средства, которые помогли бы ему определить, существует ли про-

блема на самом деле, насколько она важна, каково будет предполагаемое дальнейшее развитие событий.

Сегодняшняя тенденция такова, что возникающие почти на любом уровне управления инфраструктурой вуза проблемы изменяются не столько в количественном, сколько в качественном отношении. Все чаще они требуют нестандартного, творческого подхода. Обилие информации по каждой проблеме усложняет разработку альтернативных вариантов их решения. У ректора нет возможности всесторонне и оперативно проверить и оценить, насколько точно те или иные варианты, или даже уже принятое решение отвечают характеру проблемы и обеспечивают достижение желаемых конечных результатов. Ему приходится перерабатывать информацию о характеристиках ситуации, зачастую, в условиях отсутствия средств, которые помогли бы ему проводить анализ большого количества разнородной информации, представить ее в удобном для работы с ними форме. Не хватает ему также и средств формирования и накопления знаний, которые в каждом конкретном случае полностью и адекватно описывали бы проблему и пути ее решения. Из-за всех этих сложностей увеличиваются сроки принятия решений, что, в конечном счете, усугубляет проблему и отодвигает на неопределенное время достижение стоящих перед вузом целей.

В своей управленческой деятельности ректор, как показывает практика, использует различные подходы к выработке замысла и принятию решения, которые можно классифицировать следующим образом как различные типы управления.

Первый тип – целевое управление [4]. Целевое управление имеет место, когда при решении всех управленческих задач на всех уровнях цель играет определяющую роль. Оно обычно применяется при выполнении крупных, порой разовых, мероприятий с новыми, неординарными целями – таких, как изменение организационной структуры вуза, переход на новые учебные планы и программы обучения, ускоренный выпуск и т.д.

Второй тип – программное управление. В этом случае упор делается не на формулирование целей – их здесь немного и они не ясны, а на тщательное формирование конкретных задач, определение последовательности действий подчиненных подразделений и связи этих действий между собой. Совокупность таких заданий и есть программа управления. Как правило, данный тип управления используется ректором при организации решений сложных задач учебно-воспитательного характера, на решение которых задействовано много исполнителей и необходимым становится согласование их действий по времени, например, при составлении расписания на семестр обучения.

Третий тип – ситуационное управление [5]. Он характерен для решения устоявшихся стандартных задач. Цели здесь ясны и редко меняются. Главное – иметь возможность выйти наилучшим образом из создавшихся неблагоприятных ситуаций. Это достигается путем использования готовых стандартных решений, позволяющих ликвидировать возникающие отклонения быстро и с наименьшими потерями. Простейшим примером реализации данного типа управления является использование заблаговременно разработанных планов по действиям в разных случаях.

Таким образом, представленные выше типы управления используются в определенных конкретных случаях и не отражают все аспекты многогранной деятельности ректора по принятию решения в повседневной жизни.

Наиболее часто в своей деятельности ректор сталкивается с балансным типом управления [6], когда имеются контролируемые величины, которые находятся в норме или в ненорме и ректор имеет возможность воздействовать на них определенным образом. Такой тип, как правило, ректором используется тогда, когда выбор рационально управляющего воздействия, нормализующего выходные величины, затруднен в виду сложности зависимостей «вход-выход» и большого влияния человеческого фактора, или в случаях, когда нормализация состояния объекта управления возможна только путем последовательного применения нескольких воздействий. При этом имеется возможность учитывать следующие факты: возможности, опасности и ограничения, существующие во внешней среде; внутренние возможности и слабые места системы «вуз».

При данном типе управления инфраструктура вуза, как объекта управления, определяется состоянием ее входов и выходов. Для выходов заданы нормативные ограничения, при нарушении которых возникает необходимость в регулировании.

Реализация определенных действий представляет собой циклический процесс, на каждом шаге которого выбирается действие, применимое в текущей ситуации, и формируется модель обстановки, возникающей в результате выполнения этого действия. Анализ существующих подходов к моделированию данного типа управления [4. 7. 8. 9. 10] показывает, что наиболее целесообразно при построении математической модели объекта исследования использовать теоретико-графовый подход.

Несомненно, что данный тип управления обладает неоспоримыми преимуществами, однако для его эффективного использования в качестве НМА принятия решения ректором необходимо: построить адекватную модель инфраструктуры вуза, отражающую реальные связи между всеми параметрами; разработать оптимизирующие процедуры выбора управляющего воздействия в зависимости от конкретной ситуации.

В этом плане представляют интерес результаты, полученные в [5]. Данная работа посвящена совершенствованию НМА оценки качества управленческой деятельности руководящего состава вузов и обоснованию с его помощью рекомендаций по улучшению их индивидуальной управленческой подготовки. В ней предложена модель оценки качества управленческой деятельности руководящего состава вузов на основе многомерного статистического анализа параметров повседневной деятельности подчиненных подразделений. Однако, разработанная на ее основе методика может использоваться только как отдельный элемент в общей структуре подготовки и принятия решения. Например, если после принятия ректором решения оценивать результат его реализации с точки зрения эффективности управления и затем корректировать действия. Но такой подход, во-первых, не может решить все задачи, которые стоят перед НМА поддержки принятия решения и, во-вторых, предполагает использование только эвристических методы выбора рационального замысла действий.

Таким образом, проведенный анализ показывает всю многогранность существующих проблем управления. Перечисленные выше проблемы достаточно рельефно подчеркивают противоречие между сложностью решаемых управленческих задач по принятию решения и несовершенством имеющихся в настоящее время в распоряжении ректора способов их обработки. Для реализации научных методов в управлении подготовкой специалистов необходимо построить модель функционирования вуза и применить оптимизирующие процедуры для выработки рационального замысла действий ректором.

Для описания основных системных свойств вуза использован известный подход [11, 4, 12], который предполагает, что основные свойства систем широкого класса можно характеризовать системой параметрами, значения которых характеризуют текущее состояние самой системы и окружающей обстановки каждый из моментов ее функционирования.

Под *параметром* в широком смысле нами понимается измеряемая величина, характеризующая основные свойства системы. В узком смысле под понятием *параметр* понимается специальная числовая переменная, заданная на множестве целей и позволяющая оценивать состояние и свойства вуза и его элементов, а также различать варианты решений, предлагаемых начальнику вуза по предпочтительности.

Понятие «параметр» тесно переплетается с другими понятиями – «показатель» и «фактор». Фактор – это некое условие, зачастую внешнее по отношению к рассматриваемому объекту. Показатель – это некоторая характеристика свойств, качества или состояния объекта [13, 14]. В статье мы отдаем предпочтение понятию «параметр», так как семантически оно более точно соответствует содержанию предмета рассмотрения и часто используется в теории управления.

Разработка единой системы параметров уже сама по себе представляет ценность для целей управления и контроля за состоянием инфраструктуры вуза. Дело в том, что существующие параметры, контролируемые в вузе, разрозненны и противоречивы. В некоторой части контролируемые и управляемые параметры повторяют друг друга, а в некоторой части существуют пробелы. Причиной такого состояния дел является отсутствие системности при определении совокупности параметров. Поэтому в данной работе была установлена необходимость остановиться на определении подхода к формированию единой системы этих параметров.

Параметры, используемые для характеристики инфраструктуры вуза, предлагается классифицировать следующим образом: по возможности управления ими (управляемые/ неуправляемые); по отношению к объекту (внешние/ внутренние); по возможности контроля (контролируемые/ неконтролируемые); по способу определения значения (измеряемые/ расчетные) и т.д. Подход, принятый нами в исследовании, предполагает, что проблема, требующая разрешения, вытекает из расхождения исходного и желаемого состояния управляемой системы. Желаемое состояние ректор намечает, учитывая характер решаемой задачи, характеристики исходной обстановки и возможный характер развития ситуации. Подразумевается, что, анализируя те или иные пути выполнения стоящих задач, ректор четко представляет закономерности, связывающие ход и исход процесса выполнения поставленной

задачи. Совокупность представлений об этих закономерностях в формализованном виде задает некий «механизм ситуации», порождающий взаимосвязь «решение – исход». Данные представления предлагается записывать в виде *теоретико-графовой модели взаимозависимости параметров,* которая позволяет начальнику вуза однозначно определить взаимосвязь параметров для использования в процессе выработки замысла.

При этом модель инфраструктуры вуза представляется в виде ориентированного графа *Г=(B,C)*, в котором вершины (множество *B*) соответствуют характеризующим его параметрам, а дуги (множество *C*) показывают зависимости между элементами множества *B*. Параметры определяют состояние вуза в целом или его частей. Зависимости могут быть заданы функцией, таблицей или правилом вывода в случае, если параметр является логическим. Направление дуг соответствует «направлению» зависимости (от вершин, представляющих аргументы, - к вершине, представляющей функцию; от вершин, представляющих посылки, - к вершине, представляющей следствие, и т.п.).

С некоторыми параметрами связаны ограничения, которые не должны нарушаться. Ограничения определяют область допустимых значений параметра. Параметры, с которыми связаны ограничения, являются контрольными. Контрольный параметр может быть ненормализованным, если его значение не соответствует установленным для него ограничениям. Под действием внутренних и внешних факторов обстановки ряд параметров могут изменять свое значение. Такие параметры будем называть возмущающими и для компенсации их влияния органами управления вуза формируются управляющие воздействия. Реализация управляющего воздействия состоит в изменении значений некоторых параметров. Параметры, на которые непосредственно влияют управляющие воздействия, являются управляющими. Правильное применение управляющих воздействий приводит к полному устранению нарушений ограничений. Управляющие и контрольные параметры являются соответственно входами и выходами объекта управления.

В графе *Г* управляющим, контрольным, ненормализованным параметрам соответствуют управляющие, контрольные и ненормализованные вершины. При отсутствии ненормализованных вершин *(D=0)* граф *Г* считается сбалансированным.

На каждом шаге управляющее воздействие выбирается на основе анализа множества *D*. Из данного множества последовательно выбираются вершины и для них производится поиск нормализующих управляющих воздействий. Такие вершины будем называть целевыми. Реализация управляющего воздействия, как указывалось выше, состоит в изменении значения соответствующего управляющего параметра. Эти изменения вызывают пересчет значений всех параметров, представленных в графе *Г* вершинами, которые связаны с управляющей вершиной, соответствующей измененному параметру. Основным критерием при оценивании результата применения управляющего воздействия является изменение мощности множества *D*. Уменьшение мощности множества *D* расценивается как успех, увеличение – как неудача, при *D=0* параметрическая модель объекта оказывается сбалансированной и процесс управления считается успешно законченным. Операция оценивания, как и операция выбора, реализуется с участием начальника вуза. От

него требуется решение важнейшего вопроса: сохранить в формируемом плане выбранное воздействие или отказаться от него, отступив в процессе формирования плана на один или несколько шагов.

Данный подход обеспечивает возможность для любой ситуации и обусловливаемой ею цели представить характер взаимозависимости всех параметров из имеющейся совокупности, а также определить множество тех параметров, которые определяют выход из состояния «норма» какого-либо параметра.

Параметры, характеризующие инфраструктуру вуза, целесообразно объединить в основные группы. Каждая из них характеризуется обобщенным параметром, дающим интегральную оценку состояния дел вуза по данному направлению. В свою очередь, используя метод декомпозиции, он может быть представлен совокупностью параметров нижнего уровня, а каждый из них в свою очередь может быть декомпозирован на параметры более низкого уровня (ранга), формируя таким образом иерархическое дерево параметров. Анализ показывает, что для полного рассмотрения текущей обстановки в вузе ректору вуза достаточно иметь дерево глубиной 3-4 ранга декомпозиции.

Однако, кроме иерархических связей непосредственного влияния параметров нижнего уровня на параметры верхнего уровня существует взаимовлияние параметров, которое должно быть отображено, как было указано выше, в виде *теоретико-графовой модели взаимозависимости параметров*.

Определение величин коэффициентов взаимозависимости параметров представляет собой достаточно сложную задачу, которая может быть решена одним из трех методов: путем построения точной аналитической зависимости в виде некоторой функции $X_i=F(X_j)$; методами статистического анализа; путем экспертного оценивания.

Первый из рассматриваемых методов чрезвычайно трудоемок и требует проведения глубоких теоретических и экспериментальных исследований при большом числе параметров, что характерно для предметной области управления вузом и поэтому не может быть реализован за приемлемое время.

Использование статистического анализа требует представительной выборки достаточно большого объема. Таким образом, при использовании методов статистического анализа возможны значительные ошибки.

В этих условиях для выработки рационального замысла необходимо с учетом всей совокупности внутренних и внешних факторов обстановки, влияющих на параметры состояния вуза, использовать для решения ранее сформулированной задачи методы экспертного оценивания.

Примечания

1. «Положение о высшем учебном заведении РФ». 1993.
2. Приказ МО РФ № 110 – 94г. О введении в действие Положения о Вузах МО РФ.
3. Сборник нормативных документов и методических рекомендаций по учебно-методической работе. Составитель Карпов В.Н. – Ростов н/Д: РВВКИУ РВ, 1998г.
4. Браверман Э.М. Математические модели планирования и управления. – Главная редакция физико-математической литературы издательства – М.,«Наука», 1976, - 368с.

5. Бочаров И.А. Разработка методических основ оценки качества управленческой деятельности руководящего состава Вузов, Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. - Серпуховский военный институт ракетных войск, 1999.
6. Гладун В.П. Планирование решений. – Киев: Наук. думка, 1987, - 168 с.
7. Вилкас Э.Й., Майминас Е.З. Решения: теория, информация, моделирование. - М.: Радио и связь, 1981. - 328с.
8. Гладун В.П., Ващенко Г.В., Реутов С.И. Балансные методы планирования действий в системах управления. – Управляющие системы и машины. - №2. – 1995.
9. Марков И.М. и др. Теория выбора и принятия решений. – М.: Наука, 1982.
10. Boyes, J.P., and S.J. Andriole, eds. 1988. Principles of Command & Control, Fairfax, VA: AFCEA International Press.
11 Абчук В.А., Емельянов В.А., Матвейчук Ф.А., Суздаль В.Г. Введение в теорию выработки решений в сложных ситуациях. – М.: МО СССР, 1981., - С.253.
12. Дримин Ю.Л. Системы планирования решений для динамичных проблемных сред //Вычислительная техника. Системы. Управление. – 1991. - №5. – С.39-46.
13. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Идея, алгоритм, решение. – М.: Воениздат, 1972.
14. Кини Р.Л., Райфа Г. Принятие решений при многих критериях предпочтения и замещения. – М.: Радио и связь, 1981. – 380с.

О.Г.Филатова (г. Санкт Петербург, СПбГПУ)

МАРГИНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Говоря о современной России, нельзя не отметить особое значение и актуальность изучения феномена маргинальности. Маргинальность, как характеристика нашей действительности, приобретает смысл и значение, которые не фиксировались ранее. Хотя в современном научном дискурсе в определении содержания понятия маргинальности имеются значительные трудности, эвристический потенциал концепции маргинальности достаточно очевиден. Однако нечеткость понятия и поливариантность трактовок делает сложным измерение самого явления, что приводит к необходимости уточнения возможных исследовательских стратегий и методологических подходов к проблеме маргинальности.

Прежде всего, отметим, что логика исследования маргинальности предполагает использование междисциплинарного подхода, объединяющего принципы и методы, выработанные социологией, культурологией, психологией, историей, философией. Широкое проблемное поле анализа нетипичности, разнообразных социальных практик исключения и конструирования маргинальной идентичности напрямую затрагивает основные теоретические интересы мировой социологии, философии, теории культуры и социальной политики. В данном случае соотнесение информации, полученной разными методами, обеспечивает необходимую глубину анализа и понимание изучаемой проблемы. Междисциплинарность проблематики,

безусловно, расширяет возможности анализа изучаемого феномена, хотя и требует значительно большей компетентности исследователя.

Развитие социальной мысли породило множество теорий, разрабатывавших проблемы маргинальности на мощном теоретико-методологическом фундаменте. Исследователи использовали категориальный аппарат структурного функционализма, феноменологии, социальной психологии и других направлений. Рассмотрим, что понимается под маргинальностью в современном научном дискурсе и какие уточнения и дополнения могут быть внесены в это понятие.

Нужно признать, что представляет наибольший интерес понимание маргинальности как явления пограничности положения личности или группы по отношению к какой-либо социальной общности. Именно это направление обсуждается наиболее интенсивно. Понятие маргинальности подчеркивает особый социальный статус (обычно - низкий), принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, ведет образ жизни и исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы. Важный момент — отказ от оценочности, априорного негативизма термина, так как негативный или позитивный смысл имеет только социальная направленность маргинальных процессов.

Исследование маргинальности в данном направлении каждый раз требует уточнения основных критериев. Универсальными можно признать следующие: состояние перехода; невключенность или неполная включенность индивида или группы в стабильно существующие структуры; разрушение прежних социальных норм (или невозможность следовать им), или отсутствие норм, определяющих поведение в новой ситуации. При этом основной трудностью остается эмпирическая «ускользаемость» этой теоретической категории.

В попытках ограничить употребление понятиями некими рамками нужно учитывать, что разные эпохи рождают свои типы «маргинального человека». Они очень разные. Это иммигрант, борющийся за свое существование в чужой стране. Это изгой, отброшенный на обочину жизни на своей родине. Это бунтарь, интеллектуал-одиночка, восстающий против косных порядков. В нашей стране и в наше время это тип социально и экономически активного человека, потерявшего свое место, положение, статус под влиянием внешних обстоятельств: реформ, кризиса, смены общественного строя. При всем различии этих типов, в них есть общее — существование на пределе, переломе цельности бытия [1].

В качестве методологической основы для понимания проблемы маргинальности может быть избрана концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Согласно этой концепции, люди сами создают социальную реальность и формируют собственную идентичность в зависимости от социальных условий и контекста. Данный подход позволяет рассматривать динамическое измерение маргинальности – процесс конструирования маргинальной идентичности и воспроизводство ее в процессе социализации личности.

Большое значение при изучении феномена маргинальности имеет стратегия изучения отдельных случаев (case study), которая подразумевает детальное изучение одного объекта в совокупности его взаимосвязей. Основные методы исследо-

вания здесь - наблюдение, биографическое интервью, устная история (oral history), дающие полную информацию об изучаемом случае.

Особо подчеркнем, что феномен маргинальности - это замечательная почва для применения биографического метода. Методологическая специфика биографии состоит в том, что она позволяет проследить значимые социальные связи и мотивы действий с точки зрения самого субъекта исследования. Каждая личность имеет свою уникальную «историю», и, суммируя десятки их, исследователь может увидеть основные жизненные стратегии и модели поведения маргиналов.

Как и У. Томас, мы полагаем, что лучший социологический материал – это личный документ, в том числе биографическое свидетельство. Как известно, началось все с мешка писем, найденных Томасом и Знанецким недалеко от Чикаго. Это была 15-летняя переписка польских иммигрантов с родственниками, оставшимися на родине, которая и составила основу для знаменитого исследования Чикагской школы «Польский крестьянин в Европе и Америке». Письма, которые иммигранты писали своим родственникам на родину, были свидетельствами разрыва с родной почвой в новой стране и тоски по утраченной безопасности. Напомним, что понятие «маргинальность» изначально и возникло для обозначения ситуации культурного перехода, когда нарушаются связи индивида или группы с культурной средой, в которой проходила их социализация.

Особый исследовательский интерес может представлять биографическое нарративное интервью. В ходе него респондент представляет нарративы о собственной жизни, где этап за этапом возникают картины практик обыденной жизни маргинала. Анализ текстов таких интервью, особенно нарративов, описывающих конкретные практики, является великолепным материалом для исследования феномена маргинальности. Вслед за П. Бурдье подчеркнем, что история личности - это не что иное, как определенная детализация коллективной истории ее группы или класса.

В целом, использование понятия маргинальности подчеркивает сложность внутреннего устройства бытия, нетривиальность его структуры и топологии, многомерность и нелинейность онтологических и антропологических пространств, особое значение динамических характеристик человека. Все это ставит перед исследователями новые проблемы и актуализирует необходимость дальнейшего научного поиска в данном направлении.

Примечания

1. См.: Маргинальность в современной России. - М., 2000. - С. 28.

А.В. Шумилов (г. Чебоксары, ЧГУ)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРИОДИЗАЦИИ)

Начало электоральных исследований в современной России относится к 1989-1990 гг., когда были собраны и проанализированы данные о выборах на Съезд народных депутатов СССР [1]. Эти выборы впервые за многие предшествующие десятилетия советского периода были альтернативными, предполагали возможность выбора депутатов из нескольких кандидатур. В ходе подготовки и проведения выборов 1993 г., в Государственную Думу Российской Федерации появились новые аналитические центры, занимавшиеся изучением избирательных кампаний, и проведением электоральных исследований (Центр Карнеги, др.). С 1995 г., изучение электоральных процессов в России оформляется как самостоятельное направление исследовательской деятельности и приобретает важные функции [2]. С данного момента ученые (проблемой заинтересовались политологи, социологи, историки, философы) стали предпринимать попытки периодизации, в основном от выборов к выборам, использую один из предложенных способ западной историографией микроциклов. Данная модель построения на тот момент была совершенно оправдана, так как прошел очень короткий промежуток времени для изучения и тем более построения теории. Региональные ученые вопросами периодизации и вовсе не задавались исследуя тему проблемно.

Изучение электорального поведения российских граждан и формирования политической культуры избирателей оформилось в отдельное направление исследований во II пол. 90-х гг. [3]. На рубеже XX-XXI вв., в электоральных исследованиях получили развитие уже поднятые проблемы. Были предприняты попытки обобщения электорального развития современной России, и главное ее периодизации [4].

В настоящий момент существует несколько подходов (институциональный, общественно-политический, выборный) к определению периодов. Российские ученые в политическом процессе в Российской Федерации выделяют три электорального цикла. В рамках первого электорального цикла выборов (1993-1996 гг.) прошли три федеральные выборные кампании, происходило становление электоральных моделей. В ходе второго (1996-2000 гг. или 1999-2000 гг.) и третьего (2000-2004 гг.) электоральных циклов неуклонно сокращалась институциональная роль законодательных собраний, поскольку им пришлось сосуществовать с избранными главами администраций, рубежом является преемственная передача власти. Окончание цикла ознаменовали победа «Единоросов» на четверых парламентских выборах и переизбрание В.В. Путина [5].

Изучение электорального процесса на региональном уровне, порой выявляет значительные отличительные черты, как от общероссийских процессов, так и от субрегиональных. Изучение комплекса объективных (социально-экономических, общественно-политических) и субъективных (личностных, независимости СМИ) и других факторов развития Чувашской Республики на протяжении более десятка лет позволяет говорить, о возможности и необходимости периодизации электорального процесса на местном уровне. Анализ материалов показывает, что можно

выделить три электоральных цикла, между которыми наблюдаются существенные различия.

Первый электоральный цикл 1991-1993 гг. был обусловлен структурными особенностями советского наследия. Республика отличалась сравнительно поздней модернизацией, которая привела к достаточно ярко выраженному управленческому дуализму. Промышленный сектор, в основном созданный в 1950-е – 1960-е гг., с его высокой долей обрабатывающих отраслей, управлялся преимущественно ведомственным способом (на основе подчинения центральным министерствам и ведомствам), а традиционный для республики сельскохозяйственный сектор – местническим. Вследствие этого промышленный директорат обладал относительной автономией, а руководители аграрных предприятий составляли единое целое с партийным руководством. Городское управление не играло самостоятельной роли, а было зависимо от республиканского руководства и промышленного директората.

Другой особенностью Чувашии является самая высокая (после Чечни и Ингушетии) доля титульного народа. Чуваши составляют свыше двух третей населения в целом и абсолютное большинство, как среди сельских, так и среди городских жителей. На селе чувашей больше, чем в городе, но разница невелика. Русское население, составляющее чуть больше 25%, преимущественно городское (на города приходится четыре пятых русских республики). Русские преобладают в Алатыре и Шумерле и в сельских Алатырском и Порецком районах. На юге республики повышенная доля татар и мордвы. Другая особенность республики — высокая, свыше двух пятых, доля сельских жителей. Преобладают горожане в первом-втором поколении.

Начало политической трансформации ознаменовали первые президентские выборы (РСФСР и Чувашской Республики) и начало становления политических и общественных организаций. Общая политическая ситуация в республике начала 90-х гг. во многом определялась общей этнополитической ситуацией в России, а также состоянием экономики. Пресса Чувашии находилась в относительной независимости, т.к. на страницах газет широко обсуждались предстоящие выборы (мнения журналистов, а также самих жителей - электората). Сами кандидаты отмечали беспристрастность СМИ в освещении предвыборной гонки [6].

Электорат республики как и в целом в России находился в образовательном смысле на низком политико-правовом уровне, при этом по замечанию исследователей значительно подросшем к 1993 г. Этногеографический разрез электорального поля показал, что в республике существенное влияние на исход выборов оказал национальный фактор. На выборах для населения было характерно протестное голосование. Детальное изучение все же показывает консервативность электората республики на выборах и референдумах федерального уровня, что ранее учеными не замечалось.

Выборы Президента Чувашии, Государственной Думы Российской Федерации и становление «новой» государственной власти хронологически начинают второй электоральный цикл, который закончился в 1997 г., выборами Президента Республики. Отрезок времени характеризовался противостоянием законодательной и исполнительной ветвей власти (коммунистов и демократа), что выразилось в не-

однократном блокировании принятия Конституции Чувашской Республики. Относительно равными возможностями кандидатов во время предвыборных гонок и свободой средств массовой информации в освещении событий.

В данный период перпендикулярным образом сменилась протестная активность электората, регион закрепил за собой термин «Красного пояса Поволжья», при этом Президент Республики был ориентирован на демократию и к тому же был повторно переизбран.

На современном этапе третий электоральный цикл начавшийся вступлением в должность Президента Чувашской Республики и выборами в Госсовет Чувашии 1998 г. имел свое логическое окончание в 2004 г. после парламентских и президентских выборов. Данный период характеризовался постепенным превращением законодательной ветви власти в придаток исполнительной, выстраиванием административной лестницы и сокращением оппозиционных средств массовой информации. В новом тысячелетии произошел переходом электоральных симпатий населения региона от «красных» к среднероссийским, что вызвало явное удовлетворение у властей республики.

Изучение экономической активности населения показывает, что фактор развития экономики сыграл существенную роль в предпочтениях электората на протяжении всего отрезка времени. На макроуровне «путинская» стабилизация, привела к тому что население Чувашии проголосовало за власть, тогда как бедственное положение села в 90-е гг. неизменно приводило к протестному голосованию направленному против Кремля. Благополучность развития отдельного района и позиции его главы как показывает статистика только подтверждают сделанные выводы. Статистические данные последних выборов (2003, 2004 гг.) показали, что население республики как и на первых выборах 1991 г. не имеет партийной идентификации, кроме партии КПРФ, более того социологические исследования доказывают абсолютную неправомочность использования оси левые-правые. Общим неизменным знаменателем на протяжении всех электоральных циклов явилось конформистское голосование это около 1/3 избирателей, свою роль здесь сыграло массовое, традиционное мышление. Социологические исследования показывают, что значительная часть населения отдавала свой голос в пользу того или иного актора непосредственно перед днем голосования. Как и ранее на всех последующих выборах неизменной останется ось город село. Города в большей степени поддерживали либералов и державников. Сельские жители более консервативны и дисциплинированы. В целом массовое сознание населения республики, не позволит проявиться либеральным настроениям «оранжевой революции», это отнюдь не значит, что регион будет «красным», хотя повышенная доля коммунистов неизменно останется.

Примечания

1. Выборы – 1989 / Под. ред. А.Паппа, В.Прибыловского. - М. 1993.

2. Гимпельсон В., Чугров С. Модели электорального поведения российских регионов // МЭиМО.- М., 1995. - №4. - С. 22-32.

3. Овчинников Б.В. Электоральная эволюция: пространства регионов и пространство партий в 1995 и 1999 гг.// Полис.- М., 2000. - №2. - С. 68-80. Колосов В.А. Политические ориентации российских регионов: произошел ли в декабре 1995 «обвал»? (Ана-

лиз голосования по партийным спискам) // Полис.- М., 1996.- №1. - С. 91-103. Чугров С. Электоральное поведение российских регионов // МЭиМО. - М., 1996. - №6. - С. 27 - 39.
4. Первый электоральный цикл в России (1993-1996) / под. ред. Гельмана В.Я., Голосова Г.В., Мелешкиной Е.Ю. - М.: Весь мир, 2000.- 248 с. Феномен Владимира Путина и российские регионы: победа неожиданная или закономерная? Сб. статей / Под ред. К. Мацузато (Славяно-евразийские исследования. Вып. 1).- М., 2004.- 368 с.
5. Первый электоральный цикл в России (1993-1996) / под. ред. Гельмана В.Я., Голосова Г.В., Мелешкиной Е.Ю.- М.: Весь мир, 2000.- 248 с.
6. Алексеев В.А. Политические процессы в Чувашии (Становление многопартийной системы в Чувашии, от выборов до выборов). - Чебоксары.: ООО «Виктор М», 2001.- С. 34

С.Н. Янко (г. Саратов, СГУ)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

В России возрастает осознание необходимости целенаправленного и комплексного развития страны. К комплексным стратегиям развития можно отнести стратегию устойчивого развития. Самое общее определение: «Устойчивое развитие - это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [1].

Стратегической целью устойчивого развития России является повышение уровня и качества жизни населения на основе научно-технического прогресса, динамичного развития экономики и социальной сферы при сохранении воспроизводственного потенциала природного комплекса страны как части биосферы Земли, а также технологического потенциала в интересах нынешнего и будущих поколений.

Так какова же роль человеческого капитала в устойчивом развитии? Несомненно, одна из ведущих. Ведь труд основной фактор производства, наряду с природным и основным (финансовым) капиталом. Поэтому как будет развиваться экономика зависит от того, кто и как будет работать.

В широком смысле категорию «человеческий капитал» следует рассматривать как социально-экономическую форму нынешнего качества трудового потенциала в масштабе всего общества [2]. Под «человеческим капиталом» понимается запас знаний, навыков, способностей и мотиваций человека, имеющих экономическую ценность.

Отличием человеческого капитала от трудовых ресурсов является то, что единицу «человеческого капитала» представляет не сам работник, а его знания, навыки и умения. Другое дело, что этот капитал вне его носителя - человека, не существует.

Инвестиции в человеческий капитал могут быть прямыми и сопряженными. К прямым инвестициям следует относить затраты на образование и профессиональную подготовку работников, а к сопряженным - затраты на медицинское обслуживание и уход за детьми, на их воспитание, иными словами, связанные с воспроизводством материальных носителей человеческого капитала. Прямые вложения в человеческий капитал увеличивают его объем; сопряженные - продлевают срок его «эксплуатации», улучшают условия его функционирования, повышают отдачу, сокращая заболеваемость и смертность [3].

Сохранение деструктивных демографических процессов, таких как ухудшение демографической ситуации, сокращение продолжительности жизни, значительное увеличение смертности во всех возрастных группах трудоспособного населения, особенно у мужчин в возрасте 30-34 лет, а также распространение алкоголизма и других проявлений асоциального поведения ставят под угрозу формирование трудового потенциала, адекватного новым требованиям, пагубно отражаются на перспективах оздоровления и роста экономики.

Поэтому на первое место выходит развития человеческого капитала. А здесь особую роль играет система образование, развитие наук в целом.

В последние годы появилось немало проблем, негативно влияющих на качество профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов, кадров массовых профессий.

Для достижения более полного удовлетворения запросов производства в квалифицированных кадрах необходимо:

оптимизировать структуру и объем подготовки кадров по уровням образования и регионам России в соответствии с запросами отраслей и территориальных рынков труда;

создать систему мониторинга текущей и перспективной потребности в квалифицированных кадрах в разрезе профессий и специальностей, совершенствовать на этой основе формирование государственных заданий учреждениям профессионального образования;

обеспечить опережающее развитие начального и среднего профессионального образования;

наладить связи образовательных учреждений с работодателями

Система образования должна ориентироваться не только на госзаказ по подготовке кадров, но и на постоянно возрастающий общественный образовательный спрос, на конкретные интересы людей, профессиональных сообществ, предприятий. Именно ориентация на реальные потребности конкретных потребителей образовательных услуг создают основу для привлечения дополнительных финансовых и материально-технических ресурсов.

Для поддержания и воспроизводства человеческого капитала требуется система непрерывного аграрного образования на основе:

общности образовательных программ всех уровней, а также совершенствования профессиональной переподготовки и повышения квалификации руководящих работников, специалистов и кадров массовых профессий в течение всего периода их трудовой деятельности;

интеграции образовательных учреждений всех уровней, научных, информационных, технологических, производственных и иных учреждений и организаций для реализации образовательных программ различных уровней, повышения эффективности и качества образовательного процесса, использования интеллектуальных, материальных и информационных ресурсов в процессе подготовки кадров и проведения научных исследований по приоритетным направлениям;

создания университетских (академических) комплексов на принципах единства учебного, научного и производственного процессов во взаимосвязи с экономической и социальной сферой, непрерывность образовательного процесса на основе общности образовательных программ различных уровней в целях сокращения сроков их освоения; эффективного организационного, учебно-методического, научного и информационного взаимодействия между всеми структурами, входящими в интеграционное объединение;

инновационного характера деятельности от проведения фундаментальных и прикладных научных исследований до внедрения результатов в учебный процесс и производство.

Система образования должна быть интегрирована в мировую образовательную систему, что предусматривает развитие международного сотрудничества; совершенствование программ и учебных планов с учетом мирового опыта; реализацию совместных проектов, направленных на повышение эффективности производства; осуществление продвижения образовательных, консультационных услуг и научно-технических разработок на международный рынок; подготовку рекламно-информационных материалов, учебных и научных публикаций, участие в выставках и ярмарках.

В сфере науки – приоритетное развитие фундаментальных исследований в сочетании с научно-прикладными разработками, направленными на создание новых наукоемких ресурсосберегающих и безотходных технологий изделий и производств. Существенное продвижение в области исследования биосферы, взаимодействия общества и природы, моделирования их развития с учетом взаимодействия и допустимых управлений [4].

Примечания

1. Основные положения «Стратегии устойчивого развития».
2. http://www.duma.gov.ru/search/kmpage/80200052/strategy.htm
3. В.Щетинин Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки. // МЭМО. - 2001 - №12
4. Основные положения стратегии устойчивого развития России /Под ред. А.М. Шелехова. - М., 2002. - 161 с.

РАЗДЕЛ – ИСТОРИЯ

И.А. Анохина (г. Пенза, ПГПУ)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА ПО ОТНОШЕНИЮ К ТАТАРАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Среднее Поволжье – регион многонациональный. Состав его населения складывался издавна, и в период присоединения края к Русскому государству здесь уже существовала сложившаяся многонациональная структура. Царизм должен был учитывать этот фактор и в соответствии с ним строить политику.

Поскольку до середины XVI века именно татары в Среднем Поволжье являлись главенствующей народностью и экономически, и политически, политика царизма по отношению к ним проявлялась наиболее отчетливо. Эта политика не была сложившейся раз и навсегда, она имела свои зигзаги, повороты, менялась в соответствии с изменениями внутренней и внешней ситуации. В ней можно выделить несколько направлений, но, как правило, они тесно переплетаются друг с другом [1].

У татар учебные заведения разделялись на два типа – мектеб (низший) и медресе (средний и высший). Мектеб как начальная школа существовала при каждой мечети, которой руководил мулла своей махалли. Класса или отделений, а также определенных учебных программ в мектебе не было. Преподавание велось с каждым учеником персонально по книгам, содержание которых состояло из догматов веры и нравоучительных рассказов, обычно из жизни святых пророков. Сроки обучения в мектебе также не определялись. Основную массу учеников составляли мальчики от 8 до 14 лет. Девочки учились в доме муллы, у его жены, которую величали остабике или абыстай. Приемы обучения здесь были те же, что и в мектебе, но запрещалось обучение письму.

Мектебе содержались на средства населения. Помещения представляли собой обычные деревенские дома из одной или нескольких комнат, которые были и классом, и общежитием для многих учащихся. Здесь они готовили пищу, вели хозяйство, спали, проводили свободное время. Мулла и основные учителя – хальфы не получали жалованья. Они жили приношениями и дарами учеников.

Медресе, как и мектебы, состояли при мечети и находились под заведованием махаллинского духовенства. Но не каждая махалля имела свое медресе. Они открывались только в городах и в тех деревнях, где были богатые люди, способные и желающие его обеспечивать, а также образованный мулла, который мог организовать такого типа учебное заведение.

Основной контингент шакирдов составляли мальчики от 10 до 20 лет. Медресе, как и мектебы, не имели не строго определенных программ, ни сроков обучения. Содержание и методы обучения в медресе вплоть до середины XIX века носили чисто конфессиональный характер. Правда, наряду с богословскими дисциплинами учащимся давали также элементарные знания по арифметике, геометрии, некоторые сведения по географии, астрономии, медицине. Но уровень пре-

подавания светских дисциплин не выходил за пределы средневековых религиозных представлений о мире, практически не учитывались последние достижения науки и техники.

Основными преподавателями в медресе, как и в мектебах, были хальфы. Во главе медресе стоял мударрис, имеющий, как правило, солидное богословское образование, полученное в восточных странах.

Материальное положение медресе было довольно сложным. Неблагоустроенные комнаты служили нередко аудиториями и общежитием. Данная ситуация усугублялась еще и тем, что закят (одна сороковая часть богатства имущих людей, отчисляемая по шариату на благотворительность), по толкованию схоластических правоведов, считался действительным только тогда, когда он раздавался в собственность отдельным неимущим людям. Поскольку общественная благотворительность не считалась формой закята, богатые свои закяты давали бедным людям, а на содержание медресе выделяли очень скудные средства [2].

Учебные заведения бухарского типа к середине XIX века уже не удовлетворяли потребностям татарского общества. Их необходимо было адаптировать к новым реалиям российской действительности и к идеологическим потребностям самого татарского общества, в первую очередь его зарождающейся буржуазии. Старометодная (кадимистская) школа не могла оставаться в прежнем состоянии, ибо требовался качественный сдвиг в сторону серьезного изучения светских наук для практической подготовки подрастающего поколения к жизни. Решение этой задачи стало основополагающим моментом реформы системы народного образования. «Джадидские» медресе в первую очередь были нацелены на использование нового (звукового) метода обучения и полноценного преподавания светских дисциплин. При этом нужно признать, что хотя в новометодные учебные заведения изначально и были заложены иные, чем в кадимистские, идеологические функции, их нельзя противопоставлять, поскольку они стали составляющими единой системы национального образования. Также нужно иметь в виду, что татарские сельские общины, к которым относились около 95% всех конфессиональных учебных заведений, оставались оплотом традиционного мусульманского общества. Нельзя забывать также и о том, что община, по словам Исмаила Гаспринского, «представляет собою миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма. Община эта имеет совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни в каких санкциях и посвящениях. Всякий подготовленный мусульманин может быть учителем, муэдзином, имамом, ахуном и пр., при согласии общины» [3].

Поэтому не случайно учебные заведения оказались в эпицентре довольно жесткой идеологической борьбы за умы подрастающего поколения, поскольку они стали наиболее эффективным (до начала XX века практически единственным) инструментом воздействия на общественное сознание. Практически во всех регионах компактного проживания татар появились крупнейшие джадидские медресе, ставшие очагами татарской культуры [4].

Одновременно в рамках реализации национальной политики Российского государства и планов миссионерства, открывались школы для крещеных татар и нерусского населения в целом. Старая система, строящаяся на принципах насильственного крещения, себя не оправдала. Система, разработанная Н.И. Ильминским, во главе угла ставила распространение православия среди нерусского населения на их родном языке. Для этой цели печатали учебники и религиозные книги на основе русского алфавита на родном языке учащихся. Конечной целью обучения, по словам Н.И. Ильминского, должно стать «обрусение инородцев и совершенное слияние их с русским народом по вере и языку» [5]. На основе этой системы была организована значительная сеть школ. В целях подготовки учителей для миссионерских школ, а отчасти и священников в 1863 году в Казани была открыта центральная крещенотатарская школа, в 1872 году – инородческая учительская семинария. Учительские школы были открыты также в Симбирске, Уфе, Бирске. К 1870 году было уже 39 крещенотатарских школ.

Кроме чисто миссионерских школ, созданных для детей крещеных народностей, для татар-мусульман открывались школы другого типа – русско-татарские. Это были начальные школы, функционирующие на средства казны, где наряду с обучением русской грамоте все общеобразовательные дисциплины велись на русском языке. В 1876 году для подготовки учителей этих школ в Казани была открыта первая татарская учительская школа. Однако татарское население проявило отрицательное отношение к русско-татарским школам. Поэтому такие школы не имели большого успеха, были малочисленны. В начале XX века во всем Казанском учебном округе, куда входило шесть губерний региона, было всего 57 русско-татарских школ, а в самой Казанской губернии – 11 школ.

Одной из особенностей татарского образования конца XIX – начала XX века стало и то, что именно в этот период получило широкое развитие женское образование, отражающее новые прогрессивные сдвиги в решении женского вопроса в татарском обществе.

В целом можно сказать, что конец XIX – начало XX в. ознаменовались выходом на общественную арену новых сил, качественным изменением общественного сознания: на базе религиозного реформаторства, просветительства и либеральных идей формировались основные направления общественной мысли, которые образовали теоретическую основу последовавшего мощного подъема национального движения татар по пути прогресса и стремления стать активными творцами своей истории. Именно в этот период были серьезно поколеблены основы традиционного мировоззрения, заложена база секуляризации общественной мысли. Эти тенденции особенно отчетливо проявились после революции 1905– 1907 гг., когда широкое распространение получили периодические издания, светское образование, пробудился интерес к достижениям современной науки и техники, появилась возможность создавать политические партии и объединения, относительно свободно выражать свои политические взгляды [6].

Примечания

1. Материалы по истории татарского народа. - Казань, 1995. - С. 243.
2. Татары. - М, 2001. - С. 405.

3. Гаспринский И. Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. - Симферополь, 1881. - С. 25- 26.
4. Татары. - С. 406.
5. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. - М., 1967. - С. 385.
6. Татары. - С. 407.

О.А. Васильченко (г. Комсомольск-на-Амуре, КГТУ)

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Государственная политика заселения и освоения Дальнего Востока России в 1860-1917 годах представляла собой систему мер, осуществленных царской администрацией в местах выхода семей переселенцев, в пути их следования и в местах водворения. Действия администрации были обусловлены соответствующими законами, которые в совокупности представляют законодательную базу переселенческого процесса.

Характеризуя законодательную базу крестьянских переселений, необходимо выделить два закона, ставших основой жизнедеятельности семей переселенцев. Эти законодательные акты касались важнейшего вопроса – величины земельных наделов на Дальнем Востоке.

Высочайше утвержденное 26 марта 1861 года положение Сибирского Комитета «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» [1] разрешал льготное добровольное переселение всем желающим. При этом предусматривалось переселение семей без всякого денежного пособия со стороны казны. К переселению из внутренних губерний России и из Сибири допускались те семьи, которые представили узаконенные свидетельства на право переселения по месту их приписки.

Разрешалось переселяться в составе обществ или отдельными семьями. Каждая семья получала до 100 десятин, которые представлялись в бесплатное пользование на 20 лет.

Закон от 26 марта 1861 года предусматривал льготы для переселенцев. Лица, переселившиеся на Дальний Восток своекоштно, освобождались от отбывания рекрутской повинности в течении 10 наборов и от подушной подати – навсегда.

Анализируя закон от 26 марта 1861 года, следует заметить, что правительство предполагало своекоштное переселение, которое оказалось под силу только крепким, зажиточным семьям. Наделяя их льготами, царские власти рассчитывали сформировать на восточной окраине с экономической точки зрения крепкое население.

Реализация этого закона осуществлялась до конца XIX века. Все остальные законы, принятые в этот период, в той или иной степени уточняли или дополняли его.

Министерство государственного имущества предписывало организаторам переселений «наблюдать, чтобы семейства переселенцев были в состоянии перенести трудности пути, и не допускать к переселению одиноких, неженатых, а равно семейств, обремененных значительным числом малолетних или пожилых, и держаться правила, чтобы в каждом семействе было не менее двух работников» [2].

26 января 1882 года было принято решение Государственного Совета «О некоторых изменениях в правилах и льготах переселенцам в Приамурском крае» [3]. Этот закон продлял действие правил от 26 марта 1861 года еще на 10 лет, начиная с 27 апреля 1881 года.

Для семей переселенцев в этом законе были предусмотрены дополнительные льготы: освобождение от земских повинностей (денежных и натуральных) на 3 года; обеспечение продовольствием всех членов переселившихся семей на полтора года; освобождение от уплаты всех податей и повинностей (кроме общественных) в течении первых 5-ти лет.

В начале 80-х годов усилилась угроза со стороны соседних азиатских стран. Они могли более быстро организовать заселение южной части Приморья. Это вынудило царское правительство принять закон от 1 июня 1882 года «О казенно-коштном переселении в Южно-Уссурийский край» [4]. В соответствии с законом предусматривалась ежегодная перевозка морским путем 250 семей из Европейской России в течение 3-х лет.

Согласно этому закону семьям переселенцев предоставлялись льготы, заключавшиеся в освобождение на родине от всех недоимок, отводе земли (не менее 15 десятин на душу и не более 100 десятин на семью), освобождении от государственных податей и повинностей на 5 лет. Переселенцам предоставлялся бесплатный проезд от Одессы до Владивостока и снабжение продовольствием на 1,5 года. Семьи могли рассчитывать на выделение 100 рублей на заготовку материалов для постройки жилища, выделение пары лошадей или быков, одной коровы, выдачу семян для полевых и огородных посевов.

В дальнейшем правительство еще не раз изменяло и дополняло законодательство о морских перевозках семей переселенцев. Это нашло отражение в законах от 12 мая 1887 г., 21 декабря 1892 г., 13 мая 1898 г.

18 июня 1892 года было принято Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О продлении действия правил, касающихся переселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях, об изменениях и дополнениях этих правил» [5]. В законе были продлены действия правил от 26 марта 1861 года (с изменениями от 26 января 1882 г.) сроком на 10 лет, считая с 27 апреля 1891 года.

В 1896 году властные органы легализовали ходачество, которое было признано средством «могущим успешнее всего содействовать уяснению для сельских обывателей действительных условий жизни и сообщить всему переселенческому

движению характер обдуманности и устойчивости» [6]. Ходокам предоставлялись льготы по проезду и получению ссуды наравне с переселенцами.

Следует отметить, что законодательство о переселениях на Дальний Восток во второй половине XIX века свидетельствовало о стремлении царского правительства заполнить регион экономически крепким славянским населением. Оно должно было стать решающим фактором в противостоянии с соседними азиатскими странами.

Законодательная база переселенческого процесса на дальневосточной окраине Российской Империи в начале XX века формировалась на основе Высочайше утвержденного 22 июня 1900 года положения Комитета Сибирской железной дороги «Об образовании переселенческих участков в Амурской и Приморской областях» [7]. В соответствии с этим законом переселенческие семьи лишились права получать по 100 десятин. Наделение землей крестьян с 1 января 1901 года осуществлялось из расчета 15 десятин удобной земли на душу мужского пола, включая лесные пространства.

Закон от 22 июня 1900 года характеризует изменение отношения правительства России к переселенческому процессу. Приоритетом правительства становится переселение максимального числа семей из центральных районов страны, испытывающих социальную напряженность из-за нехватки земельных угодий.

6 июня 1904 г. власти приняли «Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан земледельцев» [8]. В законе сохранилось требование о получении разрешения на переселение, посылку ходоков. Необходимо отметить, что согласно этому закону, семьи переселенцев освобождались от круговой поруки при уплате налогов. Это положение свидетельствовало о том, что власти были уже не заинтересованы в дальнейшем поддерживании влияния сельской общины, мешавшей развитию капиталистических отношений в деревне. В соответствии с законом предусматривалось выделение ссуды в размере до 200 рублей на хозяйственное устройство семей переселенцев.

Следствием этого закона стало массовое передвижение на Дальний Восток бедняцких семей из густонаселенных губерний России. Этим семьям не под силу были затраты в пути. Без помощи государства на первых порах они не могли обзавестись хозяйством. Поэтому законодательная база переселенческого процесса в начале XX века содержит ряд законов, гарантирующих помощь новоселам.

Это законы от 11 августа 1907 года «О мерах к устройству в Приамурской области переселенцев 1907 г.» [9], от 29 января 1908 года «Об изменении действующего пассажирского тарифа» [10], от 26 декабря 1908 года «О неначислении процентов за несвоевременную уплату срочных платежей по ссудам, выданным переселенцам Мурманского берега и Южно-Уссурийского края» [11].

Обобщая характеристику государственной политики заселения Дальнего Востока в 1860-1917 годах, следует отметить ряд факторов, определивших особенности колонизации восточной окраины и развития законодательной базы этого процесса.

Во-первых, здесь всегда был узел внешнеполитических интересов России, которая соперничала с соседними странами в их отстаивании. Внешнеполитический фактор определил ускоренные темпы колонизации региона, чему должна была

способствовать законодательная база семейных переселений крестьян из европейской части страны.

Во-вторых, немаловажную роль в определении направленности государственной политики по регулированию семейных переселений крестьян играл фактор отдаленности и окраинного положения региона, а также фактор экстремальности условий проживания. Поэтому государственная политика колонизации Дальнего Востока предусматривала специальные меры по стимулированию миграции, что нашло свое отражение в системе льгот и пособий, предусмотренных законодательной базой.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской Империи. II. - Т. XXXVI. 1861. - Ст. 36928.
2. Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. - М., 1909. - С. 98.
3. ПСЗ. II. 1882. - Т. II. - Ст. 633.
4. Сборник узаконений и распоряжений о переселении. - СПб., 1901. - Вып. VIII. - С. 216 – 218.
5. ПСЗ. III. - Т. XII. 1892. - Ст. 8755.
6. Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. - СПб., 1908. - С. 44.
7. Сборник узаконений и распоряжений о переселении. - СПб., 1901. - Вып. VIII. - С. 221.
8. ПСЗ. III. - Т. XXIV. 1904. - Ст. 24701.
9. Сборник узаконений и распоряжений Правительства, издаваемых при правительствующем Сенате. - СПб., 1908. - Сб. 36. - Ст. 246.
10. Там же. - Ст. 244.
11. Там же. - Ст. 594.

О.Ю. Владыкина (г. Пенза, ПГПУ)

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

При изучении отечественной истории XX в. все возрастающий интерес исследователей вызывает большой и сложный комплекс теоретических и конкретно-исторических вопросов, отражающих отношения общества и власти в советский период. В их разработке все более утверждаются целостный системный подход, понимание всей сложности и прямого, и опосредованного взаимодействия общества и власти, изучение которого все более осознается как первоочередная задача современной историографии.

В последнее время опубликованы многочисленные новые источники и исследования о центральных структурах власти и органах управления страной, о практи-

ке выработки и принятия политических решений, об отношении верховной власти к обществу, о государственных методах мобилизации населения на достижение экономических, политических, социальных и идеологических целей, которые ставила власть перед обществом и др. Дальнейшее изучение всех сторон советской государственной и общественной жизни затрудняется недостатком знаний местной истории, тех явлений провинциальной повседневности, в которых и реализуются отношения власти и общества.

В осмыслении проблемы «власть и общество» наметились две основные линии, отразившие общие тенденции современных научных подходов к истории [1]. Во-первых, на основе признания многообразия методологических и теоретических подходов, сотрудничества различных школ и направлений, российских и зарубежных ученых все более утверждается мысль о том, что советский период можно плодотворно изучать, рассматривая его в контексте национального развития как его органическую часть, как один из сложнейших и драматических периодов многовековой истории России. Можно видеть перспективы успешного теоретического решения проблем советской истории, и в частности, о природе власти, общества, сущности их взаимоотношений на основе концепций модернизации, власти и реформ, альтернатив исторического пути России с позиций социальной истории.

Другая линия определяется так называемой «архивной революцией» и выражается в стремлении многих историков уйти на время от концептуальных обобщений в историческую конкретику, в выявление и первичную систематизацию новой научной информации. Это проявилось в том, что в литературе длительное время ведущее место занимают документальные публикации из центральных и местных архивов.

Дальнейшее продвижение в исследовании проблемы взаимоотношений власти и общества связано, на наш взгляд, с разработкой ее региональных аспектов, т.к. введение в научный оборот огромного массива исторической информации местных архивов может существенно изменить, подтвердить или отвергнуть сложившиеся представления о сущности всего исторического процесса в XX в. Это направление важно и для понимания специфики и особенностей местной истории.

Местная власть, являясь органической составной частью общегосударственной системы естественно формировалась и функционировала по общим принцам этой системы, объективно была проводником политики Центра на местах, важным звеном в практической реализации решений верховной власти, в известной мере - посредником между «верхами» и «низами», сама была частью этих «низов». Выполняя эту «посредническую» роль, местная партийная и советская власть естественно вносила определенные коррективы в политику верховной власти, в представления о ней «низов», населения и, может быть, в большей мере, чем «верхи», своими действиями по реализации общегосударственной политики формировала представления о власти в целом.

Рассмотрение системы партия-государство-общество имеет множество аспектов: политических, социально-экономических, культурных, духовных. Особый интерес вызывают непосредственные взаимодействия власти и общества, отклики на власть в целом и на конкретных ее представителей. Например, откровенно и точно

передал настроения на местах В.В. Кураев, выступая делегатом от Пензенской губернской организации на VIII съезде РКП(б): «Крестьянство недовольно, оно протестует, среднее крестьянство ненавидит Коммунистическую партию. Если в прошлом году даже в левоэсеровские дни, они ругали нас, то все же верили нам, они не хотели никого взамен нас. Если вы теперь пойдете в деревню, вы увидите, что они всеми силами нас ненавидят, этого отрицать нельзя» [2].

Огромные по масштабам сложности преодолевались методами прямого вмешательства в общественную и личную жизнь, рассматриваемого как необходимое и эффективное средство строительства новой жизни. Усугубленные войнами, хозяйственной катастрофой, преимущественно деконструктивными на первых этапах действиями новой власти («красногвардейская атака на капитал», «грабь награбленное»), взаимоотношения основной части общества и власти выглядели весьма драматически. Во время восстания в селе Мастиновка Мастиновской волости Пензенского уезда 11-12 ноября 1918 г. толпа крестьян ходила по улицам, преследуя членов Совета, членов комбеда и большевиков, которых «хотели переловить и посадить в безводный колодец и поморить мучительной смертью, а жен и детей запереть в амбар» [3]. В свою очередь отношение представителей власти к населению также отличалось большой жестокостью, о чем свидетельствуют, к примеру, расстрелы крестьян без суда и следствия после подавления выступлений. Так, после ликвидации отрядом ЧК восстания крестьян в селе Кучки Пензенского уезда 5 августа 1918 г. было расстреляно 19 крестьян, в том числе сельский священник [4].

В документах ясно прослеживается одна из основных причин конфликта крестьян и власти: «Недовольны крестьяне очень тем, что за последнее время по учреждениям уж очень много населось везде бывших угнетателей крестьян. На мельницах и других предприятиях снова уселись их прежние владельцы и кулаки, которые по-прежнему диктуют и приказывают». По этой причине, как отмечается в сводке за 15-30 ноября 1920 г., на состоявшихся съездах представителей волисполкомов и их отделений крестьяне выразили обиду на то, что, хотя власть и называется рабочей и крестьянской, но, по существу, «всю власть в свои руки забрали по-прежнему кулаки, торговцы, помещики, чиновники и прочие, которые постепенно переворачивают власть советскую другой стороной, не дают оказывать местной власти свое влияние и свою инициативу [5].

В то же время материалы из глубинки перенасыщены различного рода печальными фактами злоупотреблений, пороков власть предержащих, что в свою очередь рождало недоверие, усиливавшее вековое российское отчуждение общества от власти. Например, в протоколе общего собрания исполкома Пензенского уездного Совета от 1 ноября 1918 г. отмечалось: «…продармейцы ведут себя крайне возмутительно, как-то: насильно отбирают у населения продукты в неслыханных размерах… берут самую лучшую овцу, не смотрят, кому бы она не принадлежала, богачу или бедняку. На предупреждения о прекращении такого недостойного бесчинства продармейцы грозят арестами, объявляют население на военном положении, воспрещают жителям появляться на улице позднее 9 часов, а сами же в это время делают, что хотят…». А волнение крестьян в селе Степановка Городищенского уезда 21 июля 1918 г. было вызвано насильственными действиями уездных

дружинников по отношению к ним в ходе празднования в селе престольного праздника - избиения крестьян, конфискация у них рабочих лошадей [6].

Чрезвычайно интересным и важным представляется особое внимание властных структур к проявлению массовых настроений. Далеко не всегда это стандартные доносы, поскольку представляют собой безличные высказывания, материалы перлюстраций, слухи и т.п. Это важное обстоятельство, очевидно, связано с попыткой представить некие обобщенные, типичные характеристики, где авторство не так уж важно, если оно даже и выяснимо. Впрочем, такие обобщения часто приводят к появлению обильной стереотипной информации. Таковы типичные сводки ОГПУ, где количество штампов приводит к обессмысливанию качества. Закономерное стремление получить более авторитетные и заслуживающие доверия оценки приводили к идее анкетирования руководящих партийных работников, которые в ответ на стандартные вопросы давали односложные стандартные ответы - «за отчетный период… происшествий не наблюдалось». Рождение клишеобразного способа информации компенсировалось активизацией тайных методов ее получения и использования.

Сводки (порой не комментированные материалы высказываний, перлюстраций, слухов, листовок, своеобразного фольклора), обзоры, в которых содержались элементы анализа и порой видна авторская позиция составителя (составителей), отличалась более жесткими оценками и выводами, нежели информация партийных и советских источников.

Примечательно такое важное для массового сознания явление, как слухи. Очевидно, что термин «слухи» включал в себя большей частью суждения по политическим вопросам вообще, например: в сводке за 15 октября - 1 ноября 1920 г. сообщалось, что, по мнению крестьян, причины заключения Лениным и Троцким мира с Польшей объяснялись тем, что «дело Ленина и Троцкого стало плохо» и они, «чтобы удержать власть» и заключили этот мир, по которому Польша из России «может взять и вывезти, что ей надобно» и, таким образом, «грабить крестьян». Кроме того, губчека зафиксировало в крестьянской среде «провокационные слухи об аресте Ленина и Троцкого, о восстаниях и бунтах в Красной Армии, о наступлении Врангеля, о занятии им многих городов, о повсеместных бунтах и восстаниях в России»[7]. В информационной сводке за 15-30 ноября 1920 г.: «В Керенском уезде идет агитация против разверстки и трудовой повинности… В Инсарском уезде сильно фигурируют слухи, распускаемые даже членами волисполкомов о голоде, что хлеб сгнил в элеваторах, а голодным его не дают, и это делается нарочно и т.д.…. До чего враги Советской власти стараются подорвать власть, характеризует слух, пущенный по крестьянам, т.е. как будто бы на крестьян наложена разверстка по 2 фунта тараканов с души, и кто ее не выполнит, с того будут брать хлебом» [8].

Таким образом, в региональных архивах отложились различные документы органов политического контроля: это многочисленные информационные сводки, донесения, отчеты, справки, доклады, меморандумы, перлюстрации, личные информационные письма секретарей губкомов и многие другие материалы. Они ценны тем, что не только характеризуют сам механизм политического контроля, но и раскрывают подлинное, недекларативное отношение власти к обществу, а также

общества к власти, т.е. показывают, как жили и размышляли люди, обремененные чрезвычайно серьезными житейскими заботами, но отнюдь не придавленные ими, по-своему пытавшиеся определиться словом и поступком.

Но, прежде всего, рассмотренные как целостный, источниковый комплекс, именно эти документы и материалы дают ответы на вопросы о том, что такое советское общество в годы гражданской войны, каков его региональный, провинциальный срез, какова динамика общественных настроений и каков вектор развития этого общества. Они содержат в целом объективную, достоверную информацию об отношении различных слоев населения к внутренней экономической, социальной, культурной и внешней политике большевистской партии и советского государства, к практическим действиям органов и местной власти в ходе реализации этой политики.

Примечания

1. Кулаков А.А. Общество и власть. Российская провинция 20-30-х гг. Проблемы и источники изучения /Общество и власть. Российская провинция, 1917-1980-е гг., -Т.1. - М.- Н. Новгород, Париж, 2002 - С.6.
2. Винокуров Г.Ф. Пензенская деревня в условиях продразверстки в 1919-1920 гг. // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: Межвузовский сборник научных трудов. - Пенза, 1992. - С.92.
3. ГАПО. Ф.Р.2. Оп.4. Д.107. Л.118.
4. ГАПО. Ф.Р.2. Оп.4. Д.24. Л.70.
5. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД.1918-1939. Документы и материалы. - Т.1. 1918-1922 гг. / Под ред. А.Береловича, В.Данилова. - М.: РОССПЭН, 2000.- С.362.
6. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1918-1921 гг. // Краеведение. - №1. - Пенза, 1997. - С.25
7. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. - М.: «Янус-К», 2001. - С.135.
8. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД.1918-1939. Документы и материалы. - т.1. 1918-1922 гг. / Под ред. А.Береловича, В.Данилова. - М.: РОССПЭН, 2000.- С.354.

Г.В. Гарбуз (г.Пенза, ПГУ)

I ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ ПОВОЛЖЬЯ

Модернизация общественной жизни в России в начале XX в. заставила самодержавие сделать решительный шаг по пути перестройки системы государственного управления. Введение в структуру государственной власти представительных учреждений, обладающих законодательными полномочиями, поставило самодержавную администрацию перед необходимостью адаптироваться к функционированию в новых условиях. Деятельность I Государственной думы явилась первой по-

пыткой совместить новации и традиции на всех уровнях государственного управления. В этой связи, анализ ситуации в Поволжье, где местное управление осуществлялось на общих для большинства регионов империи условиях, позволяет выделить типичные проблемы, привнесенные данным процессом в деятельность провинциальных властей.

Провинциальная бюрократия настороженно встретила идею создания Государственной думы, но по мере усиления революционных выступлений в среде губернской администрации укрепляется взгляд на думу, как способ отвлечь население от революционной борьбы. «Наступит время, когда Государственная дума своим твердым русским голосом и решительными мероприятиями остановит гибельное для родины течение смутной жизни» [1] – писал зимой 1906 г. один из губернских официозов.

Подготовку к выборам губернские власти начали в августе 1905 г. Она шла в русле «булыгинского» проекта Государственной думы. В связи с изданием Манифеста 17 октября и нового избирательного закона 11 декабря 1905 г. в сроки и ход выборной кампании были внесены изменения, и она затянулась до марта 1906 г. С частью своих обязанностей по проведению выборов местная администрация справлялась достаточно успешно. Однако, в тех случаях, когда приходилось отступать от привычных для нее административных обязанностей и брать на себя новые функции, сказывалась неподготовленность и некомпетентность провинциальной бюрократии.

Одна из особенностей предвыборной кампании проявлялась в том, что основная часть избирателей была не готова грамотно реализовывать свои возможности в новых условиях. Власти не желали брать на себя бремя политического просвещения населения. Эта проблема стала объектом внимания различных партий и отдельных обывателей не всегда лояльных правительству. Властные структуры не смогли выработать четкой стратегии борьбы с оппозицией, их попытки противостоять ее действиям не отличались последовательностью. К тому же правительство запрещало местной администрации открыто вмешиваться в ход выборов [2]. В отношении умеренных партий провинциальные власти проводили индифферентную политику. Исключение составляли случаи, когда во главе губернских отделений таких партий вставали не чуждые политических амбиций представители провинциальной бюрократии, использовавшие административный ресурс для поддержки своих организаций.

Проигрывая оппозиции в пропагандистской борьбе, власти стремились повлиять на ход избирательной кампании при проведении самих выборов. В рабочей курии администрация, манипулируя законом, отсекала от участия в выборах целые предприятия. Испытывала давление земледельческая курия, точнее, та ее часть, где голосовали священники и мелкие землевладельцы. В крестьянской курии власти, в общем, стремились проводить осторожную политику, надеясь, что патриархальное крестьянство и без их вмешательства выберет лояльных правительству депутатов. Но надежды на традиционный консерватизм русского мужика не сбылись. В большинстве губерний Поволжья среди депутатов I Государственной думы доминировали кадеты. Из 30 депутатов от Пензенской, Самарской и Симбирской губерний

членами этой партии были 16 человек. Остальные депутаты оказались еще левее, и почти все вошли в образовавшуюся в Думе фракцию трудовиков [3]. Наряду с другими причинами, обусловившими такой выбор населения, свою роль сыграла недальновидная политика местных властей, которые, как позднее признал самарский вице-губернатор И.Ф. Кошко, «просто не сумели по неопытности представить себе достаточно реально самый процесс выборов» [4].

Выборы в I Государственную думу, получившую название «думы народных надежд», объективно способствовали спаду революционной волны в Поволжье. Но вслед за этим весной 1906 г. начался новый революционный подъем. Кардинальные перемены в государственном устройстве заставили власти адаптироваться к новым условиям государственной жизни в ходе непрекращающейся борьбы с революционным движением, что вызвало растерянность на всех этажах местного административного аппарата. «Перводумские свободы» стали во многом возможны потому, что, как писал впоследствии И.Ф. Кошко, «власть еще была под гипнозом думских выкриков, а следовательно, и не была готова к энергичному отпору» [5]. В результате вновь поднимается, спавшая было, волна митингов, на которых лозунги в поддержку Думы перемежались с антиправительственной пропагандой. В Симбирске митинги поводились в центре города на Новом Венце, явочным порядком. По воспоминаниям участников событий: «Полиция при этом настолько лояльна, что даже наблюдала за порядком и соблюдением тишины» [6].

Нерешительность местной администрации вызывала недовольство консервативной части провинциального общества, что приводило к активизации правоэкстремистского движения. Наиболее мощное столкновение между революционерами и черносотенцами произошло в Симбирске 27 апреля 1906 г. в день открытия I Государственной думы. При попытке остановить беспорядки пострадали многие чины полиции. Эти события стали одним из факторов, способствовавших отставке симбирского губернатора Л. В. Яшвиля [7].

В период «перводумских свобод» почти легально действовали оппозиционные партии, особенно, кадеты. Их партийные собрания беспрепятственно санкционировались администрацией. Такая свобода действий кадетов объяснялась поддержкой их депутатов в думе, которые оперативно реагировали на любые притеснения их единомышленников в провинции. Сами депутаты Государственной думы во время поездок по губерниям открыто агитировали среди своих избирателей, пренебрегая попытками администрации их урезонить. Некоторые буквально третировали местные власти, пользуясь депутатской неприкосновенностью. Под влиянием депутатов население принимало адреса и наказы Думе, в которых содержались требования, напрямую затрагивавшие интересы местной администрации. Избиратели просили депутатов добиться отмены положения усиленной охраны, наделявшего администрацию чрезвычайными полномочиями; передать дело продовольственной помощи населению в руки земств; упразднить институт земских начальников и т.д. [8].

Постепенно отношение местной администрации к I Государственной думе меняется, от попыток сотрудничества она переходит к открытой конфронтации. Полиция пресекала попытки составления крестьянских наказов Думе, за депутатами была организована открытая слежка, им старались помешать свободно общать-

ся с избирателями. Не имея возможности наказать депутатов, власти обрушили репрессии на сотрудничавшее с ними население.

Разногласия между правительством и Государственной думой по аграрному вопросу усиливали негативное отношение к последней со стороны провинциальной администрации. Местные власти небезосновательно обвинили Думу в разжигании «аграрных аппетитов» крестьянства различными законопроектами о принудительном отчуждении земель, что осложняло реализацию землеустроительной политики правительства [9]. Однако, сложившаяся ситуация была частично спровоцирована самими местными администраторами, которые еще с конца 1905 г, пытаясь остановить волну аграрных беспорядков, внедряли в умы сельского населения идею, что Государственная дума создается, в том числе, и для решения вопроса о земле. Поэтому, после созыва Думы попытки властей действовать в обход этого учреждения воспринимались крестьянами как нелегитимные. В общей сложности, около трети волостей в Поволжье проигнорировали выборы в землеустроительные комиссии [10].

Поволжская администрация с удовлетворением встретила известие о разгоне I Государственной думы. Иначе отнеслось к этому событию население, болезненно реагировавшее на крушение думских надежд. Выборгское воззвание разошлось в Самарской губернии более, чем в 100 тыс. экземпляров [11]. В ответ на роспуск Думы в с. Барышская Слобода крестьяне трех уездов Симбирской губернии – Алатырского, Ардатовского и Курмышского – создали революционный комитет и принялись за реализацию идей выборгского воззвания [12]. В с. Каменка Пензенской губернии попытка полиции арестовать бывшего депутата В.Ф. Врагова спровоцировала широкомасштабное крестьянское выступление, подавление которого сопровождалось жертвами с обеих сторон [13]. Лишь большим напряжением сил местной администрации удалось подавить беспорядки, вызванные разгоном Думы.

Последние акции местной администрации, напрямую связанные с деятельностью I Государственной думы, были проведены осенью 1906 г. Большинство бывших депутатов было привлечено к суду. Выдвигая различные обвинения, власти стремились исключить этих лиц из активной политической жизни и не допустить их повторное избрание [14].

Оппозиционный характер I Государственной думы, сформированной в период революционных потрясений, во многом предопределил дальнейшее развитие российской государственности. Царские администраторы различных уровней так и не смогли найти общий язык с народными представителями. Разгон Думы подорвал и без того небольшой кредит доверия к правительству и посеял в широких слоях населения сомнения в способности государственного аппарата, в том числе и на региональном уровне, адаптироваться к новым реалиям общественной жизни.

Примечания

1. Пензенские губернские ведомости. - 1906. - №1. - 1 января.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.5.Оп.1.Д..7567.Д.32.
3. Карнишин В.Ю, Общественно-политический процесс в Поволжье в начале XX века. - Пенза, 1996. - С. 117.

4. Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Новгород-Самара-Пенза. - Петроград, 1916. - С. 35.
5. Там же. - С. 80.
6. Тарасов А. 1905 – 1908 (из воспоминаний) // Красная летопись. - Симбирск, 1923. - С. 31.
7. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.76.Оп.7.Д.314.Л..7 Об.
8. ГАПО.Ф.5. Оп.1. Л.7669. Л.33 Об., 35.
9. Кошко И.Ф. Указ. соч. - С.72–73.
10. Максимов С.Ф. Осуществление столыпинской аграрной реформы в Поволжье в 1906 – 1916 гг. - Дис. кан. ист. наук. - М. 1995. - С.85.
11. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Вторая половина XIX – начало XX века. - М., 2000. - С. 126.
12. Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905 – 1907 гг. – М., 1989, - С. 135.
13. ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.7664. Л.24 Об.
14. ГАУО. Ф.84. Оп.1. Д.615. Лл.5, 48.

Р.А. Гуляев (г. Пенза, ПГПУ)

СОЮЗЫ КРЕДИТНЫХ КООПЕРАТИВОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914 – 1916 гг.

Объединение российских кредитных кооперативов в союзы началось в 1901 г. с возникновением первого подобного союза кредитных товариществ – Бердянского союза. Объединение кредитных и ссудосберегательных товариществ влекло за собой ощутимые выгоды для товариществ. Так как в большинстве случаев кредитные кооперативы испытывали недостаток средств, при образовании союза появлялась возможность регулировать средства кооперативов, принимая вклады от тех из них, которые имели излишки средств и наоборот снабжали деньгами тех, кто испытывал недостаток в средствах. Также союз был, несомненно, в несколько раз кредитоспособнее отдельно взятого кредитного товарищества и он мог привлечь средства со стороны и тем самым предоставить более широкие возможности кредитования для кооперативов. Посредническая деятельность кредитных и ссудосберегательных товариществ могла выйти на качественно иной уровень с образованием союза. Поиск рынков сбыта для хлеба и другой сельскохозяйственной продукции, ведение операций по сбыту и закупке, - все это требовало, как уже отмечалось практических знаний в области коммерческой деятельности, и ведение посреднических операций для отдельных товариществ было очень сложной задачей. Союз мог объединить посредническую деятельность целого ряда мелких товариществ и поставить ее на более прочные позиции в плане экономической выгоды.

Кроме вышеперечисленных функций, кооператоры считали, что союз мог инструктировать и ревизовать кооперативы и кустарные промыслы, устраивать мастерские и заводы, открывать склады, устраивать курсы по кооперации и школы с преподаванием кооперативных знаний, вести статистику кредитной кооперации, издавать собственные газеты и журналы [1].

Первоначально развитие процесса объединения кредитных товариществ в союзы получило довольно слабое развитие. До середины 1911 г. фактически работало 6 союзов [2]. Такое положение обуславливалось скорее политическими причинами, так как правительство всегда испытывало определенные подозрения в отношении любого объединения подданных империи. Уставы союзов в значительной степени ограничивали свободу их финансовой деятельности. В 1910 г. был утвержден новый устав для союзов учреждений мелкого кредита, который предоставлял им возможность широко развить кредитные и посреднические операции. К 1915 в России насчитывалось 14 союзов кредитных и ссудосберегательных товариществ, из которых многие достаточно интенсивно развили свою деятельность. Так Бердянский союз при 7000 рублях собственного капитала ежегодно закупал для нужд состоящих в союзе кооперативов разных товаров на сумму 200 000 рублей. Широкую деятельность развил Киевский союз кредитных и ссудосберегательных товариществ. Он имел основной капитал в 108 000 р. в том числе собственного около 67 000 р., вкладов и текущих счетов на 963 000 р., займов на 105 000 р. и баланс в 1 246 000 р.[3]. Среди остальных союзов можно отметить следующие: Мелитопольский, Екатеринбургский, Терский, Нижегородский, Екатеринославский, Кубанский, Златоустовский.

Наряду с крупными губернскими союзами возникали уездные союзы кредитных кооперативов. Также возникали еще более упрощенные союзы нескольких кооперативов для ведения какой-либо одной операции. Например, группа для закупки семян, закупки скота, постройки зернохранилища и т. п. Мы уже видели пример подобного объединения в Пензенской губернии – это т. н. Булычевский союз. Первый опыт совместной деятельности кооперативов был первым шагом к объединению их в союз. Возникновение в Пензенской губернии уездных союзов кредитных кооперативов было обусловлено причинами, о которых мы уже упоминали. Наиболее остро необходимость в создании союза ощущалась в Нижнеломовском уезде. Создание союза было вызвано, прежде всего, проблемами с посредническими операциями по покупке земледельческих машин и орудий, которые возникали у товариществ. Ведя эти операции по заказам членов и за счет специальных капиталов, каждое товарищество в отдельности могло выписать лишь ограниченное количество товаров и из-за этого не имело возможности пользоваться преимуществами оптового покупателя. При этом еще одной проблемой как уже упоминалось выше, было незнание подходящих поставщиков товара и отсюда частые покупки некачественных изделий. В связи с войной даже эти небольшие посреднические операции сильно сократились, несмотря на то, что потребность в сельскохозяйственных орудиях была очень велика [4]. Еще одной предпосылкой, которая также упоминалась нами, было образование в некоторых товариществах излишков оборотных средств, которые хранились у товариществ или у себя в кассе или же вносились вкладами в Госу-

дарственную сберегательную кассу. Голицынское, Титовское и Кочетовское кредитные товарищества Нижнеломовского уезда помещали излишки своих средств в соседние кредитные товарищества. В то же время в других товариществах уезда, особенно в недавно созданных, средств не хватало, и они вынуждены были, использовав кредит в Государственном банке, прибегать к займам в Нижнеломовской уездной земской кассе мелкого кредита и у частных лиц, уплачивая им до 8% по этим займам [5]. Таким образом, необходимость создания союза для совместного ведения посреднических операций и планомерного распределения средств между учреждениями мелкого кредита ясно осознавалась кооператорами уезда. В связи с этим 16 из 28 кредитных товариществ Нижнеломовского уезда возбудили ходатайство об открытии Союза учреждений мелкого кредита в уезде. Союз действовал по примерному уставу Союза ссудосберегательных и кредитных товариществ 1911 г. на следующих условиях:

- Правление Союза находилось в г. Н.-Ломов.
- Размер ответственности союзных товариществ по обязательствам союза устанавливался не свыше 1/5 части общей суммы открытых его участниками к началу года кредитов.
- Для общего собрания Союза число уполномоченных устанавливалось для товарищества имеющего не более 500 членов – один уполномоченный, имеющее от 500 до 1000 членов – два уполномоченных, свыше 1000 членов – три уполномоченных.
- Район действия союза распространялся на Нижнеломовский уезд
- Размер паевого взноса устанавливался в размере 100 р., вступительная плата – 10 р.
- Основной капитал союза образовывался из паевых взносов и из ссуды у Государственного банка в сумме 10 000 р. [6].

В союз входили следующие кредитные товарищества: Андреевское 2-ое, Атмисское, Больше-Хуторское, Верхнеломовское, Голицынское, Головинщинское, Каменское 2-ое, Каремшинское, Керское, Кочетовское, Лещиновское, Мокро-Мичкасское, Никольско-Студенское, Ново-Нявкинское, Покровско-Варжинское и Серо-Ключинское [7]. Устав Союза был утвержден 25 сентября 1916 г., но начать действовать он мог лишь после опубликования устава в Собрании узаконений и распоряжений правительства, что было сделано 22 ноября 1916 г. следовательно, союз мог начинать свою работу [8]. Деятельность Нижнеломовского союза кредитных учреждений выходит за рамки данного исследования, так как первое общее собрание состоялось 8 января 1917 г., оговоримся лишь, что действовал он, по крайней мере, до декабря 1918 г.

В Пензенской губернии в 1916 г. было инициировано создание еще, как минимум двух союзов учреждений мелкого кредита – Никольско-Поимского и Базарно-Кеньшинского союзов кредитных и ссудосберегательных товариществ. Первый союз должен был действовать в пределах Чембарского и Керенского уездов. Устав Никольско-Поимского союза не отличался от устава Нижнеломовского союза и был утвержден 17 февраля 1917 г. [9] однако нет сведений, как действовал этот союз и действовал ли он вообще. Не исключено, что Никольско-Поимский

союз мог и не функционировать как Базарно-Кеньшинский, который числился только на бумаге [10].

Пензенская губерния по степени развитости кредитной кооперации продолжала отставать от регионов-лидеров, где кредитная кооперация ещё до войны достигла более высокой степени развития. Так, например в рассматриваемый период в Самарской губернии действовало семь уездных кооперативных союзов [11].

Союзы учреждений мелкого кредита появились в тех уездах, где уровень развития кредитной кооперации был уже достаточно высок для образования таких новых форм объединения, как союзы. В то же время отметим, что кредитная кооперация в Пензенском регионе не достигла того уровня развития, когда стало бы возможным объединение ее в общегубернский союз, как это произошло в более развитых в кооперативном отношении регионах России еще до первой мировой войны, тогда как катализатором возникновения первых союзов в Пензенской губернии выступили именно трудности военного времени. Тем не менее возникновение уездных кооперативных союзов свидетельствовало о продолжавшемся качественном развитии системы кооперативных кредитных учреждений Пензенской губернии.

Примечания

1. Шевченко Е. П. Объединение сельских кооперативов//Вестник Пензенского земства. - 1915. - № 4. - С. 45 – 46.
2. Шевченко Е. П. Кредитная кооперация в России//Вестник Пензенского земства. - 1911. - № 3. - С. 148.
3. Шевченко Е. П.. Объединение сельских кооперативов//Вестник Пензенского земства. - 1915. - № 4. - С. 46.
4. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 78. Оп. 1. Д. 978. Л. 6.
5. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 978. Л. 7.
6. Там же. Л. 5.
7. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 978. Л. 5.
8. Там же. Л. 13, 21.
9. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 917а. Л. 1.
10. ГАПО. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.
11. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 400. Оп. 1. Д. 701. Л. 24.

Т.А. Захарова (г. Урюпинск, Урюпинский филиал ВГУ)

У ИСТОКОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕНЗЕНСКОГО ГУБСТАТКОМИТЕТА 40 – 60-Е гг. XIX ВЕКА

Оформление статистических исследований в одну из функций управленческого государственного аппарата начинается в первые десятилетия XIX века, что явилось составной частью активно развернувшейся на рубеже XIX – XX столетий работы по корректировке структуры и основных направлений государственных учреждений.

Важным этапом в развитии статистического дела в России становятся 30-е годы XIX века, когда правительство проводило «починку некоторых учреждений, которые ее настоятельно требовали» [1], и настоятельно нуждалось в объективной информации о состоянии отдельных регионов. Поэтому и был осуществлен переход от эпизодического сбора региональных сведений к систематической и целенаправленной работе в этом направлении. В декабре 1834 года были утверждены «Правила статистического отделения Совета министерства внутренних дел», а в 1837 году – «Общий наказ гражданским губернаторам».

«Правила» содержали специальное «Положение о создании губернских и областных статистических комитетов» [2]. Комитеты состояли из высшей губернской администрации и включали в качестве «непременных» членов губернатора /представителя/, предводителя дворянства, вице – губернатора, почетного попечителя гимназии, прокурора, инспектора врачебной управы, управляющего удельной конторой, директора училищ и члена духовной консистории. Предполагалось, что все сотрудники комитета не получают вознаграждение за этот вид деятельности, а информация с мест должна была поступать от членов – корреспондентов [3].

«Наказ губернаторам» обязывал начальников губернии ежегодно представлять в статистический отдел МВД данные об экономическом состоянии губернии. «Наказ» также предусматривал организацию сбора информации через становых приставов и волостные правления.

В результате осуществления этих распоряжений в течение двух десятилетий были организованы губернские статистические комитеты в 33 губерниях [4]. В апреле 1835 года губстаткомитет был создан и в Пензенской губернии [5]. Как и во многих других случаях, Пензенский губстаткомитет не имел ни специального помещения, ни постоянных штатных сотрудников. Необходимые для губернаторского отчета сведения готовили чиновники канцелярии губернатора, получавшие каждый раз специальные поручения от него.

Деятельность губстаткомитетов затруднялась отсутствием четких методик сбора статистических сведений, отсутствием профессионально подготовленных специалистов. Сама статистика понималась как наука, изучающая большой круг общественных проблем. «В ранний период развития статистической мысли, - отмечает исследователь русской статистики А.И. Гозулов, - задачи накопления материала, статистическое выражение фактов были преобладающими. Статистика трактовалась как наука о достопримечательности производительных сил. Она связывалась с их историей и географией» [6].

Заметим, что среди пензенской интеллигенции подобные взгляды сохранились и в 60 – е годы XIX века.

Существенные изменения в деятельности Пензенского губстаткомитета происходят в 1853 году, когда губернатор Панчулидзев 29 апреля провел специальное заседание, означавшее его фактическую организацию. На этом заседании Панчулидзев назначил вице – губернатора князя Гагарина делопроизводителем комитета. В состав комитета в качестве непременных членов были введены губернские чиновники, обязанные входить в губстаткомитет по занимаемой ими должности [7]. Письмоводителями губстаткомитета назначались чиновники канцелярии губернатора Ухтомский и Людоговский, а также редактор неофициальной части «Пензенских губернских ведомостей» Полисадов [8].

Таким образом, был определен состав Пензенского губстаткомитета и обозначены чиновники /Ухтомский, Людоговский/, специально занимающиеся статистической деятельностью.

В марте 1854 года вместо отбывшего в Санкт – Петербург Людоговского письмоводителем становится учитель местной гимназии Масальский [9], который не только выполнял техническую работу по сбору статистических сведений, но с его именем были связаны и первые попытки губстаткомитета организовать этнографические исследования среди нерусского населения Пензенского края. В апреле 1854 года Масальский выступил с инициативой изучения мордовского населения губернии, в связи с чем был командирован в Городищенский и Инсарский уезды [10]. Учителя гимназии и дворянского института и позже привлекались к деятельности Пензенского губстаткомитета. Известно, что в декабре 1860 года в составе Пензенского губстаткомитета наряду с 13 чиновниками трудились и 4 учителя [11].

В исторической литературе уже отмечалось, что конец 50-х годов XIX века означает новый этап статистического дела в России [12]. Правительство готовилось к проведению целого комплекса реформ. В период, когда, по справедливому замечанию Б.Н.Миронова, «общество и правительство осознали необходимость реформ», [13] роль статистической информации возросла. Необходимые новшества были зафиксированы в вышедшем в конце 1860 года «Положении о губернских и областных статистических комитетах».

Новое «Положение» рассматривало губстаткомитеты в качестве «учреждения административно – ученого, а не просто административного» [14]. Ведущим деятелем губстаткомитета становится его секретарь, руководящий организационной и научной работой университета.

«Положение» обязало губстаткомитеты сосредоточиться на двух основных направлениях. Первое /«обязательное»/ предусматривало подготовку статистических материалов для отчета губернатора по специально предложенным таблицам. [15] «Другой отдел занятий губернских статистических комитетов, - говорилось в «Положении», - как не безусловно – обязательный, состоит в ученых трудах всякого рода… Все сведения топографические, исторические, этнографические, промышленные, торговые, сельскохозяйственные и проч. …должны быть сообщаемы в «Губернских ведомостях» к общему сведению и общему обсуждению.» [16]. В дальнейшем эта сфера деятельности губстаткомитетов расширилась, что, по спра-

ведливому замечанию И.И.Комаровой, означало «наметившуюся к 60-м годам тенденцию превращения административного учреждения в научно – административное.» [17].

В деятельности Пензенского губстаткомитета в 60-е годы XIX века эта тенденция получила достаточное выражение. Члены комитета выступали на страницах «Губернских ведомостей» с этнографическими исследованиями, экономико – статистическими описаниями как всей губернии, так и отдельных уездов, с очерками о состоянии народного образования, здравоохранения, о прошлом Пензенского края. В качестве «обязательных» занятий были собраны и обработаны данные о земельных наделах по уставным грамотам, сведения о населенных пунктах Нижнеломовского, Саранского и Чембарского уездов [18]. Ведущая роль в деятельности Пензенского губстаткомитета принадлежит секретарю комитета Н.В.Прозину, «при котором деятельность комитета значительно оживилась.» [19]. Придерживаясь, сложившихся еще в XVIII веке представлений о статистике, сотрудники Пензенского губстаткомитета полагали, что содержание этой науки «заключается в точных исследованиях внутренней и внешней жизни страны и состояния населяющих ее народов в пределах современности.» [20]. «Шлецер, - говорит М.С.Киевский, - довольно удачно назвал статистику стоячей историей, а историю текущей статистикой; обе они занимаются почти одним и тем же предметом и должны быть основаны на точных положительных данных.» [21].

Эти представления и обусловили научные интересы сотрудников Пензенского губстаткомитета, создавших описания как всей губернии так и отдельных ее регионов. В этой связи необходимо отметить «Хозяйственно – статистическое описание Пензенского уезда» А.Горизонтова, [22] «Обозрение Пензенской губернии» М. Морозова, [23] «Описание Краснослободского уезда» М.Полисадова, [24] «Описание Пензенской губернии» Н.Прозина, [25] «Краткий исторический, географический и статистический очерк Пензенской губернии» М.Киевского, [26]» Городищенский уезд и город Городище» и «Саранский уезд и город Саранск.» Н.Прозина [27].

Во всех этих работах большое внимание уделено проблемам современного социально – экономического состояния края. Исследователи выявили влияние природно – климатических условий на хозяйственное развитие губернии, определили основные направления занятости местного населения. «Земледелие привлекает большую, исключительную часть рук, - отмечал Н.В.Прозин, - за ним следует заводское , а потом фабричное дело, торговля, овцеводство и самую незначительную часть местной деятельности составляют ремесла и промыслы [28].

Основательный статистический материал собрали сотрудники Пензенского губстаткомитета о состоянии народного образования и здравоохранения в Пензенской губернии. По данным А.М.Полиновского в 60-е годы XIX столетия в губернии насчитывалось 267 светских учебных заведений для мальчиков и 14 для девочек, в которых обучалось 11914 учащихся [29]. Менее отрадная картина была обнаружена А.М.Полиновским при характеристике состояния здравоохранения.. В губернии трудились 21 штатных и 8 земских и вольнопрактикующих врачей. «Если принять соображение, - замечает исследователь, - что из числа врачей – 10 прихо-

дятся на Пензу и 4 на Моршанский уезд, то для остального населения губернии… на 58 тысяч жителей приходится только один врач.» [30].

Весьма интересным представляется исследование М.В.Сурина, посвященное проблемам разложения дворянского землевладения после реформы 1861 года. Исследователь отмечал, что за период с 1861 по 1868 гг. «из общей массы дворянских имений в Пензенской губернии перешло к недворянам по купчим крепостям 41860 десят. 337 саж. На сумму 1041430 рублей.» [31]. Примерно четвертая часть этой земли была куплена крестьянами.

Реализацией представлений об органической взаимосвязи статистики и истории явились публикации священника Беляева «Город Краснослободск и его уезд», где речь шла о событиях восстания С.Разина, [32] и «Пугачевский бунт в Краснослободском уезде.» [33]. Автор использовал дела из архива Краснослободского уездного суда, воеводской канцелярии и местного духовного правления.

Таким образом, возникнув как административная организация, занимающаяся подбором материалов для ежегодного отчета губернатора, Пензенский губстаткомитет в 40 – 60-е годы XIX века пережил период подлинного становления, превратившись в центр, объединяющий усилия местной интеллигенции по изучению местного края. Однако, с конца 60-х годов XIX века после ухода Н.В.Прозина, как отмечал Г.Петерсон, «целых 15 лет наш статистический комитет как бы замер в бездействии.» [34].

Примечания

1. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. - М., 1993. - С. 160.
2. Полное собрание законов Российской империи /ПСЗ/. - Собрание 1. - Т. 9. - № 7684.
3. Комарова И.И. Научно – историческая деятельность статистических комитетов// Археографический ежегодник за 1986 год. - М., 1987. - С.85.
4. Настоящее устройство местных административно – статистических учреждений в России// Журнал министерства внутренних дел. /ЖМВД/. - СПб., 1861. - Ч. 60. - Кн. 2. - Отд. 2. - С. 83.
5. Государственный архив Пензенской области /ГАПО/. Ф. 81. Оп. 1. Д. 77. Л. 2.
6. Гозулов А.И. Очерки истории отечественной статистики. - М., 1972. - С. 59.
7. ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.
8. Там же. Л. 2 Об.
9. Там же. Л. 9.
10. Там же. Л. 21 Об.
11. Там же. Л. 87 – 87 Об.
12. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. - Т. 2. - М., 1959. - С. 359.
13. Миронов Б.Н. Социальная история России. - Т. 2. - СПб., 2000. - С. 358.
14. ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 127. Л. 5 – 5 Об.
15. Там же. Л. 1 Об.
16. Там же. Л. 2 Об.
17. Комарова И.И. Научно – историческая деятельность статистических комитетов… - С. 87.
18. ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 133. Л. 11 – 12.
19. Петерсон Г.П. К истории учреждения в г. Пензе ученой архивной комиссии// Пензенские губернские ведомости /ПГВ/., 1891. - № 208.

20. Памятная книжка Пензенской губернии на 1864 год. - Пенза, 1864. - С. 62.
21. Там же. - С. 63.
22. Горизонтов А. Хозяйственно – статистическое описание Пензенского уезда// Записки общества сельского хозяйства юго – востока России. - Т. 3. - СПб., 1859.
23. Морозов М. Обозрение Пензенской губернии//Сельский хозяин. 1860, - № 12.
24. Полисадов М. Описание Краснослободского уезда//ПГВ. - 1860, - №3.
25. Прозин Н. Очерки Пензенской губернии. - Пенза, 1867.
26. Киевский М.С. Краткий исторический, географический и статистический очерк Пензенской губернии на 1864 год. - Пенза, 1864.
27. Прозин Н. Городищенский уезд и город Городище// Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии. Приложение к памятной книжке за 1868 и 1869 годы. - Пенза, 1870; Он же. Саранский уезд и город Саранск// Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии. Приложение к памятной книжке за 1868 и 1869 годы.- Пенза, 1870.
28. Прозин Н. Очерки Пензенской губернии. - Пенза, 1867. - С.16.
29. Полиновский А.М. Статистический обзор современного состояния народного образования в Пензенской губернии// Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии. Приложение к памятной книжке за 1868 и 1869 годы. - Пенза, 1870. - С. 88.
30. Полиновский А.М. Состояние врачебной части Пензенской губернии// Сборник… - С.73.
31. Сурин М.В. Один из результатов экономической реформы 19 февраля 1861 года по отношению к Пензенской губернии// Сборник… - С. 52.
32. ПГВ. 1867, - № 11.
33. Сборник исторических, географических и статистических материалов… - С. 143 – 164.
34. ПГВ. 1891. - № 208.

М.В. Зелёв (г. Пенза, ПГУ)

ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ СССР В 1928 – 1941 гг.

Довоенная индустриализация СССР представляет собою яркий пример политики догоняющего развития, которой в XX в. следовали многие развивающиеся страны в попытке стремительным рывком достичь экономического и социального уровня передовых стран. Основным методом подобной политики явилось быстрое приоритетное развитие основных отраслей промышленности за счёт экономии на уровне жизни населения. Низкий уровень жизни позволял поддерживать чрезвычайно высокие показатели нормы накопления, инвестируя огромные средства на развитие преимущественно не связанных с удовлетворением внутреннего потреби-

тельского спроса высокотехнологичных отраслей и привлекая в них дешёвую рабочую силу.

Однако, в отличие от более распространённой восточноазиатской модели догоняющего развития, делающей ставку на экспансию экспортоориентированных отраслей промышленности, советский вариант подобной политики был связан с направлением ресурсов на развитие военной промышленности и смежных отраслей тяжёлой промышленности с целью как гарантировать национальную независимость, так и в перспективе начать военно-политическую экспансию.

Ещё одной важной особенностью советской индустриализации явился её нерыночный характер. Это был первый в истории опыт трансформации всей экономики и всего общества посредством целенаправленного государственного планирования. Это не было лишь узкой экономической программой. Развитие промышленности рассматривалось как часть стратегии построения социализма в одной стране, окружённой враждебным капиталистическим окружением.

В этой статье мы попытаемся дать общий обзор развития советской промышленности в предвоенное десятилетие, уделив особое внимание вопросам темпов и динамики индустриального развития.

Темпы роста. Темпы роста в советской промышленности в 1930-е гг. явились предметов затяжных дебатов среди западных экономистов. Согласно официальным данным, объём промышленного производства в 1940г. составил 642% от уровня 1928г., а средние темпы ежегодного роста составили за этот период 17% [1]. Все исследователи советской статистики согласны, что эти показатели сильно завышены. Здесь следует учитывать, прежде всего, два фактора. Во-первых, результаты подсчётов зависят от того, какой год выбран в качестве базового. Советские официальные источники использовали цены 1926/27г., когда машиностроительное производство в СССР было слаборазвито, и, следовательно, цены на машины были достаточно высоки. В итоге темпы роста оказывались более высокими, чем в том случае, если бы они рассчитывались в ценах 1937 или любого последующего года, когда в СССР существовало уже развитое машиностроительное производство, а себестоимость производства машин резко сократилась. Именно расчёты в ценах 1937г. предпочитали западные экономисты. Методологически и тот, и другой метод расчётов вполне правомерен.

Второй важный фактор, который способствовал завышению официальных советских данных, - это скрытая инфляция в используемых ценах. Составляя свой индекс, советские статистики нередко использовали не цены 1926/27г., но и цены последующих лет. Это касалось, прежде всего, тех продуктов, которые ранее не производились в СССР. Для них использовались цены того года, когда они впервые стали производиться. Поскольку общий уровень цен существенно вырос в 1929 – 1933гг., это было несомненным методологическим искажением, от которого необходимо избавиться, чтобы получить достоверные значения темпов роста советской индустрии.

Советские оценки также предполагали отсутствие изменений в качестве одних и тех же наименований промышленной продукции на протяжении 1930-х гг. На практике качество продукции почти во всех отраслях существенно ухудшилось в

1929 – 1933гг., а впоследствии постепенно улучшалось. Поэтому советские показатели роста, по меньшей мере, за 1929 – 1933гг. следует дисконтировать, чтобы учесть падение качества.

Столкнувшись с нереальностью советской статистики промышленного производства в первое послевоенное десятилетие, ряд западных экономистов взялся за трудоёмкую работу расчёта независимых индексов. Они отталкивались от данных о динамике физического производства отдельных товаров. Но при этом число учтённых продуктов было различным (от 5 до более чем 100) [2].

Западные индексы, снижающие оценку роста промышленного производства в 2 – 3 раза, несомненно, более реалистичны. Возможно, они в чём-то недооценивают темпы роста, поскольку пренебрегают значительным числом продуктов, в частности не включают в силу их недоступности данные по военной промышленности [3] С другой стороны, они, как правило, не принимают во внимание ухудшение качества продукции.

Новые отечественные исследования относительно темпов роста советской экономики дают оценки темпов индустриального роста, в основном близкие к западным [4].

Западные оценки ежегодных темпов промышленного роста с 1928 по 1940г. колеблются от 7,1 до 13,6%. Хотя даже самые низкие цифры говорят о весьма значительных темпах роста, они близки показателям среднегодового промышленного роста в периоды бумов 1891 – 1899 и 1909 – 1913гг.

Различия между конкурирующими оценками не дают возможности сделать чёткие заключения о производительности труда в промышленности. В 1928 – 1940гг. занятость в промышленности росла ежегодно почти на 9,5%. Если верна самая низкая оценка темпов роста (7,1% в год), тогда оказывается, что производительность труда в этот период упала. Самая высокая западная оценка (13,6%) свидетельствует об очень быстрых темпах роста производительности.

Мы окажемся в ещё более сложном положении, если попробуем рассчитать производительность капитала, вследствие большой неопределённости относительно реальной стоимости капиталовложений и, следовательно, основных производственных фондов. Существующие оценки позволяют сделать вывод о том, что производительность в промышленности вряд ли значительно выросла, а возможно даже сократилась в эти годы социального хаоса и быстрых технических изменений, когда рабочая сила для промышленности рекрутировалась в основном из крестьян с небольшим опытом работы на фабрике или полным его отсутствием.

Производственные циклы в эпоху предвоенной догоняющей индустриализации. Советское промышленное производство в отличие от всех капиталистических стран росло каждый год с 1921-го по 1940-й. Этот несомненный успех советской индустриализации отвлёк внимание от сложной динамики советского промышленного бума.

В 1930-е гг. можно выделить 2 периода очень быстрого промышленного роста (1928 – 1930 гг. и 1934 – 1936 гг.), за которыми следовали годы более медленного роста (1931 – 1933 и 1937 – 1940 гг.). Эта тенденция была впервые отмечена Наумом Ясным, который и дал названия этим фазам: «Прогрев» (1928 – 1930гг.), «Ре-

шительный рывок» (1930 – 1933гг.), «Три «хороших» года» (1934 – 1936гг.) и «Эпоха чисток» (1937 – 1940гг.) [5].

Динамика роста различна в зависимости от статистических данных. Официальные данные представлены в таблице [6].

Год	Вся промышленность (%%)	Группа *А* (%%)	Группа *Б*(%%)
1926	34.4	41.1	30.5
1927	31.9	31.6	32.1
1928	19.1	21.9	17.4
1929	20.0	28.5	14.4
1930	22.0	38.1	10.1
1931	20.5	28.8	12.8
1932	14.7	19.4	9.7
1933	5.5	6.1	4.8
1934	19.1	25.2	12.2
1935	22.6	26.6	17.4
1936	28.7	30.9	25.6
1937	11.2	8.5	15.0
1938	11.8	12.4	11.1
1939	16.0	18.7	12.2
1940	11.0	13.8	6.8

Если в них низшая точка замедления темпов промышленного роста приходится на 1933г., то у Наттера она приходится на 1931 – 1932гг. В период предвоенной депрессии график Наттера показывает более или менее последовательное замедление темпов роста с 1936г. тогда как официальные данные показывают значительное улучшение в 1939г. Это значительное расхождение, по-видимому, объясняется неполнотой данных Наттера. В них не включено военное производство, которое составляло очень значительную долю промышленного производства в конце 1930-х гг. Депрессия менее выражена в официальной статистике из-за искажений данных по отраслям группы *Б* [7].

Чем же объясняются эти переменчивые тенденции экономического роста? Ряд экономистов полагают, что экономика советского типа имела устойчивую тенденцию к переинвестированию, и что соответствующее перенапряжение экономики неизбежно вело к спаду экономической активности. Таким образом, получается, что цикличность была встроена в советскую экономическую систему.

Чрезвычайно высокий уровень инвестиций в начале 1930-х гг., безусловно, играл важную роль в буме и депрессии 1928 –1933гг. Согласно как советским, так и западным оценкам валовые инвестиции в основной капитал более чем удвоились между 1928 и 1931 гг. увеличившись на 44% только за 1930г. [8]. В этом взрыве инвестиций основной приоритет был отдан производству капитальных товаров. Согласно официальной статистике, в 1931г. инвестиции в группу *А* составили 576% от уровня 1928г., а увеличение инвестиций в этот сектор составило 54% общего роста инвестиций в промышленности в 1928 – 1931гг.

Быстрый рост промышленности в 1928 – 1930гг. был во многом результатом политического решения об увеличении капиталовложений. Это в свою очередь побуждало расширять промышленность (топливная промышленность, металлургия, металлообработка, производство строительных материалов), обслуживающую те отрасли, в которые направлялись основные инвестиции. Возможности для такого расширения были обеспечены отчасти наличием резервных мощностей в определённых отраслях. Металлообработка, например, значительно выросла в годы 1-й мировой войны и ещё не достигла своего военного уровня производства. Рост также был достигнут за счёт введения непрерывной рабочей недели и увеличения числа рабочих смен.

В то же время быстрый рост инвестиций автоматически привёл к тяжёлому перенапряжению в других секторах экономики. Даже согласно официальным данным, потребление снизилось в абсолютных показателях в 1931г., а рост несельскохозяйственного населения примерно на 10 млн. чел. В 1928 – 1931гг. неумолимо выдвинул проблему перераспределения снабжения между селом и городом. Одновременно все виды ресурсов были направлены на индустриальные нужды. Так, например, доля кровельного железа, используемого в промышленном строительстве, выросла с 16% в 1928г. до 30% в 1930г., доля кирпича – с 20 до 30% [9].

Многие из этих капиталовложений не обеспечили немедленной отдачи. В группе *А* значительная доля инвестиций была направлена на крупномасштабные проекты, такие как Урало-Кузнецкий металлургический комбинат, завершение которого заняло несколько лет Доля незавершённого производства увеличивалась на протяжении всего этого периода.

Поэтому с лета 1930г. экономика столкнулась с кризисом переинвестирования. Летом 1930г. промышленное производство и производительность труда сократились. Это был первый из серии мини-кризисов, которые углублялись, пока не разразился острый кризис производства в 1-й половине 1933г.

Правда, экономические трудности 1931 – 1933гг. не могут быть полностью отнесены к высокому уровню инвестиций. Инвестиции и производственные планы 1930 – 1932гг. были сверхамбициозны и, несмотря на жестокое перенапряжение, так и не были выполнены. Это привело к неправильному распределению ресурсов на невыполнимые цели. Курс на коллективизацию сельского хозяйства, частично мотивированный необходимостью обеспечить продовольствием и сырьём растущей промышленный сектор, привёл к резкому падению уровня жизни в городах, чего не ожидали политические лидеры, и к незапланированному падежу миллионов лошадей, что заставило в спешном порядке перебрасывать ресурсы на производство сельскохозяйственной техники. Политические репрессии и во многом безуспешная реорганизация управления промышленностью в начале 1930-х гг. также подрывали промышленность. Ни один из этих факторов, обострявших экономическую ситуацию, не был автоматическим следствием курса на увеличение инвестиций в промышленность.

Кризис 1931 – 1933гг. был разрешён изменением всей экономической политики. Все капиталовложения были сокращены, ресурсы были сосредоточены на завершении основных проектов. С осени 1933г. стали стабильно функционировать

все новые промышленные гиганты эпохи 1-й пятилетки. С 1933г. промышленные и другие планы стали гораздо более реалистичны. Давление на сельское хозяйство ослабло, а поставки тракторов и другой сельскохозяйственной техники начали компенсировать нехватку лошадей. Власти находят *modus vivendi* с промышленными и прочими специалистами. Репрессии не прекратились, но стали более ограниченными. Как следствие, 1934 – 1936гг. оказались одним из самых успешных периодов за всю историю советской промышленности.

Последовавшее замедление в темпах роста в 1937 – 1940гг. было, как и кризис 1931 – 1933гг., вызвано высоким уровнем инвестиций. В 1936г. общий объём инвестиций в социализированный сектор экономики вырос на 32%. Это были самые высокие темпы роста с 1931г. [10]. В 1937г. симптомы переинвестирования появились вновь.

Однако не надо сбрасывать со счетов и другие важные факторы. В 1937 – 1941гг. начинается массированное развитие военной промышленности в ответ на растущую немецкую угрозу. «Большой террор» 1936 – 1938гг. привёл к беспрецедентным репрессиям в промышленности и других секторах, что не могло не отразиться на темпах экономического роста. Поэтому динамика развития промышленности в СССР в 1930-е гг. не может быть понята вне политического контекста.

Примечания

1. Промышленность СССР: Статистический сборник. - М., 1957. - С.10.
2. Nutter G. Growth of Industrial Production in the Soviet Union. Princeton, - N.J., 1962; Hodgeman D. Soviet Industrial Production, 1928 – 1951. - Cambridge, Mass., 1954; Moorsteen R. Prices and Production in Machinery in the Soviet Union, 1928 – 1958. - Cambridge, Mass., 1962. Сводку данных см.: The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913 – 1945. - Cambridge etc., 1994. - Pp. 292 – 293. - Tab. 24.
3. См. обзор по военным расходам и темпам роста оборотной промышленности: Davies R. & Harrison M. Defence Spending and Defence Industry in the 1930s // The Soviet Defence-Military Complex from Stalin to Khrushchev. Ed. By J.Barber & M.Harrison. - Basingstoke (Hamp.) & New York, 2000. - Pp. 70 – 95.
4. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир, - 1987, - № 2. - С.188 – 189.
5. Jasny N. Soviet Industrialization, 1928 – 1952. - Chicago, 1961.
6. Источник: The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913 – 1945. - Cambridge etc., 1994. - Pp. 302 – 303. - Tab. 31.
7. Nutter. Op. cit.. - Pp. 525 – 528.
8. Materials for Balance of the Soviet National Economy, 1928 – 1930. - Cambridge, 1985, - Pp. 18 – 19, 418 – 421.
9. Davies R. The Soviet Economy in Turmoil, 1929 – 1930. - London & Cambridge, Mass., 1989. - Pp. 516 – 517.
Аракелян А. Основные фонды промышленности СССР. - М., 1938. - С. 71 – 72.; Социалистическое строительство. - С. 384, 388.

И.Н. Камардин (г. Кузнецк, КИИУТ)

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ РАБОЧИХ В ПЕРИОД НЭПА (НА МАТЕРИАЛАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Важным показателем материального положения рабочих Среднего Поволжья 20-х годах служат жилищные условия. В числе характеристик быта «квартирный вопрос» является одним из самых главных факторов, определяющих уровень и образ жизни человека. Жилище является пространством, где собственно и разворачивается бытовая жизнедеятельность людей, где проходит большая часть внепроизводственного времени.

В годы гражданской войны рабочим предоставлялась возможность бесплатного пользования помещением, светом, водопроводом и канализацией. В январе 1921 г. СНК РСФСР постановил отменить квартплату для рабочих. Продолжалось это примерно год. В начале 1922 г. в условиях хозрасчета была введена всеобщая система оплаты жилья и коммунальных услуг.

В период нэпа вопрос с жильем в Среднем Поволжье стоял особенно остро. На наш взгляд это было связано со следующими факторами.

1. Города Поволжья в годы войны подверглись разрушениям.

2. В регион были эвакуированы предприятия из Центрально – промышленного региона, соответственно встала проблема размещения рабочих.

3. В период голода 1921 – 1922 гг. и восстановления хозяйства усилилась миграция сельских жителей в города.

Попыткой решение жилищного вопроса явилось постановление СНК РСФСР от 23 мая 1921 года: «О мерах улучшения жилищных условий трудящихся и о мерах борьбы с разрушением жилищ». Опираясь на это постановление местные органы власти и профсоюзы наметили целую систему мер, по восстановлению разрушенного жилищного фонда. Губпрофсовет ввел строгий контроль за распределением жилья, добиваясь его закрепления преимущественно за рабочими. В целях экономного использования действующей жилплощади была установлена норма на одного человека по всей губернии [1]. Были взяты также на учет жилищные постройки, находившиеся за пределами города, что позволило наиболее полно и точно представить данную проблему. Тем не менее, надо отметить, что условия проживания рабочих оставляли желать лучшего. Так характеризовали положение Пензенский губисполком: «Только не большая часть рабочих имеют квартиры при фабрике, большая же их часть, по неимению жилых помещений живут вдали от фабрик. Все квартиры расположенные на территории фабрики весной заливаются на половину нижних этажей. И поэтому люди в полном составе по две недели, а то и больше, живут на чердаках. Особенно пагубно это отражается на детях, процент заболеваемости коих, со смертельным исходом, очень велик. Помимо этого, непрерывное пребывание на зараженной малярии фабричной территории сопряжено с тяжелыми ежегодными болезнями. Такие жизненные условия на территории фабрики приводят к выводу о необходимости расквартировывания рабочих вне фабрики, но на город рассчитывать совершенно не приходится, а свое строительство разворачивается довольно слабо» [2].

В Пензе на одного человека в среднем приходилось 0,93 кв. сажени при санитарной норме в 2 кв. сажени [3]. В Среднем Поволжье душевая норма на человека составляла 5 м^2. на человека, тогда как в среднем по РСФСР она равнялась 6,4 м^2. В промышленных городах эта норма была еще ниже: в Самаре 4,6м^2, Сызрани 4,5м^2. Многие рабочие проживали в общежитиях, где в одном помещении ютились сотни человек [4]. Совместное проживание в одном помещении нескольких семей рабочих было обыденным явлением, отрицательно сказывавшимся на моральном климате. Например, так проживали пензенские рабочие — транспортники Золотарев и Ивашкин. «Живут по Н. Троицкой, №30, квартиры 10 и 12. Крошечные помещения в холодном и сыром полуразрушенном кирпичном полуподвале. Семьи состоят из 2-х взрослых и грудного ребёнка. Теснота в помещениях такая, что негде стул или табурет поставить. Даже зыбки повешены над кроватью. Ребёнок мочится в зыбке, и всё течёт на кровать. Грязь. Духота. Эти две семьи живут здесь по три года» [5]. Это лишь та небольшая часть, зафиксированная в архивных документах, свидетельств жилищных условий.

В середине 20-х годов жилищный кризис в Среднем Поволжье обострился в связи с ликвидацией уездов, вызвавшей переброски работников из уездов в города, а также приходом в ветхость старых помещений [6]. На очередном пленуме ЦК ВКП (б) в июле 1926 года отмечалось, «что жилищный вопрос становится одним из наиболее острых вопросов, без положительного решения которого невозможно сколько-нибудь значительное улучшение положения рабочих. Кроме того, усиливающийся жилищный кризис задерживает дальнейшее развертывание промышленности, являясь значительным препятствием в деле вовлечения рабочей силы в производство и отрицательно влияющим на рост производительности груда.

Для решения этой проблемы был создан постоянный фонд рабочего жилищного строительства, который составлялся из: бюджетного ассигнования, из отчислений от прибылей предприятия, из отчисления процента от госстраха, процент от квартирной платы. Наблюдение за деятельностью фонда, качеством строительства и реализацией поставленных задач было возложено на профсоюзы [7].

Уже в 1927 г. объем жилищного строительства по всей стране, перестал поспевать за бурным ростом городского населения, во многом спровоцированным форсированной индустриализацией и насильственной коллективизацией. В тоже время жилищный вопрос продолжал оставаться одним из наиболее больных и острых. В феврале 1927г. на втором съезде директоров и руководителей промышленности Ульяновской губ. констатировалось, что «жилищные условия рабочих остаются неудовлетворительными и далеко не достигают санитарной нормы 9,1 м^2 на человека» [8]. В Ульяновске 75% жилищного фонда требовало капитального ремонта [9]. В городах стал остро ощущаться жилищный кризис. Самым простым выходом из него большевистским властям показалось возвращение к «квартирному переделу». Он, по сути дела, возобновился в конце 1927 г. По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР с 1 августа 1927 г. все граждане СССР стали обладателями загадочного права на «самоуплотнение». Оно и явилось юридическим основанием существования и успешного развития коммунальных квартир. Согласно этому удивительному праву, владельцы или съемщики квартиры и комнаты могли все-

лять к себе на излишки площади любого человека, даже не родственника. Излишком считалось все, что превышало санитарную норму — 8 метров. Вселенный жилец обретал право на площадь в данном жилище. «Право на самоуплотнение» необходимо было реализовать в течение трех недель. Затем вопрос о вселении на излишки площади решал не ее съемщик, а домоуправление!

Проверки и обследования, проводимые в первой половине 20-х годов, констатировали не только плохие условия проживания, но и удаленность мест проживания от мест работы. Имела место отдаленность жилищ от работы, доходящая до 15 км. Так, рабочие Самарской ватной фабрики каждый день ходили домой за 16 верст [10]. Рабочие лесоразработки проживали в землянках вповалку. По данным бюджетных обследований, в 1927г. всего лишь 40% рабочих семей имели на каждого члена семьи отдельную кровать. Остальные были вынуждены спать вповалку или ночевать на полатях, сундуках, а часто на полу [11].

Дефицит жилой площади, недостаток денежных средств не позволяли приобрести предметы домашнего обихода, во многом определяли санитарное состояние помещений, их благоустройство. По обследованиям С.Г. Струмилина, 1/2 обследованных рабочих вообще не имели простыней, 1/4 – наволочек [12]. Системой канализации на территории Среднего Поволжья обладала только Самара. Водоснабжением и паровым отоплением пользовались лишь избранные. В Пензе электричеством пользовались всего лишь 10% населения [13]. Обычным явлением домашнего обихода середины 20-х годов были печь буржуйка, керосиновая лампа и отхожее место одно на несколько домов [14]. Это обусловило большой процент в регионе социальных заболеваний. В 1923г. в Пензенской губ. на 10 000 жителей больных туберкулезом приходилось 40,8 человек (по сравнению с 1913г. показатель удвоился). На долю смертей от туберкулеза в губернии приходилось 13,3%,а от тифа, скарлатины и дифтерии - свыше 70% [15].

Таким образом, характеризуя бытовое положение рабочих, можно прийти к выводу, что в 20-х годах «квартирный вопрос» не только не перестал существовать, и приобрел более крупно масштабы, тем самым, создавая плодородную почву для социального недовольства в рабочей среде на территории Среднего Поволжья.

Примечания

1. ГАПО. Ф.Р. 218. Оп. 1. Д. 268. Л. 7.
2. Бюджет и хозяйство Пензенской губернии 1925 - 1926г. - Пенза, 1927. - С. 85.
3. Сажень, русская мера длины. 1 сажень = 2,1336 метрам
4. Шарошкин Н.А. Промышленность и рабочие Поволжья в 20-е годы. – Пенза, 1998. - С.173.
5. Трудовая правда, - №112, - 24 мая, - 1923. (Пенза).
Бюджет и хозяйство Пензенской губернии 1925-1926гг. - Пенза, 1926. - С.85, ГАПО.
6. Ф.Р.2. Оп.4. Д.200. Л.150.
7. Трудовая правда, - №5, - 8 января, - 1927. (Пенза).
8. Резолюции по докладам 2-го губернского съезда директоров и руководителей промышленности Ульяновской губернии. – Ульяновск, 1927. - С.32.
9. Отчет Ульяновского исполкома с12.04.1925-01.02.1927гг. – Ульяновск, 1927. - С.54.
10. СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2060. Л.80.

11. Струмилин С.Г. Бюджет рабочих и служащих. - В.1. - М., 1929. - С.67.
12. Струмилин С.Г. Домашний быт. /Проблемы экономики труда. - М., 1981. - С.242.
13. Бюджет и хозяйство Пензенской губернии 1925-1926г. – Пенза, 1927. - С.85.
14. ГАПО. Ф.Р.85. Оп.1. Д.667. Л3-23, Д.789. Л.1-54.
15. Бюджет и хозяйство Пензенской губернии 1925-1926г. – Пенза, 1927. - С.113.

О.Н. Кузнецов (г. Пенза, ПГПУ)

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ЦЧР И ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Исследование железнодорожного строительства в Центрально-Черноземном районе и Пензенском крае предполагает изучение истории формирования кадров на железных дорогах, их экономического и социального положения. Изучение данных вопросов имеет важное значение, так как отслеживаются вопросы производственно-технического и санитарного состояния условий труда, медицинского обслуживания и травматизма, образования, заработной платы, жилья, питания.

Железнодорожники в период строительства и развития, железных дорог, представляли собой сложное образование наемных рабочих и служащих, и по уровню технической подготовки и условиям производства причислялись к фабрично-заводским рабочим.

Быстрое развитие железнодорожного транспорта сопровождалось быстрым ростом численности рабочих и служащих, обслуживающих стальной нерв экономики. Во второй половине XIX в. число рабочих и служащих возросло «до 554,4 тыс., то есть на 61,2%, а в начале XX в. достигло 751,2 тыс. человек» [1].

Одним из источников, позволяющих выяснить численность железнодорожных рабочих и служащих, является «Статистический сборник Министерства путей сообщения», который выходил ежегодно и обобщал все важные стороны деятельности железных дорог в России. По материалам этого документа видно, что число поденных рабочих определялось делением суммы рабочих на 300 рабочих дней в году. Динамика численности железнодорожных рабочих имела тесную связь и со строительством новых линий и с процессом экономического развития транспорта региона.

Воронежское направление имело работников в количестве 16591 или 13, 5 человек на одну версту. Пензенские железнодорожные линии имели рабочих и служащих – 8615 человек, поверстный показатель 11,9 человек [2].

Количество рабочих зависело от экономических потребностей. На железной дороге работало три категории рабочих и служащих:

– постоянные (штатные), обладающие всеми правами и льготами на основании «Положения о служащих на казенных железных дорогах», а именно имеющие право на отпуск, жилье, отопление, освещение, обмундирование, разъездные, пенсии и пособия по утрате трудоспособности и т.д.;

– временные, на один год;

– поденные рабочие, работавшие «на условиях рабочей книжки или по особым правилам и получавшие довольствие по поденному или месячному расчету» [3]. В основном это рабочие мастерских депо службы подвижного состава и тяги, ремонтные рабочие и службы пути сооружений.

Возможность проследить динамику численности машинистов, их помощников, поездных кочегаров, кондукторов, стрелочников, составителей поездов (сцепщиков), переездных и путевых сторожей позволяют материалы статистического сборника МПС. В 1897 году машинистов, кочегаров было 56,3, что в 1,4 раза больше чем в 1890 году [4]. Такова тенденция роста численности работающих в железнодорожном хозяйстве.

Развитие железнодорожной техники, железнодорожного транспорта в целом, увеличение объема грузовых и пассажирских перевозок в конце XIX в., резко усилили интенсификацию труда рабочих и служащих железных дорог. Министерство путей сообщения вынуждено было заняться регламентацией рабочего времени железнодорожников. Первые постановления о регламентации рабочего дня относятся к 80-м годам XIX в. Но они носили рекомендательный характер и определяли лишь относительные границы продолжительности рабочего времени. «Продолжительность рабочего дня для мастерских Московско-Казанской железной дороги была установлена с 1894 г. в 10,5 часа [5]. Паровозные машинисты и их помощники, а также паровозные кочегары получали нормированный день с 1883 г., стрелочники, сцепщики вплоть до 1895 г. имели рабочий день 12 часов и более [6].

Однако при рассмотрении проблемы продолжительности рабочего времени необходимо учитывать сверхурочные работы и процесс учета рабочего времени. Табели учета отражают лишь время работы. Рабочее время в субботу и предпраздничные дни «равнялось семи часам» [7], а засчитывалось и заносилось в табель девять часов» [8]. Сверхурочное время учитывалось по принятому на железных дорогах коэффициенту. Б.И. Гудков считает, что нужно принимать «3 часа за 2 часа действительного времени работы [9]. Поэтому настоящее рабочее время составляло до 12,5 часа.

Исследователь А.К. Козловский отмечает значительную текучесть кадров на железных дорогах. «По всем железным дорогам в 18988 году всего убыло 20,38% общего количества железнодорожников» [10]. По мнению С.Л. Трегубова, главная причина этого явления – «несоразмерность обязанностей и прав» [11].

Развитие железнодорожного транспорта в ЦЧР имело свою специфику. Поэтому увольняемость с железной дороги в разные периоды была различной. На начальном этапе, в период строительства магистралей Козлов–Воронеж, Козлов–Тамбов, Моршанск–Сызрань, обслуживающий персонал состоял из крестьян. Не имея квалификации они могли выполнять определенные функции. По мере развития железнодорожного хозяйства, усложнения техники выдвигались новые задачи,

решить которые могли только квалифицированные рабочие и служащие. Наступивший экономический подъем 90-х годов XIX в. позволил владельцам железных дорог (государству и акционерным обществам) обходиться минимальным количеством обслуживающего персонала. Таким образом увольняемость на железных дорогах ЦЧР в конце XIX в. не носила массовый характер в силу малой укомплектованности кадрами.

Доходы рабочих и служащих железных дорог складывались из зарплаты, различного рода премий, поверстные, наградные, премии, сверхурочные работы. Общий заработок в день складывался из поденного и сдельного заработка. Заработанная плата машинистов колебалась от 25 до 45 рублей в месяц. На линии Моршанск–Сызрань машинист получал 30 рублей, поездной кочегар 12 рублей в месяц (по другим дорогам 9-10 рублей), старший стрелочник – 15 рублей, составитель поездов – 25 рублей, сцепщик – 9-10 рублей в месяц.

На различных направлениях заработная плата была разная по причине принадлежности железнодорожных линий различным частным обществам. В период огосударствления железных дорог происходит унификация всего хозяйства, в том числе и в сфере оплаты труда.

Таким образом, доходы рабочих и служащих в конце XIX – начале XIX в. были в размере чуть более 30 рублей. Уровень доходов на железных дорогах превышал зарплату рабочих фабрично-заводской промышленности.

С началом железнодорожного строительства в ЦЧР возник вопрос обеспечения жильем рабочих и служащих. Были разработаны нормативы жилых площадей, обеспечивающих служащих железных дорог. Жилая площадь в то время это обычные казармы с нарами. Штатные служащие и рабочие обеспечивались квартирами. Поденные, временные рабочие, составлявшие 50% обслуживающего персонала железных дорог были лишены прав на служебную жилую площадь. Больше всего шансов получить жилье было у рабочих и служащих службы движения, службы пути и строений. Хуже дело обстояло в службе тяги и подвижного состава. В документах канцелярии Пензенского губернатора за 1873-1884 гг. имеются сведения о том, что «рабочие устроены в бараках» [12]. Жилые дома, казармы производили тягостное впечатление. Здания эти построены из дерева, на деревянных стульях вместо фундамента. Внутри не отштукатурено. В них работникам предоставляли «угол для жилья» [13]. «Вследствие отсутствия штукатурки, тесноты внутреннего помещения... эти жилые дома представляют собой настоящие клоповники» [14]. Пытаясь найти решение жилищного вопроса, не затрагивая интересов железной дороги, практиковался отвод земельных участков по постройку в полосе отчуждения. Норма отвода земли была от 100 до 200 кв. саженей. Причем за отведенную землю взималась плата в размере 1 копейка в год за один квадратный сажень. Процесс отвода земель к застройке, владение участком земли служило прикреплением работника к дороге.

Немаловажной стороной жизни является питание обслуживающего персонала железных дорог. «Питание железнодорожников делилось на два вида: самостоятельное и хозяйское» [15]. Преобладало самостоятельное питание в виде артельного и домашнего (семейного и холостого).

Артельное питание распространено среди ремонтных рабочих службы пути. В один день ремонтный рабочий употреблял в пищу от 3 до 4 фунтов хлеба, около трети фунта мяса, один фунт пшена. Если не было кухарки, то артельное питание ограничивалось пшенной похлебкой или кашей. Во время строительства линии Моршанск–Сызрань питание рабочих на участке Башмаково–Пачелма было следующим: «хлеб мягкий, щи из соленого мяса, каша гречневая в постные дни, в скоромные – пшенная, квас хороший, красный...» [16]. «На питание у путевых сторожей уходило примерно 5 руб. в месяц, то есть примерно половина жалованья. Несколько помогало… использование земли, которой хватало только для картофеля» [17].

«Телеграфисты часто столуются сами и в последнем случае постоянного обеда, конечно, не имеют, а питается, кто, как умеет» [18]. Стрелочники, составители и сцепщики за дежурство питались в сухомятку [19]. Машинисты, их помощники, паровозные кочегары, кондукторы, поездные смазчики, несмотря на относительно высокие зарплаты питались несистематически, тем, что взято из дома, в сухомятку «некоторые умудряются зажарить кусок мяса и на паровозе во время движения [20]. Основной набор продуктов питания этих категорий рабочих – это холодные закуски в виде колбас, сала, сухой рыбы, реже холодное мясо [21]. Главными продуктами питания рабочих железных дорог на протяжении всего времени оставался ржаной хлеб, постные щи и суп, картошка с огурцом, чай. Плохое питание приводило к заболеваниям и смертности.

Тяжелые условия труда, продолжительность рабочего времени приводили к заболеваниям и травматизму среди рабочих и служащих железных дорог. В первую очередь «заболевания органов пищеварения, дыхания, травмы, острозаразные болезни» [22]. На Моршанско–Сызранской железной дороге «с 12 октября 1874 года по 1 января 1876 года болело 3 846 человек. Из них мужчин – 3238 человек, женщин – 608 человек. Выздоровело – 3800 человек (98,8%). Обращались к врачу с ушибами 217 раз, с ожогами 175 раз, с ранами 113 раз [23]. Все больные лечились в земских больницах. Количество больниц оставалось прежним, что вело к переполненности общественных и частных больниц, куда были вынуждены обращаться за помощью рабочие и служащие железных дорог [24].

Начиная с 80-х годов XIX в. медицинское обслуживание начинает медленно развиваться. Начало этому положил документ под названием « Правила врачебно-санитарной службы на железных дорогах, открытых для общего пользования».

Именно с этого времени вся железная дорога разделялась на врачебные участки. В участок входили: 1 участковый врач, 2 фельдшера, 1 фельдшер-акушер, 1 фельдшер-дезинфектор» [25].

Средняя протяженность участка превышала нормативные показатели. Это влияло на качество оказываемой медицинской помощи. Она разделялась на три группы: «первая – за счет дороги – то есть первоначальная помощь, дальнейшее лечение с выдачей лекарств, посещение на дому, стационарное лечение в больницах. К ним относились все служащие, мастеровые, рабочие – если годовой оклад их не превышал 1200 рублей» [26]; вторая – рабочие и служащие с окладом свыше 1200

рублей и их члены семьи; третья – поденные рабочие, рабочие подрядчиков, если с них взимался процент за медицинское обслуживание.

Развитие железнодорожного транспорта, с его специфическими условиями труда в конце XIX – начале XIX в. вызвало большой спрос на рабочих и служащих со специальной или общеобразовательной подготовкой. Это вынуждало администрацию заботиться о подготовке кадров. Открывались общеобразовательные школы и железнодорожные технические училища. Первые школы были открыты в 1883 г. в Ряжске, в 1886 – в Козлове. «Первоначально школы организовывались по подобию воскресных школ. В Пензенской губернии такие школы были открыты в губернском центре, Краснослободске и Мокшане» [27]. К началу XX в. в России было 158 общеобразовательных школ, в которых занималось около 15 тыс. учащихся, 46 железнодорожных технических училищ 3-4-х годичным обучением. «Школы были двух типов: одноклассные с трехлетним обучением и двухклассные с пятилетнем сроком обучения» [28]. «В одном классе занималось 60-80 учеников» [29]. Размеры платы за обучение составляли 3-5 рублей в год. «Железнодорожные технические училища готовили средние технические кадры и высококвалифицированных рабочих для мастерских и службы движения» [30]. В 1869 г. такое училище было открыто в Ельце, в 1880 году – в Пензе. Содержались училища за счет фонда поверстных отчислений, от доходов казенных и частных дорог.

Так под влиянием железных дорог возникла и успешно развивалась система образования и подготовки кадров для железнодорожной отрасли, которая стала органической частью всей культурной жизни ЦЧР.

Таким образом, в процессе развития рыночных отношений в пореформенный период в ЦЧР, как и по всей стране, положение рабочих и служащих железных дорог оставалось тяжелым. Интенсификация в железнодорожной отрасли менее всего базировалась на применении новой техники, что вело к возрастанию физических и нервных перегрузок работающих на железной дороге.

Примечания

1. Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. - М., Наука, 1958. - С. 117.
2. Железнодорожный транспорт до 1913 года. - М., 1925.
3. Проект Общего Положения о служащих на казенной железной дороге. - СПб, 1890. - С. 2.
4. Статистический сборник МПС. - СПб., 1898.
5. ГАРФ. Ф. 6865. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.
6. ГАРФ. Ф. 6865. Оп. 1. Д. 127б. Л. 20, 21.
7. ГИА г. Москвы. Ф. 287. Оп. 2. Д. 16. Л. 1-20.
8. Там же. Д. 2. Л. 2-6.
9. Гудков. Б.И. Формирование и экономическое положение железнодорожников Центральной части России в 1895-1914 гг. - Горький, 1984.
10. Козловский А.К. Увольняемость железнодорожных служащих. - СПб., 1900. - С. 11-13.
11. Трегубов С.Л. Опыт изучения в санитарном отношении быта железнодорожных служащих в пределах Курско-Харьковской железной дороги. - Харьков, 1904. - С. 13.
12. ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 237.
13. РГИА. Ф. 273. Оп. 12. Д. 180. Л. 158.

14. Там же. Л. 159.
15. Рабочий класс России о зарождения до начала XX века. - М., 1983. - С. 248.
16. ГАПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2.
17. Трегубов С.Л. Указ. соч. С. 45, 46.
18. Там же. С. 50, 51.
19. Там же. С. 56, 58.
20. Там же. С. 70.
21. Там же. С. 163.
22. РГИА. Ф. 273. Оп. 8. Д. 132. Л. 394об, 396.
23. Отчет о состоянии здоровья рабочих Моршанско–Сызранской железной дороги. - СПб., 1877. - С. 65.
24. РГИА. Ф. 273. Оп. 8. Д. 132. Л. 379об.
25. Правила врачебно-санитарной части железных дорог, открытых для общественного пользования. - М., 1913. - С. 7.
26. Там же. - С. 49-50.
27. Власов В.А. Школа и общество (вторая половина XIX – начало XX вв.). - Пенза, 1998. - С. 8.
28. РГИА. Ф. 238. Оп. 2. Д. 110. Л. 50.
29. Там же. Ф. 287. Оп. 4. Д. 10. Л. 30.
30. Там же. Ф. 231. Оп. 1. Д. 2298. Л. 70; Там же. Оп. 2. Д. 100. Л. 11.

И.Н. Мавлюдов (г. Пенза, ПГПУ)

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ОБЛАСТИ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТАТАРСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1920-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Как известно, изменения, которые происходят в жизни любого народа, медленнее всего находят свое отражение в сфере семейно-родственных отношений. Особенно эта тенденция заметна в условиях деревни, которая являет собой замкнутый организм.

Советская эпоха внесла коренные изменения в семейно-родственные отношения татарской семьи. Семья, являвшаяся производственной единицей в деревне, объектом налогообложения с вовлечением в новые экономические отношения претерпела существенные изменения. В результате утверждения социалистических производственных отношений серьезные изменения, в частности, испытала структура и количественный состав семьи, окончательно были устранены причины, задерживающие разделы сельских семей. В результате этого навсегда было покончено с большими, неразделенными семьями. Одновременно наметилась тенденция

уменьшения численности состава крестьянских семей. В этом процессе немалую роль играла и налоговая политика Советского государства.

В исследуемый период заметное место всё еще занимают унаследованные от прошлой эпохи элементы. Новое здесь очень часто переплетается с традиционным.

В частности, одним из процессов, характеризующих динамику изменения структуры семьи был процесс разделения больших семей на малые. Процесс разложения больших семей среди различных социальных групп крестьянства проходил по-разному. Так, в среде бедных крестьян, где не было прочной материальной базы, необходимой для сохранения больших семей, процесс распада совершался интенсивнее. Малоземельные крестьяне, по сравнению с зажиточными, вели более подвижный образ жизни, так как для обеспечения средств существования они вынуждены были прибегать к отходничеству. А отходничество служило одной из причин разложения больших семей.

К 20-м гг. XX в. в татаро-мишарских деревнях исследуемой территории прочно утвердилась малая семья [1].

Если большая семья состояла из родственников трех – четырех поколений, то малая семья обычно состояла из двух поколений, т.е. из супружеской пары и их детей, и реже из родителей.

По традиции среди татар-мишарей имели место два вида раздела: частный и общий. Частный раздел имущества не приводил к распаду большой семьи и представлял выход из нее лишь одной семейной ячейки. Такие разделы чаще приходили при жизни отца. Отделившейся ячейке выделяли определенную долю имущества. Но при этом глава семьи старался, чтобы раздел не отразился на экономической жизни семьи. Этот принцип раздела сохранился в исследуемый период [2]. Поэтому определившейся семье всегда выделяли худшую часть имущества. Частный раздел имущества приводил лишь к частному разрешению конфликта в семье. С выходом одной ячейки противоречия в ней не прекращались и в конце концов приводили к общесемейному разделу.

Экономические трудности, вызванные Гражданской войной, на некоторое время остановили процесс раздела семей: коллективное хозяйство в некоторой степени помогало решить продовольственную проблему и облегчало налоговый гнет.

Однако в 20-е гг. XX века наблюдается увеличение числа семейных разделов, что являлось прямым следствием налоговой политики Советского государства. Большие, как правило, многоземельные семьи шли на раздел сознательно. Как указывается в одном из архивных документов, адресованном Алеевскому сельсовету в предверии проведения сельхозналоговой кампании 1928/ 1929 гг. тактика проведения кампаний по сельхозналогу прошлых лет показала, что отдельные крестьянские хозяйства, преимущественно из числа зажиточных, в целях уменьшения размера обложения сельхозналогом, производят искусственные фиктивные разделы своего двора [3].

В изучаемый период преобладающим фактом, определяющим производственную мощность хозяйства, являлся демографический. Традиционно именно естественный прирост семьи сопровождался повышением экономической состоятельности крестьянского двора. Нарушение этого сочетания вело к ликвидации или

дроблению двора. Увеличение числа крестьянских хозяйств было особенно значительным в период гражданской войны. Активно шел процесс раздела крестьянских хозяйств, особенно в зажиточной и середняцкой части деревни. За год делилось порядка 10-12% крестьянских хозяйств.

В целях борьбы с подобными действиями рекомендовалось уделять повышенное внимание регистрации разделительных актов [4]. Разрешение на раздел двора могло быть получено после прохождения тщательной проверки подтверждения, что вновь возникающие по разделу хозяйства действительно стремятся к самостоятельному хозяйствованию [5].

Таким образом, выделение малой семьи в качестве самостоятельной экономической единицы являлось следствием налоговой политики Советского государства и новых экономических отношений, которые были привнесены Советской властью. Крестьянские дворы, стремившиеся уменьшить размер сельхозналога, фиктивно делились, оставляя единую хозяйственную основу. По-прежнему сохранялись традиционные основы ведения хозяйства.

Примечания

1. ГАСО Ф.89.Оп.1. Д.14.Л.3 Саратовская ученая губернская комиссия
2. ГАПО Ф.1336. Оп.1. Д. 9, Л.2.
3. ГАПО Ф. 1336. Оп.1. Д.6, Л.2.
4. ГАПО Ф.1336. Оп.1. Д.6. Л.2.
5. ГАПО. Ф.1336.Оп. 1. Д. 9. Л.2.

Д.М. Матвеев (г. Томск, ТГПУ)

ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТЕ «ЗА НАУКУ В СИБИРИ» ПО ИСТОРИИ ТОМСКОГО ФИЛИАЛА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР (1970 – 1985 гг.)

История Томского филиала СО АН СССР (ныне Томский научный центр СО РАН) началась в 1969 г., когда возник Институт оптики атмосферы СО АН СССР. Его основной задачей было комплексное исследование распространения электромагнитных волн оптического диапазона в атмосферах земли и планет. В 1970 г. был организован Институт химии нефти СО АН СССР. Он был создан с целью развития комплексных исследований в области химии и технологии нефти Западно-Сибирских месторождений. Для обеспечения научных программ Института оптики атмосферы в 1972 г. основано специальное конструкторское бюро научного приборостроения «Оптика» (с 2003 г. - Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН). Четвертым академическим учреждением стал Институт сильноточной электроники СО АН СССР призванный ускорить исследования по

сильноточной и квантовой электроники. Также были созданы два отдела: экспериментальных геофизических исследований (1978 г.), физики твердого тела и материаловедения (1979 г.). Позже на их базе будут созданы академические институты.

8 февраля 1979 г. Президиум Академии наук СССР издал постановление № 176 «Об организации Красноярского и Томского филиалов СО АН СССР». Открытие состоялось 21 июня 1979 г. В состав филиала вошли все указанные выше научные учреждения. Со стороны центральных, региональных и местных печатных средств массовой информации был проявлен повышенный интерес к вопросам формирования томской академической науки. В период с 1970 по 1985 гг. в городе Томске были созданы академические институты, а затем филиал СО АН СССР, получивший признание не только в нашей стране, но и за рубежом. На страницах газет и журналов изучаемого периода было опубликовано большое количество статей связанных с деятельностью томских научных институтов, входящих в состав Сибирского отделения Академии наук СССР (ныне СО РАН).

Важное место среди региональных печатных изданий занимает газета «За науку в Сибири», которая выходит с 4 июля 1961 г. Она являлась органом Президиума и местного комитета профсоюза СО АН СССР и была создана для освещения работы академических институтов расположенных на территории Сибири. В 1982 г. газета была переименована и стала называться «Наука в Сибири» так как к этому времени процесс формирования структуры СО АН СССР завершился.

1970

Общее собрание СО АН СССР. 4 мар., с. 3. В его работе принимал участие директор ИОА СО АН СССР В.Е. Зуев.

1971

Матвеев В. Наука шагает по Сибири. Репортаж из филиалов СО АН СССР. 31 мар., с.3. Об организации ИОА и ИХН.

Научный курьер. 14 апр., с. 4. О десятом всесоюзном совещании по физике мезосферных облаков, организованное Институтом оптики атмосферы.

Общее собрание СО АН СССР. 12 мая, с.1. В его работе принимал участие В.Е Зуев.

Симпозиум по распространению лазерного излучения в атмосфере. 4 авг., с.1. Организован ИОА совместно с Вычислительным центром СО АН СССР.

Ипполитов И. Лазер и атмосфера. 25 авг., с. 1-2. О первом всесоюзном симпозиуме по распространению лазерного излучения в атмосфере.

1972

Химия нефти. «Теория и практика нераздельны». 9 фев., с. 1, 4. Об организации ИХН СО АН СССР.

О годичном общем собрании СО АН СССР. 16 фев., с. 1. С докладом выступил В.Е Зуев.

Месяц Г. Все электростанции мира. 5 июля, с. 5. О трудностях в работе ИОА.

Новый доктор наук. 26 июля, с. 2. О будущем директоре ИХН Кряжеве Ю.Г.

Ипполитов И. Институт оптики атмосферы. 7 дек., с. 4-5. О научной деятельности коллектива ИОА.

1973

Самохвалов И. Лазерное зондирование и проблема загрязнения атмосферы. 10 янв., с. 4-5. О сущности метода лазерного зондирования.

1974

Плюснин А. Создана группа по внедрению. 8 мая, с. 4. О деятельности ИХН СО АН СССР.

Ипполитов И. Творческое пятилетие. 28 авг., с. 4-5. О деятельности ИОА СО АН СССР в период с 1969 г. по 1974 г.

Научно-производственное объединение: Институт плюс СКБ. 28 авг., с. 4. ИОА СО АН СССР и СКБ НП «Оптика».

Покасов В. Автоматизация научных исследований. Там же. О сотрудничестве ИОА СО АН СССР и СКБ НП «Оптика».

1975

Открыт Томский центр СО АН СССР. 5 фев., с. 1.

Члену-корреспонденту АН СССР В.Е. Зуеву-50 лет. Там же. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении члена-корреспондента АН СССР Зуева В.Е. орденом Трудового Красного Знамени.

Моисеев В. Томск: Новосибирских академгородков прибыло. 26 фев., с. 4-5. О становлении Томского Академгородка.

Матвеев В. Комплексность. Перспектива. Высокий уровень. Там же. Об институтах Томского филиала СО АН СССР.

Марчук Г.И. Об основных итогах деятельности СО АН СССР за 1974 год (доклад на годичном общем собрании СО АН СССР 26.02.1975 г. г. Новосибирск). 12 марта, с.1, 3-6. Часть доклада посвящена анализу деятельности институтов СО АН СССР, находящихся в г. Томске.

Месяц Г. Симпозиум по сильноточной эмиссионной электронике. 26 июня, с. 5.

С высокой наградой! 23 окт., с. 1-4. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР академиков, членов-корреспондентов, работников научных учреждений и организаций Академии наук СССР. Среди награжденных ученые Томского Академгородка.

Ученые СО АН СССР подводят итоги. 27 нояб., с. 1-3. О совместной научной работе коллектива ИОА СО АН СССР и академических учреждений Сибири.

1976

Новый состав Президиума СО АН СССР. 1 янв., с. 1.

Членом Президиума избран член-корреспондент АН СССР Зуев В.Е.

Третий всесоюзный симпозиум по молекулярной спектроскопии. 23 сент., с. 1. Организован Научным Советом по проблеме спектроскопии атомов и молекул АН СССР и Институтом оптики атмосферы СО АН СССР.

Лазер смотрит в небо. 4 нояб., с. 6. Об аэрозольном лазерном локаторе созданном в ИОА СО АН СССР и предназначенном для изучения туманов.

Чистый спектр. 2 дек., с. 1, 4. Интервью с директором ИОА СО АН СССР Зуевым В.Е. Записала Шпак Г.

1977

Гетманцев В.С., Кряжев Ю.Г., Плюснин А.Н. Томск: проблемы большой нефтехимии. 10 мар., с.3, 6-7. Беседа с директором Томского нефтехимического комбината Гетманцевым Ю.С., директором ИХН СО АН СССР Кряжевым Ю.Г. и заместителем директора ИХН СО АН СССР Плюсниным А.Н. Записала Шпак Г.

Зуев В.Е. Успешно работающий центр. 10 июня, с. 14. О строительстве зданий и сооружений в Томском Академгородке.

Камьянов В. Объект исследований - нефти Сибири. 7 июля, с. 7-8.

Институт химии нефти СО АН СССР (г. Томск): Смотр фундаментальных исследований. 21 июля, с. 1, 4-6

Миронов В. Распространения лазерного излучения в атмосфере: Всесоюзный симпозиум организованный ИОА СО АН СССР. Томск, июль 1977. 4 авг., с. 3.

1978

Ипполитов И. Главное – концентрация усилий. 26 янв., с. 4. О сотрудничестве ИОА СО АН СССР и СКБ НП «Оптика».

СО АН СССР: Смотр фундаментальных исследований. ИОА СО АН СССР. Там же. Об истории Института и его научных направлениях.

Тюрин Ю. Работает импульс или: один день в Институте сильноточной электроники СО АН СССР (г. Томск) 20 апр., с. 4-5. О работе Института и его директоре Месяце Г.А.

Лауреаты Государственной премии СССР – ученые сибиряки. 16 нояб., с. 1. В их числе директор ИСЭ СО АН СССР Месяц Г.А.

1979

Кабанов М. Лазеры исследуют атмосферу. 15 фев., с. 4. О разработках ИОА СО АН СССР.

Плюснин А. Координируемые проблемы и практика. Там же. О связи фундаментальных исследований проводимых ИХН СО АН СССР и производством.

Месяц Г. Новые возможности электроники. Там же, с. 5. О разработках ИСЭ СО АН СССР.

Кутелев А. Разработка-внедрение: поиски эффективности. Там же. О достижениях СКБ НП «Оптика».

Пополнение Академии наук СССР. 22марта, с. 1. Членом-корреспондентом АН СССР избран Месяц Г.А.

Представляем академиков и членов-корреспондентов, избранных на общем собрании АН СССР (по Сибирскому отделению). 5 апр., с. 2. О директоре ИСЭ СО АН СССР Месяце Г.А.

На соискание Государственной премии СССР. 24 мая, с. 2. Коллектив ученых ИОА СО АН СССР выдвинут на соискание премии.

Шаманаев В. Томский лазерный локатор в Болгарии. 31 мая, с.5. О научной экспедиции томских ученых в Болгарию.

Моисеев В. Крепнет и развивается академическая наука в Сибири. 5 июля, с. 2. Об открытии Томского филиала СО АН СССР.

Панин В. Разработать высокоэффективные материалы. 15 нояб., с. 5.

Лукьяненко С., Николаева О. ИОА: у экрана информатизации. Там же. Об общественной жизни.

Блинова О. Не страшны туманы. Там же.

1980

Неистребимая радость труда. 24 янв., с. 3. Интервью с директором ИОА СО АН СССР Зуевым В.Е.

Содружество множит силы. 6 мар., с. 2. О сотрудничестве Томского и Красноярского филиалов СО АН СССР.

Блинова О. День трудовой и праздничный. 30 апр., с. 2. О строительстве и благоустройстве в Томском Академгородке.

Зуев В. Томский Академгородок строится. 18 сент., с. 6.

Цвык Р. Оптические волны в атмосфере. 30 окт., с. 6. О втором совещании по атмосферной оптике.

Глазов Г. Лазеры зондируют атмосферу. 20 нояб., с. 3. О шестом всесоюзном симпозиуме по лазерному и акустическому зондированию атмосферы, организованном Институтом оптики атмосферы СО АН СССР.

Зуев В. Патриот томской школы физиков. 4 дек., с. 3. О заведующем отделом физики твердого тела и металловедения ИОА СО АН СССР, профессоре Панине В.Е.

1981

Панин В. Проделана большая работа. 1 янв., с. 4. О технологиях разработанных отделом физики твердого тела ИОА СО АН СССР.

Томская наука на новом этапе. 15 янв., с. 1. Интервью с председателем Президиума ТФ СО АН СССР Зуевым В.Е. о материально-технической базе Томского Академгородка.

Наука Сибири: проблема развития. 9 апр., с. 4-5. Об общем собрании СО АН СССР, на котором с докладом о развитии томской науки выступил Зуев В.Е.

Блинова О. Томск-Красноярск: соревнуются филиалы. 21 мая, с. 3.

Награды Родины - сотрудникам СО АН СССР. 2 июля, с. 2. Среди награжденных научные сотрудники ТФ СО АН СССР.

Поталицын Ю. Только навстречу друг другу. 14 авг., с. 7. О внедрении результатов научных разработок ИСЭ СО АН СССР в производство.

Ушакова О. Томский Академгородок: Встреча со школой будущего. 3 сент., с. 7. Об общеобразовательной школе Томского Академгородка.

Пономарев Ю. Школа атмосферных оптиков. 15 окт., с. 1,3. О школе молодых ученых работающей в ИОА СО АН СССР.

1982

Из речи депутата В.Е. Зуева. 1 янв., с. 2. О деятельности ТФ СО АН СССР.

Ученые Томска - народному хозяйству. 4 фев., с.3. О выставке достижений томской науки.

Представляем новых академиков и членов-корреспондентов АН СССР. 6 мая, с. 3. Директор ИХН СО АН СССР Большаков Г.Ф. избран членом-корреспондентом АН СССР.

Тоже. 13 мая, с. 5. Директор ИОА СО АН СССР избран академиком АН СССР.

Томский филиал. 10 июня, с. 6. Историческая справка и достижения институтов входящих в состав ТФ СО АН СССР.

ТФ СО АН СССР: достижения и новые задачи. 22 июля, с. 1.О юбилейной научной сессии ТФ, посвященной 25 летию СО АН СССР.

Высокие награды Родины. 29 июля, с. 1, 6. Среди награжденных работники ТФ СО АН СССР.

Представляем новых членов АН СССР. 5 авг., с. 7. Панин В.Е избран членом-корреспондентом АН СССР.

Щеголева Г. На выставке «Химия-82». 4 нояб., с. 2. Об участии в выставке ИХН СО АН СССР.

1983

Лебедева Н., Сахаров Е. Электронные пучки в технологиях. 27 янв., с. 2. О разработках ИСЭ СО АН СССР.

Ревазова А. «Радан» и «Рита» ищут дефекты. 10 фев., с.2. О совместной разработке ученых ИСЭ СО АН СССР и СКБ НБ «Оптика».

Щеглова Г. Повышение нефтеотдачи пластов. 24 фев., с. 5. О технологии разработанной в ИХН СО АН СССР.

Ревазова А. Ширятся связи томских ученых. 14 апр., с. 6. О совместных исследованиях ТФ СО АН СССР и томских учреждений Академии медицинских наук.

Расти, Академгородок. 21 апр., с. 2. О ходе строительства зданий для институтов ТФ СО АН СССР.

Ревазова А. В. центре внимания-лазеры. Там же, с.5. О лазерном маяке, разработанном в ИОА СО АН СССР.

Она же. На основе открытия. 9 июня, с. 4. Месяц Г.А. рассказывает об электронных пучках.

Жюри называет лучших. 16 июня, с. 1-2. О выставке «Сибирский прибор-83», проходившей в г. Новосибирске, в числе участников которой были и томские институты СО АН СССР.

Ревазова О. Диалог с атмосферой. 8 сент., с. 4. О лидаре «Диалог», разработанном в ИОА СО АН СССР, предназначенном для исследования динамики влажности в атмосфере.

Ан Л. Сокращать потери нефти. 17 нояб., с. 7. О технологии очистки нефти и нефтепродуктов разработанной в ИХН СО АН СССР.

1984

Производству нужны научные рекомендации. 19 янв., с. 2. О внедрении в производство разработок томских ученых.

Кутелев А. Возможности СКБ. 16 фев., с. 6. О деятельности СКБ НП «Оптика»

Зубарева О. Аргументы соревнования. 31 мая, с. 2. О поездки делегации ТФ в Красноярский филиал СО АН СССР.

Пребывание Президента АН СССР академика А.П. Александрова в г. Томске. 19 июля,

с. 1

Горелов В. 200 новоселий. 1 нояб., с. 2. Об окончании строительства жилого дома для сотрудников Томского филиала СО АН СССР.

К внедрению без барьеров. 13 дек., с. 2. О программе «Сибирь» и о роли в ней академических учреждений г. Томска.

Землянов А. Институт оптики атмосферы СО АН СССР (г. Томск): короткие сообщения. 20 дек., с. 5. О работе института в программе «Сибирь».

1985

Панин В., Кабанов М., Миронов В. Многогранный талант. 24 янв., с. 4. О председателе президиума ТФ СО АН СССР, директоре ИОА СО АН СССР, академике АН СССР Зуеве В. Е.

Пополнение Академии наук СССР (по Сибирскому отделению). 21 фев., с. 2. Академиком АН СССР избран директор ИСЭ СО АН СССР Месяц Г.А.

Миронов В. Атмосфера становится ближе. 21 мар., с. 4. О научных направлениях ИОА СО АН СССР.

Панин В. Порошковая металлургия в машиностроении. 15 авг., с. 2. О выставке порошковой металлургии 1985 года, в которой участвовал научный коллектив Института физики прочности и материаловедения СО АН СССР.

Перечисленные статьи раскрывают вопросы содержания научных направлений работы институтов. В них уделяется большое внимание практическим разработкам и их внедрению в народное хозяйство. Ряд публикаций основано на интервью с директорами академических учреждений Томского филиала СО АН СССР по проблемам организации научных исследований. В числе авторов не только корреспонденты данного печатного издания, но и крупные ученые, научные сотрудники, работающие в Томском Академгородке. Для более полного и объективного исследования истории и деятельности Томского филиала СО АН СССР изучение материалов периодической печати необходимо.

А.Е. Медовый (г. Пятигорск, СГТУ)

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Состояние и возможные перспективы развития сельского хозяйства в СССР до сих пор являются предметом бурных дискуссий. Многие сторонники идеи «особого пути» развития России находят в колхозной модели общие черты с традициями общины, укорененными в нормах «социалистического общежития». Сторонники же либеральной идеи считают, что советские колхозы и совхозы проигрывали в заочном конкурентном соревновании своим, прежде всего, заокеанским (аме-

риканским и канадским) *vis-a-vis*. Причем и те и другие, нередко, обращаясь к одним и тем же источникам (как правило, данным международных организаций), находят в них аргументы, как в пользу одной, так и другой позиции.

Такого рода сопоставления имеют важное значение для целей настоящей работы. Одна из серий данных представлена в табл. 1.

Таблица 1. Показатели рентабельности колхозов и совхозов в СССР [1]

	1980 г.		1985 г.	
	Колхозы	Совхозы	Колхозы	Совхозы
Число хозяйств, тыс.	25,9	21,0	26,2	22,7
-убыточных	13,7	11,8	3,4	5,3
-прибыльных	12,2	9,2	22,8	17,4
Прибыль(убыток) всего, млрд.руб.	-0,2	-0,6	10,7	9,9
Рентабельность, %	-0,4	-1,0	19,0	16,0

Даже из простого сопоставления обобщенных данных видно, что в 1980 году больше половины хозяйств - колхозов и совхозов почти в одинаковом соотношении - были убыточными. Это отражалось на всей экономике страны и требовало изменить ситуацию.

Однако необходимо также учитывать и особенности социалистического учета. Как показывает статистика, между 1980 и 1985 годом рентабельность сельскохозяйственных предприятий резко повысилась, причем в колхозах даже в большей степени, чем в совхозах. Произошло это из-за централизованного повышения в 1983 году закупочных цен, которые стабильно отставали от растущих издержек сельскохозяйственных предприятий. Именно рост закупочных цен и обусловил целиком рост рентабельности, поскольку по всем без исключения видам сельскохозяйственной продукции себестоимость в 1985 году выросла по сравнению с уровнем предыдущих лет. Путь интенсификации сельскохозяйственного производства в очередной раз лишь намечался, но движения по нему почти не было – что было особенно заметно на фоне «аграрной революции» в Индии и других развивающихся странах (не говоря уже о прогрессе в аграрном секторе, связанном с внедрением новейших достижений науки, в развитых странах) [2; 3].

Другая причина «прибыльности» основной массы сельскохозяйственных предприятий после 1983 года также довольно специфична. На уровне не только регионов (в первую очередь областей и республик в РСФСР), но и внутри них был активно задействован административный ресурс. Закупочные цены дифференцировались по агроклиматическим зонам «с целью выравнивания условий хозяйствования». Более того, с 1983 года устанавливались так называемые «дифференцированные надбавки к ценам» для отдельных хозяйств внутри зоны – без каких-либо нормативов их установления. Наконец, вводились особые надбавки для низкорентабельных и убыточных

хозяйств. На практике это означало индивидуальное ценообразование для каждого хозяйства на уровне фактических издержек и повсеместный отход от пока еще сохранявшихся вопреки всему рыночных принципов в сельском хозяйстве (особенно в колхозном секторе).

Таблица 2. Себестоимость и цены реализации продукции в СССР в 1985 г. (руб./кг).

Продукция	Колхозы			Совхозы		
	Себестоимость	Рентабельность при реализации государству, %	Цена реализации	Себестоимость	Рентабельность при реализации государству, %	Цена реализации
Зерно (без кукурузы)	0,094	66	0,156	0,113	35	0,153
Картофель	0,158	21	0,19	0,177	9	0,19
Привес КРС	2,53	7	2,71	2,92	5	3,07
Привес свиней	2,31	-3	2,24	1,98	12	2,22
Молоко	0,34	20	0,41	0,38	19	0,45
Яйца куриные	0,92	2	0,94	0,63	55	0,98

Источник: расчеты на основе данных [1: 288-295].

Если рассмотреть приведенные в табл. 2. данные о себестоимости производства одного кг продукции сельского хозяйства, то можно обнаружить следующее: практически по всем важнейшим видам продукции при реализации государству отпускная цена колхозов и совхозов превышала розничные цены в торговле (хлеб 15 коп., картофель 20 коп, говядина 2 руб., свинина 1,90 руб., молоко 28 коп., яйца 90 коп.). При этом в отпускной цене не учитывалась стоимость хранения, переработки и торговой наценки, неизбежные транспортные потери при доведении продукции до потребителя.

Сравнение двух указанных цен свидетельствует, что в СССР возникла необходимость государственной компенсации в разнице между закупочными и розничными ценами. «Ценовые ножницы» составили, по данным Т. И. Заславской, около 40 млрд. руб. в год, что включало больше 10% от расходов бюджета в 1985 г (386,5 млрд. руб.) [4]; соответствующая цифра почти в два раза превышали всю прибыль сельскохозяйственных предприятий в этом году - около 21 млрд. руб. Таким образом, бюджет покрывал примерно одну треть от всех выплат государства сельскохозяйственным предприятиям за реализованную продукцию (в 1985 г. 115,4 млрд. руб.)

С середины 1980-х гг. выяснялось, что для государственного бюджета сельское хозяйств было убыточным – и даже, как тогда говорилось, планово убыточным. При этом убыток обусловливался низким уровнем розничных цен в государственной торговле, что оборачивалось фактическим субсидированием потребителей. По мнению ряда специалистов, установить истинный уровень рентабельности сельского хозяйства можно было лишь после сопоставления цен реализации сельхозпродукции, розничных цен и доходов населения, а повысить его только путем уравновешения данных цен и в дальнейшем снижения себестоимости продукции, производимой колхозами и совхозами. И в данной связи уже тогда вставал вопрос об альтернативных формах хозяйствования на земле, поскольку пожелание умершего к тому времени Генсека ЦК КПСС Ю. Андропова узнать общество, в котором мы живем, приводило к необходимости усвоения этой истины. Или же политика господдержки аграрного сектора должна была носить более продуманный характер.

Действительно, в 1986-88 гг. в странах ОЭСР суммарная оценка поддержки сельского хозяйства составляла в среднем 341 долл. на человека (на счет потребителей приходилось 228 долл., остальное за счет бюджетов), но в рамках рыночной экономики и в обществах, вступивших уже на путь постиндустриального развития, такая поддержка оговаривалась рядом условий. Чтобы получить адекватное представление о размерах государственной поддержки сельского хозяйства в СССР, нужно произвести хотя бы приблизительные подсчеты: для 280 млн. чел. населения СССР примерно по 350 долл. на человека составит – для ровного счета - 100 млрд. долл. Если принять к сведению официальный курс 70 коп. за долл. в 1986 г., то получается 70 млрд. руб.

На самом деле дотации сельскому хозяйству в том или ином виде были гораздо больше. Порядка 40 млрд. руб. составляли дотации населению на питание, осуществлявшиеся путем восполнения разницы между закупочными и оптовыми ценами; 31,3 млрд. руб. в 1986 г. составили прямые и косвенные капиталовложения в сельское хозяйство (без вложений колхозов); надо учесть льготные цены на технику и удобрения, содержание на бюджетной основе сельскохозяйственных НИИ и учебных заведений; следует приплюсовать также просроченные и прощеные кредиты. Нельзя также забывать о мерах по защите аграрного рынка, монополии внешней торговли. Если учесть все эти расходы, то окажется, что работники колхозов и совхозов в СССР получали дотации большие, чем работники аграрного сектора в странах ОЭСР.

Показатель продуктивности скота особенно четко иллюстрирует процесс деградации животноводства в СССР (табл. 3).

Таблица 3. Затраты кормов (усл.корм.ед.) на производство животноводческой продукции в межстрановых сравнениях

Страны	На 1 ц молока	На 1 ц привеса КРС	На 1 ц прироста живой массы свиней при выращивании и откорме
Бывший СССР	1,48	13,0	8,1
ФРГ	1,07	10,3	4,1
Франция		7,2	4,1
Великобритания	1,09	...	3,6
США	1.02	8,6	4,2

Источник: расчеты В.Назаренко, материалы конференции (congt@qku.msk.ru).

Такой большой разрыв в эффективности кормов объясняется прежде всего их неполноценностью у нас, в первую очередь дефицитом белка, особенно белковых концентратов. Если в США соотношение в кормосмесях между зерном и шротом и жмыхами составляет 4:1, в Западной Европе - 2,5:1, в бывшем СССР это было 17:1, да и теперь никак не улучшилось. Это приводит к огромному перерасходу зерна и других кормов и повышению себестоимости, что делает большинство видов продукции, учитывая остальные факторы, неконкурентоспособным по сравнению на мировом рынке. Важным моментом, определяющим неконкурентоспособность большинства отраслей отечественного животноводства, является его очень низкая, по международным стандартам, продуктивность.

В целом, положение с продуктивностью по большинству отраслей не выдерживает сравнения с Западом. Неблагоприятное положение в животноводстве подтверждается тем фактом, что там, как правило, спад производства идет быстрее, чем в большинстве отраслей растениеводства.

Проблема отсталости сельского хозяйства СССР на фоне интенсификации агропромышленного комплекса в развитых (и даже развивающихся) странах вызвала широкую полемику в постперестроечное время. Экономическая теория требует, чтобы в затратах на содержание скота выделялась условно-постоянная часть (поддержание жизни животного) и условно-переменная (обеспечение продуктивности) и что, чем ниже доля первой, тем меньше себестоимость единицы продукции. В России создание и содержание одного ското - места объективно стоит дороже, чем в странах с более мягким климатом, поэтому именно фактор продуктивности должен был компенсировать затраты, хотя как раз по этому показателю СССР безнадежно отставал от США и европейских стран. Таким образом, можно говорить о неправомерности сравнения показателей продуктивности животноводства в различных агроклиматических и ландшафтных зонах [5; 6]. Это Аргентина с ее минимальными расходами на содержание одной коровы может себе позволить иметь удой в 2207 кг (данные за 1990 г.), а Россия иметь удои в 2731

кг (1990 г.) - не может, не имеет права. Да впрочем, и в Аргентине уже в 1996 г. удои дошли без малого до 4000 кг на корову [1].

В вопросе об использовании техники, эксперты доказывающие преимущества колхозного строя в СССР, приводят сведения о количестве тракторов на 1000 га пашни: «в СССР на 1000 га пашни было 12 тракторов, в Польше - 77, в Италии - 144 и в Японии - 476» (Кара-Мурза). Однако следует напомнить, что, если в Германии использовалось примерно 135 тракторов на 1000 гектаров - в 11 раз больше, чем в СССР – и если энерговооруженность на гектар пашни в Германии примерно в 2,5 раза больше, чем в СССР, то из этого следует, что немецкий трактор в несколько раз уступала в мощности советскому. Только 10% тракторов в Германии имели мощность свыше 80 л.с. – среднюю для СССР, а трактора маломощные использовались в хозяйствах совсем другого типа и продуктовой специализации. Что касается зерновых хозяйств европейских стран, то там тракторов использовалось примерно столько же, сколько и в СССР: 10-15 тракторов на 1000 га.

В целом страны ЕС в конце 1980-х годов являлись нетто-экспортером мяса, молока, сливочного масла, сахара, зерна. Так, на душу населения ФРГ ввозила в 4 раза больше мяса, чем СССР, а Италия даже в 7 раз больше. Еще более разительна картина сопоставления сельского хозяйства СССР и агропромышленного сектора США. Уже длительное время США являются крупнейшим экспортером зерновых и животных жиров, в стране выращивают на своей территории три четверти потребляемых фруктов, из своего сырья производят пять килограммов сахара из шести. Так, в 1986-1990 гг. США экспортировали в среднем за год 18,2 млн. т сои и 0,68 млт. т соевого масла. СССР в эти годы импортировал 1,25 млн. т сои и 0,14 млн. т соевого масла, лишь пытаясь наладить производство этой эффективной кормовой культуры на своей почве.

В 1987 году по данным Департамента сельского хозяйства США (USDA) [7] на границе Европы мировые цены на мягкую пшеницу были 88 долл./т. В СССР выращивалась в основном именно мягкая пшеница. Колхозы могли тогда выйти на мировой рынок со своим зерном по 145 руб./т, но не получали на это разрешения, тем более, что им не обменяли бы доллары на рубли по курсу раза в три выше официального. В странах ЕЭС фермеры продавали мягкую пшеницу в среднем по 198 долл. за тонну, то есть несколько дешевле - если считать по официальному курсу, чем колхозы и совхозы. Они получали прибыль лишь благодаря мерам по защите рынка.

Следовательно, оценка поддержки производителей связана и с проблемой определения обменного курса рубля для сопоставления внутренних цен и цен мирового рынка. В расчетах ОЭСР для данных до 1990 г. использовался официальный курс около 0,60 руб/долл, что давало резкое превышение внутренних отпускных цен сельхозпроизводителей над ценами мирового рынка. В результате оценка поддержки производителей составила 78%, а коэффициент помощи производителям был равен 4,52 (эффективные доходы колхозов и совхозов в 4,5 раза выше цен мирового рынка).

Но использование официального курса рубля не вполне правомерно, поскольку смысл показателя PSE состоит в оценке экономического эффекта от гипотетической замены собственного производства на импорт. Для расчетов на внешнем рынке по торговым операциям соотношение рубля и доллара с ноября 1990 г. Госбанком СССР был введен коммерческий курс 1,7462 руб./долл. США, в связи с чем в 1991 г., по данным ОЭСР, процентный PSE снизился до 60 %.

Департамент сельского хозяйства США (USDA), оценивая эквивалент субсидирования производителей по методике, аналогичной ОЭСР, использовали расчетный курс рубля к доллару по товарным операциям (для 1987 г. определен в 2,09 руб./долл.) [194]. В результате для 1987 г. процентный PSE для СССР по 15 важнейшим товарам определен в размере 25,5% (данные табл.4).

Таблица 4 Отпускные цены на сельхозпродукцию и цены мирового рынка в СССР 1987 г., руб./т (курс 2,09 руб./долл.)

	Внутренние цены производителей	Цены мирового рынка	Эквивалент субсидирования производителей
Говядина	4 652	4 489	785
Свинина	3 185	2 781	562
Мясо птицы	3 569	2 416	1 306
Молоко	432	554	-64
Масло	9 278	5 220	5 578
Сыр	5 328	4 523	1 217
Яйца	1 765	1 508	358
Хлопок	3 033	2 848	1 228
Сахар	826	384	519
Пшеница	145	171	-3

Источник: [1; 3]

Представляет интерес зафиксированное департаментом сельского хозяйства США соотношение цен внутреннего и внешнего рынка по некоторым товарам в 1987 г. Таким образом, поддержка сельского хозяйства в СССР осуществлялась, но, главным образом, за счет государственного бюджета, в том числе через субсидии потребителям. Эта поддержка сглаживала тенденцию углубляющейся нерентабельности агропромышленного сектора, что приводило в том числе и к макроэкономическим деформациям.

Вообще говоря, уровень поддержки с трудом поддается оценке. Если в количественном отношении он и отличается от уровня поддержки сельхозпроизводителей в странах ОЭСР, то скорее в большую сторону. В конечном итоге, отношение оценки суммарной поддержки сельского хозяйства к ВВП в СССР было в несколько раз выше, чем в странах ОЭСР (общая поддержка

сельского хозяйства в развитых странах сегодня не превышает 1,5% от ВВП).

Сложившаяся ситуация требовала глубинных преобразований всего сельского хозяйства, что оказалось невозможным без пересмотра большинства правил землепользования и других институциональных параметров. Лишь определенная завершенность указанных преобразований позволяет выдвигать и обосновывать модели сельского хозяйства России, строящийся на принципиально новых основаниях по сравнению с моделями его развития в СССР. Эти модели предполагают возможность не только добиться сдерживания темпов снижения рентабельности агропромышленного сектора, но и обеспечить ее повышения с опорой на интенсификацию сельскохозяйственного производства.

Примечания

1. Сельское хозяйство в России: Стат. сб. – М., 1998, 1999, 2000. – С.290, 295
2. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: постиндустриальные теории и постэкононмические тенденции в современном мире. – М.: Academia-Наука, 1998. – 640 с.
3. Berkowitz, D.M., Berliner, J.S., Gregory, P.R., Linz, S.J., and Millar, J.R. “An Evaluation of the CIA’s Analysis of Soviet Economic Performance, 1970-90»// Comparative Economic Studies, 1993, Vol. 35, pp. 33-57.
4. Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. - 728 с.
5. Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы. – М.: Наука, 1990. – 180 с.
6. Нефедова Т. Г. Пространственная организация сельского хозяйства в Европейской России // Известия РАН. Сер. геогр. 2003. № 5.
7. Интернет-ресурс www.usda.gov - Департамент сельского хозяйства США

Т.Ю. Новинская (г. Пенза, ПГТА)

К ВОПРОСУ О РЕФОРМЕ 1947 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Отмена карточной системы снабжения продовольственными и промышленными товарами в декабре 1947 г. явилась продолжением ряда мероприятий правительства, направленных на стабилизацию положения после окончания Великой Отечественной войны. Это мероприятие имело большое значение не только с экономических позиций, но и с позиций пропагандистских: отмена карточной системы

для пережившего тяготы войны населения должна была продемонстрировать силу и выносливость советской экономики.

Переход с карточной системы к свободной торговле проходил в сложных условиях, причины которых имеют как экономический характер, так и организационный.

В Пензенской области постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 13 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» стало претворяться в жизнь с 16 декабря 1947 г. Как показали первые дни открытой торговли лимиты, выделенные области, не удовлетворяли даже самых минимальных запросов трудящихся.

После отмены системы нормированного распределения продуктов, возможность приобрести их получила значительная часть населения, которая ранее не входила в пайковой контингент. Резкое увеличение спроса объяснялось также неуверенностью населения в завтрашнем дне, что порождало желание запастись продуктами впрок. К тому же, многие продукты стали источникам обогащения, так как возросли в цене на черном рынке. Поэтому, созданный переходящий запас хлеба не удовлетворял спрос населения. Чтобы выйти из создавшегося положения местное руководство использовало различные способы. Карточки заменялись отметками на пропусках. В магазинах ОРСов завода № 50, фабрики «Маяк Революции», завода № 740 продажу хлебом производили по спискам и нормам отпуска хлеба в одни руки от 300 до 700 гр.

Аналогичная ситуация складывалась в других городах области и рабочих поселках. Все организации г. Кузнецка были закреплены за определенными магазинами. Продажа хлеба и продуктовых товаров производилась по различным пропускам и справкам. Например, на обувной фабрики был определен лимит на получаемый хлеб из расчета 700 гр. на одного работающего и 300 гр. на детей и иждивенцев. Распределением хлеба на предприятии занимались начальники цехов, смен и другие инженерно-технические работники.

Просчеты органов власти в первые дни бескарточной торговли привели к паники среди населения Очереди за хлебом образовывались с 2-3 часов ночи и к моменту открытия магазинов достигали внушительных размеров. Продажа хлеба длилась максимум 3-4 часа. Значительная часть населения оставалась без хлеба.

Одновременно с сокращением количества ежедневной продажи хлеба, 25 февраля на совещании директоров магазинов в Пензторге было дано указание не продавать колхозникам хлеб. При продаже хлеба у граждан требовали предъявить паспорта. Данное распоряжение увеличило количество спекулянтов. Хлеб перепродавался на рынке по цене 12 – 15 руб. за буханку.

Начиная с 1947 г. Министерство торговли СССР систематически из квартала в квартал снижало для Пензенской области фонды на основные продовольственные товары. Например, в г. Кузнецке в декабре 1947 г. после распределения выделенного хлебного фонда на орсированных рабочих (т. е. снабжаемых через ОРСы) и членов их семей по 550 гр., рабочих, служащих, интеллигенцию, студентов, промкооператоров по 500 гр., на «прочее население» оставалось по 164 гр. Такой маленькой нормы официально не существовало даже в военное время. Эта цифра была

более чем в десять раз меньше предельной нормы отпуска печеного хлеба, установленной постановлением Совета министров СССР от 14 декабря 1947 г. «О нормах продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки».

Нормы хлеба распределялись в зависимости от занимаемого служебного положения. Так, например, председатель райпотребсоюза получал 8 кг. хлеба, а сторож только 0,5 кг

Фонды по многим продуктам на 1 и 2 кварталы 1948 г. также как и на хлеб были значительно ниже, чем при карточной системе. Фонды по мясопродуктам сократились во втором квартале 1948 г. по сравнению с третьим кварталом 1946 г. в 5,8 раз, животным жирам – в 4,6 раз, маслу растительному и сыру – в 2,5 раза, молоку – в 4,3 раза. Также, значительно сократились фонды на муку и крупу. Если в августе 1946 г. пайковый и коммерческий фонд муки составлял 6040 т., крупы – 508 т., то в апреле 1948 г. – 4650 т. и 230 т. соответственно.

Естественно, что значительное сокращение фондов по многим видам продуктов отрицательно сказалось на снабжении населения городов и районов области. Попытки решить хлебный вопрос приводили к принятию решений, которые противоречили принципам свободной торговли. Пензенский Обком ВКП(б) 25 февраля 1947 г. принял решение продажу хлеба производить только городским жителям по предъявлению прописки в паспорте. Данная мера увеличила количество спекулянтов, которые, не отходя от магазинов и ларьков, перепродавали хлеб по 20 руб. за буханку.

Объяснение этим вынужденным действиям было четко сформулировано в докладной записке в Пензенский Обком ВКП(б), датированной апрелем 1948 г.: «Незначительный лимит, который только на 4 тонны превышает карточную норму, отпускаемую нам в ноябре прошлого года, вынуждает нас часто нарушать принцип советской торговли».

В целях обеспечения рабочих и служащих хлеб распределялся по предприятиям и учреждениям города. Кроме этого, вместо продажи хлеба до 2 кг. в одни руки, как это было предусмотрено приказом Министерства торговли СССР, норма продажи была ограничена до 0,5-1 кг. Несмотря на недостаток хлеба Облторготдел при распределении лимитов руководствовался нормативами, существующими при карточной системе.

Итак, хотя карточная система официально была отменена в СССР с декабря 1947 г., основной ее принцип – нормированное распределение жизненноважных продуктов и промышленных товаров через ОРСы, заготконторы – продолжал оставаться реальностью жизни советских людей. Эти методы незаконно распространялись по инициативе населения и с санкции областного и районного руководства.

Поведение людей в условиях кризиса определялось угрозой голода. Мотивами действия местного руководства была угроза срыва производства, социального взрыва, а также самоснабжения.

Кризис снабжения был вызван не только последствиями Отечественной войны, а также экономической политикой партии и правительства. Выборка с баз на по многим продуктам и товарам первой необходимости обеспечивалась далеко не полностью.

Недостаток продовольственных товаров порождал массу негативных моментов, прежде всего, в производственном процессе. Недостаток в магазинах хлеба приводит к тому, что рабочие и служащие бросали работу и уходили занимать очереди за хлебом. Известны случаи коллективных отказов от работы по причинам необеспеченности хлебом. В июле директор завода им. Фрунзе был обеспокоен «ненормальным положением с хлебом», которое стало причиной недовольства среди рабочих завода. Причиной ухудшения торговли хлебом, по его мнению, явилось сокращение по г. Пензе отпуска в торговую сеть хлеба: «Судя по тому, что ранее ОРСу нашего завода отпускалось 26 тонн, а сейчас 23,5 тонны и особенно наблюдается наплыв за хлебом в наши магазины, расположенные в заводском районе из города и окраин его, чем создалось положение, когда рабочие в течение нескольких дней купить хлеб не могут».

Большая часть установленных послевоенных норм действовала на продолжении десятилетия и была отменена приказом Министерства торговли СССР в 1958 г. Но на часть продуктов, в том числе на хлеб и хлебобулочные изделия, нормы оставались до 1963 г., хотя и были пересмотрены в сторону увеличения.

Н.Н. Пантелеева (г. Волгоград, ВГПУ)

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ОТДЕЛОВ ЗАГС В ВЕРХНЕДОНСКИХ ОКРУГАХ (В РАМКАХ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х ГОДОВ)

Октябрьская революция 1917 г. и последующие за ней события в корне изменили складывавшийся на протяжении нескольких веков традиционный уклад жизни донского казачества. В период гражданской войны молодая советская власть стремилась заручиться поддержкой военизированного сословия, а в последствии прилагала усилия для скорейшего его включения в социальную структуру нового государства.

Свободолюбие и независимость донского казачества представляли угрозу для большевизма. Поэтому основные усилия партийной элиты были направлены на ликвидацию указанных черт (а фактически казачества как такового). Осуществление данной цели складывалось из последовательного решения нескольких задач: необходимо было разрушить бытовой хозяйственный уклад, идеологию казачества как военно-служилого сословия, видоизменить устои духовной жизни – православной веры.

Работа велась сразу по всем направлениям, но именно уничтожение религиозности встречало жесточайшее сопротивление. С одной стороны, это объяснялось тем, что уже с момента появления донского казачества его обязательным атрибу-

том становиться принадлежность к православному вероисповеданию [1]. С другой стороны, с течением времени православие стало выступать не только духовной традицией, но и своего рода обоснованием миссии казачества на земле. Учитывая сложившуюся ситуацию, советская власть стремилась к скорейшей разработке методов разрушения православных основ мировоззрения донского казачества.

В целом, антирелигиозная политика, реализовывалась по следующим направлениям: подрыв экономической и политической мощи церкви; ослабление идеологического влияния церкви на население; снижение её доминирующей роли в урегулировании общественных отношений.

В свете воплощения в жизнь данных направлений одним из первых 18 декабря 1917 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, детях и о ведении книг актов состояния, а 16 сентября 1918 г. вступил в силу Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве [2] . В соответствии с этими документами у религиозных организаций изымалось ведение метрических книг, которые переименовывались в книги записи актов гражданского состояния, а работа по их заполнению возлагалась на государственные органы. Отделы записей актов гражданского состояния учреждались трех видов: Центральный, окружной и местный (при волостных и городских, а в крупных городах – при районных Советах депутатов) [3]. Факт рождения, смерти, брака, опеки, и т. д. необходимо было регистрировать в установленном порядке в данных отделах. Действительным признавался только гражданский (светский) брак. Церковные или религиозные браки, заключенные до 20 декабря 1917 года имели силу зарегистрированных браков и не подлежали перерегистрации.

Однако, несмотря на вступление в силу указанного Кодекса, советское правительство, вплоть до середины 20-х гг., не смогло наладить должного функционирования создаваемых отделов ЗАГС. Существенным препятствием оказалась захватившая Донскую область Гражданская война. Казачество, разделилось на два непримиримых лагеря, пытавшихся конфронтацией заглушить страшные последствия первой мировой войны, голод, разруху.

В подобных условиях ни о какой последовательно проводимой антирелигиозной политике на местах, не могло быть и речи. На время она отошла на второй план, сохранив практику, на период с 1917 по 1919 гг., совершения церковных обрядов, что и подтверждается документально. Так в Государственном архиве Волгоградской области нами обнаружено прошение казака Георгия Ивановича Никитина от 28 февраля 1918 года. Он просит разрешения у Хоперского окружного ВРК на венчание с вдовой племянника, так как «…раньше в подобных случаях требовалось разрешение архиерея, но в настоящее время к архиерею проихать [4] нет возможности, а священник соглашается совершить брак ежели на то будет предложение со стороны Хоперского Окружного Военно-революционного комитета…» [5]. Хоперский окружной ВРК положительно ответил на данный запрос, невзирая на то, что в стране уже два месяца действовал декрет, фактически запрещающий венчание в церкви. Следует отметить, что не последнюю роль в принятии данного решения играли казаки, которые входили в состав Хоперского окружного военно-

революционного комитета. Они не могли занять другою позицию, будучи воспитаны в православных традициях.

Постоянно действующие отделы ЗАГС появились на территории верхнедонских округов только в начале 1920 г., но до середины 20-х годов их деятельность оставалась непродуктивной. Причин этому было много. Одна из них становиться ясной из доклада о деятельности управления 2-го Донского округа от 16 февраля 1920 г. «…Подотделы ЗАГС организованы при всех станичных и волостных исполкомах, но работают они слабо, ввиду неимения точных инструкций и отсутствия опытных работников. Вообще же ход всей работы по отделу управления тормозиться почти полным отсутствием, как политических, так и технических работников» [6]. Подобные отчеты приходили практически из каждой станицы. На практике организовать работу отделов ЗАГС оказалось очень трудно, тем более что никаких дополнительных разъяснений по решению возникающих затруднений верховная власть не предоставляла. Ощущалась острая нехватка в специализированных работниках (регистраторах). Подобной профессии не существовало, а, следовательно, обучить работника было негде. В силу этого на должность регистратора назначался человек, владеющий, зачастую, лишь элементарными навыками чтения и чистописания.

Значительную роль в неприятии нововведений играло и мировоззрение донского казачества. В апреле 1920 г. сотрудники районных подотделов записей актов гражданского состояния обратились к приходским церквям с требованием о передаче метрических книг. Одновременно, понимая задачу ослабления влияния церкви на повседневную жизнь населения, были потребованы и церковные печати, как символ церковного делопроизводства. Однако Донской Епархиальный Совет добился признания такого распоряжения необдуманным, и указал, что изъятие церковных печатей «….при тесной фактической связи у верующих гражданской и церковной сторон….» [7] сделает неизбежным конфликт между советской властью и казачеством.

Подобная связь подтверждается и тем, что после регистрации смерти, рождения, брака и т. д. в отделах и подотделах ЗАГС, казаки шли в церковь для исполнения церковного обряда. Данные факты фиксировались и подводили советских и партийных работников, к выводу о необходимости планомерной агитации среди населения. В ноябре 1920 года создаются уездные комиссии по отделению церкви от государства и школы от церкви [8]. Антирелигиозная борьба являлась приоритетным направлением их работы. Организовывалось проведение публичных дискуссий, «разоблачающих реакционную сущность религиозной идеологии», распространялась антицерковная литература и т. д. Параллельно с этим, начальник Политуправления Реввоенсовета Республики в секретном циркуляре № 411 от 5 июля 1921 г. объявлял переживаемый момент менее всего пригодным для ударной антирелигиозной борьбы и призывал партийные и советские организации к осторожным действиям по отношению к религиозным объединениям [9].

В целом, 1921 – 1922 гг. ознаменованы новым витком обострения государственно-церковных отношений в связи с кампанией изъятия культового имущества в помощь голодающим [10]. В это время советская власть не осуждала и насильст-

венные методы работы. Попытки священнослужителей вернуть утраченные позиции в сфере гражданских отношений сразу же пресекались. В циркуляре № 2 Царицынской губернской комиссии по отделению церкви от государства и школы от церкви, указывалось на недопустимость представителями всех религий и вероисповеданий «...объявлять поруганием религии акты прекращения гражданами их брачных союзов, произведённых по обоюдному соглашению супругов и санкционированных государственной властью...» и «...объявлять преступниками... подвергать церковному проклятию (*граждан*), что они в области брачного права не сочли возможным соблюсти требования старых царских законов...» [11]. Кроме того, комиссия предупреждала о незаконности подобных действий и об ответственности священнослужителей перед Народным Революционным судом в случае нарушения положений циркуляра.

Часть священнослужителей, в силу различных причин, действительно выполняла предписания советской власти, однако большинство населения не могло, даже под давлением, в столь короткие сроки, отказаться от традиции освещения важнейших событий своей жизни в церкви. Отношение к ЗАГСам во многих станицах и волостях оставалось негативным. В докладе Отдела Управления 2-го Донского округа за январь 1923 г. прямо указывалось, что «...отношение населения к регистрации актов гражданского состояния недоброжелательное, исполняют, как всякую иную повинность и только потому, что за невыполнение привлекают к ответственности и ещё для того, что без регистрации некоторые представители религиозных культов не совершают церковного религиозного обряда, а нормальным актом брака, рождения и смерти 85% населения считают церковный...» [12].

Все же, невзирая на вышеозначенные трудности введения в повседневную жизнь отделов ЗАГС необходимо признать, что к середине 1920-х годов большевикам удалось устранить некоторые из них. Власти сумели наладить функционирование ЗАГСов в удовлетворительном режиме, чему способствовала разработка четкой системы действий по предупреждению и разрешению возникающих конфликтов:

Во-первых, установилась взаимосвязь контролирующих и подотчетных органов. Например, предусматривался ежемесячный анализ отношения населения к отделам ЗАГС с целью своевременной ликвидации негативных настроений казачества. Каждое полугодие в окружной исполнительный комитет надлежало подавать отчет статистических данных, повествующих о количестве зарегистрированных актов гражданского состояния.

Во-вторых, помещения, в которых располагались отделы ЗАГС, приказывалось отремонтировать, заменить старую мебель, создать обстановку торжественности и праздника, что должно было привлечь людей.

В-третьих, политика направленная на изъятие культовых ценностей, колоколов, а затем и на ликвидацию церквей, постепенно «обезоруживали» церковь и её служителей. Разрушалось традиционное восприятие русской православной церкви как всемогущего владыки земли русской и хранителя божественных таинств.

В-четвертых, значительное сокращение численности населения округов в период Гражданской войны, накладывающееся на проводимую политику советской

власти, переориентировали оставшуюся часть старшего поколения казачества с позиции острой конфронтации на позицию соглашательства и «наименьшего сопротивления». С середины 20-х годов все реже встречается недовольство по поводу запрещения церковных обрядов и передачи метрических книг в ведение отделов ЗАГС.

Для молодых казаков существующее положение церкви стало естественным. Декреты 1918 г. воспринимались как свершившийся факт, и поэтому реакция на их осуществление была менее болезненной. Именно молодежь, в конечном итоге, позднее составила костяк организаций, которые проводили жёсткую и бескомпромиссную антирелигиозную кампанию.

Тем не менее, несмотря на некоторые успехи в деле вытеснения православия из жизни казачества, большевикам так и не удалось полностью видоизменить устои духовной жизни. На наш взгляд, можно говорить только о трансформации православной идеологии донского казачества свершившейся к середине 1920-х годов. Это положило начало решению заведомо невыполнимой задачи – полной ликвидации основ православия казачества в короткие сроки.

На сегодняшний день, вопрос организации отделов ЗАГС, остаётся недостаточно исследованным. Так, пока не проведена работа по выявлению соотношения количества совершенных церковных обрядов до 1917 г. и зарегистрированных актов гражданского состояния в послереволюционный период, что позволило бы более четко дифференцировать отношение казачества к мероприятиям проводимым большевиками в церковной сфере. Также нечетко определено восприятие церковнослужителями антирелигиозной политики 20-х гг., что могло бы помочь выделить группы служителей культа основываясь на принципе различного отношения к данной политике и проследить их дальнейшую судьбу.

Примечания

1. Загорулько М. М. Религиозный перекресток в Нижнем Поволжье: к истории вопроса // Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке. Сб. документов и материалов: Каталог культовых зданий / под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград, 2002. – С. 4.

2. Хрестоматия по истории Отечественного государства и права (послеоктябрьский период) / под ред. О. И. Чистякова. – М., 1994. – С. 33.

3. Там же. – С. 35.

4. Так в документе.

5. К обыску № 22-му 1918 г. В Хоперский окружной ВРК // Государственный архив Волгоградской области (далее ГАВО), Ф. Р-2534. Оп. 1, Д. 13. Л. 28-30 Об.

6. Доклад Отдела управления 2-го Донокруга // ГАВО, Ф. Р-291. Оп. 1. Д. 5. Л. 59/а Об.

7. Донской Епархиальный Совет. № 5174. В Донской Областной Исполнительный Комитет 04. 09. 1920 г. // Государственный архив Ростовской области, Ф. Р-97, Оп. 4, Д. 52, Л. 57-58.

8. Редькина О. Ю. Религиозная ситуация в регионе в 1917-1986 гг.: по материалам архивов Волгоградской области // Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке. Сб. документов и материалов: Каталог культовых зданий / под ред. М. М. Загорулько. – Волгоград, 2002. – С. 17.

9. Там же. – С. 19.
10. Там же. – С. 21.
11. Циркулярно № 2. Всем гражданским, военным чрезвычайным, административным правительственным учреждениям Царицынской губернии. Декабрь 1920 г. // ГАВО, Ф. Р. 122, Оп. 1, Д. 542, Л. 2.
12. Доклад о деятельности Отдела Управления Окружного Исполнительного комитета 2-го Донского округа Царицынской губернии за январь 1923 г. // ГАВО, Ф. Р. 122, Оп. 1, Д. 505, Т. 2, Л. 80.

В.Н. Паршина (г. Пенза, ПГПУ)

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Развитие социально – гуманитарного знания поставило на повестку дня вопроса о необходимости категории, которая бы способствовала более глубокому осмыслению деления человеческого бытия на мужское и женское. Испытаниям подвергаются и, казалось бы, привычные модели взаимоотношений между мужчинами и женщинами. Рост интереса к этой проблеме выразился в появлении новой отрасли социального знания – гендерных исследований, развитие которых в нашей стране заставляет определиться, в какой степени их установки могут быть применены к российской цивилизации.

Логику «изобретения» нового понятия можно реконструировать следующим образом. Деление человечества на две социальные группы (мужчин и женщин), их различий в социальном плане связаны с биологическими различиями, с половой конституцией, с телесностью, но не определяются непосредственно ими. Особенности взглядов на женщину, половое разделение труда, отношение полов к правам собственности, политические и юридические права, индивидуальные возможности в образовании, в профессиональной деятельности, в доступе к власти – эта дифференциация не может быть объяснена исключительно биологическими различиями мужчин и женщин. То есть, остается некий фактор, который и получает название гендер. Таким образом, гендер был интерпретирован как социокультурный конструкт, который общества надстраивает над физиологической реальностью.

«Женская тема» заявила о себе во второй половине Х1Х века. Старая народная мудрость бытовавшая в российском общественном мнении присутствовала и в европейских странах, что «внешний мир» принадлежит мужчине, а место женщины дома, задавала целостную культурную модель, всеобщий образ, который, как и все ему подобные, помогая как то упорядочить жизнь, придавало смысл хаотичной и запутанной действительности, воспринимать и толковать переживаемые события, выстраивать линию поведения.

Будущее модернизационных процессов в пореформенной России зависело, прежде всего, от системности реформационных начинаний. Одной из составляющих успеха являлось проникновение во все сферы жизнедеятельности общества и утверждения в качестве господствующей идеологии либерализма. В этом контексте следует рассматривать и проблему равноправия в российском обществе, в том числе и равноправия полов.

Одним из самых спорных моментов в этом отношении была проблема женского образования: и в смысле оценки равноправия интеллектуальных способностей женщины и мужчины, и в плане оформления представления о роли женщин в жизни общества.

Идеологи консервативного дворянства, защищающие традиционно-патриархальные устои общества доказывали незыблемость существовавшей семьи и семейно-брачных отношений, невозможность установления равноправия мужчин и женщин во всех сферах жизни, в том числе в сфере образования.

Неравноправие женщин с мужчиной в области образования, как и в других сферах жизни, было закреплено законодательно. Строго придерживаясь принципа узкосословного и ограниченного образования для женщин, государство требовало воспитания девочек в духе верноподданичества престолу и православию. Путь к образованию женщин из привилегированных сословий пролегал через закрытые учебные заведения, которые готовили «благородных девиц» к деятельности в узкой сфере семейных обязанностей.

Закрытые женские учебные заведения для девочек, созданные по сословному принципу, не могли охватить растущую потребность женщин в образовании. К 1853 году существовало только 25 женских институтов, в которых обучалось только 4187 человек. Ничтожно мало было число женщин из народа, которым удавалось окончить одногодичные приходские школы. Например, во всей Пензенской губернии (средней по уровню женского образования) на 1453 крестьянки государственной деревни приходилась одна учащаяся.

Передовые слои общества энергично выступили за демократизацию школы и решением проблемы женского образования, как необходимого условия прогрессивного развития страны. Одним из первых заявил о необходимости разработки гуманистической концепции «женского вопроса» в России Н.И.Пирогов. Его статья «Вопросы жизни», вышедшая в июле 1856 года в журнале «Морской сборник», заставила задуматься интеллигенцию о главных вопросах воспитания, образования, о роли женщины в развитии общества.

Весьма распространенными в русском обществе середины XIX века были взгляды на женщину, прежде всего как на воспитателя молодого поколения, и для того, чтобы ее предназначение, соответствовало задачам современного развития общества, предполагалось перестроить всю существующую систему воспитания и образования.

Самую радикальную для своего времени концепцию решения вопроса о роли женщины вообще и ее образования в частности продолжили революционеры – демократы В.Г.Белинский, А.Ф.Герцен, Н.А.Добролюбов, А.Г.Чернышевский.

Они убедительно показали, что взгляд на женщину как на существо низшее, не полноценное, неспособное к умственной деятельности и к активному участию в общественный жизни наравне с мужчиной есть грубое извращение действительности. Общая гуманистическая постановка вопроса о женском образовании нашла свое отражение и в провинциальной печати.

Наибольшие осуждение в публицистике 1850 – 1860 годах вызывало существование закрытых учебных заведений для девушек и отсутствие возможности для непривилегированных сословий получить образование.

Т.О., в общественном мнении середины XIX в. относительно вопроса о женском образовании проявлялись противоречивые тенденции. С одной стороны нежелание вовлекать женщин посредством образования в сферу общественной жизни, а с другой стороны возложение на женское образования дополнительных функций профессионально-педагогического образованию. При этом официальная педагогика стремилась обеднить содержание женского образования.

Передовые деятели просвещения добивались устранения препятствий на пути развития женского образования. Большое влияние на общественно-педагогическое движение оказывали идеи о равноправии женщин, выдвинутые русскими революционными демократами: В.Г. Белинским, А.Ф. Герценом, Н.А. Добролюбовым, А.Г. Чернышевским. Их идея о том, что знания не являются для женщин самоцелью, а нужны ей для пользы общества, для служения народу, становятся лозунгом борьбы за демократизацию системы образования.

В.А. Плоткин (г. Кузнецк, КИИУТ)

ИССЛЕДОВАНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА И СТАРОРУССКОГО СЕКТАНТСТВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ОКТЯБРЬ 1917 – 1991 гг.)

Октябрьская революция 1917г. прервала либеральную линию в отечественном сектантоведении, многие дореволюционные исследователи начали рассматриваться исключительно как идейные противники, их труды игнорировались. К сожалению и сегодня большинство этих трудов незаслуженно обходятся вниманием, так как многие исследователи обращаются, прежде всего, к религиозным философам прошлого.

Советский этап исследования старообрядчества и сектантства весьма не однороден. Период с октября 1917 года до Великой Отечественной войны характеризуется приверженностью к идеологическим догмам в духе «воинствующего атеизма». Его начало относится еще к дооктябрьскому периоду, когда В.И. Ленин, разделяя атеизм Маркса, сформулировал главную установку партии «нового типа» по отношению к религии. Как известно сам В.И. Ленин не занимался изучением хри-

стианских или иных конфессий, но идеология атеизма, активным сторонником которой он был, естественно, сказывалась на работах многих советских исследователей.

Отношение большевиков к старообрядцам и сектантам до революции 1917 года и после нее существенно отличается. Так как деятельность большевиков до 1917 года была направлена на подготовку к революции, то на первом плане оказались поиски союзников по борьбе с самодержавием и его «прислужницей» православной церковью. Отсюда специфический интерес к сектам: «Известен рост в крестьянской среде сектантства…, а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития. Наличие революционных элементов в крестьянской среде не подлежит, таким образом, никакому сомнению» [1]. Исходя из этого II съезд РСДРП принял Ленинскую резолюцию – «Принимая во внимание, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических движений, II съезд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантства в целях привлечения их к социал-демократии» [2]. Уже эта формулировка – «во многих проявлениях» - требовала конкретного анализа различных форм сектантства. В этот период В.И. Ленин решительно выступал в защиту свободы совести, против «инквизиторской травли сектантов» [3].

Изучением сектантства занимался ближайший соратник В.И. Ленина В.Д. Бонч-Бруевич. Он последовательно пересмотрел православные концепции сектантства и заложил основы марксистского сектантоведения в России. В.Д. Бонч-Бруевич отверг миссионерское определение сектантства, как уклонения от православия и постоянно подчеркивал социальную обусловленность сектантства. Он разработал свою классификацию сект, противопоставляя ее общепринятому делению сект на «мистические» и «рационалистические». Первую группу образуют «свободомыслящие» сектанты – «хлысты, духоборцы, молокане, малеванцы, новоштундисты, иеговисты, толстовцы и многочисленные ответвления этих оформившихся сект» [4]. По его мнению, эти сектанты «допускают и рекомендуют свободную критику всего, ничего не ставя из окружающего их мира вне контроля собственного разума» [5]. Ко второй группе – «евангеликам», он относил баптистов, пашковцев, евангелистических христиан и их ответвления, то есть пришедшие с Запада секты протестантской направленности. Данная группа «вносит во все свои представления и понятия строгую зависимость от буквы священного писания», [6] а «от их прежнего революционного духа осталось только иносказательное толкование Библии и Евангелия» [7].

Новая обстановка, сложившаяся после октябрьской революции наложила свой отпечаток как на положение религии в целом, так и на сектантоведение. Главной становится установка скорейшего «научного изживания» религии и церкви. Любые формы религии начинают рассматриваться как несовместимые со строительством социализма. По этому поводу один из большевистских лидеров Н.И. Бухарин доказывал: «Антирелигиозный фронт кричаще виден как фронт классовой борьбы» [8]. В вопросах религиоведческого плана слабло влияние Бонч-Бруевича, и на его место вышел Е.Ярославский, председатель Антирелигиозной комиссии

Политбюро ЦК (1922-1929), который координировал всю репрессивную и пропагандистскую деятельность против религии. О его взглядах говорило высказывание: «В лице всех и всяких религиозных организаций мы имеем непримиримых врагов социализма» [9]. В 1925 году создается Союз воинствующих безбожников, который выдвигает лозунг: «Борьба с религией – борьба за социализм!», предложенный Л.Д. Троцким еще в 1922 году [10].

На смену либеральным исследователям приходят «красные профессора», отличительный признак которых, по словам Н.И. Бухарина заключается в том, что «мы его (профессора) обрабатываем, превращаем в определенную машину, которая заправлена определенным материалом и будет функционировать в определенном… духе» [11].

Весьма показательно Совещание при Агитпропе ЦК ВКП(б) в апреле 1926 года, принявшее тезисы «Сектантство и антирелигиозная пропаганда». В них делается вывод о «реакционной роли, которую играет сектантство в целом».(12) Данное Совещание засвидетельствовало появление нового авторитета в области сектантоведения Ф.М. Путинцева, опубликовавшего серию статей, позже обобщенных в книгу «Политическая роль сектантства» (1928). В 1935 году Ф.М. Путинцев опубликовал свою главную работу «Политическая роль и тактика сект», которая долгое время считалась эталоном исследований в духе атеизма. Книга содержит много, несомненно, важных документов, но сам автор идет не по пути их научного исследования, а рассматривает секты как непременно враждебные организации. Во введении он формулирует главную идею работы: «И только беспечностью и притуплением классовой бдительности у отдельных работников можно объяснить случаи оживления деятельности проповедников в некоторых районах» [13].

В начале 30-х годов главные сектантские объединения разгоняются, а их лидеры подвергаются репрессиям. В то же время литература по сектантству становится, в основном, уже не исследовательской, а атеистически пропагандистской.

Выделяется из общего уровня исследователей названного периода крупный религиовед Н.М. Никольский. В своей работе «История русской церкви» [14]. Никольский анализирует причины появления раскола, и, самое главное он не рассматривает староверов как однозначно реакционную, невежественную толпу. Он характеризует старообрядчество как «…оригинальное социально-религиозное движение, многогранное по своему социальному составу и разнообразное по своей идеологии» [15]. Исследования Никольского вызывали и вызывают много споров, доктор исторических наук А.И. Клибанов так отозвался о работах Никольского: «Не будет преувеличением сказать, что в свое время труд Никольского именно новизною рассматриваемых им проблем и самим стилем мышления и изложения не только обогатил советскую историческую науку, но и наметил дальнейшие пути изучения истории церкви, послужил стимулом к этому» [16]. Другую точку зрения высказывает А.В. Карташев: «Большевики в лице Никольского нашли искреннего исполнителя социального заказа для очернения и унижения русской церкви. Эта книга Никольского – не история и не научный труд, а грубая безбожная «агитка»… сплошной карикатурный анекдот о «реакционном разложении церкви». …иллюстрации карикатурных форм религии вообще и русского сектантства в особенности» [17].

В действительности можно согласиться с обоими мнениями – Никольский профессиональный историк использует большое количество источников, которые грамотно анализирует и сопоставляет, поэтому «История русской церкви», безусловно, научный труд, но так же, безусловно, очень зависимый от «социального – заказа» советской власти.

Во время Великой Отечественной войны гонения на церковь ослабли, в 1943 г. была восстановлена Московская Патриархия, открыты духовные семинарии и академии. Однако уже в 1954 году выходит Постановление ЦК КПСС об усилении атеистической работы, положившее начало очередной антирелигиозной кампании. В 1955 году выходит брошюра бывшего чекиста и бывшего секретаря Антирелигиозной комиссии Е.А. Тучкова «Сектантство и идеология», где автор научно - просветительским языком популяризирует установки Постановления ЦК КПСС, доказывая, что «…изменилась позиция руководства сект, но идеология религиозного сектантства не изменилась. Она остается антинаучной, чуждой и враждебной интересам коммунистического строительства» [18].

В период «оттепели» значительно повышается интерес к религиоведческим проблемам, причем интерес становится хотя и не свободным от атеистической направленности, но все же подлинно научным. В 60-е гг. был создан Институт научного атеизма АОН при ЦК КПСС с многочисленными филиалами, кафедрами, лекторскими группами и т.д. Работники института понимали, что даже антирелигиозная пропаганда должна опираться на достоверные знания, поэтому они проводили экспедиции, полевые исследования, социологические опросы, изучали рукописи и иные источники. В результате создалась группа сектантоведов, представители которой сопоставляли различные точки зрения, в научный оборот вводили новые источники, накапливали позитивные знания, укрепляя атмосферу научного поиска. Особое место среди сектантоведов этого периода можно отвести А.И. Клибанову, ученик проф. Н.М. Моторина, друг В.Д. Бонч-Бруевича, он сумел изучить все лучшее, что было накоплено в отечественном сектантоведении, и создать фундаментальные труды, как по истории, так и по современному ему состоянию Российского сектантства. Прежде всего, это такие книги, как «История религиозного сектантства в России (60-е гг. 19 века – 1917г.)», «Религиозное сектантство и современность» [19]. А.И. Клибанов рассматривал сектантство как совершенно конкретное по своим хронологическим рамкам и социальной природе реформационное движение, имеющее внутреннюю логику развития, обусловленную сменой общественно-экономического уклада.

Таким образом, для советского периода историографии была характерна эволюция от «воинствующего атеизма» с его отходом от научности в анализе любых проявлений религии, к постепенному послаблению идеологического давления на исследователей – религиоведов. В результате в 60-е, 70-е годы XX века выработались такие положительные для научных исследований черты, как анализ социально – экономической обусловленности сектантства, рассмотрение социальной базы того или иного толка в старообрядчестве. Для исследований данного периода характерно привлечение широкого круга источников: рукописей, переписки сектантов, старообрядческих книг. Для выявления определенных черт мировоззрения старо-

обрядцев и сектантов использовались социологические опросы и тщательно записываемые беседы.

Вместе с тем, существенным недостатком исследований данного периода является их идеологизированность, непримиримость к любым религиозным проявлениям старообрядцев и сектантов, однозначный взгляд на них, как на некую реакционную группу.

Примечания

1. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. - Т. 4. - С. 228.
2. Там же. - Т. 6. - С. 431.
3. Там же. - Т.5. - С. 337.
4. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. - Т.1. О религии, религиозном сектантстве и церкви. - М., 1959. - С. 165.
5. Там же - С. 164.
6. Там же.
7. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные сочинения. - Т.1. О религии, религиозном сектантстве и церкви. - М., 1959. - С. 311.
8. Бухарин Н.И. Реконструктивный период и борьба с религией. Речь на II Всесоюзном съезде безбожников// Революция и культура. - 1929. - №12. - С. 4.
9. Ярославский Е . О религии. - М. 1957. - С. 209.
10. Троцкий Л.Д. Положение республики и задачи рабочей молодежи// Троцкий Л.Д. Соч. - Т.XXI. - М., 1927. - С. 313.
11. Бухарин Н.И. Дискуссия по вопросу о постановке культурной проблемы// Спутник коммуниста. - 1923. - №19. - С. 119.
12. Коммунистическое просвещение. - 1926. - № 5. - С. 34.
13. Путинцев Ф.М. Политическая роль и тактика сект. - М., 1935. - С. 10.
14. Никольский Н.М. История русской церкви. - М., 1931.
15. Там же. - С. 248.
16. Клибанов А.И. Русское православие: вехи истории. - М., 1989. - С. 6.
17. Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. - М., 1996, - Т. 2. - С. 384.
18. Тучков Е.А. Сектантство и его идеология. - М., 1955. - С. 5.
19. Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-егг. 19 века – 1917г.) - М., 1965. Религиозное сектантство и современность. - М., 1969.

А.М. Подлужная (г. Пенза, ПГПУ)

СВОБОДА СЛОВА В РОССИИ В 1907 – 1914 гг.: ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ПОТРЕБНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Развитие научно – технического прогресса ведет к качественным изменениям в экономике, к развитию капитализма, концентрации производства, а это в свою очередь порождает в обществе новые формы организации, бытия, общения людей. Складывается качественно новое сообщество людей, тесно связанных местом постоянного жительства и формированием особых «городских отношений», пронизывающих все сферы жизни населения. В такой среде человек находится под действием толпы.

Определяют характер XX столетия пришедшие в движение массовые социальные пласты человечества и «утысячеренная душа». Это порождает изменения как в составе аудитории журналистики, так и в характере информационной службы общества, что способствует интенсивному развитию журналистики и определяет ее качественно новую роль в жизни человека. С началом XX века усиливается процесс политизации социальной жизни общества. Все это обусловило то, что русская журналистика в начале XX столетия переживает свой серебряный век, пору расцвета: растет количественно и качественно.

В новом столетии верховная власть в России, органы управления обществом, в том числе цензурное ведомство, оказались не готовыми к решению тех проблем, которые непомерно нарастали. Цензура должна была функционировать в условиях постоянного и быстрого увеличения объема и диапазона информации, развития ее новых форм и средств доставки и распространения, интенсивного роста числа потребителей этой информации. Неготовность к сдерживанию и контролю за нарастающей информационной гласностью приводит к осуществлению действий, противоречащих провозглашаемой политике. Государство было не готово дать волю теориям и установкам, отрицающим существующие порядки в стране, так как оно понимало, что это опять может подтолкнуть определенные слои общества к революционной реакции.

Послереволюционный период истории России был назван его современниками «обновленным строем». Именно это время становится расцветом русской журналистики, который был подготовлен развитием капитализма во всех сферах общества. В России на протяжении всего исследуемого периода в печати, на различных форумах, в Государственной думе происходили дискуссии о свободе слова и печати, шла борьба с цензурой. В Министерстве внутренних дел активно обсуждался новый закон о цензуре.

В годы первой российской революции, как следствие политической активизации жизни общества и ослабления цензурных ограничений, наблюдается резкий рост числа новых газет.

Но на деле происходили события, свидетельствующие об обратных явлениях, возникают противоречия между официальной пропагандой государственных органов и проводимой ими же политикой. Уже после разгона II Думы законы о печати были полностью отменены, так как повсеместно объявлялись «чрезвычайные усло-

вия» и вводилось в действие «положение о чрезвычайной охране», по которой печать отдавалась в полное распоряжение губернаторов. Обязательные постановления были приняты в С-Петербурге, Москве, Казани, Пензе, Симбирске, Саратове, Табольске и др. Таким образом, по стране начинают распространяться циркуляры, содержащие списки запрещенных местными судебными палатами, комитетами и должностными лицами по делам печати книг, газет, журналов. Так, например, Определением Московской Судебной палаты от 26 августа 1911 г. утвержден арест, наложенный нижегородским инспектором по делам печати на брошюру Тарасова «Эволюция русской социалистической мысли» (Н.– Новгород, 1906 г.). Архивные данные говорят о том, что в этот период циркуляры со списками запрещенных изданий поучили распространение по всей России, не была исключением и Пензенская губерния. Со временем начинают появляться «Алфавитные указатели книгам и брошюрам, а также нумерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями», которые первоначально издаются ежеквартально, а с марта месяца 1914 г. начали издаваться при «Книжной летописи» и рассылаться начальникам губерний еженедельно. Часто арест сопровождался возбуждением судебного процесса, следствием чего являлось уголовное наказание.

Несмотря на то, что можно говорить об ослаблении внутренней цензуры и к иностранным публикациям, произведениям после революции 1905 – 1907 гг., она стала менее строгой, появлялось множество постановлений об их аресте и запрещении. Сохраняется практика найма евреев для цензуры изданий на еврейском языке, спросом также пользовались цензоры со знанием польского, украинского, балтийских, среднеазиатских языков.

Возникновение буржуазно – помещичьих партий и политических группировок повлекло за собой появление общественно – политических газет от либерального до монархического толка. Растет число так называемых «капиталистических» газет, то есть газет, связанных с крупным капиталом, в них содержалось некоторое противоречие, которое выразилось наиболее ярко в газете «Новое время». Данное издание являлось политическим рупором черносотенно – дворянских элементов и распространялась, в первую очередь, в чиновно – бюрократических кругах, таким образом, наблюдается противоречие между формой издания и ее идейно – политической позицией. С вступлением России в полосу империализма крупная буржуазия все чаще обращается к прессе для пропаганды и отстаивания своих интересов и целей, пытается использовать печать для разложения революционного движения рабочего класса, крестьянства. При этом подвергаются запрещению издания и публикации, способствующие, по мнению администрации, нарастанию революционного настроения в стране. Запрещены, например были произведения К.Маркса и Ф. Энгельса «Буржуазия, пролетариат и коммунизм» (Одесса, 1905 г.), «Процессы Веры Засулич. (Суд и после суда)». (СПб), А.И. Куприн «Анаеема», Л.Н. Толстой «Не могу молчать (О смертных казнях)» и т.д.

Чтобы оправдать свои действия, власть все чаще стала практиковать в мирное время разновидность военной цензуры, объявляя «чрезвычайные условия» в том или ином регионе и вводя в действие «положение о чрезвычайной охране», когда все вопросы о цензуре решались губернатором или градоначальником. Местные

чиновники действовали по своему усмотрению, без всякого контроля, что вело к крайнему субъективизму при цензуровании. Властные структуры искали повод вернуться к жестким мерам в области цензуры, таковым явилось начало в 1914 г. Первой Мировой войны. «Временное положение о военной цензуре» было подписано на следующий день после начала войны, 20 июля 1914 г., то есть оно готовилось заранее.

Задачи, определяющие дальнейшую судьбу политического режима не позволяли реализовать обещанной свободы слова и печати, а разрабатываемый новый закон о цензуре должен был стать в дальнейшем еще большим гнетом для печати и издательства в России, для поступающей иностранной литературы. Запретительный характер правительственной политики был направлен, главным образом, против наиболее радикальной – социалистической печати, а, следовательно, против радикальных политических организаций, которые в массовом порядке вербовали своих сторонников. Многие газеты и другие периодические издания выходят из-под контроля государства и попадают под опеку крупного капитала, что, в свою очередь, позволяет пропагандировать мировоззрение, оппозиционное официальному. Несоответствие между проводимой государством политикой в сфере печати и объективными задачами общественного развития, опосредованными общим ходом модернизационных процессов, становится одним из факторов радикализации массовых настроений в империи.

В. В. Сергеев (г. Кузнецк, ККЭТ)

ИЗ ИСТОРИИ КОЛОНИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ КУЗНЕЦКОГО КРАЯ В 18 ВЕКЕ [1]

В конце 17 начале 18 века начинается активное освоение территории края. К этому времени «…должно быть отнесено возникновение, по крайней мере, 75 сел и деревень» [2]. Промышленности России, переживавшей настоящий скачок, требовался постоянный приток, растущих объемов энергоресурсов, металлоизделий, лесных материалов, других полупродуктов и продовольствия из менее развитых и неосвоенных регионов государства.

Задача нашего исследования – анализ некоторых аспектов экономического освоения края и транспортного обеспечения грузопотоков на его территории.

Экономический потенциал края определялся значительными массивами леса. В.И. Лебедев в книге «Легенда или быль» писал: «…по верхней Суре, где река с «Сурской шишки» течет на запад и принимает в себя воды притоков Шкудима, Катмиса, Труева, Кадады, Узы обозначен на «Ландкарте Пензенской провинции»,

«годный сосновый лес к транспортным судам», а также «годный дубовый лес к корабельному строению» [3].

Историк и краевед Ф.Ф. Чекалин ссылается на документ, из которого следует, что в 1708 году пространство между верхней частью реки Кадады и притоком Каслеем «…никем тогда еще не населенное и представлявшее «раменный лес Донгуслей» который изобилует красными и черными лесами» [4].

А.А. Гераклитов в монографии приводит документ об отказе земли в 1689 году с точным месторасположением «…подле красного Кудадеевского лесу и до речки Кудодею речкой Кережимом вверх по обе стороны подле черного Кережимовского лесу…» [5].

Край располагал лесами с заповедными породами. К данной категории относятся годные для кораблестроения материалы: дуб, клен и сосна в отрубе 12 вершков и более [6]. Лес был главным источником энергоносителей (дрова, древесный уголь), а также продуктов и полупродуктов различных производств (поташ, смола, деготь, пенька). В начале 19 века, даже после жесткой вековой эксплуатации, площадь лесных массивов составляла 49,4% всей территории Кузнецкого уезда [7].

Наибольший интерес для исследования представляет промыслы, характер которых имел ярко выраженный рыночный характер–заготовка лесоматериалов, винокурение, судостроение, металлообработка.

Первопроходцем в освоении лесных богатств, края по праву можно считать боярина Нарышкина В.Ф. В 1690 году он получил вотчину в Узинском стане Пензенской провинции с. Торуево. Одновременно, боярину Л.К. Нарышкину пожалованы семь железных заводов в Каширском, Тульском, Алексинском уездах после смерти голландца Марселиса [8].

Нехватка энергоносителей в конце 17 века в центральных районах, стоимость древесного угля 2,5 раза превышала стоимость руды, толкала предпринимателей на поиск новых источников энергоносителей [9].

В вотчине Нарышкина В.Ф. было организовано производство по выжигу угля и заготовке продуктов леса, для этих работ по указу Петра I в этот период привлекались преступники и бродяги. В округе с. Труево-Нарышкино согласно жалобе пензенских помещиков «скопилось до 5000 человек, которые нарушают спокойствие».

По данным первой переписи, которая относится к этому же времени в Саратове «жителей многое число, а больше купечество, которых 1596».

По переписным книгам 1717 -18 г.г. в дворцовом селе Труево-Нарышкино числится 185 дворов ясашных крестьян(более 1000 человек), которые являлись выходцами из Московской, Воронежской, Нижегородской, Казанской и Петербуржской губернии. Из их числа были сформированы первые артели кузнецов (производство гвоздей), судостроителей (транспортные средства), промысловиков по заготовкам лесопродуктов. Данные факты косвенно подтверждают масштабы освоения края [10].

Источник 1786 года указывает на торговый путь: верховья Суры – Петербург «…кроме отправляемой по ней разных торговых промыслов от времени Императо-

ра Петра Первого и поныне доставляется на барках дубовый и мачтовой лес для корабельного строения в Петербурге» [11].

С созданием регулярной армии при Петре I служилых татар, мордву, чуваш, ранее несших пограничную службу в 1718 г. правительство приписало к разработке корабельных лесов. Приписанные (их называли лашманами) заготовляли корабельный лес и вывозили его к пристаням для отправки на судостроительные заводы.

По второй ревизии в 1745 г. в с. Индерка насчитывалось 345 душ. Основным занятием жителей села, которые были государственными крестьянами, было бурлачество при сплаве леса по рекам края [12].

В конце века в уезде проводилась интенсивные лесозаготовки. В 1805 г. из имения помещицы Ивановой «спускались плоты строевого леса числом до 14500 бревен» [13] .

В крае было организовано лесопильное производство. В Саратовской губернии (1804 г.) отмечается наличие двух пильных мельниц на р.Суре у с.Липовка помещика Зубова и на р.Кададе у с.Комаровка помещиков Злобиных. Производительность одной мельницы 7000 штук досок и брусьев в год, т.е. она работала не круглый год и была не более чем двухрамной, т.к. на трехрамной пильной мельнице при Екатеринбургском заводе распиливалось в день в среднем 45 пятисаженных бревен, а в год (при 271 рабочем дне) – 12145 бревен [14] .

Мельницы обеспечивали судостроительный промысел края, а также представляли стройматериалы для сплава по р.Суре.

Рыночных масштабов достиг, винокуренный промысел. В 1796 году в уезде работало 9 винокуренных заводов из 17 расположенных в Саратовской губернии, которые производили 117000 ведер водки в год, на работах было занято 117 человек[15]. Водку с верховьев реки Суры на большегрузах отправляли «…водою до Санкт-Петербурга» [16].

Отправка грузов по воде была более дешевой, чем гужевой транспорт. Единственными сухопутными транспортными средствами в 18 веке служили телеги и в большей мере сани, т. к. перевозка производится преимущественно зимой. Грузоподъемность подводы при обычной одноконной запряжки определялись в 20 – 25 пудов зимой и 15 пудов летом, передвижения – в 3 версты в час. [17] Один «суряк» - большегруз заменял более тысячи подвод [18].

Роль транспортных артерий в крае выполняли реки Кадада и Сура, которые принимали на себя основную часть грузопотоков. В транспортировке грузов использовались суда различной грузоподъёмности и сложности изготовления. Команды судов формировались в крае. Бурлачество по Суре в конце 18 века было одним из постоянных видов промыслового отхода и составляло около 2% мужской половины населения Кузнецкого уезда. В целом бурлачеством занимались 447 человек [19].

Помимо большегрузов – дощаков и барок, немалую часть грузопотоков на реках края принимали на себя лодки средних и мелких размеров, каюки, карбасы, лодки, обладавшие большей маневренностью и надежностью в сложных навигационных условиях.

Если строительство небольших и примитивных средств водного транспорта не требовало особых навыков и могло осуществляться практически всюду, где возникала в них нужда и имелся строевой лес, то потребность в более усовершенствованных речных судах предполагала появление профессиональных судостроителей и выделение центров судостроения.

Таким центром на севере края в 18 веке стало с. Липовка, где развивался уникальный для этих мест судостроительный промысел. В источнике 1786 года, есть данные о строительстве торговых судов в верховьях реки Суры, помещиком В.Н. Зубовым «…на берегу которой зимой настоящего года, он более двадцати барок в своих дачах выстроил» [20]. Профессор Б.Г. Любомиров в своей работе отмечает что, «…в Кузнецком уезде на Суре организовано судостроение: 1805 г. помещиками Зубовым и Паквакиным выстроено 7 и купцами 7барок 15-17 $\frac{1}{2}$ саженей длины и стоимостью с оснасткой «не менее 1000 рублей каждая» [21]. Данные суда относятся к большегрузам

Таблица 1.Грузоподъемность судов торгового флота
по данным 1702 года [22].

Длина судна (саж.)	Грузоподъёмность (тыс. пуд.)
16-17	25-30
10-11	5-7
8-9	2,5-3
6-7	1-2

Суда в 18 веке строили артели, которые состояли из 6-8 человек (2-4 мастера и 4 подмастерья). За год такие артели строили не более одного крупного торгового речного судна [23] .

Можно предположить, что в судостроительном промысле в крае было занято одномоментно более 100 человек мастеровых, только при строительстве большегрузов. Значительную часть составляли рабочие менее квалифицированного труда, например, конопатчики, смолокуры и, возможно люди, занятые предварительной заготовкой лесоматериалов.

Технология изготовления большегрузов торгового флота была сложной. Суда торгового флота крепились железными скобами и гвоздями. В первой половине 18 века известен широкий ассортимент металлических креплений для судов. Так при строительстве применялись скобы четырех разновидностей (конопатые, приводные, большие донные, скосочные), гвозди восьми сортов («гвоздье большое отивное, и затоптивнное, и толстое гвоздье 3 зазубры, и плашное гвоздье, и обоемное, и двоетесное, и однотесное, и подскальное гвоздье»), а также сопцовые крюки. Общий вес металлических деталей, использовавшихся, при строении судов разных размеров в начале 18 века представим в таблице.

Таблица 2. Вес металлических креплений в судах торгового флота по данным 1702 года [24].

Длина судна (саж.)	Вес гвоздей и скоб (пуд)	Вес двух якорей (пуд)
16-17	9	24
10-11	5	12
8-9	4	8-10
6-7	3	6

Продукция металлообрабатывающей промышленности создавались в Кузнецке. В указе Екатерины Второй (1780) село Нарышкино объявляется уездным городом «понеже сей город наполнен кузнецами, от которого рукоделия и имя свое получил» [25] .

В конце 18 века в Кузнецке на 2500 душ населения было до 90кузнец. Металлом край не располагал и снабжался не с Урала, а с ближайших к нему заводов на р. Мокше. Для сравнения можно перевести данные этого же времени по Воронежу, где действовало 27 кузнец с почти сотней промышленных заведений, и Ярославлю с 20000 населением и всего с 14 кузнецами на 330 ремесленников [26].

Кузнецк был региональным центром металлообработки и обеспечивал потребности в слесарно-кузнечных изделиях населения нижней Волги и винокуренного, судостроительного и других промыслов края. Продукция шла на юг и восток, а также сплавлялась в низ по реке Суре.

Экономические и гидрологические условия водного пути верховья Суры и Кадады были таковы, что для крупных и средних судов было возможно движение вниз по течению лишь в весеннее половодье с экспортными товарами края. Суда использовались однократно и продавались в конце навигации в конечном пункте следования (Санкт-Петербург) [27] .

Таким образам экономическое освоения края носило интенсивный характер, использовался метод переноса из развитых регионов трудоемкого, энергоемкого, а так же экологически обременительного производства. Край втягивался в рыночные отношения, специализировался на заготовке лесоматериалов, винокурении, металлообработке. Основные грузопотоки, за пределы края, проходили по рекам Суре и Кададе.

Примечания

1. Кузнецкий край (далее край) включал в себя в 18 веке территории: Шемышейского, Камешкирского, Неверкинского, Городищенского, Сосновоборского районов Пензенской области, а также часть территории Николаевского района Ульяновской области.
2. Гераклитов А.А. История Саратовского края в 16-18 вв. – Саратов: Издательство В.З. Аксанова, 1923. -294 с.(далее сокращено – Гераклитов)
3. Лебедев В.И. Легенда и быль: По следам засечных сторожей – Саратов: Приволжское книжное издательство (Пенз. отделение), 1986 - 6с.
4. Саратовский сборник: материалы для изучения Саратовской губернии. Издание Саратовского статистического комитета т.2 Статья Чекалина Ф.Ф. Остатки древних

земляных сооружений в пределах Кузнецкого уезда – Саратов: Типография Губернского Правления, 1882, - 348 с. (далее сокращено – сборник)
5. Гераклитов А.А. - 296с.
6. Рохленко Д.А. Петр Великий. Флот и лес . Наука и жизнь – 2003 - №5 – 40 с.,1 вершок=4,45 см.
7. Любомиров П.Г. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале 19 века – Саратов, 1928, 19 с. (далее сокращенно – Хозяйство).
8. Устрялов Н.Ф. История царствования Петра Великого т. 1, Приложение XII «Ведомости о раздаточных селах и деревнях из дворцовых волостей в 190 году». - Санкт-Петербург, 1858 год.
9. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности 17, 18 и начало 19 века. - Москва, ОГИЗ, 1947, - 302 с. (далее сокращенно – Очерки).
10. Гераклитов. - 256, 294, 295с.
11. Куракин А.Б. Описание путешествия в 1786 году. Его сиятельство Двора её Императорского величества Действительного Камергера и разный орденов кавалера князя Александра Борисовича Куракина, вниз по Суре от Красноярской до Чирковекой пристани, с приобщением известия о той реке. - Сура – 2001 - №1, 176 с. (далее сокращенно – Куракин).
12. Полубояров М.С., Мокша, Сура и другие… - Москва., 1992, - 63с. Сборник, статья Чекалина Ф.Ф. Племенной состав и история населения Кузнецкого уезда., - 350с.
13. Хозяйство, 58с.
14. Хозяйство, - 48с., - Очерки, 720с.
15. Очерки, 236с., 237с.
16. Куракин,176с.
17. Введенский А.А., Заметки по истории труда на Руси 16-17 вв. Архив истории труда в России Кн. 3 . Петербург, 1922. 107с.
18. Грузоподъемность: подводы – 15 пудов.; «суряка» - 20000 пудов.
19. Хозяйство, 74с., Гераклитов, 435 с.
20. Куракин, 177с.
21. Хозяйство 48с.,1 сажень=2,1336 м.
22. Французова Е.Б., Из истории северного судостроения в конце 16 – начале 18 в.в., Отечественная история – 1994г. - №4 – 5 – 241с. (далее сокращенно – Французова).
23. Кузнецов В.П., Речные деревянные суда. - Л., 1956г. - 45с.
24. Французова, - 242с.
25. Пензенский край. 17 век – 1917г. Сборник документов. - Саратов, 1980, - 34 с.
26. Очерки,- 428с., - 478с., - 496с.
27. Зимин П.В., Г.В. Еремин Реки Пензенской области. - Саратов Приволжское книжное издательство Пензенское отделение 1989, - 106 с. Истомина Э.Г., Водные пути России во второй половине 18 в.в. – начале 19 в.в. - М., 1982., - 86с.

И.В. Синелобова (г. Пенза, ПГПУ)

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ПЕНЗЕНСКОМ КРАЕ В 1930-Е ГОДЫ

Социалистическая реконструкция народного хозяйства, развернувшая в конце 20-х – 30-е годы XX века новое промышленное строительство, резко поставила вопрос о постоянном повышении квалификации кадров, о подготовке технически грамотных рабочих. Чтобы разрешить эту проблему, необходимо было осуществить общеобразовательную начальную подготовку. Основными задачами плана культурного строительства были: всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профессионально-техническое образование и т.д.

Началом борьбы за поголовную грамотность стало постановления ЦК ВКП(б) от 25 июня 1930 года «О всеобщем обязательном начальном обучении» [1]. В Средне-Волжском крае борьба за всеобуч началась еще до постановления ЦК ВКП(б). Первоначально вопрос о народном образовании был обсужден 20 мая 1930 года на краевом партийном совещании. На нем отмечалось значительное отставание края по сравнению со средними республиканскими показателями. Указывалось на недовыполнение первого варианта пятилетнего плана по начальному образованию [2]. 21 июня Средне-Волжский крайисполком принял постановление, которое наметило: «Ввести с 1930-31 учебного года всеобщее обязательное начальное обучение для детей 8-9-10-летнего возраста по всему краю и для детей 8-11 лет в городских рабочих поселках…» [3]. В Пензе всеобщее начальное обучение было введено с 1929 года, а всеобщее 7-летнее образование – с 1930 года [4].

Новая социально-политическая линия на повышение грамотности населения, несмотря на директивы правительства и активность местных органов власти, неизбежно сталкивалась с целым рядом проблем.

В августе 1930 года на заседании бюро Пензенского Горрайкома ВКП(б) в обстановке секретности обсуждался вопрос о неподготовленности к проведению всеобщего начального обучения [5]. В первую очередь не хватало школьных зданий и профессионально подготовленных педагогов.

Начался процесс «возвращения» школ. В наказе городскому совету нового состава XV созыва города Пензы в 1934 году предусматривалось ввиду крайней недостаточности школьных помещений освободить к началу 1935-36 учебного года бывшие школьные здания, занимаемые посторонними организациями, а также выселить еще оставшихся в некоторых школьных зданиях посторонних жильцов [6]. В 1936 году в Пензе за счет нового строительства, освобождения и перепланировки к новому учебному году школьные площади были расширены на 5900 кв. м., хотя планом предусмотрено было расширение на 7000 кв. м. (в т.ч. по селу на 1790 кв. м.)

Под школы срочно стали отдавать помещения порой совершенно непригодные для учебного процесса. Изношенность школьных зданий в 1934 – 1935 году по городу в отдельных случаях достигала 50 – 60 процентов [7]. В 1937 году на 609 классов имелось только 380 классных комнат (62,3 процента обеспеченности). На одного учащегося приходилось 4,97 кубических метров от общего объема школь-

ной площади вместо 15 установленных по нормам Наркомата просвещения [8]. Классы были перегружены, вследствие чего имелись классы с количеством учащихся более 50 человек (средние школы №4, №17 и др.) [9].

Из-за тесноты многим школам приходилось заниматься в 2, а некоторым даже в 3 смены. В 1934-35 учебном году 80 % школьников Пензы занимались в две смены, а четыре школы с контингентом 1700 человек – в три [10]. В 1936 году благодаря введению в оборот новых школьных помещений удалось ликвидировать третью смену, несколько разгружена была также и вторая смена, но до полной ее ликвидации было еще далеко. В 1937 году из 46 школ по г. Пензе 28 школ с количеством учащихся 7365 человек или 60,8 процентов занимались в две смены [11].

Задержка отпуска дров со складов не давала возможности поддерживать нормальную температуру в школах, в силу чего некоторые из них вынуждены были заниматься при сниженной температуре. В 1935 году по решению ВЦИК заготовку и подвоз топлива для школ на весь отопительный сезон необходимо было провести к началу учебного года. Однако это решение выполнено не было. На первое января 1936 года потребность в топливе составляла 8467 куб. м. нужное количество было заготовлено, но завезено всего 4053 куб. м. Основной причиной этого было недостаточное финансирование [12].

В 1938 году вопрос с дровами по-прежнему стоял очень остро. Школы не получали их, а цифры сообщаемые районными советами по Пензе не соответствовали действительности.

Обеспеченность учебниками тоже была недостаточной. Учащиеся города и района в 1934-35 учебном году были обеспечены учебным материалом по начальным школам на 90%, неполным средним школам на 60 % и по средним на 45 %. Для среднего и старшего звена не хватало учебников по истории, обществоведению, литературе и географии [13].

Секция школьного и дошкольного воспитания Горсовета в сентябре 1938 года поднимала вопрос о нехватке школьных учебников. Решено было продавать старые учебники, лежащие без дела. Острую проблему представляла спекуляция учебниками. Так, например учебник Шестакова «История СССР» в 1938 году стоил 2,5 рубля, а продавался по 12 – 18 рублей [14].

Значимой проблемой для школ становилась слабая посещаемость учащихся. Чаще всего она происходила по причине отсутствия одежды и обуви у малообеспеченных категорий учащихся. Так, например, в 1937 году посещаемость составляла 90 – 95 процентов [15].

Трудности, возникавшие при организации образовательного процесса были характерны в 1930-е годы не только для Пензы, подобная ситуация складывалась по всей стране. Для решения проблем в образовании требовалось, прежде всего, хорошее финансирование, но его, как правило, не хватало, так как основные вложения в этот период шли не на культурную и социальную сферы, а на промышленное строительство. Широкая пропаганда и призывы все же не в силах были решить многочисленных затруднений.

Примечания

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. - Т.5. - М. 1984. - С.184-190.
2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф.1141. Оп. 20. Д. 730. Л. 247.
3. СОГАСПИ Ф. 9356. Оп. 6. Д. 119. Л. 1.
4. Отчет о работе 14-го Созыва Пензенского Городского Совета за 1931 год. - Пенза,1932. - С.34.
5. Отдел фондов социально-политической истории Государственного архива Пензенской области (ОФОПО ГАПО). Ф.37 Оп.1 Д.246 Л.171.
6. Наказ городскому Совету нового состава XV созыва. - Пенза, 1934. - С.18.
7. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 2167. Л. 58.
8. Там же. Ф.Р. 453. Оп. 1. Д. 3308. Л. 15.
9. ОФОПО ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 711. Л. 136.
10. ГАПО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 2167. Л. 58
11. Там же. Д. 2595. Л.31.
12. Там же. Д. 2707. Л.9.
13. Там же. Д. 2167. Л. 60
14. Там же. Д. 2707. Л.9.
15. Там же. Ф.Р-315. Оп. 1. Д. 25. Л. 4.

О.А. Сухова (г. Пенза, ПГПУ)

ЦЕРКОВЬ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

К началу XX века возможности выхода из социокультурного кризиса в рамках прежней социально-политической организации оказались исчерпанными. В представлениях родового сознания государственные институты перестали справляться со своими традиционно-важными функциями. А девальвация патерналистских ценностей в свою очередь не могла не сказаться и на религиозных воззрениях сельского населения империи, так как образы «Царя» и «Бога» присутствовали в социальных представлениях нераздельно-взаимообразно. На фоне падения престижа власти Церковь как организация оказалась по другую сторону баррикад, ей так же было отказано в доверии, в праве на участие в жизни крестьянского социума.

Традиционное восприятие церковной организации изменилось не в один день. Приход и община по понятиям патриархального социума являли собой единое целое, своеобразную «земскую единицу», имеющую собственное управление. И причину падения церковного авторитета в начале XX века сами священнослужители объясняли вмешательством власти, вследствие чего «церковная жизнь отделилась от общинной» [1]. В «благополучном» прошлом «всеми делами прихода руководи-

ло старшее население села, так называемые «старики»… Они издавали свои правила и требовали непременного подчинения этим правилам всех членов прихода и общины» [2]. В изменившемся настоящем мирские доходы приходских церквей перестали контролироваться общинными институтами, да и последние в свою очередь оказались под жесткой опекой усложнившегося государственного управления. Таким образом, церковь постепенно утрачивала свои позиции средоточия общественной жизни и превращалась в государственный институт, наделяемый информационными и управленческими функциями. Сельские священники при этих обстоятельствах зачастую становились для крестьянства чужими дважды: как служители (читай - «посредники») Господа и государства, а так же как представители отличного от крестьянства сословия.

Среди причин, предопределивших падение авторитета низовых структур церковной организации, некоторые исследователи называют оскудение пастырей, снижение их материального достатка вследствие частичного перевода на государственное жалование. По мнению Т.Г.Леонтьевой, с точки зрения крестьянского мира священник, занимавший одну ступень с беднейшим сельским тружеником, самим фактом своего существования порождал недоумение и вызывал сомнения в разумности существующего миропорядка, так как в основе уважительного отношения лежали, прежде всего, представления о материальном достатке [3]. С этим утверждением трудно согласиться. В крестьянской поземельной общине приходскому священнику отводилась роль самого близкого к населению, но все-таки представителя властных, а, следовательно, внешних по отношению к миру, структур. Пастырь, вещавший с церковного амвона, в представлениях крестьянства являл собою одухотворенный источник законодательной инициативы, истину, если не в последней, то в первой инстанции.

Понять, что и каким образом изменилось в отношениях прихожан и клира в начале XX века позволяет определение социально-политических функций приходского духовенства в рамках традиционного мировосприятия сельских обывателей. Ведь именно от пастыря крестьяне получали всю правовую информацию, и именно на него возлагали ответственность за соответствие или несоответствие таковой интересам сельского социума. Поэтому, разуверившись в возможности решения аграрного вопроса посредством государственной инициативы, крестьяне отказали в доверии и Церкви.

Снижение чувства религиозности в общественном сознании российского крестьянства имело волнообразный характер и напрямую соотносилось с амплитудой колебаний политического процесса: переход в стадию кризиса провоцировал всплеск антицерковных настроений.

Особенно ярко эта позиция проявилась в эпизоде с Царскими манифестами 17 октября и 3 ноября 1905 г., когда сельское общество оказалось расколотым на «сторонников Манифеста - «студентов» и его противников-«православных»» [4]. Отсутствие в правовом акте «крестьянской правды», т.е. указания на реализацию требования «черного передела», ставило приходских священников в весьма щекотливую ситуацию. Так, земский начальник 6 участка Городищенского уезда Пензенской губ. в представлении губернатору 10 ноября 1905 г. сообщал: «Многие при-

хожане довели до слез священника села Кравкова, упрекая его, что он прочел им не тот Манифест, что настоящий будто бы напечатан на красной бумаге» [5].

По свидетельству сотрудника Самарской газеты А.Матова священники боялись лишний раз заводить разговор о содержании Манифеста, не без основания опасаясь за свою жизнь:

«-И поп – от у нас студент. Читал он манифест, а манифест фальшивый, потому что на счет земли там ничего не было»…

«-…бегут ко мне мужики, что есть духу. С чем, говорят, батюшка, в церковь-то бежать: с топорами или с вилами?

-Зачем?

-Да как же…манифест..., студенты приехали!

-Кое-как растолковал, успокоил и, все-таки, многие пришли в церковь с кольями и с топорами под полой.

-Так вот и надо им разъяснить манифест, как следует!

-Ничего не понимают… Я прочел и меня в студенты записали. Убьют! Больно уж много темноты здесь!» [6].

В 1906 г. Самарские епархиальные ведомости с сожалением констатировали: «К врагам народа причислены теперь и кулаки, и чиновники, и … попы» [7].

К причинам «оскудения любви» к православной Церкви следует, по всей видимости, отнести и распространение маргинальной культуры, ставшее следствием модернизационных процессов. В этом отношении нужно признать, что приходские священники традиционно занимали позиции ревностных защитников патриархальных устоев.

Таким образом, процесс изменения восприятия Церкви и ее атрибутов, объема и содержания религиозных воззрений российского крестьянства следует рассматривать в двух направлениях: как эволюцию института, входившего в патерналистскую систему ценностей, и, как проявление общего хода эмансипации общественного сознания. Нельзя не признать, что направления эти находили взаимную подпитку и согласовывались друг с другом.

Безусловно, мощнейшим водоразделом в отношениях между миром и церковью явилась первая русская революция. Период 1905 -1907 гг. исследователи называют начальным в процессе массового упадка религиозности в народе [8]. На фоне общей секуляризации сознания крестьянского социума, ускоренной в начале XX века процессом роста численности отходников и сельских пауперов, необходимым элементом оппозиционных настроений становилось обвинение клира в угодничестве перед властями, добавлявшее крестьянским выступлениям нередко антицерковную направленность.

Примечания

1. Приходская община// Самарские епархиальные ведомости. 1906. - 1 марта. - №5. - С. 196.

2. Там же.

3. Леонтьева Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века// Вопросы истории. - 2001 г. - № 1. - С. 31.

4. Матов А. Из путевых наблюдений. // Самарская газета. - 1905. - № 227. - 29 ноября.
5. ГАПО. Ф.5. Оп. 1. Д. 7589. Л. 51.
6. Матов А. Из путевых наблюдений. //Самарская газета. - 1905. - № 227. - 29 ноября.
7. Самарские епархиальные ведомости. - 1906. - № 5. - 1 марта. - С. 179.
8. Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. - М., 1965. - С. 129.

С.А. Уразова (г. Пенза, ПГУ)

ПОЛИТИКА ЗАРПЛАТЫ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НЭПА

Переход к нэпу осуществлялся в сложных условиях, связанных с последствиями гражданской войны, политики «военного коммунизма». Военные мобилизации и бегство из голодных городов в деревню привели к резкому сокращению численности рабочих. Материальное положение рабочих было чрезвычайно тяжёлым, вместо зарплаты они получали натуральный паёк, который обеспечивал полуголодное существование. В сводках весны-лета 1921г. о политическом состоянии в Самарской губернии отмечались факты недовольства рабочих снижением размера пайков и рост в связи с этим числа забастовок, в том числе на Трубочном, Меликесском лесопильном заводах [1].

Массовым стал выход рабочих из партии. Партийные органы в качестве первоочередной ставили задачу установления связи с широкой рабочей массой, путём улучшения условий труда, быта, роста зарплаты, так как «… рост цен и тяжёлое материальное положение создают враждебное отношение к партии» [2].

Кроме этого низкая зарплата, отсутствие материальных стимулов, была серьезным препятствие к повышению производительности труда и быстрому восстановлению экономики. В начале нэпа был взят курс на рост зарплаты, по темпам, опережающий рост производительности труда. К концу 1921 года устанавливается смешанная (денежно-натуральная) форма выплаты зарплаты, находящаяся в прямой зависимости от квалификации работающего и норм выработки. Размер выплат фиксировался в коллективных договорах при активном участии отраслевых профсоюзов. Так Пензенский Губотдел союза текстильщиков выработал схему выдачи натуральной части зарплаты по четырём нормам. Работники 1-3-х разрядов – первая норма, 4-6-х разрядов – вторая, 7-15-х разрядов – третья и 16-17-х разрядов – четвертая.

Примерный перечень продуктов в фунтах следующий:

	1 норма	2 норма	3 норма	4 норма
мука	50	60	70	100
мясо	3	4	4,6	10
рыба	4,5	5	6,9	15
животные жиры	1	1	1,5	3
овощи	30	40	50	90
сахар	1	1,3	2,3	4 [3]

Денежная часть зарплаты распределялись по разрядам в рублях для первого разряда 621,000руб, для семнадцатого 3105,000 руб. [4].

Важное внимание уделялось росту интенсивности труда, улучшению использования рабочего времени. Вводятся денежные штрафы за прогулы без уважительной причины за 3 дня – 8% от зарплаты, за 4 дня – 11%, 5 дней -15%, более 5 дней – увольнение с предприятия [5]. Эти жёсткие меры дали положительный результат. По данным ЦСУ в 1920 – 1921гг. каждым работником в среднем было отработанно 219,5 дней, а пропущено по разным причинам 77,4, в том числе 21,6 дней по неуважительным. В 1921 – 1922гг. было отработанно уже 254 дня, пропущено только 47,1 дня, а из них по неуважительным причинам всего 11,8 [6].

Остро стояла проблема задержки выплаты зарплаты, особенно весной и летом 1922г. во время перевода предприятий на хозрасчёт, перехода от натуральной оплаты к денежной, усиления инфляции. Профсоюзы решительно боролись с задержкой выплаты зарплаты. В циркуляре Пензенского губотдела профсоюза пищевой промышленности отмечалось, что в случае несвоевременной выплаты зарплаты профсоюзы должны предъявить запрос с требованиями объяснить в 24 часа причину задержки. Кроме того, профсоюзы имели право в судебном порядке требовать выплаты зарплаты по курсу рубля и даже «в случае явной халатности и злоупотреблений предавать дела в Ревтрибунал» [7].

Инфляция, отсутствие твердой валюты, рост цен вели к тому, что трудно было учесть реальную зарплату. С середины 1922г. зарплата начислялась в бюджетных товарных рублях, которые отражали в себе движение цен. Стоимость бюджетного товарного рубля в советских денежных знаках получалась в результате деления рыночной стоимости набора продуктов на стоимость аналогичного набора 1913г. Нормы продуктов, включенные в бюджетный индекс, соответствовали потреблению взрослого рабочего и были получены из разных бюджетных обследований. Обычно перевод на советские дензнаки производился на 1-е и 15-е число каждого месяца. Профсоюзы держали под контролем стоимость бюджетного набора и курс товарного рубля.

По г. Пензе на 15 ноября 1922г. бюджетный индекс рассчитывался исходя из следующего набора:

Стоимость этого набора составляла на 15 ноября 1922г. – 105818, 80 советских рублей, а в 1913г. – 698,02 рубля в результате товарный рубль стоил на 15 ноября 1922г. – 15,155,9 [8].

Стоимость товарного рубля отличалась не только по регионам, в городе она была выше чем в уездах, так в Пензенском уезде она составляла 75% от стоимости в г. Пензе [9].

1. Мука ржаная - 40 фунт.
2. Лук – 1 фунт.
3. Мука сеяная – 20 фунт.
4. Мясо – 7,5 фунт.
5. Пшено – 7,5 фунт.
6. Масло – 1 фунт.
7. Картофель – 40 фунт.
8. Молоко – 2 бутылки
9. Капуста – 9 фунт.
10. Яйца – 6 штук
11. Свекла – 4,5 фунт.
12. Масло растительное -1 фунт.
13. Сельдь – 1,8 фунт.
14. Сукно – 0,1 арш.
15. Соль – 2 фунт.
16. Керосин – 6 фунт.
17. Сахар – 2 фунт.
18. Мыло – 0,7 фунт.
19. Сапоги – 0,06 пар
20. Махорка – 0,2 фунт.
21. Ситец – 2 аршина
22. Спички – 3 коробки
23. Полотно – 0,6 арш.
24. Дрова – 0,015 куб.

Проведение денежной реформы создало возможность к переводу зарплаты на твердую валюту. С 1 апреля 1922г. согласно постановлению ВЦСПС было предписано всем губотделам профсоюзов переходить на зарплату в валюте, учитывая при этом снижение цен на рынке и не допускать «чтобы сам факт перехода на твердую валюту были использованы для снижения или увеличения зарплаты» [10].

В государственной промышленности система оплаты труда, ориентированная на рынок не получила распространения. Безусловно, был отказ от жесткого государственного нормирования, но с другой стороны сохраняются формы государственного регулирования тарифной практики, прежде всего через заключение коллективных договоров. Уже в 1923г. встал вопрос о необходимости «укрупнения коллективных договоров», т.е. переход от договоров по отдельным предприятиям к договорам по хозяйственным объединениям. Было признано необходимым, чтобы договор с трестами, имеющими общегосударственное значение, заключали при обязательном участии ЦК соответствующего союза [11].

С 1921 до 1923 года отмечался рост зарплаты, в среднем на 88%, по отдельным производствам и по столицам это повышение было ещё более значительным, достигнув 133% у химиков и 120% - по Москве и Питеру [12]. Рост зарплаты изменил характер доходов рабочих. Значительно сократился доход от продажи имущества и увеличения долговых обязательств. Изменилось и соотношение расходных статей рабочего бюджета, расход на питание, который в голодные годы доходил до 70% бюджета, упал в конце 1922г. до 44,5% [13].

Первая договорная кампания 1923г. прошла под знаком стабилизации зарплаты. Ставится задача привести рост зарплаты в соответствии с общим экономическим состоянием страны и прежде всего с ростом производительности труда. В 1923 – 1924г. реальная зарплата в целом по промышленности достигла примерно 70% довоенного уровня, а производительность труда увеличилась всего на 32,4% [14].

В августе 1924г. Пленум ЦК РКП(б) принял постановление «О политике в области заработной платы». «Процесс более быстрого роста зарплаты до сих пор не-

избежен … Заработная плата должна была так расти, чтобы достичь уровня обеспечения потребностей первой необходимости рабочего… Однако развитие промышленности, мощь государства, возможность длительного роста самой зарплаты и закрепления ее нынешнего уровня требуют обратного соотношения… Рост производительности должен обгонять рост зарплаты.»

Была поставлена задача «выравнивания» оплаты труда по отраслям, так как в начале нэпа по отдельным отраслям легкой промышленности ввиду благоприятной рыночной конъюнктуры удалось повысить зарплату в гораздо большей степени, чем в тяжёлой индустрии. Административное регулирование зарплаты усиливалось и внутри отдельных производств путём уменьшения резерва в зарплате повременщиков и сдельщиков, низко и высокооплачиваемых рабочих путём перевода их на более высокий разряд, за счёт доплат, создания различных «премиальных» систем.

Примечания

1. ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.443 л.33.
2. ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.443 л.174.
3. ГАПО. Ф.Р. 228. Оп.1. Д.18. л.8.
4. Там же.
5. Там же.
6. Забелин Л. Численность рабочих, производительность труда и зарплата в промышленности за десять лет. // Вопросы труда. - 1927. - №10. – С.79.
7. ГАПО. Ф.Р-247. Оп.1.Д.15.л.1.
8. ГАПО. Ф.Р-943. Оп.1. Д.2. л.26-27.
9. Там же.
10. ГАПО. Ф.Р-943. Оп.1. Д.5. л.54.
11. ГАПО. Ф.Р-943. Оп.1. Д.2. л.30.
12. Гинзбург Л. Состояние заработной платы // Вестник труда. - 1923. - №6-7. - С.86.
13. Там же.
14. Забелин Л. Указ. соч. - С.80.

Н.А. Шарошкин, Т.Н. Кузьмина (г. Пенза, ПГПУ)

ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ 1933-1937 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Основные направления деятельности промысловой кооперации определялись постановлением СНК СССР от 3 мая 1927 г. «О кустарной ремесленной промышленности и промысловой кооперации» [1], в котором говорилось, что фабрично-заводская промышленность еще долгое время не будет удовлетворять потребности деревни в товарах первой необходимости и трудоустройстве избытка рабочей си-

лы. Следовательно, эти задачи будет решать промкооперация. Кооперация получала государственную и правовую поддержку. Ей передавалась часть государственных заказов промышленности, чтобы занять население и решать вопросы расширения производства по выпуску товаров народного потребления. Промысловая кооперация также обеспечивалась сырьем и материалами. XV съезд ВКП (б) (2-19 декабря 1927 г.) указал, что при составлении пятилетнего плана «необходимо иметь ввиду развитие мелкой местной промышленности, кустарной и ремесленной», которая «дополняя крупную промышленность, помогает сберечь накопления для развития крупной индустрии» [2].

Кустарно-ремесленная промышленность занимала большой удельный вес. В 1928 г. в Среднем и Нижнем Поволжье в этой отрасли было занято 458,7 тыс. человек или 11,5% ко всей мелкой промышленности СССР, в фабрично-заводской – 90,7 тыс. Удельный вес кустарной промышленности по отношению к цензовой по Нижне-Волжскому краю по рабочей силе составил 81,1%, по выпуску продукции – 41,1% [3].

В Поволжье проводилась большая работа по кооперированию кустарей. Особое внимание обращалось на производственное кооперирование в общих мастерских на основе максимально возможной механизации их. В тезисах «Кустарно-ремесленная промышленность и народное хозяйство СССР» (июнь 1928 г.) отмечалось, что «интересы организованного использования кустарно-ремесленной промышленности и обеспечение планового на нее воздействия требуют усиления темпа кооперирования кустарно-ремесленных масс. В интересах наиболее массового вовлечения в кустарно-промысловую кооперацию кустарей и ремесленников необходимо особое внимание обратить на развитие простейших кредитно-промысловых объединений и закупочно-сбытовых товариществ» [4]. Пятилетним планом Нижне-Волжского края предусматривалось увеличить размер валовой кустарно-ремесленной продукции с 162,9 до 279,8 млн. руб., т.е. на 71,8%, а численность занятых лиц с 126 до 161 тыс. или на 27% [5].

Кооперирование мелкой, кустарно-ремесленной промышленности было частью общего процесса кооперирования кустарей и ремесленников страны и протекало также, как и в других районах. Вместе с тем, территориальные, экономические и социальные особенности вносили в этот процесс свои коррективы. Социалистическая перестройка кустарно-ремесленного производства в Поволжье проходила в более сложных условиях, в борьбе с так называемыми лжекооперативами, которых в отдельных отраслях кустарной промышленности насчитывалось до 40-50% [6]. К тому же производственное кооперирование кустарей и ремесленников на своей заключительной стадии в конце 20 – начале 30-х гг. столкнулось с трудностями. Допущенные в ходе коллективизации грубые ошибки отразились и на кооперации кустарей и ремесленников. В ряде мест дело дошло до роспуска промкооперативов и передачи принадлежащих им предприятий и оборудования государственной промышленности или колхозам. Это было нарушением постановления ЦК ВКП (б) от 3 сентября 1928 г. «О мерах по усилению кооперирования кустарей и массовой работе», в котором перед партийными, советскими и кооперативными органами ставилась задача «решительно бороться с фактами изъятия госпромышленностью

предприятий» [7]. И, тем не менее, осуществлялся постепенный переход кустарей-одиночек от системы домашней работы к системе работы в общих мастерских на основе максимально возможной механизации производства.

В 1928/29 г. кустарно-промысловая кооперация Нижне-Волжского края охватывала 142 тыс. человек, выпуск валовой продукции составлял 143 млн. руб. Однако объем производства по сравнению с 1927/28 г. снизился на 9,8%. В 1929/30 г. предусматривалось охватить кооперацией до 43% кустарей. Перед ней ставились задачи использования недефицитного сырья, расширения системы общественных мастерских, где должно быть занято не менее 60% общего числа кооперированных кустарей против 33% в 1928/29 г. [8]. К концу первой пятилетки благодаря ускоренному развитию тяжелой промышленности, массовому переходу кустарей и ремесленников к кооперативным объединениям, удельный вес мелкого производства снизился. До первой пятилетки в общем промышленном производстве края крупная фабрично-заводская промышленность давала 69,6% всей продукции, мелкая, кустарно-ремесленная – 30,4% [9].

Традиционно кустарно-промысловая промышленность была развита в Саратовском крае и в АССР Немцев Поволжья. Кустарно-промысловая кооперация АССР Немцев Поволжья в 1933 г. произвела продукции на сумму 18,2 млн. руб., в 1934 г. – 20,8 млн., 1935 – 24,8, 1936 – 29,4 и в 1937 г. – 37,5 млн., а всего за пятилетие – 130,7 млн. руб. Валовая продукция промышленности местного подчинения АССР (включая предприятия НК местпрома, легпрома, пищепрома) вместе с кустарно-промысловой кооперацией составила 359,7 млн. руб., промышленности союзного и республиканского подчинения – 131,5 млн. [10].

Кустарно-промысловые предприятия Саратовского края находились в ведении многих организаций. Большая часть их входила в краевой промысловый союз и коопинсоюз. Общий объем производства валовой продукции (в ценах 1932 г.) предприятиями данных союзов представлен в таблице.

Таблица 1. Размер производства промысловой кооперации и коопинсоюза Саратовского края за 1932-1937 гг.

Год	Всего		в том числе товаров широкого потребления	
	в тыс. руб.	в %	в тыс. руб.	в %
1932	37,5	100	27,5	100
1933	29,7	74	22,1	80,4
1934	44,6	119	31,9	116
1935	54,8	146	38,4	139,6
1936	67,6	180,3	48,5	176,4
1937	82,7	220,5	65	236,4

Данные таблицы показывают рост объема производства, начиная с 1934 г., в том числе товаров широкого потребления. Необходимо отметить, что темпы роста кооперативной промышленности отставали от директивных установок, а в 1933 г. наблюдалось снижение производства по сравнению с 1932 г., что являлось следст-

вием плохого обеспечения сырьем и, конечно, голода 1933 г., охватившего значительные районы Поволжья.

В АССР Немцев Поволжья, по данным Немпромсоюза и коопинсоюза, намечался рост выпуска продукции с 11944,6 до 31740 тыс. руб. (в 2,7 раза). Стоимость продукции кооперативной промышленности в Саратовском крае (по неполным данным) к концу второй пятилетки достигла 112 млн. руб. против 40,7 млн. в начале пятилетки. По промышленности крайпромсоюза наиболее высокие темпы роста намечались в производствах, которые призваны были обслуживать государственные предприятия: производство стройматериалов увеличивалось в 6,2 раза, добыча и разработка торфа для топливных нужд спиртовых заводов в 3,5 раза. Наибольшую долю продукции крайпромсоюза составляли предметы широкого потребления. В 1937 г. они должны были возрасти до 40,4 млн. руб. против 16,8 млн. в 1932 г. К этой группе относилось производство металлической, гончарной посуды, одежды, обуви, мыла, красок, галантерейных товаров, музыкальных инструментов, игрушек и т.д. Капитальные вложения по артелям крайпромсоюза и коопинсоюза в 1933 г. составляли 283,6 тыс. руб., в 1934 – 631 тыс., 1935 – 1898, 1936 – 1849 и в 1937 г. – 1800 тыс. руб. В другие союзы вкладывалось 5203,2 тыс. руб. [11].

Вопросы деятельности промысловой кооперации периодически рассматривались партийными и советскими органами, профсоюзными и общественными организациями. На состоявшемся в 1935 г. съезде советов Саратовского края особое внимание обращалось на обслуживание населения качественными товарами (одеждой, обувью, домашним инвентарем и др.).

В 1935 г. промысловая кооперация успешно справилась с производственным планом: Саратовский край реализовал его на 119,9%, Сталинградский – на 115,4%. В целом по стране на конец 1935 г. промысловая кооперация произвела продукции на сумму 5322,8 млн. руб. (100,4% к годовому плану). Лучшие работники рационализировали техническое производство, правильно организовали рабочее место, уплотнили рабочий день, ввели новые коэффициенты использования машин и станков, добились перевыполнения норм выработки. На 1 января 1935 г. промысловая кооперация РСФСР насчитывала 5710 производственных и 886 промысловых артелей, 795 промысловых колхозов, 163 производственных и 15 сбытоснабженческих товариществ [12].

Основной производственной единицей была артель с общественной мастерской. На 1 января 1933 г. в общественных мастерских трудилось 69,1% работников, на 1 октября 1935 г. – 84%. Об успешной работе промысловой кооперации свидетельствуют данные по Сталинградской области за 1934-1937 гг.: в 1934 г. она произвела продукции на сумму 79329 тыс. руб., в 1935 – 84838,8 тыс., 1936 – 98374,7 и 1937 г. – 1272081 тыс. руб. [13].

В Саратовской области с 1 января 1937 г. металлообрабатывающая отрасль промысловой кооперации выделилась в специализированную систему. В конце первого квартала она окончательно оформилась в облпромметаллосоюз, который находился в подчинении всероссийского Всекопромметаллосоюза. К моменту создания союза Саратовский областной металлообрабатывающий промысел объединял 10 артелей (667 человек), четыре из них находились в Саратове, другие – в

Вольске, Балашове, Лопатино, Пугачеве, Хвалынске и Базарно-Карабулаке. В 1937 г. сеть артелей была доведена до 14. Две артели, занимающиеся бытовым ремонтом, были созданы в Саратове, артель в Новоузенске занималась производством изделий из жести, в Аткарске – ремонтом кузовов. Система промысловой кооперации металлообрабатывающей отрасли работала успешно. План 1937 г. был реализован на 115,5% (на 6005 тыс. руб. вместо 5200 тыс.), в том числе по производству изделий широкого потребления – на сумму 1727,5 тыс. Саратовский облметаллосоюз имел обозное, кузнечно-ковочное, кроватное и весовое производства, а также электрооборудования, осуществлял бытовой металлоремонт [14].

Промысловая кооперация по линии Саратовского облметаллосоюза произвела в 1935 г. продукцию на сумму 25334 тыс. руб., в 1936 – 37375, 1937 – 51723 тыс.; по линии коопинсоюза соответственно 10471,5, 18735,3 и 23800 тыс. руб.

Таким образом, в годы второй пятилетки кустарно-промысловая кооперация сыграла положительную роль в снабжении населения различными товарами. Ее предприятия выпускали чугунную посуду, кровати, кондитерские изделия, предметы домашнего обихода. Немало усилий было предпринято для создания мастерских по починке обуви, ремонту мебели, домашнего инвентаря. Ассортимент выпускаемой артелями промышленной и продовольственной продукции был весьма широк.

Примечания

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. - В 5 - Т. 1917-1967 гг. – М., 1967. Т.1. 1917-1927 гг. – С. 639-646.
2. КПСС в резолюциях… - Т. 4. – М., 1970. – С. 40.
3. Статистический справочник СССР за 1928 г. – М., 1929. – С. 493.
4. Шарошкин Н.А. Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е годы. – Пенза, 1998. – С. 63-64.
5. Шарошкин Н.А. Местная промышленность и кустарно-промысловая кооперация в условиях индустриализации и реконструкции промышленного производства (по материалам Саратовского края) // Третьи Петровские чтения. Сб. науч. тр. – СПб., 2001. – С. 146.
6. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 17. Д. 71. Л. 20.
7. Партия о промкооперации и кустарной промышленности. – М., 1932. – С. 104.
8. Контрольные цифры народного хозяйства и культуры Нижне-Волжского края на 1929/30 г. – Саратов, 1930. – С. 73, 103.
9. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 17. Д. 311. Л. 18.
10. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 205. Л. 1-3; Д. 167 в. Л. 3-4.
11. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 1590. Л. 135, 138-139.
12. Промысловая кооперация РСФСР. Ко второй сессии ВЦИК. – М., 1936. – С. 5-8, 34.
13. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 35. Д. 168г. Л. 3.
14. ЦДНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1454. Л. 14-15.

Е.С. Юрьева (г. Северск, ТГПУ)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЗЕМСКИХ УПРАВИТЕЛЕЙ В УПРАВЛЕНИИ ПРИПИСНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО (АЛТАЙСКОГО) ГОРНОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.*

Институт земских управителей был введен на кабинетских землях Западной Сибири в 1760 г. [1]. Они представляли низший уровень власти в горнозаводском районе.

С разной степенью полноты данный вопрос затрагивался в работах Е.М. Борблик,

А.Н. Жеравиной, Т.Н. Соболевой [2]. На сегодняшний день не существует развернутого исследования института земских управителей в Колывано-Воскресенском (Алтайском) гоном округе. Цель данного сообщения состоит в том, чтобы дать представление о роли земских управителей в управлении приписными крестьянами через анализ составляющих предмета управления.

Местное управление в селениях приписных крестьян принадлежало Алтайскому Горному правлению, которое по всем делам до этого касающихся действовало через земских управителей, а те через волостные правления. По всем предметам хозяйственного управления крестьяне были подведомственны только упомянутым начальникам, а потому обращаться должны были к ним, а не к какой–либо другой власти, как с просьбами об удовлетворении их нужд по хозяйству, так и с жалобами в случае причинения им обид и притеснений [3]. Каждое отделение волостей приписанных к горным заводам крестьян вверялось земскому управителю [4].

Служебные обязанности земских управителей в приписной деревне Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа во второй четверти XIX в. состояли из:

1.Наблюдения за волостными правлениями во время составления ими предварительной раскладки на крестьян повинностей заводских по предписанию Горного Правления.

2.Попечения о высылке крестьян к работам по этой раскладке [5].

3.Составления ревизских сказок о числе душ.

4.Сбора казенных податей.

5.Исправления рекрутской повинности [6].

6.Наблюдения за волосными правлениями во время раскладки на крестьян земских повинностей.

7.Надзора за употреблением сборов на мирские расходы.

8.Ведения счетов обо всех сборах с крестьян производимых, употребления таковых и остатков с них [7].

9.Дел по заведению сельских магазинов, сборов в них хлеба и раздача его в ссуду.

10.Дел по переселению крестьян.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 03-01-008 78 а.

11.Дел по наделению крестьян землями и снабжению лесом.

12.Дел по увольнению крестьян в купечество, мещанство и другое состояние.

13.Ходатайств за крестьян по делам следственным, тяжебным и судным [8].

14.Доставления Горному Правлению сведений о происшествиях в селениях приписных крестьян. Эти сведения посылались от управителя в одно время с донесениями его Земскому Суду.

15.Собирания разных сведений до хозяйства крестьян относящихся [9].

Основной повинностью приписных крестьян были работы необходимые для функционирования заводов и рудников. Душевые уроки распределялись в XIX в. по волостным ведомостям, а там они распределялись по деревням и семьям, фиксируясь в специальных окладных книгах. Представителям заводской администрации на местах – земским управителям – предписывалось не вникать в саму процедуру оклада, чтобы все претензии и недовольства обращались на крестьянских выборных, а представители заводской администрации выступали в роли защитников справедливости. После составления окладных книг главное внимание земских управителей сосредотачивалось на обеспечении явки крестьян на работу. Выезжать предписывалось организованно, крупными группами под наблюдением выборных лиц из крестьян. Крестьянский мир связывался круговою порукою. За неявку жестоко наказывали.

Ревизские сказки должны были составляться управителем во время проведения ревизии вообще по государству. К назначенному сроку он отправлял их в Горное Правление и отвечал за их правильность. Для удобства составления, как ревизских сказок, так и раскладок повинностей заводских и земских и для других дел должны были составляться в каждом селении подворные списки. Их еженедельно нужно было проверять и дополнять родившимися, умершими и выбывшими по другим случаям. Копии с этих списков доставлялись в Горное Правление через каждые четыре месяца [10].

Обязанности перед заводами не избавили приписных крестьян от повинностей перед государством. Сбор казенных податей с приписных крестьян должен был производить управитель по росписям Горного Правления. В его обязанность входило также не допускать накопления недоимок, следить, чтобы эти денежные суммы немедленно отсылались [11].

Другой повинностью крестьян была поставка рекрутов для пополнения кадров мастеровых и работных людей горно-металлургического комплекса. В этом деле управитель наблюдал, чтобы рекрутская повинность распределялась уравнительно и по строгой справедливости. Для этого волости делились на участки и по ним составлялись очередные списки, которые должны были служить основанием при назначении и отдаче крестьян в рекруты [12].

Также, приписные к заводам крестьяне не освобождались и от земской повинности. Под наблюдением управителя выполнялась эта повинность по общей губернской раскладке, и он обязан был следить, чтобы крестьяне не были отягощаемы ни излишними сборами, если повинность должна была быть исправлена деньгами, ни работами сверх положения, если она исправлялась натурою. В последнем случае управитель должен был высылать крестьян для отработки земской повинно-

сти в такое время, в которое они более свободны от работ заводских и занятий по собственному хозяйству [13].

Управитель должен был организовать в волостных правлениях такой порядок, чтобы сборы с крестьян на мирские расходы производимы были бы по добровольным их приговорам и по существенной надобности; чтобы количество оных и употребление их были ему всегда известно [14].

В Колывано-Воскресенском горном округе при земских избах в первой половине

80-х гг. XVIII в. существовали запасные хлебные магазины. По закону от 7 августа 1797 г. правительство обязало крестьян учредить в каждой волости один или несколько запасных хлебных магазинов «для отвращения могущего быть от недорода и других чрезвычайных случаев в хлебе недостатка» [15]. Для ежегодного наполнения хлебных магазинов зерном сельские жители облагались специальным «хлебным сбором» по 10 фунтов с каждой десятины озимого и 10 фунтов ярового посева. Раздача запасного зерна в заем предусматривалась только с «мирского согласия и с ведения волостного головы». Заведование сельскими магазинами составляло обязанность земского управителя. В этом деле он выбирал селения, которые были бы удобными центрами для сдачи хлеба крестьянами из других селений. При этом управитель обязан был побуждать крестьян к сбору хлеба в положенные сроки и в определенном количестве. Также он устанавливал порядок хранения его под местным надзором волосных правлений [16].

Если крестьянин изъявлял желание переселится на другие земли или в другое селение заводского ведомства, он обращался к земскому управителю. А тот в свою очередь рассматривал его дело и, получив разрешение Горного Правления, производил переселение под своим надзором [17].

Управитель должен был иметь планы и описания земель, которыми владели крестьяне. На основании предписаний Горного Правления он мог наделять крестьян землями из остающихся свободными, снабжать лесом, отводя его в таких местах, в которых могла быть дозволена рубка [18].

С утверждения Горного Правления управитель имел право давать дозволение крестьянам на переход в купеческое, мещанское или другое звание при определенных условиях. Для этого нужно было, во-первых, согласие мирских обществ, во-вторых, обязательным условием было и то, что желающий записаться в купцы или мещане не состоит на очереди по рекрутской повинности и обязывается при том платить подати и исправлять работы для заводов по новой ревизии [19].

Обязанности управителя по делам суда и полиции определялись как обязанности Отдельных Заседателей Земского Суда, к составу которого по месту управляемых им волостей он принадлежал. Сверх этого в круг его обязанностей входило:

1. Доставление Горному правлению и в некоторых случаях Окружному Стряпчему сведений о делах уголовных, следственных и тяжбенных, производящихся в окружных судебных местах и до приписных крестьян касающихся.

2. Наблюдение сроков по делам приписных крестьян, в местах окружного и губернского управления производящимся.

3. Разрешение маловажных споров и жалоб по землям и угодьям между приписными крестьянами одного и того же селения или общества.

4. Представление Горному правлению списков с донесений окружной и губернской полиции о происшествиях в селениях приписных крестьян случившихся [20].

По делам следственным, тяжбенным и судебным управитель ходатайствовал за крестьян через Окружного Стряпчего пока дела эти рассматривались в окружных присутственных местах. Но как только они попадали в Губернский суд, управитель должен был прекратить свое ходатайство, и всю свою переписку отправить в Горное Правление, чтобы оно могло оказать дальнейшую защиту в суде Губернском своим ходатайством через Губернских Стряпчих или через особо посланного чиновника [21].

Поощрение крестьян к хозяйству и промышленности составляло одну из главных обязанностей управителя [22]. Интерес, который проявляло горнозаводское начальство к сельскому хозяйству приписных крестьян, объясняется выгодами Кабинета. Безлошадный крестьянин мог выполнить только пешую повинность, тогда как основной была транспортная повинность. Беспосевный крестьянин не только не мог содержать лошадь, но не мог и себя обеспечить продовольствием, что вредно отражалось на выполнении повинности. В 1828 году 16 апреля было издано специальное законоположение, возлагавшее попечение о развитии сельского хозяйства приписных крестьян на земских управителей и волостные правления. В этом законоположении было сказано: «Поощрение крестьян к хозяйству и к промышленности составляет существенную обязанность земского управления…» [23]. Для этого он по каждой волости собирал ежегодно сведения о посеве и урожае хлеба, о скотоводстве, пчеловодстве и прочем, из чего можно было увидеть состояние крестьян. Если кто-то из крестьян был замечен в нерадивом или дурном поведении, то управитель через волостные правления мог употребить меры исправления, руководствуясь в том правилами полицейскими. В качестве меры исправления рекомендовалось применять порку розгами и батогами. Земским управителям внушалось: «усердие в столь важном деле не останется без должной признательности, напротив того, малейшее невнимание к этому поручению подвергает вас ответственности».

Сведения обо всех хозяйственных предметах управитель доставлял и управителям окружным и губернским, если они им понадобятся.

Земские управители должны были вести в исправности следующие счета:

1.о сумме, полученной им на жалованье, разъезды и канцелярские расходы.

2.о количестве работ, которые должны были отработать приписные крестьяне, об их исполнении и остатке.

3.о приходе и расходе сумм, собранных с крестьян на казенную подать.

4.о приходе, расходе и остатке денежных сборов на земские повинности.

5.о количестве хлеба в сельских запасных магазинах хранящихся, остающегося в недоборе и в ссуду розданного.

6. о посеве и урожае хлеба [24].

В конце каждого месяца из этих счетов управители составляли ведомости для Горного Правления, а в конце года отсылает отчет.

Земские управители отвечали не только за порядок в своих делах, но и за соблюдение его в волостных правлениях. Несколько раз в год управитель должен был объезжать свои волости и селения, обращая внимание на все предметы, которые входили в его обязанность, после чего сообщал обо всем Горному Правлению [25].

В Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе институт земских управителей выполнял функции низшего звена управления. Исходя из анализа их служебных полномочий, можно сделать вывод о большой власти управителей над приписной деревней. Также практически все связи приписного крестьянина с властью ограничивались земским управителем, который выступал агентом горного начальства на местах. Функционирование приписной деревни как составной части Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов во многом зависело от деятельности земских управителей.

Примечания

1. Местное самоуправление на Алтае. 1747-1919. Сборник документов.- Барнаул. 2003. - С. 37-38.
2. Борблик Е.М. К вопросу о земских избах как низшем звене системы местного управления Колывано-Воскресенского горного округа во второй половине XIX в.//Актуальные вопросы истории Алтая. Межвузовский сборник. – Барнаул, 1980; Борблик Е.М. Проблема взаимодействия местного самоуправления и администрации на Алтае в XVIII в. (к истории административно-правовой культуры). // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. - Барнаул, 1995. // Жеравина А.Н Управление приписными крестьянами Алтая во второй половине XVIII в. // Из истории Сибири.- Вып. 13. Томск, 1974; Жеравина А.Н. Роль сельской администрации в управлении приписными крестьянами Алтая (по материалам второй половины XVIII в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII – XXI вв.- Ч.1. Новосибирск, 2003; Жеравина А.Н. Очерки по истории приписных крестьян кабинетского хозяйства в Сибири (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.).- Томск, 1985; Соболева Т.Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): управление и обслуживание.- Барнаул, 1997; Соболева Т.Н. Управление горнозаводским хозяйством кабинета на Алтае в XVIII –первой половине XIX вв. // Алтайский сборник. Вып. XIV. Барнаул, 1991; Соболева Т.Н. Управление приписными крестьянами Алтайского горного округа в 20-50 –е гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири: история, историография, источники. -Вып. 1. Томск, 1991.
3. Свод законов Российской Империи. СПб., 1842. Т. 7. Ч. 3. № 1791. С. 320.
4. Там же. № 1793. С. 320.
5. Там же. № 1794. С. 320.
6. Там же. № 1916. С. 337.
7. Там же. № 1794. С. 320.
8. Там же. № 1916. С. 337.
9. Там же. № 1794. С. 320.
10. Там же. № 1917. С. 337.
11. Там же. № 1918. С. 337.
12. Там же. № 1919. С. 338.
13. Там же. № 1920. С. 338.
14. Там же. № 1921. С. 338.

15. Полное собрание законов Российской империи -1. Т. XXIV. № 18082. С. 24.
16. Там же. № 1922. С. 338.
17. Там же. № 1923. С. 338.
18. Там же. № 1924. С. 338.
19. Там же. № 1925. С. 338.
20. Там же. № 1795. С. 321.
21. Там же. № 1926. С. 339.
22. Там же. № 1927. С. 339.
23. Рогозин Н.Е. Экономическое развитие Западной Сибири и образование вотчины «кабинета». // Ученые записки Н.-Сиб. ГПИ. 1946, вып.3, - С.36-37.
24. Свод законов Российской Империи. СПб., 1842. Т. 7. Ч. 3. № 1929. С. 339.
25. Там же. № 1932. С. 340.

О.В. Ягов (г. Пенза, ПГПУ)

ЗЕМСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В начале XX века руководство и поддержку кустарной промышленности на местах призваны были осуществлять земства, которые занимались главным образом созданием учебно-показательных мастерских и аппарата по сбыту кустарных изделий (склады, представительства, конторы).

Однако вплоть до событий 1905 – 1907 гг. со стороны правительства и земств более или менее цельной системы мероприятий в отношении названной отрасли народного хозяйства не было. Лишь после 1907 г. «кустарному вопросу» было определено место в системе мероприятий по предотвращению нового революционного натиска.

Перед земствами правительством была поставлена более четкая задача осуществления поддержки кустарных промыслов и ремесел.

В Пензенской губернии кустарно-ремесленное производство не получило должной поддержки со стороны земств. Поэтому мелкие товаропроизводители в начале прошлого века находились в тяжелейших условиях, попадая в кабалу к различного рода скупщикам и посредникам. Так, по данным, приведенным В. Фейгиным, число зависимых от скупщиков кустарей достигало 95% [1].

Посредники, не участвуя в процессе производства, получали большую часть прибыли и диктовали свои условия товаропроизводителям.

Кустари губернии кредитовались на очень тяжелых условиях. По сведениям Нижне-Ломовской управы, кредит скупщиков обходился кустарю в 400% годовых. В Чембарском уезде кустари и ремесленники занимали деньги у соседей и продавали вперед свои изделия скупщикам. Однако даже при таких тяжелейших услови-

ях Пензенское земство в 1908 г. на развитие кустарной промышленности ассигновало всего 1461 руб. или 4 % от общей суммы на сельскохозяйственные и экономические мероприятия [2]. В 1910 г. эта сумма снизилась до 3,4 %, а например, Саратовское земство в том же году выделило 12 % на аналогичные цели [3].

Лишь с 1912 г. Пензенское губернское земство стало уделять более пристальное внимание кустарному делу. Так, в г. Пензе была открыта женская школа рукоделия, кройки и шитья. Керенскому и Нижне-Ломовскому земствам были назначены небольшие пособия для устройства сельскохозяйственных выставок с кустарными отделами.

Наиболее активно вело свою работу Чембарское уездное земство, которое на содержание ремесленной мастерской ежегодно расходовало около 1300 руб. [4].

В целом, в Пензенской губернии к 1914 г. земством были созданы мастерская женских рукоделий, столярно-токарная и корзиночная учебно-показательные мастерские. Очередное губернское земское собрание постановило открыть еще две учебных мастерских – ткацко-ковровую и кузнечно-слесарную [5]. Всего же до первой мировой войны для модернизации кустарной промышленности усилиями Главного управления землеустройством и земледелием, губернских и уездных земств было создано 460 различных школ, складов, музеев, учебно-показательных мастерских и пунктов [6].

Таким образом, анализ деятельности пензенского земства в начале XX в. приводит к выводу о том, что его стремление поддержать кустаря и ремесленника в борьбе со скупщиком и нищетой часто наталкивалось на проблему нехватки денежных средств и опыта работы в данной среде у самого земства. Однако, сравнительный анализ деятельности Пензенского земства с Самарским и Симбирским земствами показал, что в последних ситуация по поддержке кустарной промышленности была еще более тяжелой и мелкие товаропроизводители в этих губерниях практически выбирались из нужды в одиночку.

Примечания

1. Фейгин В. Кустарно-ремесленная промышленность СССР. – М. – Л., 1927. С. 61.
2. Савельев П. Кустарная промышленность и земство Пензенской губернии. // Вестник Пензенского земства. - 1910. - № 5. - С. 15.
3. ГАПО. Ф. Р. – 442. Оп. 1. Д. 1166. Л. 168 Об.
4. Обзор деятельности земств по кустарной промышленности. - Т. 2. - С. 161.
5. ГАПО. Ф. Р.-4. Оп. 1. Д. 520. Л. 89.
6. РГИА. Ф. 381. Оп. 46. Д. 167, 173, 178, 183, 189, 193, 226.

РАЗДЕЛ – ФИЛОЛОГИЯ

Л.М. Абанина (г. Пенза, ПГУ)

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛИНГВОЭТНИЧЕСКОГО БАРЬЕРА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Специфика и набор переводческих действий в самой существенной мере определяется исходным текстом, поскольку создаваемый переводчиком переводной текст должен в максимально достижимой мере стать коммуникативно-функциональным и текстуальным аналогом исходного текста. В переводе семантико-структурные параметры текста воспроизводятся с необходимыми модификациями – «компенсирующими» расхождениями, с тем, чтобы с их помощью компенсировать и нейтрализовать расхождения в лингвистических коммуникативных компетенциях и тем самым уравнять у носителей исходного языка и носителей переводящего языка объективные предпосылки для восприятия сообщения и реакции на него. Эти расхождения именуются лингвоэтническим барьером, и под ним понимается все то, что не позволяет носителю переводящего языка непосредственно воспринять текст на исходном языке и отреагировать на него так же, как если бы он был носителем исходного языка.

Лингвоэтнический барьер складывается из ряда разнородных факторов. Фактором номер один является расхождение двух языковых систем – системы исходного языка и системы переводящего языка. Понятие языковой системы имеет в современном языкознании различные истолкования, которые можно свести к тому, что система языка – это совокупность взаимозависимых единиц языка и моделей, по которым они сочетаются. Крайне существенно при этом, что к продуктам, производимым системой, относятся не только реально существующие языковые и речевые образования (сочетания морфем, лексем, предложений и т.д.), но и гипотетические образования, которые возможны с точки зрения системы, то есть могли бы быть произведены ею, но реально в языке не существует и в речи не функционируют. «Система языка – пишет В. А. Ицкович, - это не то, что реально существуют в языке, а все то, что может быть в нем создано».[3:11]

Следующий фактор лингвоэтнического барьера – языковая норма. Она является своеобразным фильтром, который либо пропускает, либо задерживает то, что производит языковая система: пропускает то, что реально существует в языке и функционирует в речи и «отфильтровывает» те продукты системы, которые реально в языке не существуют и в речи не употребляются.

Иными словами, в отличие от системы языковая норма выражается в конкретно реализуемых, реально функционирующих формах языкового выражения, принятых обществом и признаваемых им правильным. [2:6] Норма есть факт коллективного языкового сознания. Языковая норма «пропускает» лишь то, что признается обществом «правильным». Существуя в языке, норма отражается в грамматиках, словарях, справочниках. Однако, норма не есть нечто незыблемое. В языке существуют варианты нормы, наблюдаются колебания, отступления от нормы.

Еще одним фактором лингвистического барьера является речевая норма (узус). Узус представляет собой как бы еще один фильтр, следующий за фильтром, образуемым языковой нормой. Если языковая норма отсеивает правильное от абсолютно неправильного, то узус среди правильного, «пропущенного» языковой нормой, отделяет то, что уместно в данной ситуации общения, от того, что неуместно.

Понятие узуса связано с понятием стереотипа. Фразы нашей речи в значительной своей части стереотипны. Узус отражает языковые привычки носителей языка. [2:7] Стереотипизация речи имеет двоякую природу: не только ситуативную (как принято говорить в данной ситуации), но и тематическую (как принято говорить на данную тему). В различных конкретных ситуациях та или иная сторона узуса – тематическая или ситуативная – может проявляться в большей степени, чем другая.

Таким образом, если языковая система – это совокупность всех реальных и абстрактных возможностей функционирования языка, а языковая норма – совокупность аналогичных возможностей, то узус представляет собой уже совокупность тематико-ситуативных правил употребления языка. Если нарушение нормы языка представляет собой такую его реализацию, которая воспринимается как неправильность абсолютная – во всех ситуациях и при общении на любые темы, то нарушение узуса – это реализация языка, не соответствующая данной теме или ситуации общения, не столько ошибка, сколько неуместность.

Следующим фактором лингвоэтнического барьера является расхождение преинформацоинных запасов носителей исходного языка и носителей переводящего языка, то есть запасов экстралингвистических знаний, которые используются при восприятии и интерпретации текстов.

Любой текст расчитан на определенные экстралингвистические знания адресата, без которых он не может быть правильно понят. Границы преинформационного запаса могут быть обусловлены социально-групповой принадлежностью человека (преинформационный запас взрослого и ребенка, специалиста и неспециалиста, образованного человека и малообразованного). Для перевода как для чисто лингвоэтнической ретрансляции индивидуальные и социально-групповые различия в преинформационных запасах несущественны. В переводе учитываются лишь те расхождения преинформационных запасов, которые обусловлены принадлежностью носителей исходного языка и носителей переводящего языка к разным лингвоэтническим коллективам и относятся к понятию лингвоэтнического барьера. [5:20]

К преинформации лингвоэтнического характера относятся прежде всего сведения культурно-исторического характера. Культура и язык взаимосвязаны. В процессе эффективной двуязычной коммуникации имеет место не только межъязыковая, но и межкультурная коммуникация, под которой принято понимать адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. Эффективная межкультурная коммуникация, таким образам, является обязательным условием успешности общения с помощью перевода, так как иногда люди, говорящие на одном и том же языке, не всегда могут

правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур. [1:49]

Преинформация культурно-исторического характера может содержать не только сведения о явлениях настоящего и прошлого, но и утвердившиеся в обществе оценки этих явлений. Эти оценки по поводу аналогичных явлений у разных народов расходятся, и эти расхождения не всегда удается нейтрализовать в переводе, с тем чтобы обеспечить для носителей исходного языка и носителей переводящего языка равные объективные предпосылки для интерпретации высказывания в оригинальном и переводном вариантах.

Каждый из перечисленных факторов лингвоэтнического барьера имеет свою специфику, и в том числе свой вес, как фактор «антикоммуникативного» свойства, препятствующий общению носителей исходного и переводящего языков без языкового посредника. Соответственно и неосуществленная нейтрализация того или иного из этих факторов по-разному сказывается на двуязычной коммуникации с переводом, на его качестве.

Составить представление о специфике отдельных факторов лингвоэтнического барьера удобнее всего, представив перевод как цепочку последовательных действий, направленных на последовательное преодоление факторов лингвоэтнического барьера, и ряд соответствующих промежуточных результатов (состояний создаваемого текста), завершающихся конечным результатом.

Среди шагов, направленных на преодоление лингвоэтнического барьера, первым и совершенно необходимым является «переведение» исходного текста в иную языковую систему. Иными словами, исходный текст перевыражается с помощью средств и по законам системы переводящего языка. Без этого шага перевод невозможен и невозможны все последующие шаги. Результат этого действия можно представить себе как буквальный перевод, а точнее перевод-подстрочник, предназначенный для дальнейшей обработки. [4:87] Подстрочный перевод может содержать отклонения от нормы переводящего языка и узуса, он также может быть неадекватен преинформационному запасу носителей переводящего языка (быть недостаточно понятен им).

Следующим этапом должно быть устранение отклонений от нормы переводящего языка. Недостаточная нормативность текста перевода в принципе не влияет на смысловое восприятие, хотя и может затруднить понимание текста.

Следующий шаг на пути создания эквивалентного перевода – преодоление расхождения узусов, действующих в коллективах носителей исходного языка и носителей переводящего языка, то есть придание тексту узуальности. Расхождения узусов могут касаться не только особенностей построения словосочетаний и фраз, но также и традиций структурирования целых текстов. Узуальная неадекватность перевода не только в какой-то мере затрудняет смысловое восприятие, но также нарушает адекватность эмоционального и эстетического эффекта, дает искаженное представление о личности автора.

Следующим фактором лингвоэтнического барьера является расхождение преинформационных запасов носителей исходного языка и носителей переводящего языка. Преинформационная неадекватность переводного текста, возникающая

опять же при переводе «один к одному» без учета того, что носители переводящего языка не располагают экстралингвистическими сведениями, необходимыми для адекватной интерпретации текста, может привести к непониманию или неполному пониманию авторской мысли. Поэтому в процессе перевода приходится прибегать к такому переводческому приему, как введение в текст дополнительной информации (переведение не содержащейся в тексте экстралингвистической информации в разряд текстуальной информации), использовать примечания переводчика.

Таким образом, детерминированные лингвоэтническим барьером модифицирующие переводческие действия направлены на нейтрализацию таких слагаемых лингвоэтнического барьера, как расхождение систем исходного языка и переводящего языка, расхождение норм исходного и переводящего языков, расхождение узусов, действующих в коллективах носителей исходного языка и носителей переводящего языка, расхождение преинформационных запасов носителей исходного языка и носителей переводящего языка. Суть «антикоммуникативной» специфики каждого из названных факторов выражается в ущербе для двуязычной коммуникации с переводом, которая возникает в тех случаях, когда тот или иной фактор лингвоэтнического барьера не нейтрализован или нейтрализован в недостаточной мере. Например, при отсутствии нейтрализации фактора «расхождение систем исходного и переводящего языков» нет двуязычной опосредованной коммуникации. Недостаточная нейтрализация фактора «расхождение норм исходного и переводящего языков» ведет к нарушению эмоционального и эстетического воздействия, а фактора «расхождение узусов» приводит к перенесению чужого узуса в текст на переводящем языке. Невосполненная переводчиком нехватка коммуникативно-релевантной преинформации у носителей переводящего может иметь следствием различные степени нарушения смыслового восприятия сообщения: от частичного до полного непонимания содержания высказывания с соответствующей неадекватностью эмоционального и эстетического эффекта. И во всех случаях у получателя исходного текста создается недоверие к переводу и переводчику. Действия, направленные на нейтрализацию перечисленных факторов лингвоэтнического барьера, образуют определенную иерархию. Так, бессмысленно говорить о нейтрализации какого бы то ни было фактора лингвоэтнического барьера, если не нейтрализовано расхождение систем исходного и переводного языков. Соответственно нейтрализация узусов предполагает, что нейтрализовано расхождение языковых норм. [4:92]

Как детерминант переводческих действий лингвоэтнический барьер определяет интенсивность и количество модификаций трансформируемого содержания, необходимых, чтобы уравнять лингвоэтнические предпосылки для восприятия и интерпретации исходного и переводного текстов.

Примечания

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. – М., 1986.
2. Гак В. Г. Межъязыковое сопоставление и преподавание иностранного языка. // Иностранные языки в школе. – 1979. - № 3.
3. Ицкович В. А. Языковая норма. – 1978.

4. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. – М., 1988.
5. Латышев Л. К., Провоторов В. К. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 2001.

О.В. Будилович (г. Балашов, Балашовский филиал СГУ)

ОБУЧЕНИЕ РЕЦЕПТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ – ОСНОВА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ?

Лингвисты, изучавшие на протяжении всего XX века проблему овладения иностранным языком пришли к выводу, что пассивный словарный запас человека в несколько раз (!) превышает его активный запас (например, по данным США, выпускники средних школ понимают в среднем 30 - 40 тысяч слов, при этом, употребляя всего 10 тысяч). [1] Это явно говорит нам о том, как важен для понимания языка чуждой нам культуры, словарь, который на подсознательном уровне формируется из активного запаса слов.

Лексика, сама по себе является одним из важнейших разделов в методике обучения иностранным языкам, определяющего уровень владения речью. Известно, что каждый язык имеет огромный по объему словарный фонд, поэтому очень важно различение активного и пассивного языкового материала. Границы между активным и пассивным словарем в родном языке очень подвижны. Мы сравнительно легко начинаем употреблять слова и выражения в речи, которые прежде даже не понимали. В условиях овладения иностранным языком взаимоотношения между активным и пассивным словарем приобретают иной характер. В иностранном языке стихийный переход слов возможен только из активного словаря в пассивный. Лишь только некоторые слова могут перейти из пассивного словаря в активный и лишь при обильном чтении и хорошей тренировке в устной речи. Пассивный запас как бы надстраивается над активным словарем, который образует ядро лексического запаса [2]. Поэтому, особенно важно пересмотреть взгляды на методику обучения лексике иностранного языка, как наиболее важного раздела, определяющего уровень владения иноязычной речи. Это связано с тем, что одной из главных причин несовершенства речи обучаемых является значительный разрыв между их пассивным и активным словарем. В этой связи задачи актуализации словарного материала, хранящегося в долговременной памяти, представляется чрезвычайно важным.

Многие учителя не понимают необходимость всестороннего овладения лексикой, акцентируя свое внимание лишь на презентацию продуктивного словаря. Поэтому, при сообщении слов пассивного запаса лексики преподаватель ограничи-

вается в большинстве случаях лишь названием и переводом лексической единицы, которую обучаемый должен усвоить, забывая, что для полноценного владения иностранным языком необходимо знать не только значение слова, но и его семантику, так как решающая роль в овладении иноязычным словом принадлежит смысловой стороне речи. Нельзя усвоить слово, ни владеть им, если это слово не ассоциируется с выражаемым им понятием. Преподаватель, преподнеся обучаемым какое-либо слово иностранного языка и раскрыв его смысловую сторону, должен обязательно потребовать у них воспроизведения этого слова, иначе в дальнейшем обучаемые смогут узнать в тексте только буквенную структуру этого слова, но будут не в состоянии воспроизвести его семантику. В подобных случаях обучающиеся переживают чувство знакомости, однако не могут понять, какой смысл имеет слово и каково его значение. И это естественно, потому что семантика слова может и должна не восприниматься и узнаваться, а только припоминаться, т.е. возникать в голове у обучающихся в результате репродукции [3].

Для того чтобы полноценно владеть иностранным языком, необходимо больше времени уделять формированию пассивного словаря, т.е. дополнительно работать над образованием в сознании учащихся соответствующего понятия. В условиях иноязычно-речевой практики вместе с новыми словами человек усваивает и выражаемые этими словами понятие, которые и образуют те психолого-физиологические механизмы, с помощью которых человек полноценно владеет языком. Благодаря понятию слово приобретает определенный смысл, и человек безошибочно и без всяких размышлений о его значении использует это слово в качестве обозначения или называния того, о чем он думает или говорит.

Таким образом, можно сделать вывод, что для полноценного владения языком необходимо учитывать, что слова являются не кодовыми знаками, а средством формирования и выражения мыслей. Для того чтобы овладеть языком, именно языком, а не языковыми умениями необходимо дополнительно работать над образованием в сознании обучающихся дополнительных понятий и учитывать специфические особенности не только продуктивной лексики, но и репродуктивной.

Примечания

1. Витлин Ж.Л. Проблемы обучения учащихся активному и пассивному владению языком – ИЯШ №3. - 2003

2. Демьяненко М.Я., С.В. Кислая. Основы общей методики обучения иностранным языкам. – Киев, Вища школа, 1976, - 276 с.

3. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – М., Просвещение, 1959. - 138 с.

М.Л. Воловикова (г. Ростов-на-Дону, РГПУ)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ШВЕЙЦАРСКОГО МУЛЬТИЛИНГВИЗМА: СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И БУДУЩИЕ ПРИОРИТЕТЫ

Современная Швейцария была образована 25 независимыми кантонами с принятием первой Федеральной Конституции 1848 г., официально установившей 3 государственных языка. 26-ой кантон (Юра) образовался путем отделения от кантона Берн в конце семидесятых годов XX в. С точки зрения лингвистического разнообразия, Швейцария состоит из 17 немецко-говорящих кантонов, четырех франкоговорящих кантонов и одного итало-говорящего. Три кантона имеют два официальных языка (немецкий и французский) и один кантон – три языка (немецкий, ретороманский и итальянский). Из 7 млн. населения Швейцарии 63.6 % граждан считают родным языком немецкий, 19.2 % – французский, 7.6 % – итальянский и 0.6 % – ретороманский. 9 % швейцарцев считают родным какой-то другой язык, что является достаточно высоким показателем по мировым меркам. Также существует несколько диалектов, к примеру, так называемый швейцарский диалект, на котором объясняются немецко-говорящие швейцарцы и те, родным языком которых являются языки романской группы. Что касается ретороманского языка, то ст. 70 Швейцарской Конституции гарантирует возможность поддерживать на нем официальные контакты с федеральной администрацией.

1291 г. объединения трех небольших сообществ в Альпах считается началом швейцарского государства. Рост Швейцарии происходил через постепенное присоединение других территорий, искавших независимости от более сильных и агрессивных государств, (Австрия, Франция и др). Эти небольшие сообщества смогли сформировать свою собственную правительственную систему и объединиться в государство, состоящее из очень непохожих политических единиц, разных языковых сообществ и религий. Такова легенда происхождения нации, согласно которой изначально швейцарскому национальному характеру были свойственны миролюбие и независимость, хотя на самом деле отношения между кантонами зачастую были далеки от идеальных.

Швейцарию традиционно приводят в пример, когда речь идет об успешном применении идей культурного плюрализма и многоязычия на практике. Ядром швейцарской государственности считается мультилингвизм, сутью национального Я – лингвистическое и культурное разнообразие. Особенностью швейцарской государственной языковой модели является то, что лингвистические границы не совпадают с границами политическими, экономическими и религиозными, в отличие от многих других многоязычных стран. Так, 3 кантона являются билингвальными, один имеет три официальных языка (немецкий, ретороманский, итальянский) и только один итало-говорящий кантон Тессин полностью считается полностью католическим. Еще одной особенностью является тот факт, что швейцарский мультикультурализм сложился не в результате иммиграции, как в США, Канаде или Австралии. Своими корнями он уходит в вековую историю сообществ, которые всегда жили в Швейцарии. Т.о., языковые группы Швейцарии не ведут свое проис-

хождение от стран, в которых данные языки являются родными, поэтому не испытывают зависимости от этих стран и желания присоединиться к ним.

Несмотря на официальное многоязычие, в Швейцарии существуют очень жесткие лингвистические границы и практически нет официального билингвизма на местном уровне. Таким образом, в каждой отдельной территории говорят на одном языке. Только 6 % швейцарцев действительно двуязычны, в большинстве это дети из семей с разными лингвистическими корнями [2].

Существуют 3 базовых принципа языковой политики Швейцарии – языковая территориальность, языковая свобода и дополнительность. Принцип **дополнительности** гласит, что кантоны суверенны, и делегируют лишь часть своих полномочий федеральному правительству. Государственной языковой политики, как в Канаде, практически нет, а образование и местная языковая политика находятся целиком в ведении местных властей.

Территориальность – это неписаный конституционный принцип, согласно которому кантоны вправе охранять свою языковую однородность. К примеру, во франкоговорящей части Швейцарии не разрешено образование на немецком языке и наоборот. К преимуществам данной системы можно отнести долгое время сохраняющуюся языковую стабильность, мирные отношения, возможность для каждого языкового сообщества самому решать вопрос об официальном языке, к недостаткам – языковые барьеры между различными группами населения. Правительство пыталось решить данную проблему через обязательное изучение второго и иногда второго и третьего языка. Однако исследования показывают, что швейцарцы не достигают высокого уровня владения вторым и третьим официальными языками и редко общаются с их носителями [3].

Языковая свобода – еще один неписаный конституционный принцип, необходимый для соблюдения других конституционных принципов, таких, как свобода слова. Он предполагает свободу использования любого языка в частной жизни, включая бизнес. Принципы территориальности и языковой свободы все больше начинают противоречить друг другу, так как сейчас в Швейцарии, как и во всем мире, происходит рост мобильности населения, миграции из одной языковой области в другую, которые становятся более пестрыми по лингвистическому составу.

В настоящий момент все более очевидным становится кризис традиционной швейцарской языковой модели. Происходит постепенное размывание языковых границ, традиционная модель теряет свою релевантность. Так, на ретороманском сейчас говорит меньше людей, чем на испанском, португальском или английском языках, особенно это касается урбанизированных областей. Исследования показывают резкое падение знания официальных языков среди населения, одновременно с ростом популярности английского языка, который все больше становится языком общения между различными лингвистическими регионами страны. Вместо обучения официальным языкам государства кантоны принимают решение увеличить долю английского языка в образовании за счет других официальных языков, в частности французского (Цюрих, 1997).

Проблемы глобализации и социо-экономического расслоения общества указывают на необходимость более активной роли федеральных властей в изменении

языковой политики, особенно в сфере образования, которое не всегда удовлетворяет современным нуждам населения, в частности, растущей потребности в изучении английского языка, который все еще является только вторым или третьим языком, предлагаемым в школе.

Влияние английского языка стало заметным с 60-х гг., и проявлялось в технологии, науке, экономике, сфере развлечений. В настоящее время из иностранного он постепенно превращается в дополнительный язык, осуществляющий функции лингва франка. В официальном образовании английский стоит на третьем месте, в итало-язычных областях – на четвертом, неофициально – на втором месте, особенно среди молодежи. Английский язык для швейцарцев это еще и язык науки, он широко используется в университетах как язык научного общения и преподавания, особенно в немецкоязычной части страны. Некоторые крупные компании, расположенные в Швейцарии, перешли на английский язык из коммерческих соображений, в Цюрихе, являющемся экономическим центом страны, можно жить и работать не говоря на других языках, кроме английского. В билингвальном кантоне Бьерн, родине всемирно известных часов Омега и Ролекс, реклама часов идет на английском, а не на местных официальных немецком и французском языках.

Таким образом, сейчас налицо 2 языковые модели статуса различных языков в Швейцарии.

1 модель - английский как иностранный и третий язык

	Немецко-говорящая часть Швейцарии	Франкоговорящая часть Швейцарии	Итало-говорящая часть Швейцарии
Первый язык – родной	Немецкий	Французский	Итальянский
Второй язык – один из национальных	Французский	Немецкий	Немецкий/ Французский
Третий язык - иностранный	Английский	Английский	Английский

2 модель – английский как Lingua franca.

	Немецко-говорящая часть Швейцарии	Франкоговорящая часть Швейцарии	Итало-говорящая часть Швейцарии
Первый язык – родной	Немецкий	Французский	Итальянский
Lingua franca	Английский	Английский	Английский

Некоторые исследователи полагают, что распространение английского языка в стране и за ее пределами послужит улучшению общения и взаимопонимания внутри страны, а также между Швейцарией и всем миром, и может послужить сохранению традиционной модели, так как английский язык является этнически нейтральным и не влияет на расстановку сил среди четырех национальных языков.

Однако есть и противники распространения английского языка, от которых звучат призывы к борьбе за чистоту и сохранение языков по примеру Франции, имеющей обширный опыт планирования языковой политики.

Итак, на сегодняшний день в Швейцарии, как и во многих других странах, происходит переход от языков, основанных на культурном прошлом, к языкам, несущим сугубо функциональное коммуникативное значение. Современная швейцарская языковая политика поддерживает устойчивое сосуществование всех национальных языков, но препятствует их реальному диалогу. Поэтому необходимы изменения языковой политики, которые учитывали бы насущные потребности и языковой состав общества, а также современные общемировые тенденции.

Примечания

1. Brandle, M. (l99l) The contemporary Swiss poster: Language proliferation for a pluralist society, J Intercultural Studies l2(2), pp47-67.
2. Durmiller U. Changing patterns of multilingualism – from quadrilingual to multilingual Switzerland. - Zurich: ProHelvetia 1997.
3. Grin F. Language policy developments in Switzerland: needs, opportunities, priorities for the next few years. Revue suisse de science politique. 3, 108-113.

О.А. Гусева (г. Калуга, КГПУ)

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ АРГУМЕНТАЦИИ СУБЪЕКТА ВЛАСТИ

В условиях развитого правового государства и гражданского общества эффективное функционирование субъекта власти предполагает владение методами продуктивного общения с аудиторией. Основой такого общения является актуализация в сознании аудитории чувства сопричастности и вовлеченности в происходящее, результирующаяся в мотивации к добровольному сотрудничеству с властью. Вербальная деятельность политиков создает чувственный и концептуальный мир в виде гипотетических образов реальности, притягательность которых мобилизует массы если не на активную борьбу за их достижение, то на покорное следование за лидером к светлому будущему.

Политический дискурс, наряду с религиозным и рекламным, входит в группу дискурсов, для которых ведущей является регулятивная функция, заключающаяся в контроле за поведением адресата при помощи побуждения, воодушевления, запрета, информирования, успокаивания и т.д. Специфической чертой интеракции в сфере политики является то, что в ней доминирует не передача информации или когнитивное взаимодействие субъектов на базе заданной общности, а поиск данной общности в ходе аргументации и обос-

нование ее сверхценности для адресата. Следовательно, в реализации регулятивной функции политического дискурса аргументация, превратившаяся в существенный элемент современной технологии управления массами, играет далеко не последнюю роль.

С развитием средств массовой информации публичные аргументативные высказывания политиков, рассчитанные исключительно на аудиторию, присутствующую при произнесении речи, стали достоянием истории. Обращаясь с речью к народу, субъект власти сейчас стремится добиться согласия и одобрения не только и не столько непосредственной аудитории, сколько широких масс, которые увидят речь по телевизору, услышат ее по радио и прочтут ее в газетах. При этом политику не следует забывать и о международном сообществе, являющемся в данном случае сторонним наблюдателем, который будет выстраивать взаимоотношения со страной, учитывая, в том числе, и публично эксплицированные политические позиции первых лиц данной страны.

Таким образом, настоящее время представляется особенно актуальным иметь возможность компетентно судить о высказываниях не только российских политиков, но и лидеров иностранных государств.

Аргументативное воздействие на адресата субъектом власти может исследоваться с целого ряда позиций, например, исходя из положений логики или риторики. Однако многие современные концепции стремятся интегрировать достижения того и другого, поскольку логика занимается непосредственно аргументом, а для риторики особый интерес представляет соотношение элементов внеязыкового контекста и эффективности как вербального, так и невербального воздействия на адресата. Так, риторическая составляющая эффективного аргумента выходит за пределы логических понятий об истинности и обоснованности, поскольку даже логически обоснованный аргумент на поверку может оказаться неэффективным, если будет ущемлять интересы и жизненные приоритеты адресата.

Из сказанного выше следует, что субъект власти, стремящийся заручиться поддержкой аудитории с необходимостью должен ориентироваться на персуазивный потенциал аргумента, нежели на его логическую корректность. Пресуазивный потенциал, в свою очередь, во многом зависит от ряда экстралингвистических факторов таких, как специфика места и времени произнесения речи, а также характеристики аудитории, которую стремится убедить политик.

Прагматический аспект аргументации интересовал многих исследователей, среди которых Х. Перельман, обратившийся к логике ценностных суждений. Предложенная Перельманом теория должна была показать, как однажды сделанный выбор или принятое решение могут быть оправданы на рациональных основаниях с опорой на ценностные ориентации конкретной аудитории, что помогло бы избежать противоречий, не разрешимых при помощи эмпирической верификации, формально-логического доказательства или комбинацией того и другого.

Политики чаще всего прибегают к высказываниям, у которых отсутствуют истинностные характеристики, то есть таким, которые являются либо приемлемыми для аудитории, либо нет. Чтобы сделать точку зрения более приемлемой для аудитории, оратору следует прибегнуть к «рационализации», максимально приспособленной к условиям предъявления аргументов, с целью объяснения данного мнения наиболее подходящим для данной аудитории способом. Таким образом, Х.Перельмана в большей степени интересовало, как сделать, чтобы оратор звучал правдиво, нежели то, прав ли он на самом деле.

Многие исследователи политического дискурса говорят о функции конструирования языковой реальности, поскольку ситуацию контролирует тот, в чьей власти находится ее толкование.

Оратор, подбирая аргументы для реализации своей цели, должен иметь максимально целостный образ целевой аудитории, состоящей из носителей определенных культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. При этом особая роль отводится ценностям как наиболее фундаментальным характеристикам культуры и высшим ориентирам поведения человека. Имея дело с массовой аудиторией, субъект власти чаще всего апеллирует к макрогрупповым, этническим и общечеловеческим ценностям, а также ценностям типа цивилизации.

Ценности как предпочтения отдельной группы в пользу чего-либо и отношения к фактам реальности, служат ориентирами при необходимости сделать выбор или сформировать точку зрения. Ценности, которые разделяет данная аудитория, могут служить критерием определения, что данная аудитория примет, а что отвергнет; ценности также указывают на отношение, которое сформировано у данной аудитории по поводу тех или иных аспектов реальности. При этом Х. Перельман доказывает, что ценности, на первый взгляд кажущиеся универсальными, перестают быть таковыми при ближайшем рассмотрении. Иерархии ценностей являются более важными для аргументации, чем даже сами ценности, поскольку они варьируются от аудитории к аудитории в большей степени, чем ценности как таковые.

Однако, оценивая целевую аудиторию, субъект власти старается воздействовать и на другие факторы влияния на оценку аргументации аудиторией. К таким факторам причисляют специфику национального менталитета адресата, его текущие интересы и нужды и ожидания. Исследователи политического дискурса отмечают, что при восприятии политической информации люди предпочитают интерпретировать политические стимулы в соответствии со своими сложившимися диспозициями и экспектациями. Естественный язык не исключает неопределенности, имплицирующей сразу несколько интерпретаций, а потому аргументатору надлежит формулировать высказывание таким образом, чтобы каждый слушатель находил в высказывании личностный смысл, домысливая недостающие ему лично элементы. Таким образом, для эффективного убеждения аудитории субъект власти может использовать не только официальную коммуникативно-

аргументативную систему, но и ее своеобразное дополнение, которое при определенных условиях может стать гораздо обширнее дополняемого.

Социально-политические установки, единожды закрепленные в сознании аудитории, помогают моделировать реакцию людей не только на знакомые, но и на непонятные ситуации. При этом политику не следует упускать из внимания ситуативные модификации указанных факторов.

Убеждение, отсутствие однозначной интерпретации, ограничение области валидности тезиса с тем, чтобы последний подходил к контексту его применения, согласно Перельману, формируют приверженность целевой аудитории к некоторому тезису в виде ее согласия с данным тезисом.

Отправная точка аргументации чаще всего состоит из комбинации посылок, и аргументация будет иметь успех у аудитории, если последняя согласна с посылками. Убеждение массовой аудитории при помощи ассоциативно связанных аргументов, выраженных в простой и законченной форме, дает лучший результат, нежели строго логическая аргументация в силу того, что последняя сложна для неподготовленных слушателей. Условия предъявления аргументов массовой аудитории помогают субъекту власти и в том смысле, что психология группового поведения ослабляет волевую регуляцию поведения аудитории на фоне подавления критического мышления и эскалации эмоционального восприятия.

Следует также сказать, что субъекты власти, добиваясь нужной реакции масс, часто эксплуатируют принимаемые на веру стереотипы коллективного сознания, иначе говоря, мифы. Мифологическое мышление как способ интерпретации актуальных явлений особенно активизируется в кризисных политических ситуациях. Политические решения, предлагаемые на суд народа, в большинстве своем основываются не на проработанных интеллектуальных концепциях, а на мифологемах, персонифицирующих желания группы и имеющих сверхзначимый личностный смысл, а, следовательно, наделенных большой энергией сопротивления по отношению к любым фактам действительности.

Набор мифологем национально специфичен, особенно если речь идет о базовых мифах, находящихся в основе национальной идеи (например, особый путь России или миссианство Америки).

Оперирование мифами в сфере политического дискурса происходит в соответствии с членением семиотического поля данного вида дискурса на знаки ориентации (мифологемы-высказывания, указывающие на ценностные доминанты политика), интеграции (мифы-идиллии) и знаки агональности (мифы-кошмары).

Опора на мифы в политической аргументации облегчается и высокой степенью фатичности политического дискурса, которая выполняет функции укрепления приверженности к системе или позиции, усиления групповой идентичности, а также функции ориентации, агональности и мобилизации. Однако здесь стоит оговориться, что в данном случае речь идет именно о коммуникации субъекта власти с народом, поскольку в иных жанрах поли-

тического дискурса, например, в парламентских дебатах, информативность должна превалировать над фатикой. Кроме того, варьирование по линии «информативность - фатичность» может быть обусловлено и спецификой конкретного дискурсного события.

Поскольку одним из основных акторов на международной арене являются США, целесообразно рассмотреть пример публичного аргументативного дискурса в американской президентской риторике.

8 ноября 2001 г. Президент США Дж.Буш произнес в Атланте обращение к нации, озаглавленное «Americans have responded magnificently with courage and caring» и посвященное последствиям событий 11 сентября. Несмотря на то, что непосредственно сама речь была обращена к ограниченному количеству собравшихся, реальной целевой аудиторией в данном случае выступает нация целиком, но при этом учитывается и фактор иностранных аналитиков, например, когда президент настойчиво указывает не только на оборонительный, но и миротворческий характер предстоящей войны с терроризмом по всему миру. Ситуация произнесения речи и ее тема максимально облегчили задачу оратора, который обращался к аудитории, сплоченной едиными эмоциями и ожиданиями. Президент, опираясь на изначально высокий уровень внутреннего согласия аудитории, прибегает к ассоциативной аргументации с ценностными иерархиями в качестве отправных точек.

Однако оратор не отказывается от логической аргументации: сознательное доверие к субъекту власти рождается в результате прямого воздействия на адресата, вводимого путем именно логической аргументации, в данном случае, на основе анализа прошлых действий.

Данная речь содержит и примеры ограничения валидности тезиса с тем, чтобы он был приемлемым в необходимом контексте, но отвергался в другом.

Причем президент исходит не из традиционно присущих американцам ценностей и их иерархий, а из их ситуативных модификаций, так, национальная трагедия вывела на первые позиции такие ценности, как безопасность, взаимопомощь и дружбу, тогда как в норме американцы руководствуются принципами индивидуализма и способности решать проблемы самостоятельно.

Обращаясь к нации, президент использует также такие ценности американцев, как семья, религия, свобода в ряде ее пониманий, демократические ценности, патриотизм, правосудие, а также такие характеристики, как агентивность американцев, их доверие к демократическим институтам, особенно к институту президентства, понимание эффективности властей как количества и своевременности принимаемых ими мер, привычку ощущать себя частью великой непобедимой нации в сочетании с высокой значимостью способности принять вызов судьбы.

Поскольку к этому располагает аргументативная ситуация, в обращении превалирует фатика, однако президент находит разумное соотношение эмоциональности и рациональности с тем, чтобы не оттолкнуть традиционно

рациональных американцев излишней экстатичностью, но и не быть обвиненным в сухости в час национальной трагедии.

Призывы руководствоваться здравым рассудком, действовать продуманно и не идти на поводу у предрассудков также придают аргументам форму, одобряемую в силу национальных особенностей мышления американцев.

Кроме того, президент прибегает и к таким косвенным приемам воздействия, как использование синтаксических конструкций, создающих иллюзию выбора, трюизмов, маскирующих инструкции под рассуждения, использование оппозиций типа «или - или», а также использование аффирмаций, исключающих отрицание.

Добиться одобрения и активного присоединения к позиции президента помогает корректное оперирование знаками политического дискурса, релевантными в данной аргументативной ситуации. Знаки интеграции используются для дальнейшего укрепления однородности аудитории и ощущения общей сопричастности одному делу (показать миру величие нации и дать достойный отпор террористам), знаки ориентации обозначают позицию президента как лидера нации и направляют коллективную эмоцию на поддержку курса Дж. Буша, а знаки агональности обличают общего врага.

В целях убеждения аудитории широко используется и мифологическая составляющая политического дискурса: в обращении можно найти к таким базовым мифам американского народа, как мифы основания (истоки нации, борьба за равноправие, основание Конституции и т.д), эсхатологические мифы (проекции судьбы нации на прошлое и будущее), а также миф американской мечты (материалистический аспект – стремление и успеху и благополучию, вера в собственные силы, одобрение независимости, моралистический аспект – равенство, демократия, христианский долг по отношению к ближнему, идеализация американского уклада жизни).

Анализируя мифологический аспект обращения Дж.Буша к нации с аксиологической точки зрения, можно отметить тот факт, что аргументы облекаются то в форму мифов-идиллий с привлечением знаков интеграции, которые рисуют героическое прошлое как основу для активных действий для достижения не менее героического, благополучного и безопасного будущего, то в форму мифов-кошмаров с привлечением знаков агональности, которые эксплуатируют страх перед угрозой благополучию, демонизируют образ врага и абсолютизируют идею заговора и угрозы с тем, чтобы не оставалось сомнения в необходимости радикальных и комплексных мер самообороны.

Таким образом, субъект власти, выстраивая публичную аргументацию на основе выделения целевой аудитории с последующим изучением степени ее однородности (социальной, возрастной, гендерной и т.д.), ее национально-культурной специфики, ее интересов и экспектаций, ее ценностных приоритетов, а также с учетом аргументативной ситуации может заручиться убедить в справедливости своей линии если не всех, то очень многих представителей целевой аудитории. Вплетение аргументов в структуру релевантных для аргументативной ситуации мифов способствует уменьшению критично-

сти аудитории и ведет к тому, что адресат легче принимает сторону аргументатора и, в то же время, сохраняет более устойчивую приверженность, нежели в случае с аргументами, принимаемыми на рациональных основаниях.

Аксиологическая направленность и эмотивная маркированность мифологем как языковых носителей мифа в сочетании с нечеткостью денотативного компонента позволяют отнести их к категории политических аффективов, отражающих ценностные структуры общественно-политического сознания. Таким образом, воздействуя на указанные структуры, субъект власти мотивирует аудиторию и стимулирует определенное поведение на базе формирования приверженности к определенной политике.

Итак, в публичной аргументации субъекта власти отмечается преобладание ценностей над фактами, воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным, имеющее целью стимулирующее или усыпляющее воздействие на адресата.

В свою очередь исследование технологий аргументативного воздействия на массовую аудиторию в политическом дискурсе позволяет интегрировать достижения культорологического языкознания, прагматической и социальной лингвистики, а также риторики и теории аргументации. Однако, кроме того, перед современной наукой стоит задача прикладного применения полученных результатов в целях оптимизации общения субъекта власти и народа с тем, чтобы, с одной стороны, уменьшить возможность манипулирования массовым сознанием, а с другой – повысить уровень аргументативной компетентности сторон для лучшего взаимопонимания.

Примечания

1. Глухова А.В. Речь как политическое действие: функциональный аспект.// Эссе о социальной власти языка. - Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 65 – 72.

2. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке.//Языковая личность: культурные концепты: Сб.науч.трудов. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – С. 3 – 16

3. Панченко Н.Н. Манипулятивность политической рекламы.//Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб.науч.трудов. - Волгоград: Коллежд, 2001. – С. 225 – 230

4. Тазмина А.Т. Проблемы современной политической риторики. Абакан: Изд-во хакасского гос.ун-та, 2001. – 154 с.

5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Ин-т языкознания РАН; - Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

Д.Л. Дудович (г. Самара, СИУ)

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Поиск новых подходов к образованию направлен, прежде всего, на подготовку высококвалифицированных специалистов. Радикальные изменения социально-экономической ситуации в стране, продолжающаяся научно-техническая революция привели к коренным изменениям потребностей рынка труда в количестве и качестве подготавливаемых специалистов. Производству требуются специалисты не только с необходимыми знаниями, умениями и навыками, но и многими другими способностями и качествами, такими как самостоятельность, организованность, способность решать творческие задачи, проектировать собственную деятельность, быть готовыми вступить в деловые коммуникации.

В современных условиях, когда многие вузы готовят специалистов экономического профиля, возникает противоречие между требованиями, предъявляемыми к специалистам на рынке труда и уровнем подготовки выпускников. Улучшить подготовку менеджеров в вузе позволит формирование коммуникативной компетентности. Вместе с тем опыт показывает, что существующая подготовка в данном направлении недостаточна. Работодатели указывают на функциональную безграмотность менеджеров в области деловой коммуникации. Существующий пробел можно восполнить особой организацией учебного процесса в вузе и сформировать коммуникативную компетентность.

Основными показателями и признаками коммуникативной компетентности мы приняли степень сформированности ее основных структурных компонентов: теоретические знания в области коммуникативных дисциплин; коммуникативные и организаторские умения; коммуникативный самоконтроль; умение продуктивно выходить из конфликтной ситуации; коммуникативные качества речи; эмпатия.

При разработке проблемы формирования коммуникативной компетентности применительно к специфике профессии менеджера следует принимать в качестве ключевого понятия «профессиональная коммуникативная компетентность менеджера» как владение знаниями и умениями в области межличностных отношений и как личностное качество, проявляющиеся в отношении с людьми. Структура понятия включает коммуникативный, интерактивный и перцептивный компоненты общения.

Условием формирования коммуникативной компетентности менеджера является овладение специфическими знаниями в области профессионального межличностного общения, овладение коммуникативными умениями и навыками в рамках специального курса.

На наш взгляд необходима специальная организация учебного процесса, в рамках которого необходимо введение спецкурса.

На данный момент в организации учебного процесса по специальности «Менеджмент организации» в Самарском институте управления разработан спецкурс по формированию коммуникативной компетентности. Данный курс связан с предметом «иностранный язык» так как иностранный язык может способствовать формированию коммуникативной компетентности. В основе данной учебной дисциплины лежит коммуникативный подход к обучению. Учебные блоки курса даны во взаимосвязи, так как представляют собой единую систему. В ходе изучения курса предполагается теоретический и практический блоки. Для успешного усвоения теоретических знаний необходимы практические занятия. Стабильность, жизнеспособность, перспективность данного курса будут обеспечены при условии, что все его элементы будут взаимосвязаны и подчинены единой цели, то есть функционировать для формирования коммуникативной компетентности менеджеров. Это положение позволяет обосновать целесообразность и необходимость спецкурса для специалиста экономического профиля. Изучение правил делового общения дает будущему специалисту обширный материал для понимания процессов, происходящих в деловом мире, открывает возможности для самосовершенствования с учетом знания психологических аспектов. Знание и умение использовать правила делового этикета, позволяет лучше ориентироваться в мире бизнеса. Кроме того, изучение делового общения в значительной мере способствует лучшему пониманию не только других, но и самих себя, своих целей и интересов в профессиональной деятельности.

Спецкурс логически включается в учебный процесс, создавая коммуникативную среду для профессионального становления менеджеров.

Совокупность указанных форм и методов работы позволят получить необходимые и достаточные для эффективного профессионального общения знания, сформировать субъект – субъектный настрой в общении, приобрести коммуникативные умения и навыки, то есть сформировать коммуникативную компетентность менеджеров.

Для менеджера необходима специальная программа по формированию коммуникативной компетентности в рамках изучения иностранного языка. Данный спецкурс охватывает специфику делового общения, развивает навыки деловой коммуникации.

Предлагаемый курс «Деловая коммуникация» позволяет формировать коммуникативную компетентность в рамках учебного процесса. Спецкурс логически включается в учебный процесс, создавая коммуникативную среду для профессионального становления менеджера.

Средствами формирования коммуникативной компетентности менеджеров является курс «Деловая коммуникация». Теоретические занятия позволяют приобрести необходимые и достаточные знания для эффективной межличностной коммуникации в профессиональной среде. Формирование коммуникативных умений и навыков осуществляется в ходе практических занятий в различных формах социально-психологического тренинга.

Совокупность указанных форм и методов работы позволяет получить необходимые и достаточные для эффективного профессионального межличностного общения знания, сформировать субъект - субъектный настрой в общении, приобрести коммуникативные умения и навыки, то есть сформировать профессиональную коммуникативную компетентность менеджера.

Спецкурс позволяет совершенствовать процесс подготовки менеджеров в вузе, и позволит эффективно формировать коммуникативную компетентность менеджеров, необходимую в профессиональной деятельности специалиста экономического профиля.

Ж.В. Живова (г. Нижний Тагил, НГСПА)

МЕСТО КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Персональный компьютер (ПК) – универсальное обучающее средство, которое может быть с успехом использовано в различных по содержанию и организации учебных и внеучебных занятиях, может способствовать включению учащегося в учебный процесс, поддерживать интерес, способствовать пониманию и запоминанию учебного материала.

В последнее время появился ряд публикаций, отражающих подходы к организации обучения иностранному языку с помощью компьютеров, а так же требования к компьютерным обучающим программам (КОП). Внимание исследователей обращено, прежде всего, на такие технические и методические возможности компьютера, как способность моделирования условий коммуникативной деятельности, увеличения объема языковой тренировки в процессе овладения лексико-грамматическими навыками, индивидуализации и дифференциации обучения, реализации принципа обратной связи, объективного и полного контроля навыков и умений; возможность унификации учебного процесса в различных учебных заведениях, стимулирование учителя к применению различных новаторских приемов.

Компьютер может решать и такие задачи, как отбор содержания обучения, адекватного поставленным целям, введение отобранного материала в учебный процесс, управление процессом усвоения знаний и даже реализации основной обучающей программы, обеспечивающей намеченные цели обучения. Он способен моделировать планируемое иноязычное речевое поведение обучаемых, мотивировать их овладение иноязычной речью, оптимизировать самообучение, обеспечить перенос языкового материала в другие виды речевой деятельности.

Как средство обучения компьютер обладает следующими преимуществами:

1.подает на экран дисплея любую языковую информацию по запросу учащегося;

2.повышает наглядность учебного процесса;

3.является контролирующим устройством, определяющим правильность понимания прочитанного и индивидуальные трудности каждого ученика;

4.является обучающим устройством, регулирующим степень самостоятельности учащегося;

5.обеспечивает индивидуализацию характера смысловой обработки лексики;

6.дает возможность осуществлять дифференцированный подход в подборе видов упражнений для каждого ученика;

7.служит средством формирования умений самоконтроля;

8.является тренажером, позволяющим оперативно отработать то или иное речевое действие, необходимое для успешности в целом;

9.является источником дополнительной мотивации.

Таким образом, компьютер может дать возможность гибко управлять процессом обучения иностранному языку. Уровень компьютерных программ всегда определяется их педагогическими возможностями и тем, какие функции и в какой степени они могут выполнять.

Существуют три основные области использования компьютера в процессе обучения языкам, которые различаются целями применения компьютера и основными моделями обучения:

- компьютер – вспомогательный инструмент деятельности;
- компьютер – преподаватель;
- компьютер – ученик и стимул для овладения знаниями.

При использовании компьютера в качестве вспомогательного средства обучения или инструмента деятельности учащегося и преподавателя речь идет о неспециальных программах общего типа, таких как: текстовый редактор, банк данных и, как его разновидность, справочно-информационная система.

Текстовые редакторы являются наиболее доступными общими программами, которые позволяют учащемуся вводить собственный текст, редактировать его, а также выводить его на печать. В последних модификациях редакторов существуют также встроенные информационные системы, позволяющие проверить орфографию и грамматику, подобрать синонимы, а также использовать шаблоны различных документов. Большое преимущество редакторов состоит в том, что дети могут работать с ними как самостоятельно, так и в группах по два, три человека. Это позволяет поднять уровень мотивации, поскольку цель написания интересной работы для одного читателя – преподавателя не является стимулирующей, а когда этот процесс становится коллективным творчеством, результат которого благодаря печати тиражируется, учебное упражнение превращается в настоящее коммуникативное задание.

Банки данных – это программы, которые представляют собой оболочку, заполняемую пользователем (учитель ведет журнал и регистрируют параметры учебного процесса, учащийся собирает необходимую ему информацию и т.д.). Их разновидностью являются системы, которые могут быть приложением к собственно

обучающим программам, либо самостоятельными системами в виде профессиональных словарей и энциклопедий на лазерных дисках, которые уже широко применяются в целях повышения уровня мотивации в изучении языка путем знакомства с культурой и обычаями зарубежных стран, причем на иностранном языке.

В том, что касается передачи компьютеру функций учителя, основным направлением развития в данной области является интеллектуализация систем компьютерного обучения. И здесь речь идет уже о специальных программах, разрабатываемых в целях обучения языкам.

В настоящее время можно констатировать наличие двух основных принципиально разных подходов к разработке компьютерных программ: алгоритмического и когнитивно-интеллектуального. Эти подходы и создаваемые в их рамках системы различаются следующими параметрами:

2.степенью реализации функциональных возможностей компьютера в процессе обучения;

3.уровнем интерактивности взаимодействия (способностью ведения диалога на естественном языке);

4.ориентацией на различные модели мыслительной деятельности.

Алгоритмические программы используются преимущественно с целью диагностики способностей, тренировки и контроля. Данные программы незаменимы при овладении грамматическими и лексическими навыками, но могут использоваться также при обучении чтению и письменной речи. Они имеют ряд существенных недостатков, которые накладывают ограничения на процесс их использования при обучении иностранным языкам.

На уровне интерактивности взаимодействия и способности вести диалог на естественном языке алгоритмический подход ограничивается рассмотрением языка как системы однозначных соответствий единиц плана выражения и плана содержания, из чего вытекает ряд важных последствий. Во-первых, это не позволяет работать ни со стилистическими особенностями речевых единиц, ни со сложными семантическими комплексами, ограничивая использование данных программ либо начальным этапом обучения, либо выработкой навыков, при которых такие соответствия возможны. Во-вторых, в алгоритмических программах компьютер не анализирует ответ обучаемого, а лишь сравнивает его с заложенным в память компьютера эталоном и оценивает его правильность на базе сопоставления с типовым шаблоном.

Указанные причины обусловили необходимость поиска путей совершенствования компьютерных обучающих систем, которые ведутся в рамках когнитивно-интеллектуального направления.

Когнитивно-интеллектуальный подход характеризуется, с одной стороны, использованием в практике преподавания систем искусственного интеллекта и действующих систем автоматического перевода и переработки текстов, а с другой стороны, ориентацией на реальные модели речемыслительной деятельности человека, что означает реализацию эвристических методов обучения.

В том, что касается обучаемого, то при данном подходе можно говорить об интеллектуализации его деятельность, когда машина не дает прямых указаний или

готовых ответов, а посредством целой шкалы подсказок и широкого набора справочной информации стимулирует учащегося к поиску правильного решения, создавая индивидуальные условия деятельности. Это означает, что данному подходу присуще принципиально новое понимание процесса обучения с помощью компьютера, при котором не машина программирует обучаемого, а сам пользователь при помощи компьютера приобщается к творческой, интеллектуальной деятельности.

Компьютер является, прежде всего, инструментом деятельности преподавателя и обучаемого. А поэтому, компьютеры в обучении следует использовать тогда, когда они обеспечивают получение знаний, которые невозможно, либо достаточно сложно получить при использовании бескомпьютерных технологий. Работа с ним может стать лишь этапом в овладении учащимися теми или иными навыками. Но очень важно обучение строить таким образом, чтобы ученик понимал, что задачу решает он, а не машина, что только он несет ответственность за последствия принятого решения. Используя методы компьютерного обучения, не следует забывать, что компьютер является лишь хорошим средством обучения иностранному языку.

Но следует также отметить, что любое занятие с использованием персонального компьютера предполагает составление различных типов и видов обучающих программ. В составлении учебных компьютерных программ для ПК можно выделить следующие основные этапы:

1. формулировка целей, которые могут быть достигнуты с помощью данной программы;

2.лингводидактический отбор и организация материала:

а) выбор типов упражнений;

б) создание их информационных массивов (слов, словосочетаний, предложений, речевых образцов, текстов, рисунков, схем);

в) учет различных ответов учащихся на поставленные вопросы и подготовка реакции компьютера на них;

3.содержательное описание работы (сценарий программы) на основе отбора и организации учебного материала;

4. конкретизация сценария программы в соответствии с техническими требованиями (форматизация экрана, установка функций определенных клавиш и т.п.);

5.алгоритмизация сценария;

6.программирование (создание пробного варианта программы);

7.апробирование программы в различных условиях учебного процесса и ее корректировка.

В структурном отношении учебная компьютерная программа включает в себя: учебный материал (тексты, диалоги, упражнения); правила-инструкции; материал, подлежащий контролю; прогнозирование ошибок; возврат ошибочно выполненных заданий; оценку и анализ ошибок. Материал в программах расположен по степени возрастания трудности и базируется на изучаемом лексическом материале.

При выборе той или иной компьютерной обучающей программы необходимо руководствоваться следующими основными аспектами:

- психологическим – как влияет данная программа на мотивацию учения, на отношение к предмету, повысит или снизит интерес к нему, не возникает ли у уча-

щегося неверие в свои силы из-за трудных, непонятно сформулированных или нетрадиционных требований, предъявляемых машиной;

- педагогическим – насколько программа отвечает общей направленности школьного курса и способствует выработке у учащихся правильных представлений об окружающем мире;

- методическим – способствует ли программа лучшему усвоению материала, оправдан ли выбор предлагаемых ученику заданий, правильно ли методически подается материал;

- организационным – рационально ли спланированы уроки с применением компьютера и новых информационных технологий, достаточно ли ученикам предоставляется машинного времени для выполнения самостоятельных работ.

Р.Г. Калюжный (г. Находка, ВГУЭС)

ОРГАНИЗОВАННАЯ РЕЛИГИЯ И КРИТЕРИИ РЕЛИГИОЗНОГО НАСИЛИЯ

XX век, как время новых тенденций в сфере науки, культуры, промышленности и т.д., продемонстрировал широкий спектр разнообразия человеческой мысли. Интеллектуальная деятельность человечества породила не только полезные изменения в материальной и духовной жизни планеты, но и угрожающие в перспективе тенденции разрушительной силы. Возрастающая дифференциация религиозной мысли привела в XX веке к возникновению разнообразных культовых организаций, однако некоторые из них осуществляют свою деятельность преступными методами, и бросают мрачную тень на религию в целом.

Современное общество столкнулось с увеличивающимся числом насилия со стороны, так называемых, «новейших» религиозных и псевдорелигиозных культов. Это, в свою очередь, настораживает и побуждает исследовать данный феномен. Возникшие относительно недавно культовые организации осуществляют свою деятельность методами физического, психологического, информационного и идеологического насилия, что вылилось в новое социальное явление религиозного терроризма. Эти соображения позволяют перейти к рассмотрению вопроса о том, как на сегодняшний день классифицируются организованные религиозные группы, и какие из них следует отнести к категории вредных. Для реализации корректного исследования необходимо ввести базовые понятия организации религии. Представляется уместным исследование понятий: культ, секта, церковь и деноминация.

Культ (лат. cultus - почитание, поклонение): почитать кого-либо, что-либо, т.е. уважение; поклоняться кому-либо, чему-либо, т.е. преклонение (обожествление).

Отсюда видно, что совсем не обязательно применение термина «культ» в сфере религии и совсем не обязательно он должен относится к религиозным группам, хотя приемлем в сфере «священного». Например, культ личности Сталина в нашей стране. Несмотря на то, что религии, как таковой, в сфере почитания вождя не было, но общественное сознание было подчинено культу поклонения в политическом эквиваленте. Другими словами, вера в Бога была заменена поклонением личности вождя-лидера, но лишь без отправления обрядов, традиционно воспринимаемых как религиозные. Это подводит нас к мысли, что культ, как явление приемлемое в области верований в некое Божество, способен трансформироваться (видоизменяться), преломляться, и функционировать как форма верования, поклонения, обожествления человека. Культ - не только религиозное поклонение, но и почитание вообще, достигающее определенного уровня в массовом и индивидуальном сознании людей, а именно уровня преклонения. Также псевдорелигиозное поклонение, не имеющее в своей основе наличие Бога как такового, может быть отнесено к категории культа. Итак, культ – это стремление и осуществление поклонения в различных формах (политической, информационной, культурной, религиозной).

Секта (лат. sequence – следование) – это последователи какого - либо мнения или идеи (ученики этого воззрения). Движение, идеологическое течение, пропагандирующее и защищающее свои права, выступающее часто как необычное явление в силу оригинальности, нетрадиционности своих суждений (партия, блок, формация, ячейка, вариант). Учение, включающее либо уставное структурно-оформленное, либо устное (нигде не оформленное), но всегда идеологическое содержание. Очень часто, употребляя в быту термин «секта», люди придают этому слову явно негативистский смысл, но, с точки зрения этимологии (происхождения) данного слова, «сектой» является любой политический блок или партия, выражающая свои особенные, непохожие на других, мысли. В философских и научных кругах приверженцы нетрадиционных, а иногда даже оппозиционных, суждений также могут быть обозначены своего рода «сектой». Изначально термин «секта» не имеет в себе религиозной нагрузки.

Греческий эквивалент слова церковь «экклессия» на иврите соответствует еврейскому эквиваленту «микра» - «вызванные из…» (обозначает религиозное собрание), уточняет данное определение, подводит его к логическому завершению. Таким образом, законченный, синтезированный вариант термина несет формулировку не просто «собрания», но «людей объединенных одной верой, собранных Богом по Его воле (инициативе)». Церковью, в этимологическом (в частности библейском) понимании, может называться лишь то сообщество людей, которое призвано самим Богом. Каждая религиозная организация имеет право верить в свое Божественное призвание и называть себя церковью, но в рамках широкой дифференциации вероисповеданий необходим нейтральный, терпимый и лояльный подход и термин.

В связи с этим более приемлем термин «деноминация» - наименование, номинация. На сегодняшний день, в контексте религиозной свободы, все, так называемые «церкви», лишь номинальные элементы общего списка религиозных верований. Во всем мире и в России существуют различные деноминации, но те, что поя-

вились в начале XX века, принято называть «новыми» культами, в силу неизученности содержания их деятельности.

Религиоведами предложены различные способы классификации «новых» культов. Резюмируя типологии многих авторов, выделим общий перечень:

1.Неохристианские (западнохристианской ориентации)

2.Неоориенталистские (восточного происхождения)

3.Интерконфессиональные (синкретические, универсалистские)

4.Саентологические («наукообразные», излагающие псевдонаучные факты)

5.Оккультно-мистические (осуществляющие связь с потусторонним миром)

6.Неоязыческие (возрождающие языческие верования в новой интерпретации)

7.Сатанинские (пропагандирующие зло, анархию и вандализм)

8.Отечественного происхождения (возникшие и базирующиеся в России)

Причины столь широкой религиозной дифференциации коренятся, с одной стороны, в интересах и стремлениях людей соприкоснуться с областью неизведанной, запредельной, потусторонней реальности, а с другой стороны, в свободе вероисповедания - неотъемлемой характеристике любого цивилизованного общества. Однако разнородная палитра культов побуждает выработать критерии идентификации вредности тех или иных культов, чтобы определить формации негативистской направленности. Для этого обратимся к самой основе религии и предпосылкам возникновения любой религиозной организации. Большинство отечественных исследователей религии справедливо считают главным, специфическим признаком религиозного сознания веру в сверхъестественное. Сверхъестественное – особая реальность, противопоставляемая миру естественных вещей и явлений, стоящая над его законами и управляющая им. По мнению А.А.Радугина, любая религия есть не что иное, как социальная форма объективизации религиозного сознания (веры в «сверхъестественное») и форма реализации религиозной веры социальными группами или отдельными индивидами. Другими словами вера и реализация веры. Таким образом, религия базируется на двух основаниях: А) вера в наличие между человеком и предметом его веры сверхъестественной возможности установления определенных взаимоотношений; Б) способ выражения внутренней веры, определяющем самобытность и характерные особенности того или иного культа.

Религиозный опыт сам по себе никак не касается социальной сферы до тех пор, пока не выражен словами, действиями или организованной системой, хотя одно без другого встречается крайне редко. Отсюда следует, что именно форма или способ выражения веры (как и любой идеологии) может выступать в качестве индикатора либо социальной приемлемости общественной формации, либо ее вреда. Для краткого обозначения вредного влияния культов на личность, группу или общество введем термин «патология» как отклонение от нормы, взятый из области медицины и клинической психологии. Нормальная и ненормальная форма реализации веры должна иметь явно ощутимые границы, ведь если медицина вводит понятие патологии, значит, отследить отступление от нормы все-таки возможно. В религиозной сфере граница должна проходить также однозначно, без туманностей, но эта граница или норма не столько по поводу религиозных убеждений личности (каждый имеет право на свободу вероисповедания), сколько по содержанию соци-

ально-психологических способов выражения личностной веры или идеологии вообще. Перечислим возможные критерии патологии идеологических пристрастий личности или группы людей.

1. Тоталитарность (англ. total – всецелое, довлеющее, общее, полное). Данный феномен культивирует слепое подчинение авторитету, иногда групповому. Это суровая организация, всеобщий контроль над всеми сторонами жизни. По мнению многих специалистов, тоталитарность чаще всего наблюдается в политических режимах, и организациях с ярко выраженной централизованной системой. Данный эффект коренится в массовом сознании, кочуя между различными сферами жизни общества, не проходя мимо и религии, закрепляясь в ней, и искажая нормальное (естественное) протекание реализации индивидуальной потребности вероисповедания (реализации какого-либо религиозного учения) или идеологических воззрений.

2. Другой возможной разновидностью патологии можно обозначить деструкцию как разрушительное влияние на физиологию и психику человека. Деструкция (лат. destructio) – нарушение или полное разрушение структуры. Английские эквиваленты «distract» (сбивать с толку, ставить в тупик, расстраивать согласованность системы) и «distraction» (беспорядок, ликвидация, разрушение, отчаяние, умопомешение, безумие) - означает процесс уничтожения системы, объекта, внутреннего содержания чего-либо. Данное свойство в некоторых культах проявляется как отсечение человека от структуры, изоляция от стабильной системы с целью дезориентации и потери связи с социумом. Это естественным путем разворачивает его внутрь группы и фокусирует внимание исключительно, избирательно, формируя узость и догматичность мышления. В других случаях деструктивное начало формирует преступные наклонности, вражду и агрессивные установки личности. Культ, находящий выражение своих принципов и позиций в насилии, неминуемо идентифицируется как явление, угрожающее жизни и здоровью общества, и, следовательно, попадает в список деструктивных (вредных, разрушительных) идеологических общественных движений.

3. Далее введем понятие «псевдонаучного» для определения мистических (но претендующих на статус научности) оккультных учений. Паралогизм (греч. para – рядом, возле; paralogismos, paralogos – околонаучное) – ошибочное умозаключение. Оккультизм (лат. occultus – скрытый, тайный) – связь с потусторонним миром, душами мертвых, мистические учения. Данный критерий позволяет отследить мистическую направленность культа, которая в большинстве случаев формирует шизофренические установки личности и патологии психики. Увлечение технологиями вхождения в транс, спиритизмом (установление связи с душами мертвых), магией, парапсихологическим кодированием, медитацией, паранормальными и экстрасенсорными явлениями – все это попадает в категорию оккультного, и, соответственно, потенциально может обернуться психопатологическим отклонением сознания личности.

4. Следующим возможным показателем патологии сознания выделим аскетизм. Аскетизм – крайне строгий образ жизни, отказ и отречение от жизненных благ, удовольствий; искусственное подавление в себе естественных желаний и по-

буждений. Данный критерий впитывает в себя те крайности культовых верований, которые несут нарушение в биологические функции и ритмы организма, неминуемо искажают или полностью поражают центральную нервную систему с дальнейшими последствиями.

5. Еще одной формой крайнего проявления религии является, свойственное многим культам, качество экстатического состояния психики. Экстаз – исступленно-восторженное состояние, вид аффективного, импульсивного, возбужденного (экзальтированного) психического расстройства. При условии вхождения в затянутое состояние подобного рода, человек рискует потерять ясное представление о реальности. Сознание притупляется, либо испытывает психические перегрузки, нередко доводящие до конвульсий, потери сознания, общего психоза, истерии и маниакальных наклонностей. В результате ослабевает нравственный контроль, что ведет к антисоциальным действиям, в таком состоянии индивид нередко подвержен внушению и манипуляциям извне, вплоть до финансовых спекуляций и шантажирования личности на основе информации интимного характера.

Резюмирующими характеристиками культов негативистской направленности могут считаться такие черты, как тотальное подчинение, где центр культа – человек; наличие догмы, как отсутствие критического начала в суждениях; крайний аскетизм, т.е. отречение от имущественных и других ценностей; техники контроля сознания, выражающиеся в манипуляциях психологического подавления воли; методы физической изоляции, т.е. обрезание социальных связей. В целом, насилие такого рода - это идеологическое воздействие посредством организованной системы махинаций, имеющих свою конкретную цель – обретение выгоды, которая выражается не только в финансовом эквиваленте, но и нередко в реализации потребности (идеологической, религиозной, политической и т.д.) власти. Следует сделать заключение, о явном нарушении прав человека некоторыми культовыми организациями, что характеризуются подавлением аналитических способностей сознания, угнетением психики и физического самочувствия, навязыванием чужого мнения, финансовыми махинациями, насильственными формами деятельности группы или отдельных индивидов группы. Вырывание человека из процессов социализации, лишает его естественного стремления к развитию познавательной функции психики. Ликвидируя эту функцию, культы формируют устойчивое патологическое отрицание жизни в полноте ее проявлений. Это порождает замкнутость личности в обособленной среде, отчуждение от внешнего мира. Определяет нежелание сравнивать и анализировать явления и процессы группы, что сворачивает интеллектуальные функции разума, и, в конечном счете, делает личность либо неспособной менять ситуацию несоответствия группового содержания здравому смыслу («сознательная марионетка»), либо формирует психические сбои (аутистские и невротические срывы), часто приводящие к суициду.

Примечания

1. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: 1998. – 1536 с.
2. История религии: Учебник / Под общей ред. Яблокова И. Н. – М.: Высш. Шк., 2002. - Т. 2. – 639 с.
3. Немов Р.С. Психология. – М.: Просвещение, 1995. – 239 с.

4. Основы религиоведения / Под общей ред. Яблокова И. Н. – М.: 2001. – 480 с.
5. Психология личности. Хрестоматия. – М.: Питер, 2002. – 476 с.
6. Психология сознания. Хрестоматия. – М.: Питер, 2001. – 475 с.
7. Радугин А. А. Введение в религиоведение. Курс лекций. – М.: Центр, 1996. – 302 с.
8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. В русском переводе с параллельными местами. — М.: Библейское общество, 1993. — 1371 с.
9. Финли М. Великие пророчества Библии. – Заокский: «Источник жизни», 2004. – 448 с.

А.Н. Климов (г. Кузнецк, КИИУТ)

РАЗЛОЖЕНИЕ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ПРОЦЕССА НОМИНАЛИЗАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Номинализация означает расширение употребления имён (существительных, прилагательных и их эквивалентов, особенно существительных с определениями) за счёт уменьшения частотности употребления смысловых глаголов, глагольных словосочетаний и наречий. Номинализация не ведёт к полному вытеснению неименных структур именными. Они сосуществуют в языке, расширяя его синтаксические ресурсы. Это позволяет использовать параллельные именные и неименные структуры для передачи различных смысловых и стилистических оттенков.

Одним из частных случаев номинализации является разложение, когда вместо синтетических форм употребляются аналитические. Например:

writes – does the writing; is a writer.

Разложение при номинализации бывает двух типов: А) с сохранением глагольного сказуемого и Б) с заменой глагольного сказуемого именным. Рассмотрим несколько примеров таких разложений.

А) Разложение с сохранением глагольного сказуемого

1) Простое глагольное сказуемое сменяется фразовым: «служебный глагол (do, get, give, have, make, take и др.) + существительное, как правило, образованное по конверсии от соответствующего глагола». Например:

to research → to do research;to try → to have a try;

to hold → to get hold;to reply → to make a reply;

to laugh → to give a laugh;to leave → to take leave.

В большинстве случаев такие сочетания обозначают конкретные, непродолжительные или единичные действия.

Например:

They like to walk in the park. – Они любят гулять в парке (делают это регулярно).

Have a walk. – Прогуляйся (сделай это сейчас).

2) Простое глагольное сказуемое сменяется фразовым: «служебный глагол (do, get, give, have, make, take и др.) + неопределённый артикль (a, an) + отглагольное существительное на –ing.

Например:

to like → to take a liking (for something);

to understand → to get an understanding (of something);

to meet → to have a meeting.

Такие сочетания указывают на то, что действие, выраженное отглагольным существительным на –ing, является обычным, единичным из ряда ему подобных. Например:

I have a liking for French food. – Мне нравится французская кухня (но это отнюдь не всё, что мне нравится).

3) Простое глагольное сказуемое сменяется конструкцией: «do + (определяющие слова the, some, little, no, a lot of, a great deal of) + отглагольное существительное на –ing». Например:

to wash → to do the washing;

to think hard → to do some hard thinking;

to talk a lot → to do a lot of talking.

Данная конструкция используется, когда действие продолжается в течение некоторого времени или регулярно повторяется. Например:

The professor did a lot of questioning. – Профессор не скупился на вопросы.

I have got to do some hard thinking. – Мне нужно хорошенько подумать.

Когда между do и отглагольным существительным на –ing стоит определённый артикль, то обычно противопоставляются действия двух лиц или сторон. Например:

The professor did the talking. The students did the listening.

Профессор (долго) говорил. Студенты (внимательно) слушали.

4) Простое глагольное сказуемое сменяется конструкцией: «get + причастие I или II».

to start → to get started;to move → to get moving;

to wash → to get washed;to talk → to get talking;

to marry → to get married;to go → to get going.

Данная конструкция подчёркивает начало или однократность действия, часто используется в побудительных предложениях в разговорном стиле. Причём причастие I (активное) как бы переносит действие, которое надо совершить, в настоящее, а причастие II (пассивное), наоборот, как бы отодвигает начало в прошлое, превращая действие в уже происходящее в момент речи. Например:

Let’s get going! – Ну пошли (поехали) же (быстрее)!

Get started with your work! – Быстро за работу (сейчас же)!

Те же побуждения, выраженные обычными средствами, теряют свою выразительность и настоятельность.

Сравните:

Let’s go. – Пойдёмте.

Start your work. – Начинайте работу.

4) Простое глагольное сказуемое сменяется конструкцией: «go + отглагольное существительное на –ing» (После выпадения в данной конструкции архаичного предлога 'a', использовавшегося как эквивалент предлогов 'on, in, at', данное существительное часто рассматривается как причастие).

to fish → to go a-fishing → to go fishing;

to hunt → to go a-hunting → to go hunting;

to shop → to go a-shopping → to go shopping.

Данная конструкция указывают на действие, которым часто или постоянно занимаются, или на действие, к которому имеют внутреннюю предрасположенность.

He goes frightening people with his stories. – Он постоянно пугает людей своими рассказами (и, по-видимому, получает от этого удовольствие).

He goes wearing these fancy shirts everywhere. – Он повсюду появляется в своих пижонских рубашках (и думает, что они ему идут).

5) Простое глагольное сказуемое в придаточном дополнительном предложении сменяется формой на –ing (герундием или причастием I), являющейся частью оборота Сложное Дополнение.

Например:

I remember that he came to us last week. → I remember his/him coming to us last week.

Я помню, что он приходил к нам на прошлой неделе.

I saw that they entered that house. → I saw their/them entering that house.

Я видел, что/как они вошли в тот дом.

Употребление в Сложном Дополнении форм на –ing, как правило, подчёркивает длительность, многократность, незавершённость, развёртывание действия (в отличие от инфинитива, подчёркивающего краткость, однократность, завершённость действия).

Сравни:

I heard the door slam after midnight. – Я слышал, как после полуночи хлопнула дверь.

I heard the door slamming all night long. – Я слышал, как всю ночь хлопала дверь.

6) Замена придаточного предложения с простым глагольным сказуемым на неполное предложение, в котором глагол меняется на существительное, герундий или причастие.

When you arrive at the hotel, phone me. – Когда ты приедешь в отель, позвони мне.

→ When arriving at the hotel, phone me.

→ On arriving at the hotel, phone me.

→ On arrival at the hotel, phone me.

Такие типы предложений связаны с действием различных стилеобразующих факторов и часто звучат несколько формально и официально.

Б) Разложение с заменой глагольного сказуемого именным

При таком разложении именные части обычно появляются в позиции предикатива и могут быть предложно-именными сочетаниями, существительными и прилагательными.

1) Простое глагольное сказуемое сменяется именным сказуемым, выраженным предложно-именным сочетанием.

to know → to be in the know;

to doubt → to be in doubt;

to run → to be on the run.

Подобные номинализированные предложения являются стилистическими синонимами предложений с глагольными сказуемыми и передают либо официальный стилистический оттенок, либо приобретают дополнительные смысловые оттенки.

Например:

'I am in receipt of your letter.' – 'Я получил ваше письмо.' вместо 'I have received your letter.' придаёт высказыванию оттенок официальности, сухости, казённости.

'He is on the run.' - 'Он бежит.' вместо 'He is running.' подразумевает 'from the police' - 'от полиции' т.е. – Он в бегах (скрывается).

2) Простое глагольное сказуемое сменяется именным сказуемым с предикативом, выраженным существительным.

Например:

to match → to be a match;

to talk → to be a talker;

to smoke → to be a smoker.

Такого рода именные сказуемые, передавая более постоянные характеристики, чем глагольные сказуемые, часто указывают на принадлежность к той или иной категории лиц, которые характеризуются эмоционально или отрицательно.

'He is a show-off.' – 'Он хвастун (позёр).' вместо 'He shows off.' подчёркивает сущность субъекта, а не происходящее в данный момент или время от времени.

'He is a smoker.' – 'Он курильщик.' вместо 'He smokes.' наводит на коннотацию 'заядлый; выкуривающий по несколько пачек сигарет в день'.

Если глагол сопровождался дополнением или обстоятельством, то при разложении они могут быть преобразованы в определение или опущены.

She finds fault with everybody. → She is a faultfinder.

He hunts for heads. → He is a headhunter.

He shoots well. → He is a good shot.

3) Простое глагольное сказуемое сменяется именным сказуемым с предикативом, выраженным прилагательным.

The book reads well. → The book is readable. – Эта книга легко читается ('читабельна').

The map helped me to find the road. → The map was helpful in finding the road. – Карта помогла мне найти дорогу ('была полезной при нахождении дороги').

Такого рода замены, как правило, не несут дополнительных оттенков в значении и являются синонимичными.

Разложение глагольного сказуемого, как частный случай номинализации, может служить примером проявления языковой избирательности, состоящей в том, что английский и русский языки, при описании одной и той же ситуации часто выбирают разные признаки в качестве отправной точки, а это вносит в речь дополнительные оттенки, которые нужно учитывать при передаче высказывания с одного языка на другой.

А.Ю. Кутарба (г. Санкт-Петербург, СПбГУ)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Основные принципы формализации

Главная задача обработки текстов на естественных языках - моделирование значения единицы языка[1]. Под единицей языка подразумевается слово, предложение или текст. Для достижения этой цели необходим семантический язык. Представление значений на этом языке должно содержать их толкования, на основе которых можно адекватно описать все интуитивно ощущаемые семантические связи между различными словами, предложениями, текстами.

В основе формализации естественных языков, в том числе и русского, лежат тезисы, сформулированные в [2]. Приведем те из них, которые нам пригодятся в дальнейшем:

Тезис 1: Язык представляет собой алгебраическую систему, $\{f_1, f_2, \ldots f_n, M\}$, где f_i – ***базисные функции*** на языке, а M – структура языка, представляющая собой набор ***базисных понятий*** $m_1, \ldots m_r$ и их иерархию. Этот тезис дает принципиальный ответ на вопрос, как устроен язык, и утверждает существование единой универсальной грамматики для всех языков - как искусственных, так и естественных.

Тезис 2: Каждое предложение языка можно представить в виде суперпозиций базисных функций f_i, через которые выражается и каждое слово языка, за исключением базисных понятий $m_j \subset M$. Предложение является алгоритмом, и никакой статический тип данных не адекватен ему. Поэтому, если какая-либо грамматика приписывает какому-то предложению нечто, отличное от суперпозиции (древовидную структуру, графовидную или нечто подобное), то такая грамматика не может быть адекватной естественному языку.

Тезис 3: Каждая часть речи играет вполне определенную роль в организации синтаксической структуры предложения[3]. Существительные, являясь аргументами функций, образуют структуру данных языка; прилагательные – простейшие функции на существительных; глаголы – хорошо развитые функции в основном на

существительных; наречия – функции на глаголах; простые предлоги – функции на существительных; сложные предлоги и союзы – функции, аргументами которых являются суперпозиции функций.

Тезис 4: Грамматика неразрывно связана с семантикой языка и представляет собой семантический словарь. Каждое слово должно быть описано некоторой совокупностью семантических формул. Множество таких описаний есть семантический словарь. Если словарь не содержит описания какого-то слова, то можно считать, что это слово вообще не существует. Степень абстрактности формулы может зависеть от многих причин, но чем менее абстрактна формула, тем точнее компьютер может реагировать на слово, связанное с ней.

Тезис 5: Усвоение языка компьютером есть построение и пополнение семантического словаря. Машина, как и человек, может использовать некоторое слово-функцию только тогда, когда знает, как присоединять к нему аргументы.

Таким образом, для успешной формализации необходимо мощное средство (формализм), легко работающее с естественным языком, не запутывая и без того сложную его организацию[3]. На основе приведенных тезисов, выделим основные требования к такому формализму. Он должен:

- содержать толкования единиц языка – семантический словарь;
- обладать достаточной динамичностью и гибкостью, для формализации такой «живой» субстанции, как естественный язык;
- ограничивать размножение формализаций единиц языка.
- уметь выбирать правильный смысл единицы языка, адекватный ситуации, которую она описывает;

ДАТА	$1612(!Род)
ДАТИРОВАНИЕ	N%~ДАТА$1612(S0>Caus(!Тв,InсepHab(!Род,ДАТА$1612(!Ото\!Тв))))
ДАТИРОВАТЬ	N%~ДАТА$1612(Caus(!Им,InсepHab(!Вин,ДАТА$1612(!Ото\!Тв))))
ДАТИРОВАТЬСЯ	N%~ДАТА$1612(Caus(!Тв,InсepHab(!Им,ДАТА$1612(!Ото\!Тв))))
ДАТИРОВКА	N%~ДАТА$1612(S0>Caus(!Тв,InсepHab(!Род,ДАТА$1612(!Ото\!Тв))))
ОТ	N%~ДАТА$1612(Y1>Temp(Y1:„ДАТА$1612~!Когда\!Род))
ОТО	N%~ДАТА$1612(Y1>Temp(Y1:„ДАТА$1612~!Род))
ЧИСЛО	$1612(МЕСЯЦ$1603~!Род)
ПОСЛЕДНИЙ	N%~ЧИСЛО$1612(A1>Temp(A1:ЧИСЛО$1612(ВРЕМЯ$16~!Род), КОНЕЦ$11103(МЕСЯЦ$1603(!Max))))

Сразу обозначим, что построение семантического словаря составляет большую часть работы. В семантическом словаре русского языка каждому из слов языка сопоставлены одна или несколько лексем. Каждая из лексем снабжена собственным обозначением и толкованием. Толкование лексемы определяет ее допустимое множество сущностей (ее значений) в зависимости от состава, вида и значения ее

аргументов. Каждое такое описание включает морфологические характеристики, семантический класс, список слов и конструкций, присоединяемых этим словом и описание семантики слова с помощью семантических функций [4].

Например,

…

$Класс $1612 Время Интервал_времени Дата

….

Таким, образом, на сегодняшний день полное описание слова в семантическом словаре содержит следующие элементы:

- морфологические характеристики;
- семантический класс;
- семантико-грамматический тип, порождаемый словом или конструкцией;
- описание моделей управления: слова и конструкции каких типов и классов может присоединять данное слово;
- описание семантики слова в виде формулы: семантика производных слов выражается через базовые с помощью семантических функций.

Для ряда слов некоторые элементы описания отсутствуют (например, описание семантики для базовых слов).

Семантические классы

Разделение на семантические классы необходимо для описания моделей управления слова [4]. Для каждого слова существует ряд аргументов, которые оно может присоединять. Один из способов определить эти аргументы – указать класс, которому должен принадлежать аргумент. Проблема неоднозначности слов решается простым указанием классов.

Например, слова «острый» и «коса» неоднозначны. В синтаксическом словаре для них существуют следующие альтернативы:

Однако, словосочетание «острая коса» становится вполне однозначным, поскольку совместимыми оказываются только альтернативы:

ОСТРЫЙ $12/01905(Z0:a> ВЕЩЬ$1213\КЛЫК$124/41,Z1: !поДат,Z2: !Ото)//001

КОСА $1213113(Z1: !Род\!У,Z2: !Для)//001

В данном случае устранение неоднозначности возможно только за счет использования семантических классов.

Существует два подхода к описанию классов. В первом случае класс определяется набором семантических признаков. При таком подходе класс может даже не указываться явно. Этот подход является более гибким и универсальным, но и значительно более сложным. Для более-менее полного словаря языка (100 - 150 тысяч слов) задание для каждого слова точного набора семантических признаков становится слишком трудоемкой задачей [3]. В нашей работе выбран другой подход, наиболее простой и эффективный: класс задается номером, отражающим его место в иерархии с одиночным наследованием. Описание таких классов собрано в специальном классификаторе.

	ОСТРЫЙ
	ОСТРЫЙ $12/01905(Z0:a> ВЕЩЬ$1213\КЛЫК$124/41,Z1: !поДат,Z2: !Ото)
	ОСТРЫЙ N%~0002.БОЛЕЗНЬ$124/2(Z0:a> БОЛЕЗНЬ$124/2)
	ОСТРЫЙ N%~0003.ВАЖНОСТЬ$1101631(Z0:a> ИНФОРМАЦИЯ$13154,Z1: !Для,Z2: !Тв\!вПред)
	ОСТРЫЙ N%~0004.ВОСПРИЯТИЕ$124/00(Z0:a> ВОСПРИЯТИЕ$124/00)
	ОСТРЫЙ N%~0005.ДЕЙСТВИЕ$15(Z0:a> ДЕЙСТВИЕ$15)
	ОСТРЫЙ N%~0006.ДУХ$131(Z0:a> ДУХ$131)
	ОСТРЫЙ N%~0007.ОСТРОТА$13124(Z0:a> СЛОВО$1441)
	ОСТРЫЙ N%~0008.ПИЩА$124/1(Z0:a> ПИЩА$124/1\ОБЕД$15205)
	ОСТРЫЙ N%~0009.ПОТРЕБНОСТЬ$1303(Z0:a> ПОТРЕБНОСТЬ$1303)
	ОСТРЫЙ N%~0010.СИЛЬНЫЙ$110/13(Z0:a> ХАРАКТЕРИСТИКА$12/0)
	ОСТРЫЙ N%~0011.ЧУВСТВО$1300(Z0:a> ЧУВСТВО$1300)
	КОСА
	КОСА $1213113(Z1: !Род\!У,Z2: !Для)
	КОСА $122416(Z0:s> БЕРЕГ$122416,Z1: !Род,Z2: !Где)
	КОСА $1241/121(Z1: ЧЕЛОВЕК$1241~!Род\!У)

При построении классификации мы руководствовались правилами [4]:

- Все элементы класса должны иметь схожие семантические свойства, которые наследуются от другого класса, определяемого как надкласс. Элементы класса должны не только наследовать все семантические свойства надкласса, но могут и иметь свои индивидуальные признаки. Класс, стоящий в корне этой древовидной структуры назвали «нечто». Один или несколько подклассов могут иметь многие классы, но слишком мелкое деление является нецелесообразным.
- Если один элемент какого-либо класса может использоваться как аргумент в некоторой семантической формуле, то и остальные элементы этого класса могут быть аргументами в этой же формуле. То же должно выполняться и для подклассов данного класса, причем обратное не всегда верно.
- Каждому из классов присваивается свой идентификационный номер, причем желательно, чтобы по номеру можно было определить надкласс данного класса.

Например,

…

$1227 ФО Природа Космос 26

$12271 ФО Природа Космос Планеты 56

$12272 ФО Природа Космос Земля 19

$122721 ФО Природа Космос Земля Части_света 73

$1227211 ФО Природа Космос Земля Части_света Континенты 15

$1227211000 ФО Природа Космос Земля Части_света Континенты Название 64

…

В первом столбце находится номер класса в иерархии; во втором «путь» в иерархии, т.е. самое правое слово (или словосочетание через знак «_») является именем самого класса, левее расположено имя надкласса, еще левее имя надкласса для

надкласса и т.д. Если относиться к номерам класса не как к числам, а как к словам (или строкам), то видно, что номер надкласса входит в номер класса, начиная с крайней левой позиции. Так, к примеру, номер класса 1227211 («континенты») содержит в себе номер своего надкласса 122 («природа»). Третий столбец информирует о количестве слов включенных в данный класс.

Семантико-грамматические типы

Каждому слову в предложении приписывается определенный семантико-грамматический тип (далее - СГТ) [5]. СГТ отражает смысловую роль, которую играет слово или конструкция в предложении, но учитывает также и грамматические характеристики слова. Фактически, СГТ является комбинацией класса и предложно-падежной формы. Например, $16~!Вин - СГТ слова класса ВРЕМЯ$16 в винительном падеже, !$1214~!наВин - СГТ словосочетания с предлогом *на*. В процессе синтаксического анализа могут вычисляться и такие СГТ, которые потеряли свою синтаксическую форму, но приобрели некоторое обобщенное семантическое значение. Эти значения обозначаются словами: Где, Когда, Как Долго, за Когда, на Когда, Куда и т. п. Например, $12~!Куда, $15~!Где.

Когда слова или конструкции взаимодействуют, они порождают новую конструкцию некоторого типа. Например, при взаимодействии предлога *В* со словосочетанием *прошлом году* вырабатывается тип *Когда*, со словом *лесу* - тип *Где* и т.п. Сочетание слов *стакан воды* будет иметь тот же тип, что и *вода*, но не *стакан*. Стакан воды можно *разлить*, но нельзя *разбить*.

Семантический словарь для английского языка

Семантический словарь русского языка является мощным инструментом для решения многих вопросов обработки текстов. На основе информации, заключенной в нем, мы можем построить формальное представление текста с помощью семантического анализатора В.А. Тузова [5]. Анализатор решает две проблемы: правильный выбор (как правило, единственной) альтернативы слова и связывание выбранных альтернатив в единую конструкцию. Проанализированный таким способом текст, можно использовать в качестве входного для систем распознавания текстов, информационного поиска, классификации и рубрикации, синтеза текстов, реферирования и аннотирования, диалога и даже машинного перевода. Перечисленные задачи эффективно решаются для русского языка, и на сегодняшний день имеется несколько экспериментальных действующих систем, реализующих, например, системы поиска, вопросно-ответную систему и рубрикацию документов. Построение подобных систем для другого естественного языка является весьма актуальной и интересной задачей.

Для успешной работы с англоязычными текстами и построения эффективных систем их обработки было принято решение построить семантический словарь для английского языка. Для этой цели был взят англо-русский словарь и семантический словарь русского языка. На их основе был построен третий словарь, в котором каждому английскому слову сопоставлены все возможные переводы на русский язык, а каждому переводу семантическая конструкция со всеми необходимыми характеристиками: номером класса, морфологическими признаками, списком присоединяемых аргументов и т.д.

Исходный англо-русский словарь содержал 93 000 словарных статей. Полученный семантический словарь – около миллиона строк. Каждая запись этого файла объединяет английское слово или словосочетание, все его возможные русскоязычные переводы, далее набор альтернатив для каждого слова перевода. В этой части записи находились «лишние» альтернативы, порожденные в виду неоднозначности русского языка и невозможности программно отобрать необходимые конструкции.

Например,

PUSS-CAT
* кошка кошечка киска котик
КОШКА $1213133(!Род,!Для) {ж3 1217}
КОШКА $124224117(!Род) {ж3о 1217}
КОШЕЧКА N%~КОШКА$124224117(Karese(КОШКА$124224117(!Род))) {ж3о 1217}
КИСКА $124224117(!Род) {ж3о 168}
КОТИК $12422412(!Род) {м3о 96}
КОТИК N%~КОТ$124224117(Karese(КОТ$124224117(!Род))) {м3о 96}
КОТИК N%~МЕХ$124/42(МЕХ$124/42(КОТИК$12422412)) {м3О 96}

В этом примере все альтернативы, не относящиеся к классу $124224117 (ФО Живой Животные Особь Звери Млекопитающие Домашние Кошки), являются лишними и должны быть удалены,

PUSS-CAT
* кошка кошечка киска котик
КОШКА $124224117(!Род) {ж3о 1217}
КОШЕЧКА N%~КОШКА$124224117(Karese(КОШКА$124224117(!Род))) {ж3о 1217}
КИСКА $124224117(!Род) {ж3о 168}
КОТИК N%~КОТ$124224117(Karese(КОТ$124224117(!Род))) {м3о 96}

Удаление «лишних» альтернатив проводилось вручную. После окончания работы был получен вариант семантического словаря для английского языка, вполне пригодного для решения ряда важных прикладных задач, ориентированных на работу с англоязычными текстами, в частности поисковой системы. Качество такой системы несравнимо выше качества аналогичных систем, не использующих словаря.

Примечания

1. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл <=> Текст»: Семантика, синтаксис. М., 1974. 314 с.
2. Тузов В.А. Математическая модель языка. - Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1984. - 176 с.
3. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. - М.,1972. - 259 с.

4. Тузов В. А. Компьютерная семантика русского языка. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.- 400с.
5. Лезин Г.В., Тузов В.А. Моделирование текстов. // Информационные технологии в гуманитарных и общественных науках. - Вып. 9: Семантико-синтаксический анализ текстов. – СПб.: СПб Экономико-математический институт РАН, 2000.

Е. М. Лукинова (г. Тамбов, филиал ОРАГС)

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ В ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ ГЕРМАНИИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА

Глобальную проблему культуры и цивилизации в литературе Германии 20-х годов, актуализировавшуюся в работе Освальда Шпенглера «Закат Европы» (1922), есть основания рассматривать сквозь призму «принципа тотальности». Шпенглером впервые была создана модель развития цивилизации и обоснованы принципы ее существования. Своей работой он положил начало формированию пессимистической трактовки цивилизации [1] - не тождественной культуре, а противопоставленной ей. Во всех же подходах к культуре «господствует гуманитарный, человеческий принцип. Акцент делается на антропологию – науку о человеке, речь идет о попытке «глядеть на культуру человеческими глазами» [2].

По-новому расставленные акценты в понимании цивилизации и культуры свидетельствуют о том, что уже в конце XIX века в Германии в области культуры происходили глубокие изменения. Л. С. Кауфман пишет: «Еще недавно казалось, что технический прогресс должен неминуемо содействовать совершенствованию общественных систем, но время показало, что события привели в области политики, в социальной сфере и культурной жизни к необратимым сдвигам» [3].

Рассматривая цивилизацию как рок «культуры», художники (О. Дикс, П. Наш, В. Левис, О Кокошка и т. д.), писатели (Т. Манн «Смерть в Венеции» (1911), «Волшебная гора» (1924), Э. Юнгер «В стальных грозах» (1920), Г. Гессе «Демиан» и т. д.) отражали в своем творчестве мировой дисбаланс. Философ-экзистенциалист Карл Ясперс также указывал на кризисное состояние цивилизации, ставящее под вопрос дальнейшее существование человека в мире, превращающемся в единую фабрику. Впервые цивилизация стала мировой угрозой уничтожения человечества, вероятно, поэтому символом ее в искусстве становится оружие, военная техника. Создается образ механистического чудовища, воплощением которого можно считать образ человека-машины, созданный О. Диксом в картинах «Инвалиды войны» (1920), «Продавец спичек» (1920).

Причиной трагического восприятия художниками действительности явилось не только массовое убийство колоссального количества людей, но, в большей сте-

пени, его механистический характер. Все это стало поводом для выработки в военные, и особенно в послевоенные годы глубоко драматического отношения к действительности, проблеме цивилизации, человеку и его месту в мире целого ряда выдающихся немецких писателей, многие из которых были участниками войны. В. Крузе отмечает: «Война имела жестокое дегуманистическое влияние на концепции и действительность межчеловеческих отношений… Она редуцировала человека и лишила его гуманного характера» [4], превратив его в винтик машины, отработанный материал.

Частотность использования в произведениях художников и писателей образа солдата-инвалида (новелла Л. Франка «Инвалиды войны» (1917), драмы Э. Толлера «Еуген Несчастный» (1923), Г.Гауптмана «Герберт Энгельман» (1924, заверш. 1941), новелла Э. Вихерта «Крестовый поход детей» (1926) и т.д.) говорит об актуализации в искусстве (особенно в творчестве экспрессионистов) темы человека и враждебного ему механистического мира.

Интересно в этой связи исследование Сабины Киниц «Als Helden gefeiert — als Kruppel vergessen» [5] об инвалидах первой мировой войны, ставших отработанным продуктом новой цивилизации. С. Киниц дает этико-культурологическую оценку берлинской выставки «Ein Jahrhundert Kunst in Deutschland» («Столетие искусства в Германии»), состоявшейся в 1999 году. Ее экспонатами стали необычные произведения художников периода первой мировой войны. Представленные полотна, фотографии, коллажи, изображают изуродованные тела инвалидов войны. Так художники выразили свое отношение к проблеме образа человека, погубленного войной. Через изувеченные лица, тела людей, побывавших на фронтах первой мировой войны, показана внутренняя сущность изуродованных судеб. Так «Расстрелянное лицо», - пишет С. Киниц, - явилось символом тотального уничтожения человека войной, die Kriegsmaschinerie» [6].

Тема «война и смерть», «цивилизация и смерть» особенно сильно проявилась в творчестве художников 20-х годов. Символична фигура на картине Я. Штурса «Раненый» (1920-1921). Лежащий среди колючей проволоки человек, умирая, в отчаянии хватается за ружье. Отто Дикс на картине «Мать с ребенком» (1921) изобразил на темном фоне окна фигуру матери, держащей на руках ребенка. Картина содержит аллюзию на картины эпохи Возрождения, изображающие Мадонну с младенцем. Жизнь, гармония покоя, умиротворения, единения с миром здесь безвозвратно потеряны. Остаются лишь материнские глаза полные безграничного отчаяния.

Вольфганг Крузе в работе «Война и культура: кризис цивилизации» («Krieg und Kultur: Die Zivilisationskrise») также считает, что именно мировая война спровоцировала духовный кризис, который углубил восприятие цивилизации как отрицательной категории: «С первой мировой войной связаны эпохальные нарушения в историко-культурном сознании человечества» [7]. Эти «эпохальные нарушения» коснулись подавляющего большинства художественных и интеллектуальных работ. «Война оставила после себя не только «разрушенный мир» («zerbrochene Welt») на полях сражения, но она вызвала также глубокие потрясения, ломку цивилизационных понятий» [8]. Английский художник Пауль Наш воссоздает ланд-

шафт войны и саркастически называет свою картину «Мы создаем новый мир», мир, который поглотил культуру.

Очень наглядно охарактеризовал цивилизационный кризис Г. Гессе: «Наш прекрасный здравый рассудок стал сумасшедшим, наши деньги бумагой, наши машины могут только стрелять и взрываться, наше искусство – это самоубийство. Мы погибаем, друзья…» [9]. Цивилизация повела наступление на культуру. Диктат военной силы имел колоссальное влияние на формирование нового отношения к цивилизации. Она словно апробировала изощренные методы истребления людей. Именно поэтому деструкция становится основным принципом изображения действительности в литературе и искусстве.

Обращаясь к экспликации культуры и цивилизации, можно заключить, что «первая оценивается как проявление высших человеческих предназначений, вторая – как олицетворение материальных форм бытия» [10]. В XX веке данные определения, теряя свою нейтральность, становятся оценочными. Культура символизирует потерянный разрушенный мир и гибнущего под его развалинами человека. Цивилизация воспринимается как «заключительная гибельная фаза культуры» [11], как «Ничто» («Nichts») со своими «безымянными» («Namenlosen») творениями.

Открывая для читателя опустошенный внутренний мир человека, исследуя его «экскурсом в самого себя» (О. Шпенглер), писатели, среди которых такие, как Г. Гессе, Т. Манн, Г. Манн, убежденно доказывали, что только искусство может «выявить границы между восторгом и отчаянием, между иллюзиями и заблуждениями, между самоутверждением и саморазрушением» (Ф. Ницше «Генеалогия морали»).

Надежды на спасительную возрождающую силу искусства во многом не оправдались. Культуру питало чувство абсурдности мира. Трагизм поглотил художников, наполнил чувством невозможности «предотвратить кризис культуры, который одни уже ощущали, другие предвидели» [12]. Так по утверждению Шпенглера, мир «лирике предпочел технику, живописи – военную доктрину» [13]. Но были и те, кто несмотря ни на что, не потеряв веры в человека, героически возложил на себя миссию поиска равновесия в мире.

Примечания

1. В данной работе мы не ставим задачу проанализировать понятие *цивилизации*, выработанное французскими просветителями, где *цивилизация и культура* отождествляются или *цивилизация* рассматривается как историческая форма существования культуры.

2. Зинченко, В. Г., Зусман, В. Г., Кирнозе, З. И. Межкультурная коммуникация. Системный подход: Учебное пособие / В. Г. Зинченко, В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе. - Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, - 2003. – С. 13.

3. Кауфман, Л. С. Модерн в Германии, или Мир художественно-интеллектуальной элиты на рубеже XIX – XX веков // Человек в истории. Мир в XIX – первой половине XX в.: искания интеллектуальной элиты, положение аутсайдеров общества: Сборник науч. статей. – Вып. 3. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. - С.50.

4. Kruse, W. Krieg und Kultur: Zivilisationskreise / W. Kruse // Eine Welt von Feinden. Der Grosse Krieg 1914 – 1918. - Frankfurt a/M: Verlag Fischer Taschebuch GmbH, 1997. - S. 185.
5. Kienitz, S. Als Helden gefeiert — als Kruppel vergessen. Kriegsinvaliden im Ersten Weltkrieg und in der Wiemarer Republik / S. Kienitz // Beyrau D. Der Krieg in religiosen und nationalen Deutungen der Neuzeit. - Bonn: V. G. Bild - Kunst, 2001. - C. 212.
6. Ibid. S. 217-218.
7. Kruse, W. Krieg und Kultur: Zivilisationskreise / W. Kruse // Eine Welt von Feinden. Der Grosse Krieg 1914 – 1918.- S. 183.
8. Ibid. S. 183-184.
9. Цит. по: Kruse W. Krieg und Kultur: Die Zivilisationskreise. - S. 184.
10. Зинченко, В. Г., Зусман, В. Г., Кирнозе, З. И. Межкультурная коммуникация. Системный подход: Учебное пособие. - С. 6.
11. Там же. С. 10.
12. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.2 / Пер. с нем., вступ. ст., прим. К. А. Свасьяна. - М.: Мысль, - 1998. - С. 582.
13. Там же. С. 582.

А.Э. Низамова (г. Набережные Челны, КГПИ)

ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА С ПОМОЩЬЮ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Одним из современных направлений языкознания является изучение языков методом поля. В основе теории семантических полей лежит представление о существовании в языке некоторых семантических групп и о возможности отнесения языковых единиц в одну или несколько групп.

Идею о существовании закономерностей семантических связей между языковыми единицами начали развивать в конце 19 – начале 20 вв. такие учёные как А. А. Потебня, Г. Шпербер, Г. Ипсен, М. М. Покровский, Р. Мейер. Первые попытки выделения семантических полей были предприняты при создании идеографических словарей, или тезурусов (например, у П. Роже). Сам термин «семантическое поле» начал активно употребляться после работ И. Трира и Г. Ипсена. Многие исследователи правомерно считают, что представление лексической системы языка в виде совокупности семантических полей является «гипотезой», а не аксиомой, таким образом он часто используется не как цель, а как метод проведения языкового исследования.

Сравнение таких полей позволяет выявить контрастивные явления в сопоставляемых языках. Семантическое поле – это термин, применяемый в лингвистике чаще всего для обозначения совокупности языковых единиц, объединённых каким-то общим семантическим признаком. В начале такими языковыми единицами выступали слова, позднее стали появляться лингвистические исследования семантических полей, включающих словосочетания и предложения. В Большом Энциклопедическом словаре (БЭС) семантическое поле определяется как совокупность слов, объединяемых смысловыми связями на основе единого общего понятия или сходства признаков их лексических значений. Также, семантическое поле определяется как обширное лексическое объединение, включающее лексику разных частей речи, может быть представлено как относительно замкнутая и единая система. В настоящее время лингвисты и филологи считают, что каждое поле как единица лексико-семантической системы языка связано с другими полями и «проницаемо для других единиц».

В лингвистической литературе выделяются следующие свойства семантических полей:

1. семантическое поле интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью;

2. семантическое поле автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка;

3. единицы семантического поля связаны теми или иными системными семантическими отношениями;

4. каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями и в совокупности с ними образует языковую систему.

Р. Мейер в своей статье «Семантические системы» указывает на существование 3 типов семантических полей [2]:

1) естественные (названия деревьев, животных, частей тела, чувственных восприятий и т. д.);

2) искусственные (названия воинских чинов, составные части механизмов и т. п.);

3) полуискусственные (терминология охотников или рыбаков, этические понятия и т. п.).

В современном языкознании выделятся следующие виды полей [3]:

1. Поля Покровского - выделяются на основании совместного применения трех критериев: а) тематической группы (слова относятся к одному и тому же кругу представлений); б) синонимии; в) морфологических связей - группировки по принципу названий деятельности, орудий, способов деятельности и т. д. (слова сгруппированы так, что имеют общие показатели в своей форме - суффиксы и пр. или выражают более сложные отношения, например отглагольные имена существительные и глаголы).

2. Поля Й. Трира - разделяются на лексические и понятийные. Понятийное поле - это обширная система взаимосвязанных понятий, организованных вокруг центрального понятия. Лексическое поле образовано каким-либо одним словом и его «семьей слов». Определенное лексическое поле покрывает только часть понятийного поля, другая часть последнего покрыта другим лексическим полем и т. д.

Трир делит весь словарь на поля высшего ранга, затем расчленяет их на поля более низкого ранга, пока не доходит до отдельных слов. Слово играет в его системе подчиненную роль. Эта концепция подвергалась резкой критике исследователей разных направлений за то, что И. Трир признавал абсолютный параллелизм между лексическими и понятийными полями. По мнению И. Трира, составные компоненты лексического поля полностью покрывают сферу соответствующего понятийного поля. Критике подвергалось и мнение И. Трира на поле как на закрытую группу слов, например, изучение лингвистом только имён, но не галголов и т. д. Несмотря на все критические замечания, названный принцип полей сохраняет определенное значение при изучении явлений духовной культуры и их выражений в языке.

3. Поля Порцига – «элементарные семантические поля», ядром которых является либо глагол, либо прилагательное, так как они могут быть сказуемым, «выполнять предикативную функцию». Слово «схватить» обязательно предполагает в наличии в языке слова «рука». Но обратное отношение места не имеет. С помощью метода полей Порцига изучается семантическая сочетаемость слова (например, данного существительного со всеми глаголами и прилагательными).

4. Поля ассоциативного типа (например, «хлопья – снег»). Одним из полей ассоциативного типа является, в частности, семантическое поле понятия "музыка в творчестве А. Блока.

Л. А. Новиков определяет общие принципы и рабочие приёмы организации семантического поля и его структуру:

1) трёхмерность «семантического пространства» - синтагматика, прагматика, эпидигматика, в том числе и принцип самоорганизации языкового материала в системе «ситуация – человек - язык»;

2) основные семантические категориальные отношения единиц семантического поля;

3) ядро, центр и периферия семантического поля;

4) границы семантического поля и его взаимосвязь со смежными полями.

Термин «фразеосемантическое поле» (ФСП) появился в исследованиях последних лет. Согласно этим исследованиям ФСП включает в себя совокупность фразеологических единиц (ФЕ), связанных по смыслу и обладающих общим интегральным и инвариантным семантическим признаком [1].

Все проявления жизни человека, его внешние данные, его чувства, особенности характера, материально-денежные отношения, физическое или эмоциональное (психическое) состояние человека находят своё отражение во фразеологических фондах различных языков.

В качестве примера рассмотрим ФСП «Эмоциональное состояние человека» в русском языке.

«Психологический словарь» под редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского в самом общем виде определяет «состояние человека» как характеристику любой системы, отражающую её положение относительно координатных объектов среды [6].

Фразеологизмы, обозначающие состояние человека, делятся на несколько групп в соответствии с типом состояния: 1) физическое – *валиться с ног, едва*

держаться на ногах, 2) эмоциональное (психическое) – *пасть духом, повесить нос*, 3) чувство – состояние – *дрожать за свою шкуру*, 4) переход из одного состояния в другое – *приходить в ярость, отдать богу душу* [8].

Особый интерес представляют ФЕ, выражающие эмоциональное состояние человека. У психологов, также как и педагогов, нет единой точки зрения относительно той роли, которую играют в жизни человека эмоции. Некоторые учёные полагают, что эмоции разрушают и дезорганизуют поведение человека [12]. Другие же авторы напротив считают, что эмоции играют позитивную роль в организации, мотивации и подкреплении поведения [9, 10].

Мы будем придерживаться точки зрения о позитивной роли эмоций, которые выражают оценочное отношение к людям, к отдельным условиям, способствуют или препятствуют осуществлению деятельности. Эмоции важны для приобретения индивидуального опыта человека. Эмоции выступают в роли регуляторов человеческого общения и определяют его способы и средства. Даже в настоящее время мы не можем с точностью утверждать, что постигли самих себя, хотя, как утверждает А. С. Никифоров, люди «всегда с упорством и настойчивостью стремились понять механизмы, определяющие возможность жить, чувствовать, мыслить» [4]. Поэтому одним из путей к познанию самого себя А. С. Никифоров выделяет изучение эмоций.

Что же касается вопроса о числе эмоций, то и здесь не существует единство мнений. Следует отметить, что, например, китайцы признавали семь основных эмоций: радость, гнев, печаль, веселье, любовь, ненависть и желание. Хотя некоторые физиологи считают, что «чистых» эмоций лишь три: радость, страх и гнев. В этой связи стоит отметить, что мы согласны с точкой зрения А. С. Никифорова, который утверждает, что такие ограничения числа эмоциональных состояний... удобны, так как обеспечивают возможность «объять предмет изучения, но явно чреваты упрощенчеством и ведут к обеднению необычайно ёмкого понятия» [4].

Группа фразеологизмов, выражающих эмоциональное состояние человека, составляет довольно многочисленную, часто употребительную и типичную для русского языка серию фразеологизмов и отличается развитой системой значений, образов и средств выражения.

Все фразеологизмы входящие в ФСП «Эмоциональное состояние человека», в свою очередь, могут быть поделены на фразео-семантические подгруппы. Распределение ФЕ по фразео-семантическим подгруппам проводилось на основе их идентификации отдельными лексемами, словосочетаниями или развёрнутыми описаниями в лексикографических источниках.

Отнесение той или иной ФЕ к определённой подгруппе основано на определении различных эмоциональных состояний в толковом словаре под ред. Ожегова.

Проработав весь фактически собранный материал мы пришли к выводу о том, что в ФСП «Эмоциональное состояние» можно выделить следующие подгруппы «смущение», «презрение», «удивление (изумление)», «страх», «гнев», «печаль (горе)», «радость», «тревога», «возбуждение», «стыд». Наиболее многочисленной из перечисленных подгрупп является подгруппа, включающая ФЕ с общим значением

«гнев». «Гнев» определяется как чувство сильного возмущения, негодования. Данная подгруппа представлена следующими ФЕ: *в сердцах, с сердцем, рвать и метать, держать сердце, выходить из себя, встать с левой ноги, метать перуны, хоть волком вой, ни на что не похоже!, на что это похоже!*.

- [Городничий:] А, Степан Ильич! Скажите ради бога, куда вы запропастились? На что это похоже? (Гоголь «Ревизор»)

- Начинались разговоры:- Что это народ собрался – убили кого? – На Марс сейчас полетят. – Вот тебе дожили, этого ещё не хватало! (А. Н. Толстой «Аэлита»)

Следует отметить, что такие компоненты как «волк», «перун» (считался главным божеством киевского пантеона, наказывающий людей, метая гром и молнии), «чёрт» и его заменители (леший, бес, дьявол) вносят свою отрицательную окраску во ФЕ, выражающие гнев человека. Издавна «бес, леший, чёрт», «волк» ассоциировались с нечистой силой или потусторонним миром.

Далее в количественном отношении следует ФСП с общим значением «печаль (горе)». В Толковом словаре понятие «печаль» описывается как чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи. К данной группе относятся ФЕ: *сам не свой, посыпать голову пеплом, рвать на себе волосы, туча тучей, сердце кровью обливается, вешать нос, ад кромешный на душе.*

- Он припал головой к дереву кровати, чувствуя, что его сердце разрывается. (Л. Толстой «Анна Каренина»)

- [Лиза:] – *Слезами обливался, я помню, бедный он, как с вами расставался. – Что, сударь, плачете? Живите-ка, смеясь. – А он в ответ: - Недаром, Лиза, плачу, кому известно, что найду я воротясь? И сколько, может быть, утрачу!* (Грибоедов «Горе от ума»)

Названные фразеологизмы описывают интенсивные по своему проявлению чувства и эмоции человека, что характеризует русского человека как эмоциональную и страстную натуру, если он радуется, то не слыша земли под собой, если он плачет, то глаза у него не осушаются, если он смеётся, то до упаду.

Также стоит отметить, что одним из наиболее часто употребляемых компонентов ФЕ, выражающих ЭС, является компонент «душа». По мнению Р. Х. Хайруллиной, «душа» обозначает общее психическое состояние человека, его внутренний мир. «Душа» вечна, она существует и после физической смерти человека. «Душа» представляется в виде некоего замкнутого пространства, это «мир в самом человеке».

Нетрудно заметить, что наиболее многочисленными являются ФЕ с отрицательным субъективно – оценочным компонентом фразеологического значения. Это может быть объяснено более острой и дифференцированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей на отрицательные явления, а также характерной для отрицательных эмоциональных состояний тенденцией к использованию устойчивых словесных комплексов. Нами были рассмотрены только наиболее многочисленные фразео – семантические подгруппы ФЕ, выражающих эмоциональное состояние человека. Стоит отметить, что данные фразеологизмы представляют до-

вольно обширный материал для всестороннего исследования (в семантическом, структурном, стилистическом аспектах), в том числе и в сопоставительном плане.

Примечания

1. Аюпова Р. А. Семантическое поле «любовь и ненависть» в русской и английской фразеологии// II Международные Бодуэновские чтения: Труды и материалы. - Казань, 2003.
2. Байрамова Л. К. Введение в контрастивную лингвистику. - Казань, 2004.
3. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. - Л., 1984.
4. Никифоров А. С. Эмоции в нашей жизни. - М., 1978.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1995.
6. Психология. Словарь/ Под общ. Ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. - М., 1990.
7. Хайруллина Р. Х. Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию. - Уфа, 2001.
8. Чепасова А. И. Семантико – грамматические классы русских фразеологических единиц. - Челябинск, 1974.
9. Izard C. E. The face of emotion. - New York, 1971.
10. Rapaport D. Emotions and memory. - New York, 1961.
11. Young P. T. Motivation and emotion: A survey of the determinants of human and animal activity. - New Yourk, 1961

М.Н. Панкратова (г. Москва, МГУ)

«ПЕЙЗАЖ В СОЗНАНИИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Борьба света и тьмы, солнечного и мрачного пространства является одним из ключевых моментов в творчестве Ф.М. Достоевского и происходит не только в природе и в глазах и лицах героев. Помимо внешних проявлений этого противостояния существует их внутреннее, идейное противоборство – в сознании и сердцах людей. Оно обнаруживается в своеобразных *озарениях* и помрачениях рассудка и души. Первые знаменуют выход на новый уровень развития, открытие новых истин, обогащение духовного мира; вторые же, напротив, связанны с одержимостью губительными идеями, потерей чувства реальности, с разрушением внутренней гармонии. Таким образом, необходимо выделить особый уровень проявления борьбы света и тьмы в творчестве Ф.М. Достоевского: пейзаж внутреннего пространства героев, пейзаж их душевной жизни. Условно назовем его «*пейзаж в сознании»* (по аналогии с термином Р. Клейман [1] «пейзаж в портрете»).

В описании состояния героев, развития их чувств и мыслительного процесса нередко используются мотивы, связанные с метафорикой света и тьмы. Добрые чувства часто называются «светлыми», например Маленький герой «залюбовался на светлый восторг» M-me M* [2, 287]. Александра Михайловна противопоставляет «ясный и светлый ум" Неточки [2, 261] «темной душе» своего мужа [2, 266]. Нередко «светлая мысль озаряет» героев, например, ту же Неточку [2, 250], Маленького героя [2, 293] или Марью Александровну в «Дядюшкином сне» [2, 337]. О последней сказано, разумеется, иронически. Подобным же образом осмеивается стремление Фомы Опискина «заронить искру небесного огня» [3, 16] в окружающих – жалкая претензия на оригинальность и изобретательность. Иронически сказано и о свете, озарившем жизнь Лизаветы Прокофьевны Епанчиной, когда забрезжила надежда выдать дочерей замуж: «Наконец *взошло было солнце и для ее материнского сердца;* хоть одна дочь, хоть Аделаида будет наконец пристроена» [8, 272]. Автор усиливает комический эффект, снова возвращаясь к этому образу. «о, как мы уже сказали, *взошедшее солнце* все было смягчило и осветило на минуту» [8, 273].

Однако мелочные, низкие, гнетущие чувства и желания чаще описываются в более темных тонах. В отдельные мгновения им подвержен даже идеальный человек князь Мышкин: «Другое,*мрачное, мучительное любопытство* соблазняло его" (8, 189). Подросток вспоминает: "Меня остановила одна мысль, и *не мысль, а какое-то темное беспокойство»* [13, 252].

С мраком сравнивается тоска по идеалу, отсутствие смысла в жизни, потеря духовных ориентиров, жизнь без света, без надежд и иллюзий. Так описывает Аглае свое состояние в период жизни с Настасьей Филипповной князь Мышкин: «В моем тогдашнем *мраке* мне мечталась... мерещилась, может быть, *новая заря.* Я не знаю, как подумал о вас об первой» [8, 363]. Для Мышкина Аглая становится олицетворением светлого счастья, чистой гармонии, поэтому он восклицает ей о сжигаемой темными противоречивыми страстями Настасье Филипповне «О, оставьте, ее, умоляю вас! <...> Что вам делать в этом *мраке*; я употреблю все усилия, чтоб она вам не писала больше» [8, 363].

Среди мрака обыденной земной жизни появление новой идеи часто уподобляется вспышке, лучу или даже целому солнцу, осветившему истинное положение вещей, открывшему новые стороны в знакомой ситуации. Вот как об этом говорит повествователь «Кроткой»: «*Солнце стало ярким пучками освещать* наши молчаливые комнаты. Но пелена висела передо мною и слепила мой ум. Роковая, *страшная пелена*. Как это случилось, что все это вдруг упало с глаз и *я вдруг прозрел* и все понял! Случай ли это был, день ли пришел такой срочный, *солнечный ли луч зажег в отупевшем уме моем мысль и догадку*? Нет, не мысль и не догадка была тут, а тут вдруг заиграла одна жилка, замертвевшая было жилка, затряслась и ожила и *озарила всю отупевшую мою душу»* [24, 26]. О таком откровении мечтает запутавшаяся в своих переживаниях накануне суда Катерина Ивановна: «Спасительницей или губительницей Митеньки ей явиться? О том молить будет, чтоб *озарило ее душу*. Сама еще <…> не знает, приготовиться не успела» [15, 39]. После дачи ее показаний: ««Дело» вдруг *облилось каким-то новым светом*. Что-то симпатичное пронеслось

в пользу Мити» [15, 113]. Внутренняя вспышка помогла открыть много нового Ивану Карамазову: «Иван Федорович с первого взгляда <…> понял, что и в душе его сидел лакей Смердяков и что именно этого-то человека и не может вынести его душа. *Все вдруг озарилось* и стало ясно» [14, 242]. Такие озарения способны наполнить духовную жизнь героя неведомым до этого смыслом. Вот как описывается внутренняя жизнь Ордынова, посвятившего себя науке: «Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал *еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенной в новую, просветленную форму*, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал *оригинальность, истину и самобытность* ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло» [1, 266].

Необязательно искры идей оказываются чистыми и целительными. Иногда освободившаяся от мрака заблуждений и иллюзий истина оказывается ослепительной для человеческого сознания. Так Митя, увидев в новом свете свою жизнь, решает избавиться от нее: «Голова горела у Мити. Он вышел в сени на деревянную верхнюю галерейку... Свежий воздух оживил его. Он стоял один, в *темноте*, в углу и вдруг схватил себя обеими руками за голову. Разбросанные мысля его вдруг соединились, ощущения слились воедино, и *все дало свет. Страшный, ужасный свет!»* Вот если застрелиться, так когда же как не теперь? – пронеслось в уме его. – Сходить за пистолетом, принести его сюда и вот в этом самом, грязном и *темном* углу и покончить»» [14, 394].

Но не всегда вспышки света связаны с переломными моментами в жизни героев. Они могут быть просто знаком умственной деятельности персонажей, сигнализировать о только что сделанном открытии или выводе. «В Гане что-то происходило особенное, когда он задавал этот вопрос. Точно новая и особенная какая-то *идея загорелась у него в мозгу* и нетерпеливо *засверкала* в глазах его» [8, 28]. Подобное происходит и с одним из второстепенных героев «Бесов»: «У Эркеля тотчас же достало инстинктивной хитрости не высказать ни малейшего дальнейшего любопытства. Несмотря на *блеснувшую в уме догадку*, что факт воротившейся жены имеет большое значение в успехе их предприятия» [10, 439]. Мыслительный процесс другого персонажа того же романа описан с еще более иронично-пафосной яркостью: «Целый *фейерверк идей блеснул* в изворотливом уме Лямшина» [10 446] в связи с фактом приезда жены Шатова. При взгляде на штабс-капитана Снегирева «сравнение и особенно слово «мочалка» так и *сверкнули* почему-то с первого же взгляда *в уме* Алеши» [14, 180]. И далее о нем же: «У него *блеснула мысль*, еще когда он прощался с Lise. Мысль о том: как бы самым хитрейшим образом поймать сейчас брата Дмитрия, от него, очевидно, скрывающегося?» [14, 202]. Световая метафорика становится неотъемлемой частью описания деятельности души и рассудка.

Полноценная внутренняя жизнь невозможна без света новых идей. Вот почему Мечтатель, обреченный на бесконечное общение с собственными, затертыми до дыр и уже померкнувшими мечтами «ищет в этой золе хоть какой-нибудь *искорки*, чтоб раздуть ее, *возобновленным огнем пригреть похолодевшее сердце* и воскресить в нем снова все, что было прежде так мило, так трогало душу, что кипятило кровь,

что вырывало слезы из глаз и так роскошно обманывало!» [2, 119]. Без лучей вдохновения и творческих порывов душа человека тускнеет, теряет надежду и ощущение осмысленности бытия.

То же самое можно сказать о свете, приносимом в жизнь героев любовью. Вот как осмысляет это Вельчанинов: «Главное страдание его состояло в том, что Лиза не успела узнать его и умерла, не зная, как он мучительно любил ее! Вся *цель его жизни, мелькнувшая перед ним в таком радостном свете, вдруг померкла в вечной тьме*. Эта цель состояла бы именно в том, — поминутно думал он об этом теперь, — чтобы Лиза каждый день, каждый час и всю жизнь беспрерывно ощущала его *любовь* на себе. «*Выше нет никакой цели ни у кого из людей и не может быть!* — задумывался он иногда в мрачном восторге. — Если и есть другие цели, то ни одна из них не может быть святее этой!»» [9, 62]. Любовь – самая чистая и истинная идея, которую только можно представить, светлая опора, путеводная звезда в земной жизни. Вот что сказано о влюбленном Мышкине: «А князь все-таки ничем не смущался и продолжал блаженствовать. О, конечно, и он замечал иногда что-то как бы *мрачное* и нетерпеливое во взглядах Аглаи; но он более верил чему-то другому, и *мрак исчезал сам собой»* [8, 431]. Светлое чувство избавляет от противоречий и терзаний, наполняет жизнь гармонией. На короткий миг это может произойти даже с таким героем, как Ставрогин, который признался Лизе: «Я знал, что я не люблю тебя, и погубил тебя. Да, «я оставил мгновение за собой»; я имел надежду… давно уже… последнюю… Я не мог устоять против *света, озарившего мое сердце*, когда ты вчера вошла ко мне, сама, одна, первая. Я вдруг *поверил*… Я может быть, верую еще и теперь» [10, 402]. Любовь к Грушеньке спасает Митю от самоубийства: «Но все же как бы *луч какой-то светлой надежды блеснул ему во тьме.* Он сорвался с места и бросился в комнаты – к ней, у ней опять, к царице его навеки!» Да неужели один час, одна минута ее любви не стоят всей остальной жизни, хотя бы и в муках позора?»» [14, 394-395].

Ложные идеи, заблуждения сравниваются, напротив, с тучами, заслоняющими в сознании человека солнце истины. Сам мечтатель признает, «как уныла и до пошлости однообразна пугливая фантазия, раба *тени, идеи*, раба первого *облака, которое внезапно застелет солнце* и сожмет тоскою настоящее *петербургское сердце, которое так дорожит своим солнцем*, - а уж в тоске какая фантазия!» [2, 118]. Неверные, мрачные идеи способны не только скрыть от человека истину, но и увести его на темную, запутанную дорогу бесплодных фантазий, оторванных от здорового земного пути. Поступки, вызванные этим нездоровым бредом, могут привести к самым трагическим результатам. Вот как описывается состояние Раскольникова после убийства: «*Мучительная, темная мысль* поднималась в нем, - мысль, что он сумасшествует" [6, 66]. Порфирий Петрович, угадывающий состояние героя, заявляет ему: «Всю эту психологию мы совсем уничтожим, все подозрения на вас в ничто обращу, так что ваше преступление вроде *помрачения* какого-то представится, потому, по совести, оно помрачение и есть» [6, 350]. Порфирий сумел удивительно точно сформулировать диагноз не только самого Раскольникова, но и многих других героев Достоевского: «Нет, батюшка Родион Романыч, тут не Миколка!

Тут *дело фантастическое, мрачное,* дело современное, нашего времени случай-с, когда *помутилось сердце человеческое...»* [6, 348].

Одержимость темными идеями нередко сравнивается с болезнью. Это может быть физический недуг, например, лихорадка Аркадия: «Сознание, *блеснув* на миг, быстро потухло. <...> Но слабый *свет сознания скоро померк:* к вечеру этого второго дня я уже был в полной горячке» [13, 279] - или недуг князя Мышкина: «Отупение, *душевный мрак*, идиотизм стояли пред ним ярким последствием этих "высочайших минут»» [8, 188] накануне припадка. Если же темная болезнь носит нравственный характер, то единственное лекарство от нее – по-новому, свежим и открытым взглядом посмотреть на скрытую в бредовой дымке действительность. Способный на это Аркадий дает князю Сереже простую рекомендацию: «Выспитесь, и *идеи будут светлее*, сами увидите!» [13, 251]. Дмитрий Карамазов, словно последовавший этому совету, приходит в себя после угарной ночи: «Митя *мрачно* отступил, и друг его как бы «что-то ударило по лбу», как он сам потом выразился. В один миг произошло какое-то *озарение в уме* его, «*загорелся светоч*, и я все постиг». В остолбенении стоял он, недоумевая, как тог он человек все же умный, поддаться на такую глупость, втюриться в этакое приключение и продолжать все это почти целые сутки, возиться с этим Лягавым, мочить ему голову» [14, 342].

Истина все равно осветит жизнь человека, какими бы заблуждениями он ни был ослеплен. Так, об отце Нелли сказано: «В одно мгновение разрешилось перед ним самим и вошло в ясное сознание все, чем обманывал он себя и поддерживал всю свою жизнь. *Истина ослепила его своим нестерпимым блеском*, и что было ложь, стало ложью для него самого. <...> То, от чего он с ужасом бежал, *заслонясь ложью всей своей жизни*, все, что предчувствовал он, но чего боялся доселе, - все вдруг, *разом засияло* перед ним, открылось глазам его, которые упрямо не хотели признать до сих пор *свет за свет, тьму за тьму*. Но истина была невыносима для глаз его, прозревших в первый раз во все, что было, что есть и что ожидает его, она *ослепила и сожгла его разум»* [2, 188]. Лишь на пороге смерти увидел скрипач все мрачные заблуждения своей жизни и оказался не готов узнать правду, как и большинство героев раннего творчества Достоевского.

В ранних произведениях спасительный свет истины либо приходит слишком поздно, либо вообще недоступен для героев. Он лишь мерцает где–то вдали, куда пока невозможно попасть. Поиску дороги к этому загадочному свету посвящены многие страницы пяти крупных романов писателя – «Пятикнижия», в котором герои, вместо того, чтобы бежать от правды, от реальности, сознательно стремятся постигнуть все ее тайны.

К солнцу истины как никому, пожалуй, удается приблизиться «сиятельнейшему князю» Мышкину. Пройдя через все искушения и соблазны земной жизни, Мышкин остается чист и светел душой. «Чрез припадок и весь этот *мрак*, чрез припадок и «идея»! Теперь *мрак рассеян, демон прогнан*, сомнений не существует, в его сердце радость!» [8, 191]. В редкие минуты герою дано удивительно близко приблизиться к свету истины и ощутить ее всей душой: «Еще мгновение, и как будто все пред ним расширилось, вместо ужаса – *свет и радость, восторг»* [8, 454]. Вот как описано его состояние после свидания с Рогожиным, накануне при-

падка: «Уединение скоро стало ему невыносимо; новый порыв горячо охватил его сердце, и на мгновение *ярким светом озарился мрак, в котором тосковала душа его»* [8, 186]. «Он задумался, между прочим, о том, что в эпилептическом состоянии его была одна степень почти пред самым припадком <…>, когда вдруг, среди грусти, *душевного мрака,* давления, мгновениями как бы *воспламенялся его мозг* и с необыкновенным порывом *напрягались разом все жизненные силы его*. Ощущение жизни, самосознания почти удесятерялось в эти мгновения, продолжавшиеся *как молния. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом;* все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное *ясной, гармоничной радости* и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти *проблески* были еще только предчувствием той окончательной секунды [некогда не более секунды], с которой начинался самый припадок» [8, 187-188]. Но именно эти болезненные мгновения помогают герою понять самую сущность вещей: «Да, надо, чтобы теперь все было ясно поставлено, чтобы все ясно читали друг в друге, чтобы не было этих *мрачных* и страстных отречений, как давеча отрекался Рогожин, и пусть все это совершится свободно и... *светло. Разве не способен к свету Рогожин*?» [8, 191]. Мрачность открывшихся истин заставляет Мышкина усомниться в их подлинности. После подозрений против Рогожина князь приходит к выводу: «Нет, не «русская душа потемки», а у него самого на душе *потемки,* если он мог вообразить такой ужас» [8, 192]. Во время коллосальной по своему накалу сцены с ножом на лестнице Мышкин восклицает: « – Парфен, не верю!.. - Затем вдруг как бы что-то разверзлось пред ним: необычайный *внутренний свет озарил его душу»* [8, 195]. Подобные вспышки болезненного сознания позволяют герою не только увидеть вещи в их истинном, часто очень мрачном свете, но и делают его способным несмотря на открывшуюся темную бездну видеть в каждом человеке прежде всего светлое начало, одолеть которое не под силу никакому злому наваждению.

Часто бывает достаточно одного лучика истины, чтобы наполнить светом и смыслом всю человеческую жизнь. Вот что об этом говорит Зосима: «Нужно лишь малое семя, крохотное: брось его в душу простолюдина, и не умрет оно, будет жить в душе его во всю жизнь, таиться в нем среди *мрака,* среди смрада грехов его, как *светлая точка, как великое напоминание»* [14, 266]. Одного такого светлого луча в сердце Дмитрия Карамазова оказалось достаточно для его духовного спасения. Вот как он сам рассуждает о своей непростой природе в разговоре с Алешей: «Я иду и не знаю: в вонь ли я попал и позор или в *свет* и радость. Вот ведь где беда, ибо все на свете загадка! <...> Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть *и я целую край той ризы, в которую облекается бог мой*; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и твой сын, господи, и люблю тебя, и *ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть»* [14, 99]. Реминисценция с псалмом 103 [«Одеяйся светом яко ризою…»] подчеркивает важность и неслучайность сравнения Бога со светом, наполняющим жизнь человека особым смыслом. После этих слов герой читает оду «К радости» Шиллера в переводе Тютчева - гимн Богу и солнцу как его зримому воплощению, дарующему радость и смысл бытия всему живому: «Душу божьего творенья /Радость вечная поит, /Тайной силою броженья

/Кубок жизни пламенит; /Травку выманила к *свету /В солнцы* хаос развила» [14, 99]. Дмитрию в конце концов удается преодолеть собственный душевный хаос и обрести светлую душевную гармонию.

Ситуация с другим Карамазовым – Иваном, оказывается гораздо сложнее. Ибо он отвергает свет божественной истины, готовый предстать перед ним. ««Да, - неслось в голове Алеши, уже лежавшей на подушке, - да, коль Смердяков умер, то показанию Ивана никто уже не поверит; но он пойдет и покажет! – Алеша тихо улыбнулся: - Бог победит! – подумал он. – Или *восстанет в свете правды*, или... погибнет в ненависти, мстя себе и всем за то, что послужил тому, во что не верит», - горько прибавил Алеша и опять помолился за Ивана» [15, 89].

Это вплотную подводит нас к проблеме амбивалентности человеческой природы, к вопросу о том, какое начало первично – добро или зло, свет или тьма, и чему же из них суждено восторжествовать в сердцах людей. Все творчество Ф.М. Достоевского стремится нарисовать неповторимый «пейзаж в сознании» - создать многогранный, противоречивый, мрачно-таинственный и неизменно стремящийся к свету микрокосм человеческой души.

Примечания

1. Клейман Р.Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе. - Кишинев, 1985, 284-285.
2. Остальные цитаты – по: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30т.т., - Л.: Наука, 1972–1990 (первая цифра указывает на номер тома, вторая – на номер страницы). Курсив мой М.П.

Е.В. Сафонова (г. Москва, РУДН)

ТЕРМИНОЛОГИЯ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ АРАБСКОГО ЯЗЫКА (К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ТЕРМИНА)

Арабская лингвистическая терминология является малоисследованной областью в отечественной арабистике. Как правило, ей владеет узкий круг ученых-семитологов. В большинстве случаев традиционная арабская терминология не входит даже в курсы обучения арабскому языку, а заменяется более или менее соответствующими русскими терминами. Это приводит к искажению системы арабского языка, поскольку сам "дух языка", его специфика заключены не только в лексике как системе единиц, обозначающих определенные понятия, но и в грамматике, которая особым образом организует отношения между этими понятиями. Термины, обладающие своей внутренней формой, отражают специфику грамматики и дают возможность взглянуть на мир глазами носителей языка. Поэтому вопрос исследо-

вания арабской терминологии представляется нам актуальным как в рамках лингводидактики, так и в рамках сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания.

Данная статья посвящена терминологии падежной системы арабского языка. При исследовании мы обращались, прежде всего, к оригинальным источникам на арабском языке [Ибн Хищам Аль-Ансари, Аббас Хасан, Амин Али Ас-Сейед, Юсуф Хаббуда, Фуад Наама, Толковый словарь арабского языка], а также трудам отечественных арабистов [Ковтонюк В.В., Гранде Б.М., Баранов Х.К.].

В арабском языке падеж как грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, выделяется как «нав‹ иараб аль исм» - разновидность изменения имени. Имеют место три подобных разновидности – «раф» «(первый, исходный падеж (casus subjectivus), соотносимый в арабистике с именительным падежом), «насб» (второй, приглагольный падеж (casus adverbialis), соотносимый в арабистике с винительным падежом) и «джарр» (третий, прииименной падеж (casus adnominalis), соотносимый в арабистике с родительным падежом). Имя, находящееся в «раф», «насб» и «джарр», выступает в предложении в определенных синтаксических функциях, которые в арабской терминологии называются «халят раф‹ аль исм» (случаи раф‹а имени), «халят насб аль исм» (случаи насба имени) и «халят джарр аль исм» (случаи джарра имени).

Термин «иараб» традиционно переводится как флексия, синтаксис флексий [Гранде, 559], склоняемость [Ковтонюк, 2]. Его можно перевести и как «словоизменение», поскольку «иараб» является грамматической категорией, присущей как имени, так и глаголу. По сути, термин покрывет такие понятия как склонение имени и изменение глагола по наклонениям.

Собственно слово «иараб» переводится с арабского как «тение, написание с полными окончаниями; грамматический разбор; изменение по флексиям (об имени) или изменение по окончаниям (о глаголе); флексия; синтаксис», однако прямым значением слова является «выражение, высказывание». [Баранов, 506] Слово «иараб» - производное от глагола «араба», первое значение которого – «выражать, высказывать что-либо», а общее значение корня «араба» - это быть арабом или придавать чему-либо арабскую форму (арабизировать) – «аруба» - быть чистокровным арабом, быть чистым (об арабском языке), «араба» - переводить на арабский язык, арабизировать, «таарраба» - арабизироваться, «истааараба» - быть арабистом [Баранов, 506].

Мунджид (арабский толковый словарь) дает следующее толкование слову «иараб» - «изменение окончаний имен и глаголов по причине изменения воздействующего фактора», «то, что высказывают по поводу какого-либо дела или то, что является выражением чего-либо; выражение дружбы, симпатии, страхов» [Мунджид, 962]. Исходный глагол «араба» имеет следующие значения – «выражать, высказывать правильно, грамотно; выразить (произнести) свои слова», «превращать в арабское, арабизировать звуки; произнести арабскими звуками неарабское имя», «определить слово относительно «иараба» и объяснить это, сделать «иараб» предложения» [Мунджид, 961-962].

Проанализировав внутреннюю форму термина «иараб», можно предположить, что с помощью «иараба» человек связно и грамотно высказывает, выражает свои мысли (без грамматической связи слов в синтагме это невозможно) и делает это именно на арабском языке.

У термина «иараб» существует две трактовки: «У ученых в определении «иараба» два направления: одно из них - смысловой (ма‘навый) иараб, другое - формальный (ляфзый) иараб. Смысловой «и‘раб» представляет собой *изменение* окончания слова в результате изменения воздействующего элемента… . Подобное изменение может быть выражено формально или являться подразумеваемым. Указывают на него три огласовки: дамма (у), фатха (а), кясра (и), а также сукун (ноль гласного) и все, что их заменяет» [Арабский язык, 31]. Формальный «иараб» - это *собственно три огласовки*, сукун и все, что их заменяет…». [Амин Али Ас-Сейед, Т.1, 41-42]

К первой трактовке склоняется известный арабский языковед Аббас Хасан (20 век). В своей «Полной грамматике арабского языка» он объясняет данный термин следующим образом. Приводятся примеры: «Тала‘ *аль-хиляли»* (Взошел *месяц*.), «Щахада ан-нассу *аль-хиляля*.» (Люди увидели *месяц*.), «Фараха аль-кауму биль *хилял**и»*** (Народ радовался *месяцу*.) и дается соответствующий комментарий: «Мы видим, что в примерах у слова «хилял» (месяц) изменилась огласовка на конце, в одном случае это была «дама» (у), в другом случае «фатха» (я), в третьем случае – «кясра» (и). Почему происходит это изменение? Причина в наличии некоего «изменяющегося фактора» в каждом предложении, который управляет словом «хилял», приводя его к определенному значению … Мы видим, что «факторы» изменялись в предыдущих трех предложениях согласно необходимому значению: субъектному и объектному... И во всех случаях изменению значения соответствовало изменение огласовки на конце слова «хилял» (месяц). Подобное изменение огласовки называется «и‘рабом», а «фактор» - управляющим словом. Иараб - это изменение огласовки на конце слова по причине изменения управляющего слова (воздействующего элемента). … Его (иараба) функция - выражение определенных значений: объектного, субъектного и других. Если бы не он (иараб), то значения бы смешались и не могли быть отделены друг от друга». [Аббас Хасан, Т.1, 72-74]

Эта же трактовка принимается и в современных учебниках арабского языка: «Иараб - это изменение на конце слова в результате действия грамматических факторов…». **[**Арабский язык, 31.]

Понятие же формального «иараба» имеет место в более ранних источниках. Юсуф Хаббуда в своей книге «Краткий синтаксический анализ цитат и аятов» [с.34] дает комментарий труда известного языковеда 14 века Ибн Хищама: «И‘раб - это след (т. е. окончание) на конце слова, вызываемое «фактором» (управляющим словом, воздействующим элементом), явно выраженный или подразумеваемый; так, например, он (след) явно выражен в конце слова «Зейд» в выражениях «джаа *Зейд**ун»*** (*Зейд* пришел), «раайту *Зейд**ан»*** (я увидел *Зейда*) и «мararту би *Зейд**ин***» (я прошел мимо *Зейда*) и является подразумеваемым в слове «аль-фата» (юноша) в выражениях «джаа ль *фат**а»*** (*Юноша* пришел), «раайту ль *фат**а***» (я увидел *юно-*

шу), «мararту биль *фат**а***» (я прошел мимо *юноши*), когда мы подразумеваем дамму в первом случае, фатху во втором и кясру в третьем…».

В арабском языкознании выделяют четыре «разновидности словоизменения» (анва‘ аль иараб): раф‘, насб, джарр и джазм. Раф‘ и насб являются категориями, общими для имени и глагола, джарр специфическая именная категория, а джазм (усеченное наклонение) - глагольная. [Ибн Хищам Аль-Ансари, 46]. Таким образом, в сферу нашего исследования входят только раф‘, насб и джарр как словоизменительные категории, присущие имени.

«Раф‘» - это первый, исходный падеж арабского имени. Он вполне соотносим с русским именительным падежом, который, являясь носителем не синтагматических отношений, но назывной функции в чистом виде, функционирует как составная часть высказывания, которая не только называет предмет, но и нечто о нем сообщает. Так, обозначаемый данным падежом объект является предметом высказывания [Якобсон, 141-142]. Раф‘ в предложении выражает подлежащее и сказуемое в именном предложении, а также подлежащее в глагольном предложении.

Все это раскрывается во внутренней форме данного термина. Слово «раф‘» означает «поднятие, поднимание, повышение», «снятие, отмена, устранение», «постановка слова в именительном падеже». Исходный глагол «рафаа» переводится как «поднимать», «снимать, устранять», «облегчать, избавлять», «ставить в именительном падеже». [Баранов, 306; Мунджид, 570]. Таким образом, имя в падеже «раф‘» как бы «приподнято» по отношению к другим частям высказывания и является его исходной точкой.

«Насб», второй падеж арабского имени, употребляется для выражения зависимости имени от глагола, причем эта зависимость может быть весьма разнообразной: от прямого дополнения до различных типов дополнений, уточняющих, ограничивающих и поясняющих действие глагола. Этот падеж можно назвать падежом приглагольным или падежом наречия (casus adverbialis) в широком смысле, понимая под этим как падеж «наречный», так и падеж объекта» [Гранде Б.М., 338] «Насб», как и русский винительный падеж, всегда свидетельствует о том, что какое-то действие до некоторой степени направлено на указанный предмет, сказывается на нем, его охватывает. Поэтому и его значение непосредственно связано с действием и управляется только глаголом [Якобсон, 140].

«Насб» переводится с арабского как «установка, назначение», «винительный падеж», «страдание», а исходный глагол «насаба» - «ставить», «назначать», «ставить имя в винительном падеже; ставить глагол в сослагательном наклонении» [Баранов, 805-806; Мунджид, 1414]. Внутренняя форма термина раскрывает зависимое положение имени в падеже «насб» в пределах предложения и указывает на наличие какого-либо управляющего слова.

«Джарр» - третий падеж арабского имени, выражает приименное субстантивное определение в составе именной группы. В этом плане он соотносим с русским родительным падежом. Однако арабский «джарр» никогда не управляется глаголом. "Джарр" является также своеобразным «предложным падежом», поскольку практически все арабские частицы-предлоги («хуруф джарр») ставят имя в «джарр».

«Джарр» переводится с арабского как «тяга, волочение, буксирование», «постановка слова в родительном падеже», а прямое значение исходного глагола «джарра» - «тянуть, влечь за собой» [Баранов, 122-123; Мунджид, 192-193].

Если глаголу «приписывается, назначается» какой-либо объект либо обстоятельство, то имя «тянет, влечет» за собой другое имя. И конструкция подобной именной группы носит название «идафа», что переводится как «присоединение, добавление», «ststus constructus», сочетание определяемого с определением в родительном падеже» (Баранов, 465).

Данный падеж описывается также термином «хафд», что переводится как «снижение, понижение, опускание, унижение» [Баранов, 229]. Таким образом, падежная система арабского языка представляет собой иерархию, и «джарр» занимает в ней последнюю позицию.

Как было отмечено выше, большинство арабистов традиционно переводят названия арабских падежей русскими терминами - именительный, винительный и родительный падежи (Гранде). Некоторые предлагают иную терминологию: приподнятость, регулярный падеж (раф‘), страдательность, открытость, винительный падеж (насб), подавленность или редукция, родительный падеж (джарр) (Ковтонюк). Мы полагаем, что следует сохранять оригинальную арабскую терминологию, снабжая ее необходимыми комментариями, поскольку термин по сути своей непереводим. В большинстве случаев при переводе он теряет как внешнюю, так и внутреннюю форму и подменяется иным понятием.

Примечания

1. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. - М., 1998
2. Ковтонюк В.В., Грамматика арабского языка Антуана Ад-Дахдаха, - Часть 1. - М., 2004
3. Баранов Х.К., Арабско-русский словарь, в 2 томах, - М., 1996
4. Мунджид, толковый словарь современного арабского языка. - Бейрут, 2001, на ар.яз.
5. Арабский язык, под. ред. Абд Аль Кадир Абу Щарифа и др., - Амман, 1998, на ар. яз.
6. Амин Али Ас-Сейед, Грамматика, в 2 томах. - Каир, 1994, на ар. яз.
7. Аббас Хасан «Полная грамматика», в 4 томах. - Каир, 1999, на ар. яз.
8. Юсуф Хаббуда, Краткий синтаксический анализ цитат и аятов, - Бейрут, 1998, на ар. яз.
9. Ибн Хищам Аль-Ансари, Пояснение к «Крупицам золота» (о познании речи арабов), Бейрут, 1988, на араб. яз.
10. Якобсон Р., К общему учению о падеже, Избранные работы, - М., 1985

О. А. Селеменева (г. Елец, ЕГУ)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ СХЕМЕ «ГДЕ ПАХНЕТ ЧЕМ»

Структурная схема простого предложения «где пахнет чем» выступает знаком пропозиции «состояние природы, окружающей среды». Под структурной схемой мы понимаем языковой знак, означаемым которого выступает типовая пропозиция, а означающим являются субъектив и предикатив со своими синтаксическими местами. [4, с. 255].

Перед нами стоит задача проследить за лексическим наполнением выделенной нами схемы, её речевой модификацией, особенностями функционирования в монологических текстах. Исследование выполнено на материале, представляющем выборку из произведений русских писателей XIX ─ XX веков.

Структурная схема «где пахнет чем» трёхкомпонентная. Структурообразующим компонентом выступают личные глаголы в безличном употреблении *пахнет* (`издаёт запах`) (95,5 %)*, воняет* (`издаёт сильный неприятный запах`) (0,5%) и их производные (*пахнуть – нести, разить, садить*); (*вонять – разить, смердеть*) [6, с. 71; 358]. Например: *В Мурманске пахло мороженой картошкой и слабой анисовой микстурой* (Паустовский. Книга скитаний); *На втором этаже ещё не успели настлать полы и пахло свежей смолой* (Белов. Год великого перелома); *Запахло у дворов молоком, мокрым навозом и коровьим помётом* (Белов. Кануны); *Пахло свежей богородской травой, подвешенной к образам, это окрестные богомолки не забывали священника* (Белов. Кануны); *Воняло лампадным маслом, чадом свечей* (Черкасов. Хмель).

В высказываниях, репрезентирующих структурную схему «где пахнет чем», «не-личный, предметно-пространственный» [2, с. 104] субъект – носитель состояния – обозначается локативным наречием или пространственной предложно-именной формой. За этим субъектом закреплён термин «локативный субъект». Третий компонент структурной схемы – наименование запаха – маркирован именем существительным в форме творительного падежа. Например: *В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой* (Тургенев. Записки охотника); *В просторной горнице резко пахло конопляным семенем, мышами* (Шолохов. Тихий Дон); *В воздухе пахло скошенным сеном, мёдом и росою* (Куприн. Лунной ночью); *Вокруг сильно, по-церковному, пахло нагретым кипарисом* (Паустовский. Бросок на юг); *Везде пахло черёмухой* (Пришвин. Календарь природы); *Всюду сильно пахнет яблоками, тут – особенно* (Бунин. Антоновские яблоки).

Структурна схема «где пахнет чем» продуктивна как в маркировании состояния окружающей среды (60 %), так и среды, искусственно созданной человеком (горница, сарай, изба и т.п.) (40 %). Например: *В сенях пахло свежими яблоками и висели волчьи и лисьи шкуры* (Толстой. Война и мир); *В комнате пахло серой и смолой, тени от светильников перекрещивались на полу* (Булгаков. Мастер и Маргарита). Ср.: *В лесу пахло гнилью* (Глущенко. Крайняя точка); *…И мартом пахнет на земле* (Пастернак. Высокая болезнь).

Интенсивность запаха может проявляться в разной степени, о чём свидетельствует введение в высказывание наречия меры и степени *сильно* в сочетании с от-

рицательной частицей *не* или без неё. Например: *В воздухе уже не так сильно пахло, – в нём снова как будто разливалась сырость* (Тургенев. Записки охотника). Ср.: *В воздухе сильно пахло цветами – В воздухе пахло цветами – В воздухе не так сильно пахло цветами.*

Речевая реализация схемы «где пахнет чем», в которой предикатив в форме настоящего времени, составляет 13 % высказываний нашей выборки. Например: *Пахнет рыбой и горелой травой* (Паустовский. Кара-Бугаз); *– Углем пахнет, – объяснил он заботливые свои действия* (Горький. Жизнь Клима Самгина); *Морем пахнет* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Пахнет гарью* (Ахматова. Июль 1914 года).

Грамматическая модификация чаще (83 %) представлена формой прошедшего времени предикатива. Например: *В избе пахло воском, копотливой гарью и кадильным ладаном* (Есенин. Яр); *В зале пахло дорогим табаком* (Черкасов. Хмель); *В большой горнице пахло цветами* (Черкасов. Чёрный тополь).

Грамматическая модификация, представленная формами будущего времени, в нашей выборке не обнаружена, хотя потенциально она возможна. Например: *Когда пройдёт дождь, в воздухе будет пряно пахнуть цветами и травами.*

Модификации, представленной формой сослагательного наклонения предикатива, в нашей выборке не обнаружено, но она может иметь место. Например: *Если бы лилии не вынесли из комнаты, ночью бы приторно пахло этими цветами и невозможно было уснуть.*

Структурно-семантическая модификация схемы «где пахнет чем» чаще представлена неполной реализацией (65 %), заключающейся в эллипсисе словоформы со значением носителя состояния, но он легко восстанавливается из ближнего или дальнего контекста. Например: *В мелколесье душно, пахнет прелью, хлюпает под ногами чёрная торфяная вода* (Паустовский. Золотая роза) (`в мелколесье пахнет прелью`, ближний контекст); *В коридоре второго этажа служители натирали полы, пахло мастикой и размоченной древесиной паркета* (Белов. Кануны) (`в коридоре пахло мастикой и размоченной древесиной паркета`, ближний контекст); *Василиса спал рядом с женой в сырой спальне. Пахло мышами, плесенью, ворчливой сонной скукой* (Булгаков. Белая гвардия) (`в спальне пахло мышами, плесенью, ворчливой сонной скукой`, дальний контекст); *В купе было по-утреннему сонно. Пахло пылью и мандаринами* (Паустовский. Дым Отечества) (`в купе пахло пылью и мандаринами`, дальний контекст).

Третий компонент структурной схемы «где пахнет чем» – наименование запаха – может быть невербализован, но восстановлен из контекста. Например: *…Он …усиленно нюхал воздух.*

– Пахнет, – сказал он шёпотом, – люди есть (Афанасьев. Дерсу Узала) (`пахнет людьми, точнее, можем предположить, пахнет, гарью, дымом от костра, приготовленной пищей, тем, что связано с пребыванием людей в определённом месте и т.п.`, ближний контекст)..

Фазовые модификации в нашем материале не обнаружены, но потенциально они возможны. Например: *В воздухе стало пахнуть гарью и дымом, пожар приближался к деревне.*

Обогащение позиционной схемы за счёт введения модальных модификаторов обнаружено нами не было, но потенциально оно возможно. Например: *Весной на улице должно пахнуть смолистыми распускающимися почками. В деревенской избе может пахнуть парным молоком.*

Отрицательная модификация структурной схемы «где пахнет чем» представлена в нашем материале двумя примерами. Например: *А в кабинете его вовсе не пахло нильскими лилиями и опьяняющим чёрным шёлком женских платьев* (Паустовский. Время больших ожиданий); *Гарью ещё не пахло, но в свежем утреннем воздухе стояла духота и какая-то тяжесть* (Мельников. В лесах).

Речевая реализация структурной схемы не исключает вопросительной (0,3%) модификации, не приводящей к трансформации схемы. Например: *– А – кровью пахнет? – шевеля ноздрями, сказала Анфильевна* (Горький. Жизнь Клима Самгина).

Процесс речевой реализации описываемой схемы приводит к включению в позиционную схему высказывания детерминирующих конструкций, обогащающими пропозиции высказываний дополнительными смыслами.

Состояние – это временный признак, оно возникает во времени, длится и исчезает. Для возникновения состояния нужна какая-то причина. Каузированность состояния лежит в основе «обогащения» пропозиции высказываний смыслом `*причина*`. Каузатор состояния в нашем материале представлен пропозициональной лексемой в форме «*от + родительный падеж*» или целой предикативной единицей. Например: *И после долго пахнет в степи горькой гарью от выжженной и потрескавшейся земли* (Шолохов. Тихий Дон) (`пахнет гарью, потому что земля была выжжена`); *Цветы часто опрыскивали свежей водой, поэтому в комнатах пахло сырой землёй и листьями* (Паустовский. Бросок на юг) (`в комнатах пахло землёй и листьями, потому что цветы часто опрыскивали свежей водой`).

Обогащение пропозиции высказывания смыслом `время` в нашем материале не отмечено, но возможно. Например: *Весной в садах пахнет сиренью. Зимой на улице пахнет свежестью.*

Исследователи синтаксиса отмечают способность структурных схем к функционированию в текстах различных коммуникативных типов, или регистров, речи. В соответствии с теорией коммуникативных регистров Г.А.Золотовой выделяются три речевых регистра, характерных как для монологического, так и для диалогического текста: репродуктивный, информативный и генеритивный регистры. Выделенные регистры различаются по уровню обобщения, способу познания действительности, степени пространственно-временной дистанцированности говорящего от описываемых событий. Каждый из регистров обладает соответствующим только ему набором грамматических средств, в частности, видо-временных глагольных форм, реализующих аористную, перфектную или имперфектную функции; структурных схем простых предложений и других показателей [1, с. 27 – 34].

Структурная схема «где пахнет чем», реализующая в высказывании пропозицию «состояние окружающей среды, природы», формирует прежде всего и чаще сего (86 %) репродуктивный регистр описательного типа. В *репродуктивном* регистре этого типа говорящий воспроизводит сенсорно наблюдаемое «в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, состояний, находясь –

в реальности или в воображении – в хронотопе происходящего» [1, с. 29]. Временные формы представлены актуальным настоящим, актуальным прошедшим и актуальным будущим. Сюжетное время и время восприятия совпадают. Например: *В санчасти – белой прохладной камере – горели синие спиртовки, пахло валерьянкой и было тихо и спокойно* (Домбровский. Факультет ненужных вещей); *Пахло в блиндаже какими-то лекарствами, холодным ворсом чужой шинели, чужим потом; пламя бурлило в раскрытой дверце печки, по её накалённому железу пробегали вишнёвые искорки* (Бондарев. Горячий снег); *Здесь стоял полумрак и пахло старым, сухим помётом, слежавшимся сеном* (Панов. Посреди степей); *Здесь была вечная мудрая ночь, здесь пахло кожей, сигарой, духами* (Булгаков. Записки покойника); *Ложился на траву пороховой дым; пахло свежевздёрнутой землёй…* (Шолохов. Тихий Дон); *В комнатах пахло чаем, сухим теплом, и летала вокруг висячей лампы проснувшаяся среди зимы серая моль* (Паустовский. Дым Отечества). Во всех примерах наблюдатель описывает состояние окружающей среды, опираясь на данные, полученные от своих зрительных и обонятельных рецепторов. Так, в высказываниях зрительные образы сопрягаются с идентификацией запаха, разлитого в воздухе: «горят спиртовки – пахнет валерьянкой», «пламя, бурлящее в печи, отбрасывающее искры – запах лекарств», «полумрак сарая – запах сена», «пороховой дым на траве – запах свежевздёрнутой земли», «лампа, вокруг которой кружится моль, – запах чая и тепла». Во всех примерах состояние окружающей среды предстаёт перед нами в наблюдаемой протяжённости, не ограниченной временными рамками, что достигается введением предикатов, представленных глаголами несовершенного вида прошедшего времени в имперфектно-процессуальной функции: *горели, пахло, бурлило, стоял, ложился* и др. Тестом в определении регистра является модусная рамка *«Я вижу, что…», «Я слышу, как…», «Я чувствую, как…»* [1, с. 29].

Материал исследования свидетельствует о том, что в сложных синтаксических целых наблюдаются сочетания описательного и повествовательного разновидностей репродуктивного регистра. Например: *В лесу казаков нагнала первая рота черноярцев. До вечера жались под мокрыми соснами, за воротниками текло, по спинам гуляла дрожь: огонь запретили разводить, да и трудно было развести его на дожде. Уже перед сумерками ввели в щель. Неглубокий, чуть выше человеческого роста, ров был залит на полчетверти водой. Пахло илом, прелой хвоей и пресным бархатисто-мягким запахом дождя* (Шолохов. Тихий Дон). Высказывания *(В лесу казаков нагнала первая рота черноярцев; Уже перед сумерками ввели в щель; Огонь запретили разводить)* представляют репродуктивно-повествовательный тип текста. Предикаты в данных высказываниях представлены совершенным видом прошедшего времени глаголов в аористивной функции: *нагнала*, *ввели, запретили.* Высказывания *(До вечера жались под мокрыми соснами, за воротниками текло, по спинам гуляла дрожь; Неглубокий, чуть выше человеческого роста, ров был залит на полчетверти водой; Пахло илом, прелой хвоей и пресным бархатисто-мягким запахом дождя)* формируют репродуктивно-описательный тип текста. Предикаты представлены глаголами несовершенного вида прошедшего времени в имперфектно-процессуальной функции: *пахло, жались,*

текло, гуляла; связкой *быть* в форме прошедшего времени и кратким страдательным причастием *залит. Ср.: Еле намечалась среди кустов и пней заглохшая дорога. Сладко пахло клубникой, горько – земляникой, берёзой, полынью. Анисья спешила, спотыкаясь, путаясь в цветах и травах. Вот и караулка. Но висит на её дверке большой рыжий замок. И, увидав его, Анисья вдруг сморщила лицо и заголосила* (Бунин. Весёлый двор). В данном примере репродуктивно-повествовательный тип текста *(И, увидав его, Анисья вдруг сморщила лицо и заголосила)* сочетается с репродуктивно-описательным *(Еле намечалась среди кустов и пней заглохшая дорога; Сладко пахло клубникой, горько – земляникой, берёзой, полынью; Анисья спешила, спотыкаясь, путаясь в цветах и травах; Вот и караулка; Но висит на её дверке большой рыжий замок)*. Репродуктивно-повествовательный тип речи представлен глаголами совершенного вида прошедшего времени в аористивном значении (*сморщила, заплакала*); репродуктивно-описательный тип преимущественно представлен глаголами несовершенного вида прошедшего времени с имперфектным значением *(намечалась, пахло, спешила, висел*), деепричастиями несовершенного вида (*спотыкаясь, путаясь*).

В репродуктивном регистре может быть представлена как непосредственно-воспринимаемая смена действий, состояний, процессов (репродуктивно-повествовательный регистр), так и статическая одновременность качеств, свойств, количеств, состояний вне динамики (репродуктивно-описательный регистр). Совмещение этих подрегистров в тексте формирует сюжет и фон произведения [5, с. 6 – 7]. Сюжет – это «последовательность и связь описания событий в литературном или сценическом произведении» [3, с. 786]. Фон – «общие условия, обстановка, в которой что-нибудь происходит» [3, с. 854].

Например: *В чистой горнице пахло полынью и потом, и слышался из-за перегородки равномерный и прихлёбывающий храп чьих-то могучих лёгких, и горела в красном стекле лампадка перед иконами. Нехлюдов разделся, постелил на клеёнчатый диван плед, свою кожаную подушку и лёг, перебирая в своём воображении всё, что он видел и слышал за нынешний день* (Толстой. Воскресение). Первое высказывание *(В чистой горнице пахло полынью и потом, и слышался из-за перегородки равномерный и прихлёбывающий храп чьих-то могучих лёгких, и горела в красном стекле лампадка перед иконами)* и часть второго *(перебирая в своём воображении всё, что он видел и слышал за нынешний день)* представляет фон произведения, который, полагаем, в данном случае ещё одновременно является и движущим фактором сюжета: *чей-то храп за перегородкой, еле горящая в темноте комнаты лампадка свидетельствуют о наступлении ночи; а ночь – время сна, поэтому Нехлюдов постелил постель, разделся и лёг в кровать.* Предикаты представлены глаголами несовершенного вида прошедшего времени в имперфектно-процессуальной функции: *пахло, слышался, горела, видел и т.д.* Фрагмент второго высказывания *(Нехлюдов разделся, постелил на клеёнчатый диван плед, свою кожаную подушку и лёг)* представляет сюжет произведения. Здесь предикаты представлены глаголами совершенного вида прошедшего времени в аористивном значении *(разделся, постелил, лёг)*, которые своим динамизмом развивают сюжет.

Примеров генеритивного и информативного типов текста в нашей выборке не обнаружено.

Итак, означаемым структурной схемы «где пахнет чем» выступает пропозиция «состояние окружающей среды, природы». Эта схема трёхкомпонентная: локативный субъектив; предикатив, представленный личными глаголами *пахнет, воняет* в безличном употреблении; и объектив с семой запаха. Реализуясь в предложении, схема подвергается грамматическим и структурно-семантическим модификациям и способствует «обогащению» пропозиции высказывания смыслом `причина`. По своей коммуникативной функции предложения, в основе которых схема «где пахнет чем», способствуют формированию репродуктивного типа речи.

Примечания

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: МГУ, 1998. – 524 с.
2. Золотова Г.А. Понятие личности / безличности и его интерпретация // Russian Linguistics. – 2000. ─ № 24. – С. 103 ─ 115.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
5. Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. С. 255 ─ 276.
6. Сидорова М.Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1997. – №6. – С. 6 – 19.
Словарь синонимов / Под ред. И.Писарева. – М.: ТОМ, 1997. – 648 с.

Л.А. Тарасова (г. Урюпинск, Урюпинского филиала ВГУ)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИЦИТНОСТЬ В СЛОЖНОСОКРАЩЁННЫХ НЕОЛОГИЗМАХ

Тенденция увеличения роста новообразований в современном английском языке непосредственно связана с лингвистическими и экстралингвистическими факторами, к которым, как известно, относят научно-технические достижения, активность средств массовой информации, интерференцию языков и другие процессы создания и внедрения в жизнь общества новых товаров, таких как, например, бытовая техника, предметы одежды, пищевые продукты и т.д., то есть освоение всё новых или обогащение прежних сфер номинации непосредственным образом связаны с пополнением словарного состава языка. Слово, возникающее как товарный знак, либо название нового предмета, становится достоянием общества. Средства массовой информации активно используют приёмы образования новых слов для привлечения внимания читателей, слушателей. Здесь и экономия речевых усилий, и

юмористический эффект. Современные газеты изобилуют заголовками, которые представляют собой благодатный материал для лингвиста-исследователя. Интерференция языков влияет на процессы образования новых слов, так как заимствованное слово, проходя период адаптации, используется всё большим количеством носителей языка. Таким образом, новые слова, возникающие по разным причинам, по разным структурно-семантическим моделям, в разных ситуациях, первоначально могут считаться неологизмами. Само это понятие в переводе с греческого и есть новое слово: neos – «новый» и logos – «слово». Следовательно, одним из критериев отбора неологизмов служат временные рамки, традиционно считается, что это 20-25 лет с момента появления новообразования. Достаточно активно в лингвистической литературе дискутируются вопросы дифференциации таких понятий как неологизмы, окказионализмы, синтетические слова. Вероятно, все эти термины являются названиями частных процессов, которые исследуются в неологии (науке, изучающей появление новых слов). Если опираться на посыл, что каждое вновь образованное слово является неологизмом, значит синтетическое слово nylon – «нейлон», созданное из фрагментов названий двух мегаполисов New York и London в период изобретения синтетической ткани, было также неологизмом. Образование окказионального слова Bushakis, обозначающего «политическую, не имеющую больших отличий, программу двух претендентов на пост президента США», также на этапе предвыборной кампании воспринималось как неологизм. При этом первое слово (nylon) сохранилось в языке и даже перешло в другие языки, т.е. стало интернациональным, второе слово (Bushakis) прекратило своё существование и известно лишь узкому кругу. Следовательно, совершенно очевидно, что любое слово можно считать неологизмом в момент создания и только фактор времени и внутренние законы языка влияют на дальнейшую судьбу новообразования. Вот почему все новообразования, возникающие на современном этапе развития современного английского языка подлежат тщательному структурно-семантическому анализу, т.к. гипотетически они могут перейти как в разряд общеупотребительной лексики, так и выйти за пределы языка-основы.

Целью данного исследования явилась попытка проанализировать степень семантической эксплицитности в неологизмах современного английского языка в его американском варианте, созданных из фрагментов исходных основ. Рассмотрим слово skyphone, которое описывает в своей статье Е.В. Кулаева [2, 93] как новообразование, появившееся недавно и созданное компанией Singapour Airlines. Это слово обозначает наименование услуги, которую предоставляет компания, т.е. это возможность позвонить в любую точку мира, находясь на борту самолёта. Отмечается, что если сама услуга достаточно давно используется в самолётах других авиакомпаний, то только названная выше использовала не описательный способ, а ввела в обиход новое слово. Можно предположить, что этот неологизм прочно войдёт в лексический состав английского языка, т.к. модель sky+n, где первый элемент слово sky – «небо», а второй существительное (skylark, skylight, skyline, skyrocket, skyscraper…) достаточно продуктивна.

На морфемном уровне в комбинаторику вступили две исходные основы: полный корневой морф sky и комбинирующаяся форма –phone, которая в современном

английском языке уже не рассматривается как финальная часть слова telephone, а как самостоятельная основа, имеющая форму phone и семантическую функцию «телефон». Таким образом, в данном случае мы можем говорить о словосложении, т.е. неологизме, созданном из двух полных основ. Иначе обстоит дело с новообразованием skywayman, которое упоминает в своей работе Fenzl R. [3, 166]. На первый взгляд слово создано по той же модели, что описана выше, на самом деле, здесь в комбинаторику вступает полный корневой морф sky – «небо» и фрагмент исходной основы highwayman, означающей «разбойник (с большой дороги)», которая, в свою очередь, является сложным словом, цельнооформленным, с определённой семантической функцией. Финальная часть -wayman, вошедшая в неологизм, не имеет самостоятельного свободного аналога в языке и в свою очередь состоит из полного корневого морфа way – «путь, дорога» и полного корневого морфа man – «человек». Семантическая функция последнего элемента частично десемантизирована, как в лексическом ряде: gentleman, sportsman, businessman и т.д. Очевидно, что элемент -wayman является носителем всей семантической функции основы highwayman. Таким образом, значение основы skywayman состоит из семантических функций основы sky - «небо» и основы highwayman - «разбойник», и может быть определено, как «убийца в самолёте». В качестве примера Fenzl R. приводит заголовок газетной статьи «The Skywayman» - heading of a report of a crime committed in a jet liner. Степень семантической эксплицитности в данном неологизме гораздо слабее, так как если в первом примере skyphone, оба компонента имеют свободные аналоги в языке, то во втором случае один элемент имеет свободный аналог, второй же является фрагментом основы, которая имплицитна и должна быть восстановлена реципиентом.

Нередко неологизмы с элементом heli- относятся к сложносокращённым словам на том основании, что они представляют собой часть основы helicopter - «вертолёт». Первоначально это слово представляло собой соединение двух элементов греческого происхождения: helix – «спириль, винт» и pteron – «крыло», затем в английском сленге появился неологизм heli, представляющий сокращение от слова helicopter и сейчас уже активно участвующий в словообразовании. Например: helilift – «группа, которую перевозят, транспортируют куда-либо вертолётом, как правило, в экстренных случаях». Слово состоит из двух полных корневых морфов, каждый из которых имеет чёткую семантическую функцию. В новообразовании heli-trap, в котором первый элемент имеет свободно функционирующий аналог в языке heli – «вертолёт» и инициальный фрагмент trap от trapeze – «трапеция», семантическая функция достаточно имплицитна и только из контекста понятно, что речь идёт об артисте, выступающем на трапеции, прикреплённой к вертолёту. Подобный процесс структурно-семантической независимости от исходной основы прошёл элемент para- от parachute – «парашют». С точки зрения морфемной структуры этот элемент представляет собой инициальную часть основы, семантически – является её представителем и вступает в комбинаторику с другими строевыми единицами языка. Например: paraglider – «устройство, при помощи которого пилот может планировать, выбирая предварительное место приземления», parasaboteur –

«парашютист, экипированный для совершения диверсионного акта», paratroops – «парашютно-десантные части».

Сложнее выявить семантику слова mousewife, которую изучающие английский язык, как правило, определяют таким образом: mouse – «мышь», wife – «жена», следовательно, значение всего слова методом простого сложения семантических функций исходных основ что-то вроде «мышь-самка». В действительности образование слова mousewife основано на соединении слова mouse и сложного слова housewife – «домашняя хозяйка». При структурном расколе этого слова, элемент wife сохраняет семантику слова-основы и переносит её во вновь образованное слово, которое приобретает значение «жена во всём покорная воле мужа». Подобный перенос семантической функции всей основы в виде её фрагмента отмечен в слове dognapper, в котором полный корневой морф dog заменил полный корневой морф в основе Kidnapper. Оставшийся элемент сохранил семантическую функцию исходной основы, значение которой «тот, кто ворует собак с целью получения вознаграждения».

Нередко в заблуждение исследователя вводят комбинирующиеся формы, которые легко создают цепочки слов в терминосистемах, но в новообразованиях сложносокращённого типа не всё так однозначно. Например, проанализируем ряд слов, в составе которых выявлены комбинирующиеся формы: eathergraph, beatlephone, decathlete, saxomaniac. Первое слово представляет собой соединение полного корневого морфа ether – «эфир, радио» и часть основы telegraph – «телеграф», в которой в свою очередь соединились две комбинирующиеся формы: tele – гр. «вдаль, далеко» и -graph – гр. «пишу», т.е. значение всей основы – «передача информации на расстоянии». Следовательно, при редукции элемента tele-, финальная часть исходной основы по морфемной структуре представляет собой комбинирующуюся форму, но семантически представляет всю исходную основу полностью. В слове beatlephone комбинирующаяся форма phone – от греческого «звук» не есть самостоятельно существующий аналог слова telephone, но финальная часть сложного слова headphone – «наушники», значение новообразования beatlephone – «стереонаушники с изображением участников группы «Биттлз»». Соответственно, в слове decathlete, первый элемент – это фрагмент основы decathlon – «десятиборье» и в составе нового слова означает не просто десять (deca, гр. «десять»), а представляет семантическую функцию всей основы, следовательно, значение слова decathlete – «спортсмен-десятиборец». В слове saxomaniac, комбинирующаяся форма phone редуцировалась, т.е. произошёл раскол основы saxophone, в данном случае представителем семантической функции основы стал инициальный элемент sax-, который уже достаточно давно известен как разговорный вариант всего слова не только в кругу музыкантов, но и многим другим.

Представляет интерес степень семантической эксплицитности в основе beercasting, в которой значение составных частей кажется прозрачным, т.е. beer – «пиво», casting – «бросание, метание» или «подбор артистов». Морфемный анализ структуры исходных основ показывает, что второй элемент представляет собой финальную часть исходной основы telecasting – «телевизионное вещание», следовательно, перенося семантическую функцию, присущую исходной основе в ново-

образование, значение последней определяется как «засилье передач о пиве на телевидении».

Таким образом, анализ более чем 1200 неологизмов современного американского английского, имеющих структуру нерегулярного сращения морфов, показал, что степень достаточности/недостаточности семантической эксплицитности представителей фрагментов исходных основ варьируется достаточно широко и требует системного исследования.

Примечания

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. - М. 1981. - 200 с.
2. Кулаева Е.В. Лексико-прагматические особенности английской рекламной неологии. В сб. Теория и практика германских и романских языков: - Ульяновск, 2002, - С. 91-94. Статьи по материалам III Всероссийской научно-практической конференции.
3. Fenzl R. Blends Selected from Time Magazine. - Munchen, «Idioma», 1966. - №4 - С. 164-168

М.В. Фролова (г. Урюпинск, Урюпинского филиала ВГУ)

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА КАК ИДИОСТИЛЯ

Оригинальность платоновских сочинений ярче всего проявляется в языковом исполнении, в знаменитом платоновском стиле, которому невозможно найти аналог в русской литературе. Платонов ничего не называет языку, не производит над ним никакого насилия. Все приемы употребления слов объективно присущи русскому языку, заложены в его свойствах. Но особенность платоновского стиля состоит в уникальных комбинациях всех этих приемов. Он заставляет работать сразу все языковые механизмы, приводит в действие всю языковую машину. Писатель работал в русле стилистических тенденций 20-х годов, когда в художественных произведениях создавался необычный синтез речевой стихии и литературного языка. Писатель пытался вести серьезный диалог с обществом, а устами героев высказывал собственные сокровенные мысли [1].

Начало собственно литературоведческой традиции изучения платоновского языка можно отнести к концу 60-х – началу 70-х годов. Во второй половине 70-х годов в серии статей Е. Толстая-Сегал предложила свой подход к анализу языка произведений А. Платонова, подразумевающий в первую очередь движение от низших уровней текста к высшим. В начале 80-х годов внимание исследователей привлекали, как правило, жанровые особенности платоновских текстов, проблемы взаимосвязи человека и природы у Платонова, философские искания писателя,

особенности сатиры и так далее. Однако и в это время появляется несколько лингвистических исследований – посвященных функционированию глаголов интеллектуальной деятельности, глаголов говорения, эмоциональной деятельности, сочетанию абстрактных и конкретных существительных. С конца 80-х годов язык платоновской прозы становится объектом скрупулезного исследования как литературоведов, так и лингвистов. Данный этап, продолжающийся вплоть до сегодняшнего дня, можно назвать этапом описания и объяснения платоновских аномалий. Работы, где так или иначе затрагивается проблема языка Платонова, условно разделяют на три группы [2]. К первой относятся исследования, в которых авторы не предлагают конкретного анализа языка писателя, но, тем не менее, предпринимают попытки определить цель создания платоновского «странного косноязычия», понять саму его философию. Вторая группа представлена работами, написанными, как правило, лингвистами и направленными преимущественно на выявление тех или иных особенностей языка писателя как такового, без рассмотрения их функции в общей системе поэтики Платонова [3]. В последнее время наблюдается рост исследований, которые можно условно причислить к третьей группе, – исследований, где совмещается лингвистический и литературоведческий, лингвистический и культурологический подходы.

Научный интерес представляет функционирование глагольной лексики как средства выражения межличностных отношений. В тексте повести Андрея Платонова «Котлован» эмоционально-оценочные отношения к кому-либо чаще всего проявлял Вощев. Это отношение к инженеру Прушевскому (*Вощеву понравилось, что у этого человека волнуется и бьется сердце*), отношение к самому себе (*не жалел себя на уничтожении сросшегося грунта*), к людям (*нужно иметь уважение к людям, а Вощев не видел от них чувства к себе и др.*), к Козлову (*Вощев заволновался от дружбы к Козлову*), к женщине (*Она исчезла мимо, оставляя сожаление в двух зрителях – Вощеве и калеке*). Прушевский проявлял эмоционально-оценочное отношение к прохожим (*иные ему нравились*), к людям (*относился с особой трогательностью к тем людям, которых ранее не любил*), к покойной (*тосковал о ней*), но при этом он *боялся полюбить* какую-нибудь одну женщину и жениться, так как «не имел общественного значения». Чиклин *уважал* медведя «как правильного пролетарского старика», а также *ум инженера* (а не самого инженера!), *одобрял* активиста, *чувствовал озабоченность* к маленькому туловищу Насти (а не к самой Насте!), но дочь хозяина, когда-то поцеловавшая его, ему *не понравилась.* Активист в повести *любил бедноту*, изредка «от тоски жизни» он *жалобно глядел* на любого человека, *не любил* ни одну бедняцкую девицу, но руководство признает, что он *спекулирует* на искреннем середняцком чувстве тяги в колхозы, о чем сообщается в директиве. Козлов *не уважал чужой жалости к себе,* писал *опорочивающие заявления и налаживал конфликты* «с целью организационных достижений», *любил* пролетарскую массу, однако «*ликвидировал как чувство свою любовь* к одной средней даме». Главная героиня повести Настя для строителей «общепролетарского дома» - символ будущего, которое они строят, она тот «социалистический элемент», который дает душевные силы строителям «монументального дома», однако девочка не чувствует любви окружающих ее людей (*Мне у*

вас стало скучно, вы меня не любите, как ночью заснете, так я вас изобью). Настя уже при первом знакомстве всех людей раз и навсегда распределила на тех, «кого она *любит* и кого *не любит*, с кем водится и с кем нет», далее в повести она проявила эмоционально-оценочное отношение лишь к медведю (*жалела этого старого, обгорелого, как человека*). Интересно выражено эмоционально-оценочное отношение к кому-либо окружающих людей, общества: оно безразлично к судьбе активиста (*Колхоз спокойно пригляделся к опрокинутому активисту, не имея к нему жалости, но и не радуясь*), *заботится* о Насте, стараясь обеспечить ей будущее (хотя девочка при этом не чувствует любви) и сочувствует медведю (*колхозные мужики постепенно сочувствовали ему и коллективно крякали во время звука кувалды*); это общество, которое не верит, не поверит и не примет (*Да все равно мне не верят, говорят, я тайно верю и явный стервец для бедноты. – И правильно: в районе мне и не поверят, чтоб был один убиец, а двое и организация! Он [Козлов] еще верил в наступление жизни после постройки больших домов и боялся, что в ту жизнь его не примут, если он представится туда жалобным нетрудовым элементом.*).

Какие-либо эмоционально-оценочные отношения проявлены в большей степени к следующим героям повести: инженеру Прушевскому (его *любили* и *уважали*), Насте (матери перед смертью *стало ее не жалко,* чужие люди *любили* и *заботились* о ней), Козлову (одни его *уважали, волновались от дружбы* с ним, другие *считали паразитом*; он не чувствовал любви окружающих, боялся, что его *не примут* в новую жизнь, а когда умер – *по нему плакал* Жачев). Многие герои повести *любят* пролетарскую массу, бедноту. Вощев со *скупостью надежды наблюдал* «грустно существующих людей» и *спрашивал* их *с робостью слабой надежды,* Прушевский *относится* к людям *с особой трогательностью*, они ему *нравятся*, активист *жалобно глядел на любого человека*, однако *спекулировал на середняцком чувстве тяги в колхозы.* В произведении эмоционально-оценочные отношения к девушкам и женщинам со стороны мужчин носят негативный характер: Чиклину *не понравилась* поцеловавшая его девушка, *точно была постыдным существом*; Прушевский *боится полюбить одну женщину и жениться*, Козлов *ликвидировал свою любовь к даме.* Женщины лишь *оставляют сожаление* и *тоскуют о них* только после смерти.

Эмоционально-оценочные отношения в повести «Котлован» чаще всего выражены глаголами, употребленными в переносном значении; при этом часто наблюдается изменение принадлежности глагола к лексико-семантической группе. Для разграничения семантических изменений разного типа мы используем (вслед за профессором С.П.Лопушанской) понятие семантической модуляции и семантической деривации [4]. Под семантической модуляцией понимается процесс перегруппировки разноуровневых признаков в смысловой структуре слова при сохранении категориально-лексической семы. Под семантической деривацией понимается такое семантическое изменение в смысловой структуре слова, которое приводит к изменению иерархии семантических компонентов, к разрушению категориально-лексической семы. Другими словами, если изменяется принадлежность глагола к семантическому подполю, мы называем это семантической деривацией.

Семантические изменения модуляционного характера в нашем материале отмечены у глагола *(не) любить/полюбить* (этим глаголом выражают свое отношение Прушевский к людям, активист к бедноте, Козлов к пролетарской массе, Жачев к Насте, девушка к Прушевскому и др.). Этот глагол подполя «межличностные отношения» имеет основное значение «чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-л., быть преданным кому-, чему-л.». В предложении *Когда-то он был моложе и его любили девушки – из жадности к его мощному, бредущему куда попало телу, которое не хранило себя и было предано всем* он выступает в значении «чувствовать сердечную склонность к лицу другого пола». В смысловой структуре глагола сохраняется категориально-лексическая сема ‘межличностные отношения’.

Семантические изменения деривационного характера отмечены в смысловой структуре глаголов: *жалеть/пожалеть, водиться, спекулировать, (не) принять, тосковать.* Например, глагол *водиться* в основном значении «иметься, жить (о животных, птицах и т. п., когда идет речь о районе их распространения)» выражает категориально-лексическую сему ‘бытие’. В предложении *Девочка обошла новое место своей жизни и пересчитала все предметы и всех людей, желая сразу же распределить, кого она любит и кого не любит, с кем водится и с кем нет* глагол употреблен в значении «иметь дело, дружить» и выражает новую категориально-лексическую сему ‘межличностные отношения’. Глагол переходит из подполя глаголов «бытие» в подполе глаголов «межличностные отношения». Часто Платонов выражает эмоционально-оценочные отношения между героями повести не просто глаголами, а с помощью особых словосочетаний, уточнителей глагольного действия, причастий и деепричастий: *глаза ее смотрели на инженера с удивленной любовью, жалобно глядел, уважавший, обожающие, заволновался от дружбы и т. п.*

А. Платонов жил и развивался внутри советской культуры, ориентирующей на предельно полное представительство в литературе революционного народа. Это привело в движение платоновскую социально-философскую мысль, всю систему художественных средств, обусловило активность его реализма. Художественная система выражается на всех уровнях языка. Мысль о мире, мысль, мучающуюся чувством, формирует у автора сам окружающий мир. Эта мысль рождается на глазах через рождение слова. Не лишаясь предметного смысла, слова получают возможность доносить отношение автора к миру, его оценку. Платонов писал на языке своей эпохи. В момент крутой ломки судеб миллионов людей, в дни, когда многие упивались цифрами сплошной коллективизации, Платонов призвал не к спешке, а к разумной оценке всего, что свершилось. Язык Андрея Платонова – прямое выражение этого распавшегося и становящегося мира.

Примечания

1. Матвеева И.И. Комизм языка персонажей Андрея Платонова // Русская речь, - 2001. - № 4.

2. Классификация предложена Э.В. Рудаковской в ее докладе на XI заседании международного платоновского семинара.

3. См работы Буйлова В.В. Андрей Платонов и язык его эпохи. // Рус. словесность. – 1997. - №. 3. - С. 30-34; Парономазия в повести А. Платонова «Котлован» // Русский язык в школе. – 1999. - № 5. - С. 69-73.

4. Лопушанская С.П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние / Науч. ред. С.П. Лопушанская. - Волгоград, 2000. - С. 20-29.

Л.В. Цепляева (г. Урюпинск, Урюпинского филиала ВГУ)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДВУЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из интереснейших явлений представляется активное взаимодействие двух германских языков – английского (прежде всего его американского варианта) и немецкого. Исследованию англо-американского влияния на немецкий язык были посвящены работы как немецких (например, Carnstensen. 1982; Clyne. 1973; Fink. 1983; Galinsky. 1980), так и отечественных языковедов (например, Розен. 1971; 1991; Гавриленко. 1990; Бондаренко. 1994; Червова. 1990).

Объектом исследования данной статьи являются двуязычные новообразования, или «гибридные» слова (термин Степановой М.Д.), или «смешанные» слова (термин Карнаухова О.В.), в которых английские лексические единицы вовлекаются в сложные структурные отношения с немецкими элементами в составе композита. Данное новообразование является уникальным для европейских языков. Способность немецкого языка образовывать многочисленные двуязычные единицы и происходящие на их уровне процессы структурной и семантической ассимиляции заимствованных слов являются недостаточно изученным и не нашли пока должного освещения в специальных исследованиях.

Материалом для данного исследования послужили конкретные примеры, полученные методом выборки из аутентичных источников: молодёжного журнала «Juma», газеты «Markt», рекламных проспектов, в т.ч. каталогов, а также частной переписки и наблюдения (март 2000, декабрь 2003), которое охватывало ситуации неформального общения с различными социальными группами жителей Саксонии.

Основной целью исследования является изучение структурно-семантических аспектов образования двуязычных лексических единиц.

Сложные смешанные слова-композиты, образованные с помощью англо-американизмов, являются особым новообразованием, точкой пересечения двух языков и особым когнитивно обусловленным способом номинации. В структурном отношении двуязычные лексические единицы образуются согласно законам внутрисловных изменений и имеют тягу к удлинению или материальному увеличению, называемому Розен Е.В. плеоназмом. Плеоназмы сосуществуют с исходными на правах сложных структурных вариантов.

Анализ эмпирического материала позволил выделить двуязычные лексические единицы, состоящие из английских и немецких лексем, которые можно систематизировать в две группы:

1) новообразования, содержащие англо-американизмы в постпозиции (der Modedesigner, die Tanzshow, der Zwiebellook, das Eisentertainment, der Kuchen-Timer);

2) новообразования, содержащие англо-американизмы в препозиции (das Toastbrot, der Teamspieler, der Jeep-Ausflug, der Stargefluster, das Quiz-Boot).

Кроме того двуязычные лексические единицы можно разделить на структурные группы в зависимости от количества лексем: от двучленных (der Actionfilm) до восьмичленных (World Business Center Office-Information-Telecommunications: EDV-Know-how-und-Unternehmertalent). Анализ новообразований в зависимости от количества компонентов показывает, что наиболее распространены двучленные и трёхчленные модели. Более развёрнутые структуры просто неудобны в употреблении, однако факт их существования подтверждает двоякую роль функции словосложения: выполнение синтаксических заданий и пополнение словарного состава языка. Подобные словообразования представляют собой новообразования, которые совмещают в себе как признаки слова, так и словосочетания. К последним можно отнести распространённые двучленные двуязычные словосочетания: Schiller Life, Star des Yahres, Rating der Kreditinstitute, Magdeburg City, die Idee von Holiday on Ice. Довольно обычны случаи, когда один из членов двуязычной лексической единицы или каждой из составляющих в свою очередь обладает сложной структурой, например, das Selbstmord-Chatroom, die Black-Matrix-Bildrohre, der Eiskunstlauf-Fan, die Wissensquizshow, der Silent-Night-Gangster.

Следует также отметить, что многие двуязычные композиты состоят из компонентов, соединённых в слово с помощью дефиса с целью их обозримости, что соответствует законам немецкого словообразования.

Англо-американские существительные многозначны, поэтому носители немецкого языка с помощью создания двуязычных конструкций пытаются наиболее чётко отразить ёмкость обозначаемого объекта, конкретизировать значение. Появление препозиционных немецких элементов объясняется необходимостью пояснения основного слова средствами родного языка. Так, английское слово Set, имеющее 20 значений в словаре Апресяна Ю.Д., попадая в немецкий, конкретизируется с помощью немецких пояснительных элементов: das Tischset, das Schusselset, das Tuchset, das Schreibwarenset. Широко распространённое слово Party поясняется всевозможными немецкими элементами, которые раскрывают значение, о каком именно вечере идёт речь: Silvester-Party, Nikolaus-Party, Schlemmer-Party.

Факт наличия большого количества новообразований с заимствованиями в постпозиции свидетельствует об относительной самостоятельности в семантическом аспекте англо-американизмов. То же самое слово Party можно наблюдать и в препозиции, т.е. как пояснительный элемент к немецкому основному слову: Party-Tomaten, Party-Laune, Party-Sekt.

Проведённый анализ свидетельствует также и о том, что для двуязычных лексических единиц характерна их серийность, т.е. способность создавать однотипные

слова с повторяющимся препозиционным или постпозиционным компонентом. Так, слово rating (Massstab, Verhaltnis) конкретизируется в следующих двуязычных лексических единицах: die Rating-Vorbereitung, der Ratingprozess, die Ratingstrukturen, die Ratingagentur, die Ratingklasse, die Ratingbewertung, die Ratinguntersuchung, das Bonitatsrating, а слово Know-how встречается в таких смешанных композтах как: das Know-how-Abkommen, der Know-how-geber, der Know-how-Transfer, der Know-how-Vertrag, der Know-how-Wettbewrb, kaufmannisches Know-how, technisches Know-how, technologisches Know-how.

Таким образом, проведённое исследование позволяет установить, что двуязычные лексические единицы по положению в них заимствованных элементов делятся на 2 группы:

1) препозиционные;

2) постпозиционные.

По своей сути они бывают двух-, трёх-, четырёх-, пяти-, шести-, семи- и восьмичленными.

Наличие препозиционных и постпозиционных пояснительных элементов объясняется тягой носителей языка к семантическому уточнению новообразования. Двуязычные лексические единицы обладают способностью создавать однотипные слова с одним и тем же заимствованным компонентом.

Примечания

1. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. –3е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 832 с.

2. Карнаухов О.В. Функционирование англо-американизмов в немецком экономическом дискурсе. Автор. реф. дис. КФН ТГУ научн. рук. Н.Л. Дронова. - Тамбов, изд-во ТГУ, 2000, - 21 с.

3. Розен Е.В., Гулыга Е.В. Новое и старое в лексике и грамматике немецкого языка. - Л., «Просвещение», 1977. - 160 с.

4. Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. - М. Просвещение, 1971. - 175 с.

5. Розен Е.В. Немецкая лексика: история и современность: - М., Высш. шк., 1991. - 96 с.

6. Степанова М.Д., Чернышова И.И. Лексикология современного немецкого языка. - М., «Высш. шк.», 1962, - 310 с.

Е.Ю. Шестакова (г. Северодвинск)

КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В ПРОЗЕ В.БЫКОВА И В.СЕМИНА

Проблема «дети и война» - одна из наиболее острых и актуальных в советской литературе 50 – 70 – х годов XX века. По мнению Э.Гуревича, «ребенок на войне - самая болевая точка, самая высокая тема по напряжению гуманистической мысли и трагическому накалу…Независимо от того, кто перед нами: ребенок - безвинная жертва войны или ребенок- герой, с оружием в руках» [3; 4]. Советские прозаики обращаются к «феномену духовных и нравственных возможностей детства, испытанного войной» [5;8]. Причиной появления в 50-70–е годы XX ряда произведений, посвященных проблеме «дети и война», оказывается то, что «дети, их муки с пронзительной силой, очевиднее высвечивают трагический лик войны как явления противоестественного, ее преступления против природы человеческой» [3; 4]. Литературовед Э.Гуревич отмечает: «Дети – тот изначальный мотив, который выводит писателя на общечеловеческую проблематику: они объединяют род людской в один дом, называемый человечеством» [3;4]. Острота данной проблемы заключается в том, что детство по своей сути несовместимо с такими понятиями, как смерть, убийство, насилие, жестокость. На это указывает Э.Гуревич: «Детство, всегда устремленное к жизни по своей психологической природе, несоотносимое с уничтожением живого, вынуждено было страшными обстоятельствами войны гибнуть и само предавать смерти» [3;4]. Советские писатели в своих произведениях о военном детстве раскрывают «образ ребенка, обреченного врагом безвинно страдать и мучиться в условиях жестокой военной реальности» [3;4]. В прозе таких авторов, как В.Богомолов, В.Быков, В.Семин, В.Астафьев, А.Адамович, Д.Гранин, где в исключительных обстоятельствах войны оказываются дети или подростки, ситуации обостряются до предела, а события, которые изображаются, наполнены высоким драматизмом и подчас приобретают трагическую тональность. Необходимо также отметить, что литература о военном детстве имеет свою особую специфику: показ трагических ситуаций, включающих преступления, ужас, кровь, смерть имеет свои пределы, соотносящиеся с особенностями возраста героев. С.Г.Гафуржанов отмечает: «Речь идет…об особом мастерстве…писателя, позволяющего ему раскрыть эту правду [суровую правду войны] таким образом, чтобы она не нанесла ребенку непоправимую душевную травму» [2;105].

В данной работе мы хотели бы подробнее раскрыть специфику изображения военного детства в повести В.Быкова «Волчья стая» и в романе В.Семина «Нагрудный знак OST». Литературовед Б.А.Леонов отмечает: «Эта сила человечности, противостоящая злу войны, сила, которую невозможно одолеть, победить, поскольку она естественна, как все сущее на земле, пожалуй, впервые в творчестве Быкова находит открытое, страстное и глубокое выражение в повести «Волчья стая» [4;241]. Детство в повести В.Быкова окрашено глубоким трагизмом. Так, сын партизана Грибоеда Володя оказывается в сложнейшем положении, когда приходиться выносить голод, ранение и, в конечном итоге, погибнуть. В.Быков сосредоточивается на психологическом состоянии ребенка, в мир которого ворвалась война: мальчик «замкнулся в молчаливом одиночестве, перестал смеяться», «плакал от боли и бе-

ды, справиться с которой не было уже возможности». Однако в центре событий повести находиться ситуация спасения партизаном Левчуком младенца. В.Быкову важно показать, как внутренне меняется, преображается Левчук при появлении ребенка в своей жизни: «Его теперь полнило какое-то новое, еще не испытанное им или, может быть, забытое чувство причастности к извечной человеческой жизни, в которой не было места войне, и его отношение к Клаве явственно менялись...Теперь она была для него уже не та кокетливая Клавка…и не партизанская девка, нагулявшая ребенка,…а прежде всего молодая женщина-мать..» [1;25]. Б.А.Леонов отмечает символичность данной повести [4;241]. Образ ребенка олицетворяет для Левчука Жизнь, Мир, Надежду. В душе партизана возрождается чувство «человечности»: «Он чувствовал себя…прежде всего человеком» [1;26]. Ребенок пробудил в Левчуке, постоянно находившегося в «пространстве смерти», желание слиться с Живым: «С какой-то еще не осмысленной надеждой он ухватился за эту кроху человеческой жизни и ни за что не хотел с ней расстаться» [1;44]. Для Левчука ребенок «одомашнивает», делает «родным» то пространство, которое до появления младенца было «чужим». Все окружающие люди стали для партизана «семьей»: «Этот младенец связывал его со всеми, кто был ему дорог и кого уже не стало» [1;44]. Так образ ребенка в повести В.Быкова постепенно обретает некое целостное символическое «наполнение»: Жизнь, Надежда, Дом, Семья. Существование ребенка придает смысл жизни Левчука, в которой царит абсурд и хаос, вызванный войной. Поэтому партизан готов принять любые муки и страдания в борьбе с ужасами войны, так как они принимаются ради спасения того, кто воплощает саму Жизнь. Так спасение младенца Левчуком можно осмыслить в метафорическом плане, как борьбу со Смертью во имя Жизни. Для Левчука «смятое, деформированное войной, но сумевшее сохраниться в своей главной сути, детство становиться экзистенциальной опорой» [5;11]. Левчук, рисковавший своей жизнью ради спасения ребенка, как все герои В.Быкова, прошел так называемое «испытание на человечность». Это отмечает Э.Гуревич: «…отношение к детям служит нравственной мерой поведения героев, безошибочной пробой на человечность» [3;5]. Личный опыт пережитого ужаса войны в детстве отражен в романе В.Семина «Нагрудный знак OST». Данное произведение отличает особая специфика изображения военного детства: «Пропущенные через детское сознание, трансформированные им, воспоминания…несут на себе печать своеобразия детского видения и той «своей войны», которую пришлось пережить автору» [3;6]. Э.Гуревич отмечает, что идейно-художественное своеобразие романа В.Семина характеризуется раскрытием психологического состояния героя, который «выброшен… из родного гнезда» [3;6]. Прежде всего, в произведении «показывается, как жестоко врывается война в этот мир [мир детства], разрушая его привычные устои, разрывая сложившиеся связи, лишая ребенка самого необходимого – родительского крова, защиты, заботы» [3;6]. Все изображаемые в романе события представлены через восприятие главного героя – пятнадцатилетнего подростка, находящегося в арбайтлагере в Лангенберге. В.Семин, раскрывая сложную эпоху военного времени через призму восприятия ребенка, проявил тонкое понимание детской психологии, специфики детского мироощущения и мышления. В повествовательную ткань романа включено описание

того, как герой воспринимает мир лагеря: серый воздух, сочная хвойная зелень видится кладбищенской. «И это…верно переданное ощущение военного детства, которое…воспринимало утрату привычного многоцветия мира, выпадение из его цветовой гаммы ярких радужных красок» [3;7]. Автор обращает внимание читателя прежде всего на физические страдания героя. В первую очередь – на мучительное испытание голодом. Голод настолько силен, что «он не только меняет дыхание, частоту пульса, вес и силу мышц, он обеспечивает ощущения и сами мысли, не отступает и во сне, изменяет направление мыслей, и, может быть, самое страшное – меняет ваши представления о самом себе» [6;113]. Подчас ощущения телесного страдания лишают Сергея и физических, и духовных сил: «Страдание переутомлением, голодом, страхом, лагерным отчаянием было так велико, что тело стало сильнее меня» [6;213]. Физическое ощущение голода героя может превращаться в «душевный голод» по родному дому и материнской любви, что является еще более мучительным. Среди душевных переживаний Сергея наиболее сильным является страх. Это и «страх смерти», и «страшный мир» немецкого трудового лагеря, и «страшная ненависть» к надсмотрщику, и «страшная несвобода» заключения. В восприятии подростка чувство страха часто сопровождается ощущением ужаса. Так, пребывание в неволе герой называет «ступенью ужасного» или «лагерным ужасом». Подросток осознает, что «мир…был невероятно страшным» [6;275]. Сергей, анализируя происходящее вокруг, понимает, что «ужасное держалось жестокостью» [6;275]. Кроме этих превалирующих чувств, герой мечется между желанием одиночества и в то же время необходимостью иметь старшего друга. Так, Сергей признается: «…[человек] старается выкроить минуту одиночества…и [ты]…будешь лежать один и стонать…про себя» [6;20]. Однако, желание найти опору в старшем побеждает потребность одиночества: «В лагере я испытал чувство, которое и с голодом не сравнишь,- мне нужен был старший» [6;27]. Осознавая эти желания опеки, заботы, защиты, герой осуждает себя за «детскость», подразумевая под этим слабость и доверчивую наивность, опасную в условиях лагеря. Так, герой совершает чуть не погубивший его «детский побег» из лагеря, лелеет «детскую надежду» избежать побоев немцев, идет на поводу у «мелких хищников», использующих «детское, завороженное отношение» его к слову. В то же время «детскость» Сергея может приобретать и «безобидные» формы: желание поплакать в цеховой уборной. И в то же время герой «знал, что здесь, где боль и голод постоянны, самое первое условие самоуважения – не жалеть себя» [6;51]. Сергей упрекает себя за «детское желание» что-то придумать, нафантазировать. На протяжении всего повествования мы наблюдаем процесс постепенного взросления героя под влиянием испытаний, которые выпадают на его долю. Сергей отмечает, что «взрослеть приходилось стремительно» [6;94]. Больше всего герой сетует на отсутствие знания, опыта, которые он не получил в довоенной жизни: «И каждый день выяснялось, как я мало знаю и еще меньше могу» [6;94]. Сергей видит, что причины трудного освоения им окружающей действительности лежат в прошлой жизни, которая была наполнена только материнской любовью и заботой. В таком рассуждении героя проявляются уже черты взрослого сознания, четко анализирующего свою жизнь. Однако тот страшный опыт, который Сергей приобрел в лагере, способст-

вовал настолько «стремительному взрослению», что из подростков он и его сверстники сразу превратились в «стариков»: «Вижу, как стареет пятнадцатилетний Костик,… как, старчески оседая при каждом шаге, пятиться шестнадцатилетний белорус Саня» [6;212]. Такое раннее «старение» героя определяется тем, что все ценности, на которых он воспитывался, в лагере как бы «вывернуты», искажены: «…разрушалась вся система моей ориентации в этом мире. Обманывали вернейшие, определяющие самим инстинктом признаки благоразумия, снисходительности, доброты» [6;68]. Сергей видит, что знакомый с детства пожилой человек в белом халате, ассоциирующийся с добрым доктором, в лагере мучает и пытает людей. Немецкие женщины не останавливают своих детей, бросающих камни в русских пленных. Подростка поражает, что мирные жители немецкого города никогда не подали хлеба умирающим от голода узникам лагеря, а когда он сбежал из заточения и шел по улице, прохожие немцы привели его в полицию. У героя возникает ощущение полного отсутствия в немцах любых признаков человечности. Герой ощущает по отношению к себе ненависть и жестокость только из-за того, что он русский. Сергею непонятна такая позиция, так как сам он был воспитан на чувстве глубокого уважения к любой другой нации: «…интернационализм был воздухом моего детства» [6;80]. Герой понимает, что искалечены души не только русских детей, узников лагеря, но и немецких, воспитанных взрослыми способными лишь на жестокость и бесчувственность к страданиям другого человека. В романе звучит мысль об уничтоженном детстве не только героя и его сверстников, но и немецких детей и подростков. В повествование включены эпизоды, где немецкие дети наставляют на героя палку, имитируя оружие, и приказывают идти в полицию. Сергей видит жадное нетерпение немецких мальчиков «расстрелять» его. Герой наблюдает взвинченных страстной речью наставника немецких подростков, которые из-за внушенной им слепой ненависти, не осознавая, готовы убивать, но в то же время и быть убитыми. Сергей осознает обреченность немецких мальчиков, таких же подростков, как и он сам, и испытывает чувство сопереживания их судьбам, так как они тоже оказались жертвами. Однако к взрослым немцам у героя нет снисхождения, так как именно они сознательно разрушили детство своих и русских детей. Только в отношении к взрослым немцам Сергея захлестывает «выворачивающая душу ненависть»: «А голос его [надсмотрщика] вызывал у меня приступ слепоты, приступ ненависти…» [6;68]. Сергей верно подмечает безжалостность немцев: «Живете, будто ничьей жизни вам не жалко – ни чужой, ни своей» [6;83]. Это только подхлестывает чувство ненависти в душе героя к немцам, которые подчеркнуто безразличны к узникам. Сергея поражает «очищенный от доброты ум» немцев. Их мир – пространство искаженных человеческих ценностей. Немцы не видят в герое романа ребенка, не чувствуют, что они растоптали его детство. Наоборот, они переворачивают все прошлые ценностные ориентиры подростка: «Сама внешность немецких городов была интеллигентна … А все вместе жестокой петлей душило нас. Это был противоестественный ум – ум без доброты. И я ненавидел гладкий асфальт, ровный булыжник и чувствовал, что где-то в глубине подо всем этим лежит огромная, страшная, деятельная глупость» [6;213]. Герой метко подмечает не только «вывернутость» всех общепринятых устоев в немецком обществе, но и ту

«лакировку» интеллигентности, образцовасти, под которыми скрывается безжалостность, жестокость, насилие. Несмотря ни на что в таких невыносимых условиях существования Сергею удается сохранить чувство собственного достоинства.

Таким образом, анализируя особенности раскрытия проблемы «детство и война» в произведениях В.Быкова «Волчья стая» и В.Семина «Нагрудный знак OST», мы можем выявить специфику каждого автора. В повести В.Быкова описывается ситуация, когда ребенок придает смысл тяжелой фронтовой жизни партизана, символизирует для него Жизнь, Надежду, Дом, помогает найти ответ на вопрос, ради чего принимать страдания и лишения войны. Детство в данном произведении осмысляется метафорически, как то, что одухотворяет и возвышает мир взрослого человека, помогает ему найти основы существования, которые потеряны в хаосе войны и смерти. В романе В.Семина «Нагрудный знак OST» война показана «изнутри», глазами «самого детства», подростка. Такой ракурс позволяет раскрыть трагедию попранного войной счастья детства более глубоко. Мы погружаемся в мир ребенка, который испытал все тяготы военного лагеря на себе. Автор, подробно описывая физические (голод, холод), душевные (страх, ужас, оторванность от родного дома, семьи, отсутствие тепла, любви, заботы) страдания героя, в конечном счете, приводит мальчика к осознанию своей внутренней силы и достоинства. Писатель ищет в ребенке те психологические «механизмы» и особенности характера, которые помогают сохранить ему в себе человека, не проникнуться ненавистью ко всему миру. Во-первых, это необходимость преодолевать свои слабости и в то же время уметь проявить их, но только в скрытой форме, никому не показывая. Во-вторых, надо внутренне «подняться» над негативным, страшным, ужасным, признать ценность любого жизненного опыта, каким бы тяжелым он ни был. В таком «положительном» отношении к ужасам лагеря и кроется то главное, что помогает ребенку психологически «не сломаться», а жить дальше. В этом заключается мудрость и мужественность автобиографического героя В.Семина.

Примечания

1. Быков В. Волчья стая // Роман-газета. – 1975. - №7. - С.1 -52
2. Гафуржанов С.Г. Детство и война (идейно-художественное своеобразие повестей Камила Икрамова и Тимура Пулатова о Великой Отечественной войне) // Концепция человека в русской литературе. Сборник трудов. - Ташкент, 1992. - 113с.
3. Гуревич Э. Никогда не забудем // Детская литература, - 1985. - №3. - С.4 -7.
4. Леонов Б.А. Утверждение: героико-патриотическая тема в русской и советской литературе. - М.: Худож. лит., 1988. -381с.
5. Николаева С.А.Маленький солдат// Детская литература, 1990, - №3, - С.8-14
6. Семин В. Плотина. Романы. - М.: Мол. гвардия, 1982. -526 с.

Т.Н. Шешнева (г. Кузнецк, КИИУТ)

ПОНЯТИЕ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В настоящее время умение перевода с родного языка на иностранный и наоборот занимает одно из самых важных мест в обучении студентов высших учебных заведений иностранному языку. В связи с этим у определённого контингента учащихся возникают трудности в понимании общих значений тех или иных терминов, касающихся переводческой деятельности.

Одним из таких основополагающих понятий перевода, вызывающим наибольшие затруднения у студентов, является «процесс перевода». Именно поэтому с объяснения того, что скрывается под значением данного термина должно начинаться знакомство студентов с теорией перевода.

Под процессом перевода в современном языкознании подразумевают акт передачи информации, содержащейся в высказывании одного языка посредством всех языковых средств другого. Следует обратить внимание на то, что качественный перевод прибегает к помощи именно всех средств языка, на который осуществляется перевод. Для этого недостаточным является правильный перевод речевых конструкций только с точки зрения синтаксических и грамматических соответствий. Немаловажную роль играет дополнительная информация, передаваемая определённым порядком слов, их игрой, тем или иным звучанием слов или целого высказывания и т.п.

Иначе говоря, огромное значение при адекватном переводе имеет не только содержание (трансляция слов в их лексико-грамматических взаимосвязях), но и форма (вся сопутствующая информация).

Адекватный перевод подразумевает под собой не просто нахождение чисто языковых соответствий двух языков, но и интерпретацию общих смысловых нагрузок речевых поступков для участников коммуникативного акта, под которыми может пониматься любой объект иноязычной информации, будь то человек, - носитель иностранного языка или письменный текст, фиксирующий сообщение иностранной речи.

Поэтому процесс перевода становится очень сложным, но интересным, учитывающим поливариативные аспекты состояний двух и более коммуникантов в процессе передачи и приёма информации, которая обозначается с помощью иностранного языка. Большое значение имеет при этом понимание интерпретатором изначального текста необходимости нивелирования транслятом индивидуальных особенностей личностного перевода и вырабатывания некоего усреднённого тезауруса.

То есть переводчик в процессе своей деятельности должен приложить усилия для абстрагирования от своих собственных переживаний и аффектов по пути нахождения самых общих способов экспрессии и попытаться передать с помощью переводного инварианта весь смысл высказывания.

В этой адекватной передаче понимаемого всеми смысла, содержащегося в информации одного языка, с помощью всех средств другого состоит «золотое правило» процесса перевода и именно этому принципу необходимо обучать студентов при объяснении им особенностей и передаче навыков переводческой деятельности.

С.А. Шмачков (г. Кузнецк, КИИУТ)

НЕУЗУАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СТУДЕНЧЕСКОМ ЖАРГОНЕ

«Характеризуя активное словообразование наших дней, нельзя не затронуть область неузуального словообразования. Его активность велика во всех сферах современного языка…Конец XX в. иногда даже называют веком окказионализмов. Человек играет со словом, состязается в этих играх с окружающими, стремиться победить соперника в остроумии, острословии, оригинальности формы выражения» [1]. Окказионализмы распространены в молодёжном жаргоне, так как молодым людям присуще «самовыражение и самоутверждение, в том числе и посредством слова» [2].

Наиболее распространённые приёмы игры слов (создания каламбура): фонетическая мимикрия, междусловное наложение, контаминация.

При *фонетической мимикрии,* то есть звуковом сходстве сопоставляемых слов, семантически никак не связанных друг с другом [3], могут применяться различные приёмы и способы: усечения, вокалическое наполнение аббревиатур, суффиксация, префиксация и т.п., например: *аспири́н* - аспирант; *а́ут*- аудит; *бака́л, бакла́н* – бакалавр; *буха́рин, буха́рик* – преподаватель дисциплины «Бухгалтерский учёт»; *у́дочка, уда́чно* - удовлетворительная оценка; *шпо́ра, шпа́га* – шпаргалка; *стёпка, стипе́нсия* - стипендия; *альмама́терное* (звук [т] произносится мягко) – высшее образование; *гав-га́в* - заведующий кафедрой; *дэцл* – доцент; *да́ун* – студент МГТУ им. Н.Э. Баумана; *би́блия, библя́шка* – библиотека; *бэ́шка* – гепатит В (мед.); *истери́чка* – преподавательница истории и др. Базой для фонетической мимикрии могут быть не только слова, но и словосочетания или фразы (обычно – фразеологизмы или часто употребляемые в речи обороты), при этом происходит замена одного из слов другим, созвучным тому, которое должно быть в данной ситуации, например: *взаимопомина́ние* – взаимопонимание; *благонаме́ренные речи* (от благонамеренные) – скучная лекция; *битие и сознание* - бытие и сознание; *брать на пру́шку* (от «брать на пушку», *пру́ха* – везение) – надеяться на удачу; *Герман Грех* (от фамилии *Греф*); *бана́льный танец* – бальный танец (здесь - и метафора от значения «избитый, надоевший»); *бельём поросло* (от «быльём поросло») - о постиранном белье, которое сушат в комнате на верёвках; *всё во имя чебурека* (от «всё во имя человека») – о сильном чувстве голода; *деепричастный обормот* (от «деепричастный оборот») - студент-филолог, имеющий академическую задолженность; *в хвостах как в шелках* (от «в долгах как в шелках») - о наличии нескольких академических задолженностей и др.

Другой приём создания каламбура – употребление слова в противоположном исходному, привычному значении: *бота́ник* – двоечник (более распространённое значение – «отличник»); *акаде́мик* – студент, имеющий академические задолженности (здесь есть и семантическая мотивация: «академическая задолженность»); *дать в ухо* – промыть ушную раковину; *лауреа́т* – студент, имеющий академические задолженности; *место под солнцем* – задние ряды в аудитории; *прокатить на а́уди* – не принять зачёт по аудиту (созвучие с названием автомобиля «Ауди») и др.

Способ *междусловного наложения* является приёмом «производства только окказиональных слов, при этом…членение слова необычно, слова накладываются, наезжают друг на друга…» [4]; например: *дракона́т* (дракон + деканат); *быкана́т* – деканат (бык + деканат); *быка́н* – декан (бык + декан); *денату́ра* – платная аспирантура (деньги + аспирантура); *блевоте́ка* – библиотека (блевать + библиотека); *нала-ка́емое взыскание* - выговор за появление в нетрезвом виде (налагать + лакать); *вы-киду́шница* – студентка, отчисленная из вуза (выкидывать + душить); *замна́уч* – заместитель начальника учебной части (заместитель + начальник + учебный; здесь – и аббревиация); *зана́чка* – заместитель начальника - женщина (*зана́чить* - «спрятать» + начальник); *инту́ра* – аспирантура для иностранных студентов (иностранный + аспирантура); *квазимо́дный* – плохо, бедно одевающийся (квазимодо + модный); *неврастениево́дство* – психиатрия (неврастеник + растениеводство); *а́нгельский* – английский язык (английский + ангел) и др.

«Одним из излюбленных способов сленгирования является *контаминация* – объединение двух слов с целью создания комического эффекта» [5]. От междусловного наложения этот приём отличается тем, что часть одного слова устраняется, то есть не входит в окказионализм, но остаётся в том фоне, который служит двойному осмыслению окказионализма. В студенческом жаргоне с помощью контаминации образованы слова: *пу́нтаксис* – синтаксис (пунктуация + синтаксис); *клоа́квиум* – коллоквиум (клоака + коллоквиум); *ана́лог* – зад, ягодицы (аналогия + анальный); *бутервро́т* - бутерброд (бутерброд + рот); *дымокра́тия* – о прокуренном помещении (дым + демократия); *киберны́тик* – кибернетик (кибернетика + нытик); *начха́ть* – начальник кафедры (начальник + чихать); *однокы́шник* – однокурсник по направлению «Гастроэнтерология» (однокурсник + кишки); *аколбасо́с* – отсутствие необходимого количества пищи (авитаминоз + колбаса); *ка́йфедра* – кафедра в вузе (*кайф* + кафедра) и др.

Один из приёмов фонетической деформации слова – *метатеза:* перестановка звуков одного слова или слогов двух соседних слов. Как словообразовательный приём в молодёжном жаргоне метатеза используется довольно широко, например: *фу́тли*– туфли*; руки́ть* – курить; *фа́ршик* – шарфик; *сабо́ само́й* – само собой и др. В студенческом жаргоне примеры метатезы единичны: *габо́т* – фагот (с заменой одного звука); *интертрепа́ция* – интерпретация; *пердупержу́* - предупрежу; *инста-пе́д* – педагогический институт. Видимо, такой способ образования жаргонизмов, не отличающийся особой оригинальностью, студентам просто неинтересен.

Иногда *адаптация заимствований* «становится для современных носителей молодёжного жаргона самоцелью и превращается в языковую игру» [6]. В результате появляются так называемые «иноязычнообразные» слова, например: *врубин-ште́йн* – понимать; *институ́шен* – институт; *студио́зус* – студент; *диска́шен* - дискуссия; *деловой ба́зар* – деловое общение (учебный предмет); *латр* – пьяница (от жаргонизма *латры́га*); *ли́зинг* - лесбиянство (от лизать); *по дефо́лту* – всё равно, безразлично; *анти́кус* - преподаватель античной литературы и др.; или слова, образованные прибавлением к основам иноязычных слов аффиксов, свойственных русскому языку, например: *поспи́кать* – поговорить; *шпрехану́ть* – произнести фразу

на немецком языке; *арабе́ц* – арабский студент; *пра́йзовый* – дорогостоящий; *файфу́шник* – оценка «отлично»; *расфонэ́тить* – сделать фонетический разбор и т.п.

При неузуальном словообразовании может «задействоваться» одновременно целый ряд способов, относящихся к лексико-семантическому, лексико-синтаксическому и морфологическому словообразованию; например, окказионализм *доспе́шник* – студент, сдавший сессию досрочно – образовано с помощью наложения (досро́чно + спеши́ть), включает в себя характерный для разговорной речи аффикс *-ник-* (ба́б-ник, ско́т-ник), образовано по аналогии с жаргонизмом *досро́чник* в том же значении.

Повышенная выразительность окказионализмов обеспечивается их необычностью на фоне нормативных канонических образований; окказиональное слово всегда привязано к определённому контексту и «не претендует на повторное воспроизведение» [7].

Примечания

1.Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985 -1995). - 2-е изд. - М.: «Языки русской культуры», 2000.- С.128.

2.Зайковская Т.В. Пути пополнения лексического состава современного молодёжного жаргона: Дис. …канд. филол. наук.- М., 1994. – С. 111.

3.Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка.- М., 1970.- С.348.

4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992. – С. 122.

5. Вахитов С.В. Лекции о русском сленге.- Уфа: БГПУ, 2001.- С. 14.

6. Никитина Т.Г. Молодёжный сленг: Толковый словарь. - М.: «Астрель», 2003.- С. 7.

7. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2001. – С. 152.

В.В. Щербаков (г. Урюпинск, Урюпинского филиала ВГУ)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ УЧАЩИХСЯ О ЛИЧНОСТИ АВТОРА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

При изучении лирики органичен разговор о личности поэта, о способах выражения авторского сознания.

Выявление своеобразия личности данного художника – задача не теоретико-литературная. Но она опирается на теоретико-литературный подход к художественным произведениям. Осуществление её идёт тем успешнее, чем шире представление читателя о природе художественного творчества, о способах выражения авторского сознания в литературе. Из средних классов школьники вынесли знание

некоторых факторов биографии Пушкина, представление о нём как о гениальном поэте, совершавшим свой подвиг служения народу в условиях страшного самодержавного гнёта, как об авторе ярких сказок, задушевных и звучных стихотворений, как о писателе, чьи симпатии склонялись даже к вождю народного восстания – Пугачёву, и кто погиб, защищая высокие принципы человечности.

Г.А. Гуковский усматривал пафос поэзии в окончательной победе исторического подхода поэта к современности в историческом понимании человека и среды, его формирующей.

Г.А. Гуковский отмечает три сферы жизни, в которых наиболее полно проявилась творческая личность Пушкина, и которые стали для поэта критерием истинной ценности человека, - стремление к свободе – личной и общественной, любовь как высокая очищающая сила, творчество.

Поскольку стихи Пушкина отличаются глубокой биографичностью, то при анализе в большинстве случаев следует опираться на биографические факты, т.к. некоторые лирические произведения – это художественное и биографическое единство. К таким произведениям относятся стихи «К Чаадаеву», «В Сибирь», «Арион», «Я вас любил…», «На холмах Грузии» и др. В лирике – примат переживания над изображением внешнего, по отношению к автору мира даже тогда, когда на первом плане изображение людей, событий, явлений природы. Поэзия писателя, авторское сознание в разных лирических стихотворениях проявляются по-разному. Есть стихотворения «предметные» или «сюжетные», приближающиеся к произведениям эпическим, но всё же отличающиеся от них более резкой установкой на оценку события. И есть стихотворения, в которых автор выступает непосредственно, незамаскированно, вне картин объективного мира. Традиционно лирика Пушкина в школе изучается по тематическим циклам: свободолюбивые стихи, стихи о любви и дружбе и т.д. Такая классификация условна. Стихотворение «К Чаадаеву» относят к свободолюбивой лирике, но разве не свободолюбиво всё творчество Пушкина. За основу классификации следует принимать те сферы жизни, которые применительны к личности самого Пушкина, поэтому «К Чаадаеву», «В Сибирь», «К морю», «Арион» - следует объединять в один цикл, а «Я вас любил», «Я помню чудное мгновенье…», «На холмах Грузии» - в другой, а также стихотворения «Пророк», «Я памятник себе воздвиг…» уже в третий. В стихотворении «К Чаадаеву» отмечаем обрисовку двух жизненных идеалов. Один определяется словами *любовь, надежда, тихая слава, юные забавы*. Это идеал очень близкий Пушкину и его друзьям в юности, но под тяжкими ударами действительности он разрушен и разбит «Исчезли юные забавы, как сон, как утренний туман». Но жизнь продолжается… «в нас горит ещё желанье», «пока свободою горим». Тема родины сливается с темой свободы, и в жизни поэта, и в его творчестве, личное счастье не мыслится вне счастья родины «…отчизне посвятим души прекрасные порывы». Конечно, стихотворение выражает личные переживания поэта, перед нами возникают образы юношей, полных сил, любви к жизни, охваченных патриотическими чувствами, стремлением к свободе, ненавистью к самовластью.

Послание «К Чаадаеву» не делится на строфы – это монолог, вырвавшийся из сердца поэта, аналогично и его стихотворение «В Сибирь», в котором автор высту-

пает от лица своих передовых современников. Однако объективное содержание, пафос шире, чем субъективный замысел поэта. Обращённое не просто к друзьям, а к политическим «преступникам», выражающее накал гражданских чувств поэта, стихотворение приобретало характер страстного призыва к борьбе, устремлённого к современникам. Слова «не пропадёт ваш скорбный труд» воспринимались как прославление бессмертия дела декабристов. Ведь именно после 1825 года в русской поэзии усилились мотивы узничества, а в контраст им – мотивы желанной свободы.

Недаром ответ поэту, написанный А. Одоевским, восприняли как обобщающий.

Задача учителя сводится к тому, чтобы школьники, хотя бы бегло познакомились с историей стихотворения, чтобы увидели реальные отношения поэта к реальным людям, чтобы они восприняли конкретный смысл: с одной стороны каторжные темницы, с другой – светлый облик декабристов, чтобы поняли, что в стихотворении «В Сибирь» как и в послании «К Чаадаеву» за личностью автора просматриваются его современники.

Опыт показывает, что обобщающий смысл стихотворений политического характера до школьников доходит гораздо быстрее. Поэтому анализ устных ответов, письменных работ позволяют выделить три уровня обобщений, связанных с личностью автора:

Первый – высший уровень: рассуждения школьников об изученных стихотворениях, связанных с мыслями о чертах личности поэта.

Второй – уровень уже немного ниже, когда школьники указывают только на отдельные черты личности поэта на примере конкретного стихотворения.

Третий – это уровень, когда школьники ограничиваются общими рассуждениями о поэте, ссылаясь только на его биографию, без обращения к его произведениям – это самый низкий уровень.

Выясняя способы выражения авторских переживаний в стихотворениях школьники очень часто опираются и на ранее изученные произведения в среднем звене школы и даже в начальных классах.

Поэтому, чтобы окончательно сформировать представления у школьников о личности автора при изучении лирических произведений, необходима постоянная и систематическая работа в этом направлении при изучении полного творчества автора на всех этапах школьного обучения.

Примечания

1. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. - М. 1957
2. Гинзбург Л. О лирике. - Л. 1974
3. Благой Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830). - М. 1967
4. Мейлах Б.С. Талант писателя и процессы творчества. - Л. 1969
5. Макогоненко Г. Евгений Онегин. А.С. Пушкин. - М. 1971